А. Лермин

СЪН
графа
МОНТЕ-КРИСТО

Сын графа Монте-Кристо
Александр Лермин

Аннотация
Александр Лермин. Сын графа Монте-Кристо
Вместо предисловия
Часть первая. ВОЗМЕЗДИЕ
1. Брачный контракт
2. Решительная невеста
3. Семейная драма
4. Необыкновенное заседание
5. Баланс катастрофы
6. Убийца Бенедетто
7. Чудо
8. Смертный приговор
9. Осужден
10. Мать и сын
11. В редакции
12. Понтон номер два
13. Мертвая воскресла
14. Исповедь
15. Прощение
16. Царь грызунов
17. На галерах
18. Бегство

19. В Оллиольских оврагах
Часть вторая. СРЕДИ ПАНДУРОВ
1. Незнакомец
2. Царица цветов
3. Его мать
4. На море
5. Монте-Кристо
6. Трехцветное знамя Италии
7. В рукопашной схватке
8. Маски падают
9. Военная песня итальянских патриотов
10. Тень прошлого
11. Заговорщики
12. Отец и сын
13. В колодце
14. Сперо
15. Игра в экарте
16. Вперед
17. Сержант Кукушка
18. Мисс Клари
19. Мать
20. Кольцо
21. «Ищите женщину»
22. Надейся лишь на самого себя
23. Жертва
24. Как и где приютился Кукушка

25. В паутине
26. Мануэлита
27. Прихоть богатой девушки
28. Мальдар
29. Тайна мисс Клари
30. Американское пари
31. Свадебный пир
32. Прощальный привет Мальдара
33. Священный знак
34. Уаргла
35. Капитан Жолиетт
36. Лев в борьбе со львом
37. Медже
38. «Капитан, не надо умирать!»
39. Бегство
40. У подножия Казбы
41. Монте-Кристо превращается в Дантеса
42. Эдмон Дантес
43. Сообщения
Часть третья. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНФАРО
1. Нападение
2. В лучах «Золотого солнца»
3. Старые и новые знакомые
4. Брат и сестра
5. Господин и слуга
6. Представление

7. Пьер Лабарр
8. Встреча
9. Признательность вельможи
10. Побег
11. В Париже
12. «Маркиза»
13. В гостинице «Золотой Телец»
14. Преследование
15. Бобишель
16. Помешанная
17. Сорвалось
18. Последователи Макиавелли
19. Лизетта
20. На спуске канала
21. Арест
22. В Лейгуте
23. На краю пропасти
24. Процесс
25. Загробное проклятие
26. На волосок от смерти
27. Отец и сын
Часть четвертая. МЕСТЬ БЕНЕДЕТТО
1. Письмо графа Монте-Кристо
2. Виконт де Монте-Кристо
3. Вперед
4. Дженни Зильд

5. Предостережение
6. Старые знакомые
7. Роковой выстрел
8. Тайна Дженни
9. Красавица с золотыми волосами
10. Господин де Ларсанжи
11. Бенедетто начал мстить
12. Надо спасти их
13. Гонтран и Кармен
14. Потайная дверь
15. Письмо
16. В Терновом переулке
17. Ловушка
18. В погоне за врагом
19. Бенедетто отомстил
20. Призрак
21. Поздно!
Эпилог

Аннотация

Автор изобретательно продолжает повествование широко известного романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо», прослеживает дальнейшую судьбу персонажей романа.

Александр Лермин
Сын графа Монте-Кристо

Вместо предисловия

Начиная печатать роман «Сын графа Монте-Кристо», являющийся продолжением известного романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо», мы находим не лишним напомнить нашим читателям в нескольких словах содержание романа, над которым многими из нас проведено немало бессонных ночей.

Большой торговый корабль «Фараон» богатого арматора Морреля возвращался из Смирны в Марсель. Капитан корабля умер в пути, и после его смерти командование принял молодой моряк по имени Эдмон Дантес. Дантес, любимый матросами и своим патроном Моррелем, имел, однако, врага — торгового агента Данглара, возненавидевшего его еще больше после того, как Моррель пообещал молодому человеку сделать его капитаном «Фараона». Высадившись в Марселе, Дантес спешит в свою деревню повидаться со стариком-отцом и невестой Мерседес, и уже через несколько дней празднует свою помолвку, все препятствия к которой устранены с помощью доброго Морреля. Но Данглар, решивший

погубить Эдмона, пишет на него донос, обвиняя в измене правительству Людовика XVIII и сношениях с Наполеоном. Данглару помогает некто Фернан, родственник Мерседес, влюбленный в нее, но отвергнутый ею. Во время пира Дантеса арестовывают и везут в Марсель, где его допрашивает помощник прокурора де Вильфор, который в этот же самый день женится на дочери маркиза Сен-Меран. Убедившись в невиновности Дантеса, де Вильфтор уже готов отпустить его, но случайно узнает, что у Дантеса есть с Эльбы, куда он приставал по поручению умершего капитана, письмо к его отцу, Нуартье де Вильфору, известному бонапартисту. Боясь быть скомпрометированным, усердный роялист Вильфор сжигает письмо и обещает доверчивому Дантесу освободить его в тот же вечер, но вместо этого отсылает в замок Иф, где Дантес проводит шестнадцать лет в одиночном заключении. Ему удается подружиться с неким аббатом Фариа, прорывшим подземный ход между их камерами, и в течение двух лет ученый аббат передает Дантесу все свои познания, учит его нескольким языкам и, наконец, открывает ему, что на острове Монте-Кристо в Средиземном море зарыты несметные сокровища, причем дает подробные указания,

как найти этот клад. После смерти аббата Дантес ночью переносит через подземный ход труп Фариа в свою комнату, а сам ложится в мешок на место убитого годами заключения. Тюремщики бросают его, в зашитом в мешке, со скалы в море. Дантесу удается ножом распороть мешок и, благодаря страшной буре, он, незамеченный никем, вплавь достигает ближайшего острова; на другой день его подбирают контрабандисты, и он выдает себя за мальтийского моряка, потерпевшего крушение. Поклявшись отомстить своим врагам, Дантес остается матросом на принявшем его судне и ждет случая заняться поисками сокровищ на Монте-Кристо. Через несколько месяцев ему удается остаться одному на острове под предлогом болезни. Он отыскивает пещеру и находит несметные богатства в указанном аббатом Фариа месте. Отказавшись от службы у контрабандистов, Дантес покупает у герцогства Тосканы остров Монте-Кристо и вместе с островом получает и титул графа. Устроив в скале, в пещерах, великолепное жилище, граф Монте-Кристо избирает остров своей главной резиденцией и, убедившись, что его наружность так изменилась, что узнать его невозможно, начинает приводить в исполнение свои планы мести. Для этой цели он

является в большой мир под видом аббата Буссони, англичанина Уильмора и, наконец, под своим именем и титулом графа Монте-Кристо. Прежде всего он разыскивает некоего Кадрусса, бывшего соседа своего отца, теперь бедного трактирщика, и от него узнает все подробности предательства Данглара и Фернана, так как Кадрусс был свидетелем их разговора, и они напоили его допьяна, чтобы он не смог помешать им.

Кадрусс сообщает беседующему с ним аббату, нисколько не подозревая в нем Дантеса, что Данглар в настоящее время благоденствует: благодаря рекомендации доброго Морреля он поступил на службу к одному испанскому банкиру, женился на его дочери, страшно разбогател и, овдовев, женился вторично на знатной барыне, предварительно купив себе титул барона. Фернану тоже повезло: он изменой и предательством составил себе блестящую военную карьеру; получив титул графа, переменил свое негромкое имя на де Морсер и женился на Мерседес, от которой имеет сына Альбера. Отец Дантеса давно умер от голода, поджидая возвращения Эдмона и понемногу распродавая имущество. Доброго Морреля преследовали несчастья: он терял один корабль за другим и теперь был близок к банкротству;

о последней его надежде, корабле «Фараон», возвращения которого он ожидал уже давно, не было ни слуху ни духу. Де Вильфор, виновник всех бедствий Дантеса, получил должность государственного прокурора, овдовел, женился вторично и играет в свете весьма важную роль. Узнав все, что ему хотелось, Монте-Кристо дарит Кадруссу бриллиант ценой в пятьдесят тысяч экю и начинает приводить в исполнение свои планы. Решившись мстить своим врагам, он в то же время тайно покровительствует своим бывшим друзьям. Морреля, близкого к самоубийству, он спасает в последнюю минуту, доставив ему громадную сумму денег и корабль с грузом и экипажем вместо погибшего «Фараона». В Италии во время карнавала он встречает Альбера де Морсера, сына когда-то любимой им Мерседес, и после целого ряда незначительных услуг спасает его из рук разбойников. Благодарный Альбер приглашает графа к себе в Париж, и вскоре Монте-Кристо делается героем сезона. Громадное богатство и множество преданных ему людей дают ему возможность управлять парижским обществом, как толпой марионеток. Зная тайны всех своих недоброжелателей, он часто ставит их в самые тяжелые положения. Один из его предан-

ных слуг, корсиканец Бертуччио, ненавидящий де Вильфора по политическим причинам, рассказывает ему, что у Вильфора была любовница, с которой он встречался в своем доме в Отейле; там же у них родился ребенок, и Вильфор зарыл его живым в саду. Бертуччио, думая найти сокровище в зарытом ящике, откопал его и, найдя ребенка, передал мальчика на воспитание своей невестке. Несмотря на любовь и заботы о нем, найденыш вырос негодяем и был причиной смерти своей приемной матери. Потом Бертуччио потерял его из виду. Монте-Кристо отыскивает этого молодого негодяя и под именем Андреа Кавальканти, преследуя свои цели, вводит его в высший парижский круг, где тот производит большое впечатление своей красотой и слухами о богатстве. Барон Данглар ранее хотел отдать свою дочь Евгению за Альбера де Морсер, но они не любили друг друга. Монте-Кристо, покровительствующий Альберу, искусно знакомит Кавальканти с Дангларом в надежде, что банкир откажет Альберу, пытаясь заполучить в зятья итальянца, и тем поправить свои дела, пришедшие в упадок, опять же благодаря усилиям графа Монте-Кристо. Дочь Вильфора от первого брака Валентина, сосватанная за ненавистного ей баро-

на Франца д'Эпине, тайно любит Максимилиана Морреля, сына бывшего марсельского арматора. Но гордые де Вильфор и мачеха Валентины не хотят и слышать об этом браке. На стороне бедной девушки лишь ее дед, бывший бонапартист Нуартье де Вильфор, который объясняет Францу д'Эпине, что это он убил на дуэли его отца, что делает невозможным этот брак.

Между тем трактирщик Кадрусс, получивший бриллиант от аббата Буссони, продает его ювелиру, остановившемуся переночевать в его таверне, затем убивает его и бежит. Его ловят и ссылают на галеры, куда еще прежде был сослан приемный сын Бертуччио Бенедетто, освобожденный впоследствии и введенный в большой свет Монте-Кристо под именем Андреа Кавальканти. Кадруссу тоже удается бежать. Случайно узнав в Кавальканти своего бывшего товарища по галерам, грозя разоблачением, он требует у него ежемесячного содержания. Сначала Бенедетто платит ему, но потом склоняет его ограбить дом графа Монте-Кристо. Пойманный графом на месте преступления, но отпущенный им, Кадрусс получает удар в спину от Бенедетто, хотевшего разом избавиться от опасного знакомства. Кадрусс умирает в доме графа Монте-Кристо,

признавшись во всем.

Бенедетто арестовывают в день его помолвки с Евгенией Данглар и отправляют в тюрьму, где Бертуччио, присланный графом, открывает Бенедетто тайну его рождения. Между тем в одном из журналов появляется статья, разоблачавшая бесчестное прошлое Фернана де Морсера, и Альбер вступается за честь отца, требуя от журналиста Бошана опровержения статьи. Бошан отправляется в Янину — место службы Фернана — и оказывается, что все, напечатанное в его журнале неизвестным лицом, — совершенная правда. Альбер и мать его, Мерседес, от позора и отчаяния оставляют дом; Альбер поступает солдатом в полк, воюющий в Алжире, мать его идет в монастырь, а Фернан де Морсер кончает жизнь самоубийством. После ареста Андреа Кавальканти Евгения Данглар вместе с подругой уезжает в Бельгию, где намеревается поступить на сцену, а банкир Данглар, захватив пять миллионов, бежит в Италию, но по дороге его хватают разбойники и отбирают у него все состояние. После смерти жены и сына де Вильфор сходит с ума. А граф Монте-Кристо, отомстив своим врагам, навсегда покидает Париж вместе со своей приемной дочерью, гречанкой Гайде.

Часть первая
ВОЗМЕЗДИЕ

1. Брачный контракт

В июле 1829 года в Париже — этом новом Вавилоне, где удивительные происшествия сменяются одни другими, никого не изумляя, — одно лицо привлекло внимание всех слоев общества и возбудило не только любопытство, но и уважение даже светских львов.

Откуда он явился, кто он, каково его прошлое — все было покрыто мраком неизвестности, делавшим столь интересным героя парижского сезона.

Граф Монте-Кристо — из Италии, Мальты или Бог знает откуда — имел неограниченный кредит в банкирском доме Данглара, одном из значительных домов Парижа; он поселился в самом изящном отеле, приобрел в Отейле превосходную дачу и купил великолепные экипажи, которые по неизвестной причине подарил одной даме из высшего финансового мира; всего этого было достаточно, чтобы сделать графа средоточием общественного интереса.

Кроме того, прекрасного иностранца видели в театре с дамой в греческом костюме, при взгляде на которую трудно было решить, чему больше

удивляться — классической ли ее красоте или роскоши и огню бесчисленных бриллиантов, сверкавших на ее уборах. Сказочный граф как магнитом притягивал к себе золотую молодежь. Обычными спутниками новой парижской звезды были Альберт Морсер, сын заслуженного генерала; Дебрэ, молодой и талантливый секретарь министерства, Бошан и Шато-Рено, юноши из высшего света.

На одном из чудесных обедов, которые умел давать только граф Монте-Кристо, к этому кружку присоединился граф Андреа Кавальканти, впервые явившийся в сопровождении своего отца — майора Кавальканти; хотя он был неизвестным иностранцем, присутствие во дворце графа Монте-Кристо открыло ему двери всех салонов и, между прочим, он был принят в доме барона Данглара, у которого и имел большой кредит.

Молодой граф, совершенный Адонис по сложению и красоте, произвел сильное впечатление на единственную дочь миллионера Данглара, Евгению, гордую черноглазую брюнетку; оригинальная красота девушки и богатство ее отца не оставили равнодушными графа, — его сердце и интересы были равно затронуты. Старик Данглар, понесший большие потери на своих последних

спекуляциях и тщательно скрывавший это от большого света, надеялся поправить дела за счет миллионов зятя, и, таким образом, ничто не препятствовало браку гордой Евгении с прекрасным графом Андреа.

В один июльский вечер в дом Данглара съехались финансовые тузы и представители высшей аристократии Парижа, чтобы присутствовать при подписании свадебного контракта единственной дочери банкира с итальянским графом Андреа Кавальканти из дома графов Кавальканти.

Роскошно убранный дом был залит огнями, когда около пяти часов начали съезжаться гости.

Невеста явилась в самом простом и в то же время изысканном туалете: ее гладкое платье из белого атласа было отделано драгоценными кружевами такого же цвета, и единственная белая роза полураскрылась в роскошных волосах. Молодого графа окружала толпа золотой молодежи, задающей тон жокей-клубу, да и всей Европе в вопросах вкуса, моды, спорта и эксцентричности.

Барон Данглар в кружке значительнейших финансистов развивал свои знаменитые проекты, доставившие ему его миллионы, благоразумно умалчивая о неприятной для него оборотной

стороне медали. Мадам Данглар, прекрасная мать очаровательной Евгении, составляла центр толпы мужчин, почтительно ухаживающих за ней, поклонение которых она принимала как должное. Однако видимым ее предпочтением пользовался молодой секретарь министерства Дебрэ.

Два нотариуса, на которых лежала деловая сторона празднества, давно уже находились здесь, но хозяин дома, по-видимому, намеренно медлил, как бы поджидая кого-то еще. Он действительно ждал.

Когда лакей громко произнес имя графа Монте-Кристо, точно электрическая искра пробежала в зале. Все окружили вновь прибывшего, без которого ни один вечер не мог считаться удавшимся и который, как истинный образец светского человека, любезно раскланивался с гостями, в то же время обращаясь подчеркнуто подчи-тельно к трем представителям семейства Данглара.

Замечательно было, однако, что он как бы не замечал молодого графа Кавальканти, на что, впрочем, только немногие обратили внимание, так как в это время Монте-Кристо начал рассказывать о нападении воров на его дом, причем один из преступников был убит, по-видимому,

своим же товарищем. Увлеченные красноречивым повествованием графа Монте-Кристо, гости не заметили, как внезапно побледнел граф Кавальканти.

Спустя несколько минут после сообщения этой последней новости началась официальная часть праздника.

Брачный контракт девицы Евгении и графа Кавальканти был прочтен во всеуслышание, причем несметные богатства обеих сторон изумили даже виднейших и богатейших финансистов и аристократов. Оставалось лишь подписать контракт.

Тут только мадам Данглар заметила отсутствие друга их дома, государственного прокурора де Вильфора — отсутствие, немедленно объясненное графом Монте-Кристо.

— Это я невольно помешал ему явиться сюда,— как бы извиняясь, сказал он.— Дело в том, что убитый в моем доме разбойник оказался бывшим каторжником Кадруссом, и в его кармане нашлось письмо с весьма странным адресом…

Все слушали графа, затаив дыхание, между тем как молодой жених медленно направлялся в соседнюю залу.

— Можете ли вы сообщить нам этот странный

адрес? — спросила мадам Данглар.

— О, без сомнения, вам покажется это забавным: это адрес героя сегодняшнего вечера графа Андреа Кавальканти.

Пораженные гости обернулись, ожидая объяснений жениха, но того уже не было в салоне; тщетно его звали и искали в соседних комнатах — он исчез.

Новая сцена ожидала смущенное общество. Не успели еще кончиться поиски, как вошел жандармский офицер с полицейскими и солдатами, немедленно занявшими все выходы.

— Я ищу здесь человека по имени Андреа Кавальканти,— произнес полицейский ровным заученным голосом, всегда производящим впечатление даже на совершенно непричастных лиц.

— Но по какому праву? — спросил барон Данглар с беспокойством.

— Андреа Кавальканти обвиняется в убийстве каторжника Кадрусса, своего бывшего сотоварища по галерам.

Как молния среди ясного дня упала эта весть на высшее аристократическое собрание. Мадам Данглар лишилась чувств; жандармы бросились искать обвиняемого по всем комнатам, нигде не

находя его; общество рассеялось, как стая цыплят, испуганная внезапным нападением коршуна; слуги стояли с растерянными лицами — короче, это была минута полнейшего смущения и беспорядка.

2. Решительная невеста

Во время этой катастрофы рассудительнее и хладнокровнее всех была та, которой естественно было бы ужасаться и отчаиваться… Два дня спустя после описанных приключений гордая Евгения с надменной иронической улыбкой отвергла участие и соболезнования своей задушевной подруги, учительницы музыки Луизы д'Арминьи.

— Мне не суждено выйти замуж,— сказала она, беседуя с Луизой в своей комнате.— Когда за меня посватался де Морсер, его отец застрелился от стыда за нечестно нажитое в молодости состояние, теперь же мне предстояло стать женой графа Кавальканти и присоединить к миллионам моего отца воображаемое богатство каторжника!

— Но что же делать? — боязливо спросила ее робкая подруга.

— Судьба сама указывает мне путь,— решительно отвечала Евгения.— Я никогда не сделаюсь рабыней одного из этих лицемерных эгоистов: ты ведь знаешь, мне давно хочется поступить на сцену, где мой голос и красота обещают мне блестящую будущность. Теперь настала ре-

шительная минута: здесь — скандал, сплетни, насмешки толпы; там же — общий восторг, известность, слава. Я все это предвидела, хотя и не в такой отвратительной форме. Я сберегла пятьдесят тысяч франков из карманных денег, да у меня есть еще драгоценности на такую же сумму. Распорядись насчет почтовой кареты: у меня уже приготовлены паспорта на нас обеих, и через час мы отправимся в Бельгию!

Луиза слушала ее с безмолвным ужасом; хотя ей давно был известен твердый характер подруги, но она все же не предполагала в ней такой решимости.

— Но как же мы поедем одни,— колебалась она,— две молодые девушки…

— Я и об этом позаботилась,— ответила непоколебимо Евгения. — Паспорт на имя Леона Дармильи с сестрой… Покуда ты ходишь за каретой, я уложу чемоданы и превращусь в Леона Дармильи:

Пораженная Луиза вышла из комнаты, чтобы найти почтовую карету, и, вернувшись, увидела в комнате изящного молодого человека, в котором с первого взгляда никто не узнал бы гордую красавицу Евгению Данглар. С немалым трудом удалось девушкам вынести тяжелые чемоданы

через боковые ворота дома и дотащить их до угла, где их уже ожидал почтальон с закрытым экипажем. Четверть часа спустя они уже были вне Парижа.

Но вернемся к графу Кавальканти, иначе Бенедетто, герою прерванного пира в доме банкира Данглара. В минуту грозной опасности его спасла находчивость опытного преступника: быстро проходя через салон, где было выставлено приданое Евгении, он ловко схватил и спрятал в карман несколько наиболее ценных драгоценностей, как угорь скользнул в приемную, накинул плащ на свой бальный костюм и бесшумно выскочил в окно, выходящее в сад: Через хорошо известную ему незапертую калитку прошел он в глухой переулок и без всякого определенного плана, руководствуясь только инстинктом, пустился бежать. Через полчаса, остановившись перевести дух, он увидел, что оказался в отдаленном предместье Парижа. Не теряя ни минуты, нанял фиакр и немедленно покинул город, объясняя это желанием догнать одного из друзей, пригласившего его на охоту на следующий день. Щедрая плата окрылила жалкую извозчичью клячу, и через час Бенедетто очутился в Луэрс, где отпустил кучера, сказав, что останется тут ночевать.

Только теперь Бенедетто наметил план дальнейших действий. Он не остался в Луэрсе, а пешком направился в Шапель-эн Серваль, лежавший милей дальше. Запачкав одежду грязью и пылью, Бенедетто вошел в первую же гостиницу и объяснил хозяину, что был сброшен лошадью, которая, вероятно, возвратилась в конюшню.

— Я буду вам весьма благодарен, если вы отыщите мне повозку или лошадь, чтобы я мог вернуться в Компьен,— заключил он.

У хозяина оказалась свободная кляча, и через четверть часа Бенедетто в сопровождении хозяйского сына ехал по дороге в Компьен, куда и прибыл около полуночи. Отпустив мальчика с лошадью на рыночной площади, он отправился в известную ему гостиницу «Колокола и бутылки», где дверь немедленно отворилась на его стук.

Подкрепившись обильным ужином, Бенедетто спросил себе комнату в нижнем этаже, но получил ответ, что придется ему поселиться на втором, так как последнюю комнату внизу только что занял молодой человек, приехавший со своей сестрой.

Сильная усталость овладела беглецом, и он крепко заснул. Было уже девять часов утра, когда он открыл глаза. Побуждаемый необъяснимым

страхом, быстро оделся и, осторожно выглянув в окно, отскочил в ужасе: он увидел двух жандармов, стоящих у входа с карабинами наготове. «Меня выследили, я погиб», — пронеслось в его голове. Но он быстро взял себя в руки, подавил лихорадочное возбуждение, и новый план быстро созрел в его мозгу. Взяв карандаш, он написал «У меня нет денег, но я не хочу оставаться в долгу, прилагаемая булавка вполне покроет мой счет. Мне стыдно было признаться в этом, и я ушел сегодня в пять часов утра». Воткнув булавку в записку, он с ловкостью трубочиста влез в камин и по трубе быстро достиг крыши. Но дальнейшее путешествие оказалось невозможным, так как стоило лишь одному из жандармов поднять голову — Бенедетто был бы сразу обнаружен. Поэтому он вновь спустился по трубе в другой камин, где решил переждать опасность. Он считал себя уже спасенным, как вдруг оступился и с шумом вывалился прямо на каминную решетку в комнату. Раздался крик испуга.

В этой комнате находились молодой человек и девушка. Последняя испустила пронзительный вопль, между тем как первый изо всех сил звонил.

— Спрячьте, спрячьте меня! — были первые

слова беглеца, но они замерли на его губах, когда в молодом человеке он узнал Евгению Данглар.

— Андреа, убийца! — вскричали девушки.

— Смилуйтесь, спасите меня! — умолял их Бенедетто.

— Поздно,— ответила Евгения,— сюда уже идут.

В ту -же минуту в комнату вошли жандармы в сопровождении всего персонала гостиницы. Бенедетто, предчувствуя гибель, выхватил кинжал и хотел броситься на своих преследователей, но мгновенно понял бесплодность попытки.

— Убейте себя! — воскликнула Евгения с пафосом драматической героини.

— Зачем же,— возразил Бенедетто,— еще не время, все это не более как недоразумение, и у меня есть друзья.

И он равнодушно протянул руки жандармам, поспешившим надеть на него железные браслеты.

— Кланяйтесь своему отцу, мадемуазель Данглар, и не стыдитесь меня, ведь вы же моя невеста, и сегодня уже должны были быть моей женой,— насмешливо крикнул превратившийся в преступника граф и вышел из комнаты вместе с жандармами, оставив Евгению любопытным и

презрительным взглядам прислуги.

3. Семейная драма

К числу наиболее уважаемых и влиятельных личностей парижской аристократии принадлежал и государственный прокурор де Вильфор, незапятнанная репутация которого, по-видимому, вполне соответствовала его важному посту первого публичного обвинителя. Женатый вторым браком на прекрасной и знатной даме, де Вильфор жил в изящном доме предместья Сен-Оноре вместе со своей взрослой дочерью от первой жены, Валентиной, маленьким сыном Эдуардом — плодом второго брака — и старым отцом, Нуартье де Вильфором. Единственным горем в столь уважаемой семье был полный паралич старика-отца, лишившегося контроля не только над членами, но и над языком. Бедняга мог изъясняться только движениями век и выражением глаз, и его понимали только любимая его внучка Валентина и старый преданный слуга Барруа.

Но в течение последних нескольких месяцев в доме де Вильфора начали происходить странные вещи, привлекшие общее внимание своей необъяснимостью. Родители покойной жены прокурора, гостившие в доме зятя, умер-

ли один за другим, и врачи смогли приписать столь внезапную смерть только апоплексии. Это происшествие не вызвало удивления, так как скончавшиеся были уже весьма преклонного возраста, но вслед за ними точно так же умер старый слуга Нуартье, а через несколько дней со всеми признаками отравления скончалась Валентина, прекрасная дочь прокурора и невеста Морреля, молодого и всеми любимого офицера сипаев.

Домашний врач Вильфора категорично заявил, что смерть слуги и молодой девушки есть следствие принятия большой дозы стрихнина, и настаивал на расследовании этого таинственного обстоятельства.

Тяжелый камень лег на сердце де Вильфора, когда он был вынужден стать судебной властью в своем доме, в своей семье. После пристальных наблюдений прокурор пришел к страшному подозрению, скоро превратившемуся в полную уверенность, что отравительницей была его собственная жена. Причины ужасного преступления были ясны: падчерица ее, Валентина, имела большое состояние, оставшееся после смерти матери, она же была единственной наследницей после внезапно умерших деда и бабки; после смерти Валентины все ее богатство должно было

перейти к де Вильфору, наследником которого, естественно оказывался сын Эдуард под опекой матери. Смерть старого Барруа не входила в планы отравительницы: он случайно выпил стакан воды с ядом, приготовленным для Валентины.

Страшно боролись в Вильфоре чувства супруга с долгом чиновника и судьи; напрасно старался он оправдать свою жену — это было невозможно. В этот же день в суде должен был слушаться интересный процесс графа Кавальканти — то есть Бенедетто, и де Вильфору пришлось выступить обвинителем.

Прежде чем отправиться на заседание суда, он послал сказать своей жене, собиравшейся тоже присутствовать при разборе дела, волновавшего весь Париж, что он ждет ее в кабинете.

Мадам де Вильфор явилась при полном туалете, предполагая, что муж зовет ее для того, чтобы ехать вместе с нею, но вздрогнула от страха, взглянув на его искаженное лицо.

— Где вы достаете яд, сударыня? — повелительно спросил прокурор.

Смертельная бледность покрыла лицо мадам де Вильфор, и она с трудом ответила:

— Я вас не понимаю!

— Я спрашиваю,— продолжал ее муж,— где вы

достаете яд, которым вы отравили родных моей первой жены, Барруа и дочь мою Валентину?

Пораженная и растерянная мадам де Вильфор молчала, не смея отпираться, и невыразимое отчаяние вдруг овладело ею.

— Всякое преступление,— продолжал прокурор неумолимо,— имеет свое возмездие. Эшафот должен был бы быть вашей долей. Но такое наказание равно ужасно для вас и для меня. Судьба дала вам средство загладить ваше преступление: у вас еще осталось, наверное, несколько капель яда, который вам поможет избегнуть публичной казни. Я отправляюсь в суд и надеюсь, что по возвращении найду все ваши счеты покончеными.

Несчастная женщина с воплем бросилась в ноги мужу, между тем как Вильфор, оттолкнув ее, едва владея собой, вышел из кабинета и уехал.

4. Необыкновенное заседание

Весь Париж был поглощен процессом прекрасного графа Андреа Кавальканти, с высоты аристократического величия упавшего в грязь преступного мира; салонный лев превратился в простого каторжника.

Места в зале суда продавались на вес золота, и входные билеты стоили дороже, чем на первое представление знаменитейших оперных певиц. Задолго до начала заседания зала была заполнена представителями высшего круга общества.

Наконец, судья, присяжные и прокурор заняли свои места. По приказу председателя жандармы ввели подсудимого, и перед изумленной толпой вместо убитого стыдом преступника предстал Кавальканти-Бенедетто в изящном костюме, сияющий и веселый.

Обвинительный акт не произвел на подсудимого ни малейшего впечатления: он так же уверенно и спокойно сидел на своей скамье, как несколько дней тому назад в кресле модного салона.

— Подсудимый,— сказал председатель,— встаньте и отвечайте на предложенные вам

вопросы. Как ваше имя?

— К сожалению,— непринужденно ответил Андреа,— я не могу немедленно ответить на этот вопрос, продолжайте, и я найду возможность сообщить вам нужные сведения.

Взоры всех с изумлением устремились на дерзкого, ни на секунду не потерявшего самообладания подсудимого.

— Ваш возраст? — продолжал судья.

— Я родился в Отейле, близ Парижа, в ночь с 27-го на 28-е сентября 1807 года.

— Ваше ремесло?

— Я не занимался собственно мирными ремеслами. Сначала я был фальшивомонетчиком, потом вором, а потом совершил первое убийство.

Ропот негодования пробежал по залу. Судьи и присяжные также не могли скрыть отвращения к беспримерной наглости подсудимого. Председатель сделал последнему строгое замечание, но слова его не произвели ни малейшего впечатления.

— Намерены вы, наконец, сказать ваше имя?

— Очень сожалею, что не могу назвать своего собственного имени, но зато я знаю имя моего отца.

— Назовите его.

— Мой отец — государственный прокурор,— невозмутимо продолжал обвиняемый, бросив взгляд на де Вильфора, бледного, как полотно.

— Государственный прокурор? — в изумлении воскликнул председатель.— Как же его имя?

— Де Вильфор, и он сидит перед вами.

Уже не ропот негодования, а целая буря оскорбленного человеческого достоинства разразилась в зале: все присутствующие были глубоко возмущены отвратительным цинизмом порока.

— Вы издеваетесь над судом! — вскричал гневно председатель,— Предостерегаю вас в последний раз и требую, чтобы вы сказали всю правду!

— Я сказал правду,— отвечал Бенедетто,— и докажу это. Выслушайте и судите потом сами. Я родился на первом этаже дома номер 28 на улице де Лафонтен, в Отейле, в ночь с 27-го на 28-е сентября 1807 года. Отец мой, присутствующий здесь государственный прокурор де Вильфор, сказал моей матери, что я умер, завернул меня в салфетку, помеченную Г-15, уложил меня в ящик и отнес в сад, где зарыл живого. В то же мгновение он получил удар ножом от человека, спрятавшегося в саду, и замертво упал на землю. Тот же человек вырыл ящик, в котором думал

найти сокровища, и тем самым спас мне жизнь. Он отнес меня в воспитательный дом, где я был записан под № 37. Три месяца спустя меня взяла из этого заведения родственница этого человека, который был по происхождению корсиканец и замышлял кровавую месть против де Вильфора; я был отвезен на Корсику, где и воспитывался. Вопреки стараниям моей приемной матери, я рос среди порока, доведшего меня до преступления.

— Кто же была ваша мать? — спросил председатель.

— Моя мать считала меня мертвым, я плод тайной любви и не знаю своей матери, да и не желаю знать ее.

В это мгновение в зале раздался пронзительный крик: одна из дам упада в обморок и была вынесена в соседнюю комнату. Услышав этот крик, прокурор встал, бледный, как смерть.

— Как можете вы доказать это неслыханное заявление? — спросил председатель.

Подсудимый с презрением посмотрел на де Вильфора.

— Отец, у меня требуют доказательств… Должен ли я представить их?

— Нет, не нужно; все, что вы сказали,— правда. Я слагаю с себя свое звание и отдаюсь во власть

моего преемника, нового государственного прокурора,— заявил де Вильфор голосом, произведшим невообразимое впечатление.

— Как! — вскричал председатель.— Вы, государственный прокурор, человек с репутацией выше всякого сомнения, робеете перед речами безумного преступника? Ободритесь, соберитесь с мыслями и одним словом опровергните бессмысленное обвинение.

Вильфор покачал головой. Неверными шагами вышел он из зала среди почтительно расступившейся перед ним толпы: громадность его несчастья глубоко поразила всех.

— Заседание на сегодня окончено и отложено на неопределенное время,— объявил председатель.— Жандармы, уведите подсудимого…

5. Баланс катастрофы

Три месяца спустя после вышеописанных событий процесс Бенедетто снова стоял на очереди уголовного суда. Тогда, как и теперь, в Париже жизнь била ключом; одно впечатление сменяло другое, и прекрасный «граф Кавальканти» рисковал предстать перед публикой, состоящей только из адвокатов и жандармов.

Погода была отвратительная: снег валил густыми хлопьями, и сильный холод делал пребывание на воздухе почти невозможным.

Было около 11 часов утра, когда изящное купе, заложенное кровным арабским жеребцом, остановилось у здания суда, из экипажа вышел господин, быстро взбежал по лестнице, но внезапно остановился, поднес к глазам лорнет и воскликнул:

— Шато-Рено!

— Бошан!

И друзья горячо пожали друг другу руки.

Честное слово,— смеясь, сказал Шато-Рено,— я должен благодарить судьбу за встречу с вами.

— Что привело вас сюда?

— Ну, конечно, дело его высочества принца

Бенедетто де Кавальканти или де Вильфора — назовите как хотите.

— И я за тем же — хочу посмотреть последний акт драмы, волновавшей Париж в течение нескольких недель. Посмотрим, удастся ли бедняге избежать виселицы?

— Едва ли! Но вот наши места. Боже, да зала почти пуста! — с удивлением заметил Бошан.

— Вас это изумляет? Париж всегда был неблагодарен, и теперь давно уже забыл о деле Бенедетто, некогда бывшим жгучим вопросом дня,— равнодушно ответил Ша-то-Рено.

— Может быть, разбирательство отложено,— предположил журналист и, обратись к знакомому репортеру, быстро спросил: — Это ведь дело Бенедетто будет слушаться сегодня?

— Дело Бенедетто? — вопросительно повторил репортер,— да, теперь вспомнил… это убийство в саду графа Монте-Кристо, и, если не ошибаюсь, убийца утверждал, что он сын прокурора де Вильфора.

— Именно так. У вас завидная память,— усмехнулся Бошан.— Ну, так как же, дело назначено на сегодня?

— Конечно, оно стоит третьим в очереди.

— Отлично. Покуда пойдемте в буфет и там

дождемся,— решил Шато-Рено.

Если вам желательно присутствовать при этом, я могу вас предупредить, когда начнется дело Бенедетто,— предложил репортер.

— Вы весьма любезны,— ответил Бошан репортеру, следуя за приятелем.

Близ выхода Бошан тихонько толкнул своего спутника и шепнул:

— Не все неблагодарны, не все забыли Бенедетто. Вот и Дебрэ здесь!

— Отчего бы ему и не быть? — улыбаясь сказал Шато-Рено.— У Дебрэ много свободного времени с тех пор, как пал его министр, увлекший с собой бедного секретаря.

— По крайней мере, он спас свои миллионы,— добродушно заметил он,— весьма естественно, что Дебрэ интересуется Бенедетто — ведь он ему приходился наполовину зятем.

— О, Бошан, вы злословите — это родство напоминает о браке с левой руки,— засмеялся Шато-Рено.— Кстати, что поделывает баронесса Данглар?

— Гм, говорят, она исчезла куда-то!

— А ее мужественный, честный супруг?

— Таскается, Бог знает где.

— Признаюсь, ничто не может сравниться с

парижской жизнью! Дом Данглара обанкротился, отец и мать в бегах. Дебрэ вследствие этого лишается любовницы, а дочь… но что известно о дочери? Она была лучше их всех, по-моему?

— Во всяком случае, мадемуазель Дармильи знает, где она, ведь они были неразлучны.

— Но они еще вынырнут. Насколько я знаю ее, мадемуазель Данглар имеет все задатки, чтобы сделаться знаменитой певицей или светской львицей.

— Милая альтернатива! А где де Вильфор?

— Он помешался, и доктор Давиньи, как неизлечимого, поместил его в свое заведение для умалишенных.

— Недурно для старичка-доктора: он, видимо, сообразил, как выгодно иметь такого пациента. Ужасна, однако, судьба дома Вильфоров: мадам Вильфор и ее сын умерли, бедная Валентина также умерла. Я не сентиментален, но смерть этой молодой девушки меня жестоко поразила.

— Бошан, вы верите в чудеса? — внезапно спросил Шато-Рено.

— Смотря в какие… но к чему этот вопрос?

— Вот к чему. Один из моих знакомых уверял меня, что видел Валентину в Марселе.

— До или после похорон?

— Конечно, после.

— Действительно, это чудо, но мы уже привыкли видеть чудеса во всем, что каким-либо образом касается графа Монте-Кристо. Вы слышали, говорят, что граф — вампир?

— Кто может утверждать это? Что поделывает старый Нуартье?

— Он уехал на юг. А семейство Морсер — с ними что случилось?

— Ничего нового — отец покончил самоубийством, мать исчезла, а сын отправился в Африку.

— Как и баронесса Данглар?

— Да, только с той разницей, что мадам де Морсер и ее сын отказались от своего значительного состояния в пользу бедных.

— Я радуюсь за бедняков.

— Сейчас начнется дело Бенедетто,— раздался за ними голос репортера.

— А, благодарю вас.

И все трое поспешно направились в залу.

— Бошан,— прошептал Шато-Рено, указывая на даму под густой вуалью, сидевшую недалеко от них,— если бы я не думал, что баронесса Данглар…

— Тише, не произносите имен, я думаю то же, что и вы, но решительно не могу понять, как она

попала сюда.

Закутанная дама, о которой шла речь, сидела, опустив голову, в ожидании начала разбирательства. Ее спутник, высокий, желтый, сухой старик, плешивая голова которого формой и цветом напоминала дыню, сидел, вытянувшись в струнку, не сводя глаз с висевшего перед ним распятия.

— Введите подсудимого! — приказал председатель суда.

Дама затрепетала, но не подняла глаз, когда ввели Бенедетто.

6. Убийца Бенедетто

Между тем зала суда почти заполнилась. Так как процесс, по всей вероятности, должен был закончиться смертным приговором, то многие, преимущественно дамы, пожелали присутствовать при последнем акте драмы. В зале слышался шепот: многие из публики вспоминали, как три месяца тому назад, при первом разбирательстве, подсудимый театрально произнес: «Мой отец — государственный прокурор!» — и ожидали и опасались вновь какого-нибудь ужасного открытия. Невольно все взоры обратились к министерской ложе, думая найти бледное, потрясенное лицо всесильного судьи, внезапно превратившегося в подсудимого, и когда вместо прокурора появился лишь временно исполнявший его должность чиновник, на всех лицах выразилось разочарование.

Бенедетто вошел. Бошан и Шато-Рено с трудом подавили крик изумления при виде страшной перемены, происшедшей с ним за эти три месяца. В первый раз перед судом Кавальканти-Бенедетто предстал салонным львом, его благородная осанка невольно вызывала симпатии; теперь же,

несмотря на то, что черты лица сохранили печать утонченности и свою классическую правильность, перед судьями стоял совершенно другой человек, подавленный несчастьем.

Кудрявые волосы были коротко острижены, блестящие и живые некогда глаза угасли, веки были скромно опущены, узкие холеные руки покорно скрещены на груди, вся его одежда вполне гармонировала с.фигурой.

Жандарм грубо указал ему на место. Бенедетто низко поклонился и сел на край жесткой деревянной скамьи.

Защитник, весьма известный адвокат, нагнулся и прошептал ему несколько ободрительных слов. Бенедетто выслушал с набожным видом и вполголоса произнес:

— Бог сжалится надо мной!

— Сказал бы лучше — черт,— обратился к другу Бошан.— Бенедетто превратился в хнычущего и жалкого труса. Тем хуже!

Председатель сделал знак, и началось чтение обвинительного акта, в котором кратко и ясно излагалось дело об убийстве Кадрусса, о предшествующем ему грабеже в доме графа Монте-Кристо, о поразительном открытии происхождения подсудимого, о признании госу-

дарственного прокурора, его помешательстве и самоубийстве жены.

Шато-Рено шепнул другу, что они слышат обвинительный акт де Вильфора, а не Бенедетто.

— Действительно,— согласился Бошан,— милейший Бенедетто кажется невинным младенцем в сравнении со своим отцом.

— Подсудимый, встаньте! — ласково сказал председатель.— Ваше имя?

— Бенедетто! — ответил бывший бандит робким голосом.

— Признаете ли вы себя виновным в убийстве Кадрусса?

— Ах, Боже! Господин председатель,— пролепетал Бенедетто,— я должен признать себя виновным…

И, закрыв лицо руками, он попытался подавить рыдания.

— Что значит вся эта комедия? — проворчал Бошан.

— Тише,— отвечал Шато-Рено,— представление становится интересным.

Бенедетто без промедления отвечал на все вопросы, ничего не отвергал, ни в чем не оправдывался, и вся его защита состояла лишь в глубоком раскаянии.

— Я знаю,— совершенно уничтожившись, сказал он,— что я великий грешник, и я склоняюсь перед людским судом, как и перед справедливостью Господней.

Задача присяжных была довольно несложной: преступник признался в убийстве, а имея такой букет преступлений, — фальшивомонетчик, многократно судимый вор и убийца — Бенедетто уже с начала разбирательства мог считать себя осужденным.

— Пригласите свидетелей,— приказал председатель.

— Граф Монте-Кристо! — прогремел голос чиновника. Ответа не было.

— Странно,— произнес председатель, нарочно опуская титул графа, — что господин Монте-Кристо, весьма заинтересованный в настоящем деле, не соизволил явиться по вызову суда. Была ли ему выслана повестка?

Заменявший государственного прокурора зашелестел бумажками.

— Вышеупомянутое лицо,— насмешливо сказал он,— продало свое имущество во Франции и исчезло неизвестно куда.

— Суд оставляет за собой право наложить соответствующий штраф на свидетелей, не

явившихся по вызову суда,— строго заметил председатель.— Позвать других свидетелей.

Эти последние, состоявшие из нескольких человек, прибежавших на крик Кадрусса, не заставили себя ждать. Показания их были кратки и ясны: они подтвердили, что нашли Кадрусса, пронзенного кинжалом.

— Не хотите ли вы что-либо сказать, подсудимый? — обратился председатель к Бенедетто.

— Нет! К несчастью, эти честные люди говорят правду,— смиренно сказал Бенедетто.

В зале послышался ропот одобрения, и когда вновь воцарилась тишина, был вызван следующий свидетель.

— Нуартье де Вильфор…

— Как! — вскричал Бошан, вскакивая.— Неужели можно быть настолько жестоким, чтобы подвергать несчастного новой пытке?

— Господа присяжные,— произнес судья, как бы отвечая на восклицание Бошана,— мы нашли необходимым вызвать господина де Вильфора, несмотря на то, что в его настоящем положении мало надежды получить какие-либо показания относительно многих необъясненных и важных фактов.

Глубокая тишина последовала вслед за этим

объяснением — дверь отворилась, и на пороге показался де Вильфор.

7. Чудо

После того, как процесс Бенедетто-Кавальканти был так неожиданно прерван на первом же заседании суда и отложен на неопределенное время, граф Монте-Кристо действительно оставил Париж. Его сопровождал молодой офицер сипаев Максимилиан Моррель, столь глубоко потрясенный ужасной смертью своей возлюбленной невесты, Валентины де Вильфор, и изменившийся так сильно, что в нем едва можно было узнать веселого офицера, принадлежавшего к числу самых изящных молодых людей Парижа. Необъяснимая симпатия к Монте-Кристо заставила его искать дружбы графа; он поверял ему все свои сердечные тайны и, лишившись Валентины, изливал перед графом свое горе.

Но никакие утешения Монте-Кристо не могли успокоить молодого человека, и он решил покончить с жизнью, надеясь в смерти соединиться с возлюбленной.

Письмо уже было готово и роковое оружие лежало на столе, когда неожиданно в комнату Максимилиана вошел граф Монте-Кристо.

— Что вы хотите делать, Максимилиан? — стро-

го спросил он юношу.

— То, что остается сделать несчастному, потерявшему все в мире,— обреченно ответил Максимилиан.

— Я понимаю вас: кто знал Валентину так хорошо, как я, может постигнуть и даже извинить ваше ужасное намерение.

— А вы не одобряете его? — воскликнул юноша.

— Смотря по обстоятельствам. Но ваше положение еще не так дурно, как вам кажется. Вы ведь верите в меня и доверяете мне больше, чем простому смертному,— вы часто говорили мне это, дорогой друг. Предлагаю вам следующее: если в течение месяца вы не признаете самоубийство преступлением перед самим собой и близкими вам людьми, я сам доставлю вам средство прекратить ваше существование и даже менее отвратительным способом, чем тот, который вы теперь избрали.

— Вы можете мне помочь, только если воскресите Валентину из мертвых; и несмотря на то, что в моих глазах вы одарены качествами почти полубога, все-таки не могу поверить, что вы можете творить чудеса. Я ни разу не отказывал вам в ваших просьбах, и теперь также соглашаюсь

на ваше предложение, но с условием, что вы мне пообещаете не делать новых попыток отговорить меня от моего намерения.

— Решено,— сказал граф, видимо тронутый этими словами, протягивая руку молодому человеку, которую тот крепко пожал.— Ровно через месяц я буду ждать вас на моем маленьком скалистом островке Монте-Кристо, где мы однажды уже охотились вместе на диких коз. Там вы мне сообщите ваше последнее решение, и я не буду стараться отклонить вас от ваших намерений, каковы бы они ни были.

С этими словами Монте-Кристо оставил друга. Максимилиан сдержал слово. За пять дней до истечения рокового месяца отправился он из Парижа в Марсель, а оттуда на принадлежащей графу яхте отплыл к острову Монте-Кристо, куда и прибыл в назначенный день. Али, черный немой слуга графа, встретил его на берегу и провел в жилище, высеченное в скале, убранное с большим вкусом и роскошью. Максимилиан нашел своего друга в комнате, обитой турецкими коврами, все убранство которой свидетельствовало о восточных вкусах его обладателя.

— Я здесь, дорогой граф, и жду вашего обещания — дать мне средство удовлетворить мое един-

ственное желание — соединиться с Валентиной в другом мире.

— Ничто не может отвратить вас от вашего намерения? — спросил Монте-Кристо, с горечью и изумлением глядя на бледное лицо юноши.

— Ничто, даже вы, тем более, что согласно условию, вы не имеете права отговаривать меня,— решительно отвечал Моррель.

— Да будет так,— торжественно сказал Монте-Кристо, вынимая маленький опаловый ящичек, из которого он вынул зеленоватую, сильно пахнущую лепешку.— Это тройной экстракт гашиша — средства, употреблявшегося древними в подобных печальных случаях. Смерть от него безболезненна и наступает среди приятнейших видений прошедшей жизни человека, принявшего этот состав.

— Примите мою благодарность и дайте мне утешение, которого ждет мое сердце,— сказал Максимилиан, обнимая друга и кладя лепешку в рот.

Действие состава было изумительно. Приятная дремота смежила веки Максимилиана, и он упал на диван. Сонные картины возникли перед ним, подобно туману в воздухе: он вновь переживал свою юность, видел он родительский дом, сестер,

товарищей, потом появились и воспоминания о сладких часах, проведенных с Валентиной; только фигура его возлюбленной не возникала перед ним. Вдруг раздвинулась задняя стена комнаты, и в сказочном чудесном полусвете показалась фигура женщины, медленно подходившей к нему и простиравшей руки, как бы благословляя его. Да, это были черты его возлюбленной, это была тень Валентины.

— О, как сладка такая смерть! — прошептал Максимилиан, протягивая объятия к -видению.

Фигура приблизилась к юноше, находившемуся между явью и сном, внезапно он почувствовал объятия нежных рук, легкие волосы упали на его пылающий лоб, и знакомый голос прошептал:

— Мой бедный возлюбленный!

— Валентина! — вскричал Максимилиан, с усилием стряхивая сонное оцепенение.— Валентина! Возможно ли? Я не брежу! Ты жива, и я держу тебя в объятиях,— чтобы умереть самому!

— Я живу, дорогой друг, и приношу тебе новую жизнь: это не сон, мы достигли всего, чего желали, и соединены навеки!

Постепенно Максимилиан совсем очнулся. Он лежал в объятиях своей горячо любимой Валентины, и его верный друг Монте-Кристо стоял

возле них.

— Валентина и Максимилиан! — сказал граф торжественно.— Мои дорогие, любимые друзья, с этих пор ничто не сможет вас разлучить; я возвратил вам жизнь и теперь соединяю ваши руки на союз до гроба, да благословит вас Бог. Я благословляю вас.

Тронутые до глубины души любовники бросились на колени перед чудесным человеком, благодаря его от всего сердца.

Монте-Кристо нежно поднял их и обратился к Валентине:

— Теперь я обращаюсь к вашей признательности, я должен оставить вас, мои дорогие, и, быть может, больше никогда не встречусь с вами. Итак, выслушайте просьбу покидающего вас друга. Молодая девушка, которую вы видели со мной, — моя приемная дочь: я приютил сироту, когда жестокий рок осудил ее — дочь греческого князя — на нужду и нищету. Но она не может дальше сопровождать меня, и я оставляю ее на вас, уверенный, что вы не откажете в любви бедной девушке. Я же удаляюсь — одиноким странником.

Нежная рука легла на плечо графа.

— Ты не одинок, мой дорогой друг и отец,—

произнес мелодичный голос, и молодая гречанка крепко прижалась к нему.

— Дорогое дитя,— растроганно произнес Монте-Кристо,— я снова стану одиноким — такова моя судьба; твоя же участь должна быть иной, ты дочь князя, я возвращаю тебе богатства и титул твоего отца, а эти верные друзья своей привязанностью заменят мою любовь.

— Так ты покидаешь меня навсегда? — сказала Гайде, заглушая рыдания.— О, это мне суждено оставаться одинокой всю мою жизнь, в тебе вся моя жизнь, ты мое все — отец и мать, друг и возлюбленный! Без тебя я умру, как умирает растение, лишенное солнечного света!

— О, Боже! — воскликнул граф.— Так ты предпочла бы остаться со мной?

— Я умру, если ты покинешь меня, моя жизнь в тебе одном, — прошептала прелестная девушка так трогательно и нежно, что граф, наконец, постиг всю глубину привязанности этого невинного существа. Монте-Кристо устремил на Гайде взор, полный любви, которую он давно питал к ней, никогда не рассчитывая на взаимность. Заключив ее в объятия, он с нежностью произнес:

— Да будет так, моя дорогая, ничто не разлучит нас отныне, я тебя любил, как отец и друг, теперь

же я буду твоим преданным супругом, буду всем тем, что ты искала во мне.

С этими словами Гайде и граф вышли, а Максимилиан и Валентина остались одни. Со слезами радости бросились они в объятия друг друга. Потом молодой человек усадил Валентину на диван, прося рассказать о ее чудесном возвращении к жизни.

— Как тебе известно, дорогой мой,— начала Валентина,— я была очень больна, но надеялась выздороветь, потому что мысль о тебе всегда вливала в меня новую жизненную силу. Однажды ночью, когда я лежала одна на одре болезни, в стене отворилась дверь, которой я прежде никогда не замечала. Вошел какой-то человек и прямо направился ко мне; испуганная, я только собиралась закричать, как узнала в пришедшем графа Монте-Кристо, делавшего мне знаки молчать. Сев возле, он рассказал мне, что моя мачеха постепенно отравляла меня, как она уже сделала это с моими бедными дедушкой и бабушкой и старым Барруа. Ему удалось достать для меня противоядие, и чтобы спасти меня, он поселился в соседнем доме и открыл тайное сообщение между этими двумя зданиями. Но средства эти были недостаточными для совершенного от-

вращения опасности, и поэтому он просил меня принять жидкость, которая погрузит меня на три дня в состояние мнимой смерти. Я выпила состав, поданный мне графом, и лишилась чувств и сознания, не знаю уж, на какое время. Очнувшись, я увидела себя гробу в часовне, и граф стоял возле меня. Подкрепляющее питье возвратило меня к жизни. Граф привел меня в свой дом, где я нашла все необходимое для путешествия. Через несколько дней, совсем поправившись, я отбыла с Монте-Кристо в Марсель, а оттуда — на этот уединенный и прекрасный остров, где я нашла тебя, мой дорогой Максимилиан, предмет моих стремлений.

Крепкое объятие заключило рассказ, и они отправились разыскивать графа, чтобы снова выразить ему их глубокую признательность.

Они вышли из грота и спросили матроса Джакомо, привезшего Максимилиана на этот остров, где граф.

— У меня есть письмо к вам обоим от моего господина,— ответил тот.

— Но где же сам граф Монте-Кристо? — разом воскликнули молодые возлюбленные.

— Он только что покинул остров со своей приемной дочерью и слугой Али… корабль еще

виден,— ответил Джакомо, указывая на небольшое судно, на палубе которого можно было различить три фигуры. Это были граф с Гайде и Али. Максимилиан быстро развернул письмо и прочел следующее:

«Мой дорогой Максимилиан!

Корабль стоит на якоре, готовый к отплытию. Джакомо отвезет вас в Ливорно, где Нуартье ждет свою внучку, чтобы благословить ее на брак с вами. Все, что вы найдете в гроте, и мой дом в Париже — свадебный, подарок от верного друга,— которого вы никогда больше не увидите. Мои последние слова: ждите и надейтесь!

Будьте счастливы оба и вспоминайте иногда о вашем истинном друге.

Эдмон Дантес, граф Монте-Кристо.»

Между тем судно графа все удалялось от острова, свежий ветерок наполнил паруса, и корабль постепенно исчезал из глаз Максимилиана и Валентины. Они в последний раз махнули рукой в знак прощания, и скоро судно скрылось за горизонтом.

8. Смертный приговор

Де Вильфор был не один — доктор Давоньи сопровождал своего пациента и временами шепотом ободрял его.

Вильфор казался развалиной — его отвислая нижняя губа и угасший взгляд тронули всех — и судей, и публику, и даже тех, которых он не раз оскорблял гордым и презрительным обхождением. Надменный государственный прокурор стоял теперь перед всеми, погрязший в пучине преступлений и позора.

Голос председателя дрожал, когда, встав из кресла, он обратился со следующими словами к присяжным:

— Господа присяжные! Доктор Давоньи, на попечении которого находится господин де Вильфор, был так любезен, что согласился сопровождать сюда своего пациента. Прежде чем вызвать в суд господина де Вильфора, я разговаривал с его врачом, констатировавшим, что присутствие здесь его пациента не будет иметь дурного влияния. Господин доктор, потрудитесь подтвердить мое заявление господам присяжным.

— Охотно, господин председатель,— ответил

старый доктор.— Положение господина де Вильфора безнадежно, И присутствие его на суде не может ухудшить его здоровья. Апатия больного противостоит всякому возбуждению.

Затем, взяв де Вильфора за руку, доктор отвел его на приготовленное для него место. Глубокое молчание царило в зале. Закутанная дама полупривстала и, плотнее закрыв лицо вуалью, не сводя глаз, смотрела на человека, под взглядом которого трепетали преступники, и который теперь сам пал ниже тех несчастных, которых он судил так строго и немилосердно.

Бенедетто в сильном волнении поднял руку и простер ее к де Вильфору, а затем, как бы уничтоженный, опустился на свое место. Закрыв лицо руками, он тягостно и глубоко вздохнул, услышав голос председателя, который торжественно начал:

— Господин де Вильфор, скажите нам…

Он остановился, так как де Вильфор пытался встать и делал тщетные попытки что-то вымолвить. Это было ужасное зрелище — лицо его покраснело, глаза вышли из орбит и дрожащие губы напрасно силились произнести внятные звуки. Председатель подождал несколько секунд и начал снова:

— Господин де Вильфор, в состоянии ли вы ответить на некоторые вопросы, которые я вам предложу?

Вильфор кивнул и с невыразимым усилием ответил:

— Да!

Он произнес это слово глухим голосом, но ясно и отчетливо, и все присутствующие с напряженным вниманием устремили свои взгляды на больного.

— Бенедетто,— обратился председатель к подсудимому,— встаньте!

Бенедетто повиновался.

— Посмотрите на господина де Вильфора,— продолжал председатель,— и скажите по совести, можете ли вы подтвердить все ваши показания, сделанные вами на первом допросе?

Бенедетто был действительно или раскаявшийся грешник, или величайший лицемер, когда-либо живший в мире. Он с мольбой поднял сложенные руки и пролепетал голосом, заглушаемым рыданиями:

— Прощение, отец! Прощение!

— Чего хочет от меня этот человек? — сказал де Вильфор, голос которого мало-помалу приобретал прежнюю твердость, и, к изумлению всех, он

вдруг овладел вполне даром слова.

— Он называет вас отцом,— ответил председатель,— и вы сами ранее признали его своим сыном.

Вильфор провел рукой по лбу.

— Мой сын? И он жив? Не может быть — в моем доме детей убивают, и мой сын мертв!

— Вы не забыли ночь с 27-го на 28-е сентября 1807 года?

— Нет, я не забыл ничего — и того сына я тоже умертвил.

— Но он чудом спасся от смерти, вспомните хорошенько!

— О да, я припоминаю: это было не чудо, он обязан жизнью покушению на убийство, и убийца думал найти сокровище в ящике, где лежало дитя.

— Итак, вы признаете вашего сына?

Вильфор презрительно рассмеялся:

— Ну, конечно, он мой сын — иначе он не был бы фальшивомонетчиком и убийцей! О, все имеет связь: дом в Отейле — салфетка с меткой Г.— сын Вильфора должен был сделаться убийцей!— Вильфор протянул исхудалую руку к Бенедетто и прошипел с презрением:

— Ты — мой сын! Ты убивал и будешь убивать

опять!

— Нет, о нет! — вскричал Бенедетто с отчаянием.— Я тяжко грешил, но ничто на свете не заставит меня увеличить число моих грехов! Отец мой, я прощаю вас и молю Бога смилостивиться над вами и надо мной!

Ропот изумления промчался в публике, и, одобренный этим Бенедетто, продолжал более взволнованным голосом:

— Прощаю и матери своей, которую я никогда не знал! Если бы я умел лепетать ее имя, если бы я знал ее ласку, никогда не пришлось бы мне сидеть на скамье подсудимых!

Раздался болезненный стон, и дама под вуалью упала в обморок. Ее спутник с трудом привел ее в чувство, и когда она пришла в себя, он наклонился и прошептал выразительно:

— Будьте осторожны — или все погибло.

— Господин де Вильфор,— внушительно начал председатель, вы теперь свободны! И как бы вы не согрешили, Бог тяжко наказал вас, и, прощаясь с вами, я могу лишь уверить вас, что и я, и все ваши бывшие сослуживцы глубоко сожалеем о вас.

Давоньи взял де Вильфора под руку, намереваясь увести его, но бывший прокурор энергично покачал головой и резко сказал:

— Я не хочу идти, я имею сообщить еще нечто!

— Говорите, мы слушаем,— произнес изумленный председатель.

— Господа судьи, господа присяжные,— начал Вильфор.— Вы слышали слова раскаяния и прощения от человека, называвшего себя моим сыном! Не верьте ему — он *лжет*!

— Господин де Вильфор! — внушительно воскликнул председатель.

— О, дайте мне высказаться,— спокойно продолжал бывший прокурор,— меня, конечно, считают помешанным, но я многое вижу яснее, чем люди с непомраченным рассудком. Вы думаете, я совершил бы преступление, убив этого человека? Совершенно наоборот: это был бы единственный хороший поступок в моей жизни, если бы я избавил свет от этого чудовища… Бенедетто не раскаивается, не просит прощения, увы! Я чувствую, что он лишь изображает угрызения совести, которых никогда не испытывал, он играет перед вами хорошо заученную роль!…

Господа присяжные, берегитесь! На вас ляжет тяжкая ответственность — судьба человеческого общества в ваших руках, исполните добросовестно ваш долг! Когда тигр вырывается из клетки, его убивают, и только безумец пощадит его!

Бенедетто хуже тигра — вооружайтесь секирой правосудия, и пусть она падет на его голову. Господа присяжные! Я — отец этого человека — прошу его смертного приговора!

Ропот ужаса пробежал по залу: забыв, что перед ними помешанный, все присутствующие видели лишь государственного прокурора, который, подобно Бруту, предавал в руки правосудия собственного сына… Как трубный звук в день Страшного суда, прозвучали в зале эти жестокие слова. Затем Вильфор поднялся, оперся на руку Давоньи, поклонился суду и медленными шагами покинул заседание.

Бошан шепнул на ухо Шато-Рено:

— Честное слово, Вильфор сумасшедший!

— А заметили вы, что с мадам Данглар сделалось дурно? — тихо спросил его Шато-Рено.

— Ну что ж, Бенедетто красивый малый, а мадам Данглар никогда не была образцом добродетели. Кто их знает, кем они приходятся друг другу?

— Может быть, Дебрэ знает что-нибудь… он… ш-ш-ш! Председатель просит слова, я готов побиться об заклад, что его речь будет гораздо глупее речи помешанного де Вильфора!

9. Осужден

Страсть к противоречиям присуща человеческой натуре: с момента, когда Вильфор потребовал смертного приговора своему сыну, все присутствующие начали находить, что Бенедетто заслуживает более снисходительного приговора. Речь председателя суда вполне оправдала предположение Шато-Рено, и задача адвоката Бенедетто оказалась проще, чем он предполагал вначале.

Он нарисовал полнейшую заброшенность подсудимого, никогда не знавшего ни отца, ни матери, и так как Бертуччио, способный доказать обратное, не присутствовал на заседании, то слова защитника были приняты с полным доверием.

— Господа присяжные,— заключил адвокат свою молниеносную речь,— зерно Господней благодати, запавшее в сердце подсудимого во время его заключения, пустило корни: чистые, даже больше — возвышенные чувства заменили прежние порочные наклонности, и фальшивомонетчик и убийца снова достоин звания «человек» — звания, которое он опозорил и покрыл грязью не по своей вине! Бог, сотворивший это чудесное

превращение, хочет не смерти грешника, но его обращения на путь истинный, путь праведный; может ли людской суд карать раскаявшегося? Нет, господа присяжные, вы не можете допустить этого!

Рыдания раздались в зале, публика была тронута, и защитник сумел воспользоваться этим умилением. Яркими штрихами изобразил он будущность возвращенного обществу исправившегося преступника, неустанно старающегося заслужить и оправдать доверие и милость к нему суда, и Бенедетто упал на колени, заливаясь горячими слезами и лепеча:

— Боже, Боже! Неужели я удостоюсь такого счастья?

Когда присяжные удалились в совещательную комнату, глаза всех присутствующих были полны слез — все тревожно ожидали приговора. Через четверть часа присяжные вынеси свой вердикт: виновен, но заслуживает снисхождения!

Бенедетто был снова введен в залу, и председатель, прежде чем объявить ему приговор присяжных, предложил подсудимому обычный вопрос, не хочет ли он сделать заявление.

Бенедетто глубоко поклонился и тихим взволнованным голосом проговорил:

— Не имею ничего сказать, господа, кроме того, что я искренне благодарен за все.

— Суд приговорил подсудимого Андреа Кавальканти, также Бенедетто, к пожизненной каторжной работе! — объявил председатель громким голосом, и в зале послышался ропот неудовольствия: все, очевидно, ожидали более снисходительного приговора.

Бенедетто же наоборот улыбнулся с выражением благодарности и облокотился о перила, как бы для того, чтобы бросить последний взгляд на собрание. Внимательный наблюдатель мог заметить, однако, что он глазами искал кого-то, и радость блеснула в его взоре: спутник мадам Данглар протиснулся вперед и, поздравляя защитника с успехом, нашел возможность шепнуть корсиканцу:

— Мы сдержали слово!

— Но каторга, галеры…

— Терпение, одно только терпение.

— А клятва спасти меня?

— Твоя жизнь спасена покуда, чего же ты хочешь еще?

Если Бенедетто и был недоволен, то все-таки не имел возможности выразить это словами, так как подошедший сзади жандарм грубо оттолк-

нул его. Корсиканец вспыхнул, но сдержался и покорно сказал:

— Я иду, господа!

— Иди, иди,— проворчал жандарм, надевая ему наручники, и Бенедетто, спускаясь по лестнице в окружении солдат, понял из их разговора, что завтра он будет отправлен в Бикатр — первую станцию осужденных на галеры. Тогда ему в голову пришла отчаянная мысль — попытаться бежать. Но узкая лестница и грозно поднятые штыки ружей сопровождавших его солдат показали все безумие подобной попытки и, покорившись судьбе, он имел довольно времени подумать о своем прошлом в течение долгого, скучного, утомительного переезда.

Чего удивительного в том, что Бенедетто считал себя несчастным. Конечно, жизнь была спасена, но одного этого казалось недостаточным, тем более после того, как он назывался графом Кавальканти и был женихом прекрасной и богатой девушки.

С какой яростью вспоминал он о письме аббата Бузони, пославшего его в Париж. Он отправился в почтовой карете по указанному маршруту и, прибыв в столицу, отыскал графа Монте-Кристо. Там бн встретил достойного Бартоломео Кавалькан-

ти из Лукки, который прижал его к сердцу, как своего сына. Бенедетто скрежетал зубами, думая о той минуте: он был лишь марионеткой в чужих руках, послушным орудием чужой воли. Потом подвернулся Кадрусс, и он поднял на него кинжал и тем довел себя до настоящего отчаянного положения. Теперь, припоминая различные эпизоды, он думал, что непроницаемый и таинственный граф Монте-Кристо намеренно толкнул его на путь преступления; конечно, было безрассудно убивать Кадрусса; но почему это убийство, освободившее мир от негодяя, погубило его самого? Граф купил дом в Отейле, где родился Бенедетто, и в достопамятный вечер, когда молодой Кавальканти с отцом впервые увидели де Вильфора, речь шла о невинном ребенке, ставшем жертвой преступления! Граф Монте-Кристо являлся подобно ангелу мщения, жестоко наказывая виновных и тратя свои миллионы для отыскания все новых доказательств…

Размышления Бенедетто были прерваны остановкой повозки у предпоследней станции, и суровая действительность вторглась в его мечты о мести и свободе. Зазвенели цепи, ружейные приклады застучали по каменному полу, солдаты с бранью и проклятиями вытащили Бенедетто и

отвели его в камеру, где он должен был провести ночь.

Камера тускло освещалась одним фонарем, и при его свете корсиканец увидел, что все койки были уже заняты ранее прибывшими пересыльными. Бенедетто остановился в дверях, но тюремщик толкнул его вперед и грубо закричал:

— Ложись!

Бенедетто с недоумением огляделся и покорно спросил:

— Где мне лечь? Нигде нет места!

— Где знаешь: уж не прикажешь ли приготовить для тебя особую постель, потому что ты был князем? — грубо возразил тюремщик.

— Так я буду стоять,— упрямо сказал Бенедетто.

— Стой себе, пожалуй, но только не шуми — шуметь не позволяется. Сними сапоги и не шевелись.

В это мгновение на одной из коек поднялась гладко выбритая голова, и грубый голос произнес:

— Иди сюда, молодчик, здесь есть местечко!

— Ну, кто там разговаривает? — вскричал тюремщик, потряхивая «девятихвосткой», висевшей у него на поясе.

— Я только говорю, что на моей койке есть еще место,— ответил как бы извиняясь, человек из угла.

— Какие церемонии! Ну, ступай, Бенедетто, и молчать все! — проворчал тюремщик и, дав корсиканцу пинка, запер дверь.

Прежде чем Бенедетто успел улечься на предложенное место, сторож, дежуривший в камере, поднял голову и сонным голосом произнес:

— Не шуметь, а не то попробуете кнута!

Потом повернулся на другой бок и снова захрапел, между тем как Бенедетто укладывался на узкой койке.

Некоторое время в камере царила мертвая тишина, потом Бенедетто услышал шепот, и к его щеке прикоснулась грубая рука.

— Что еще там? — с досадой спросил он.

— Тише, молодчик: у сторожа и во сне есть уши! — глухо прошептал голос и насмешливо прибавил: — Тебе посчастливилось, молодчик!... Я тот, кто два месяца назад переслал тебе записку.

— Как, вы тот самый?

— Тише, тише! Здесь не кричат. Но поговорим о записке. Одна дама поручила мне доставить ее тебе. Я находился в приемной, когда она приходила с рекомендательным письмом от священника.

Должно быть, я понравился ей — впрочем не у нее одной такой вкус,— потому что она опустила мне в руку луидор и вместе с монетой записку, которую ты получил.

— Так она богата, значит?

— Должно быть… Но не говори так громко: тебя могут услышать. Конечно, в случае необходимости мы отложим нашу беседу до тех пор, пока не приедем «туда»: там у нас будет достаточно времени.

— Туда? Куда же?

— В Тулон, молодчик!

— Как, нас отправляют в Тулон?

— Да, молодчик, мы переезжаем на дачу. Это весьма здоровое место для слабогрудых… а я не из крепких.

— Говорите дальше, какая это была дама?

— Гм, ты горд: ты не называешь меня на «ты», ну да это обойдется. Итак, эта дама была довольно-таки зрелая красавица — под сорок: я таких люблю больше, чем молодых.

Смех, сопровождавший эти слова, показался отвратительным Даже огрубелому слуху Бенедетто: он звучал так невыразимо пошло и противно.

— Узнаю ли я, наконец, что-нибудь о даме? — нетерпеливо сказал Бенедетто.

— Только не горячись, пожалуйста! Когда она дала мне золото, я даже не думал надуть ее. Она шепнула: «Отдайте записку Бенедетто», и хотя я тогда ничего не знал о тебе, но все-таки решился разыскать тебя и передать письмо. Честность во всем — мой девиз!

— В таком случае я удивляюсь, что вы здесь,— хмуро заметил Бенедетто.

— О, это совершенно по другим причинам. Видишь ли, молодчик, я был священником, а в исповедальне мало ли что случается — ну, понимаешь?

Бенедетто, воспитанный на Корсике, при всех его пороках имел некоторое уважение к духовному сану: он отвернулся от своего собеседника с видимым отвращением.

— Итак, я прочел записку,— непринужденно продолжал тот,— где Бенедетто советовали быть как можно покорнее во время заключения и вести себя с величайшим смирением, тогда можно будет найти средство избавить его от смертного приговора. Так ли я понял?

— Так,— кивнул Бенедетто.— Но как вам удалось доставить мне записку? Я никогда вас прежде не видел.

— Этому я легко поверю: ты принадлежал к

«сливкам общества» и поэтому сидел в «Мадалене», я же находился в «Львином рву», который тебе, конечно, неизвестен.

Бенедетто мог бы сообщить товарищу, что давно лично знает это приятное место, но счел благоразумным не сознаваться в этом. Поэтому промолчал — и бывший священник продолжал беседу:

— Каким образом я доставил тебе записку — тебе нет дела: довольно того, что ты получил ее. Но и между преступниками за услугу платят услугой, поэтому теперь я рассчитываю на тебя. Хочешь ли ты сделать мне одолжение?

— Я?

— Ну, конечно! Или в тебе нет искры благодарности?

— Ну, право, я не знаю, каким образом я могу помочь вам? — пробормотал Бенедетто.— Я заперт здесь вместе с вами!

— Молодчик, как ты еще неопытен! Выслушай меня. То обстоятельство, что есть люди, заинтересованные в твоей судьбе, навело меня на мысль — и ты сам согласишься со мной, если поразмыслишь, каким умеренным наказанием ты отделался,— что сильная рука ведет всю игру. Быть может, это женщина; быть может, иезуиты;

быть может, и то и другое. Прав я или нет?

Бенедетто, вспомнив недавнее прошлое, понял, что, действительно, его товарищ оказался проницательнее его. С тех пор, как он получил записку и начал следовать изложенным в ней советам, обращение с ним с каждым днем становилось мягче. Во время последнего заседания государственный прокурор почти защищал его, и Бенедетто не мог не слышать ропота публики после чтения приговора. Потом какой-то незнакомец протиснулся вперед к нему и шепнул: «Не теряй мужества!» Неужели его избавили от эшафота только для того, чтобы на всю жизнь отослать на галеры? Нет, у него еще была будущность: это он ясно понимал и невольно преклонялся перед дальновидными планами того, в чьих неизвестных руках были нити его судьбы.

— Продолжайте! — обратился он к товарищу, переведя дыхание.

— Так ты мне поможешь, молодчик?

— Да.

— И не выдашь меня?

— Нет, какая же мне от этого выгода?

Преступник рассмеялся.

— Ну, по крайней мере, ты откровенен: ты выдал бы меня, если это могло принести тебе

пользу. Спасибо за правду.

— Узнаю ли я, наконец, что я должен сделать?

— Сейчас, молодчик! Наверняка можно сказать, что сегодня или завтра тебя навестят: кто-нибудь придет утешить и ободрить тебя перед отправкой в Тулон. Кто именно придет, я не знаю, да это и не относится к делу; но суть в том, что этого посетителя или посетительницу ты должен упросить отослать по адресу записочку. Я тебе это послание дам. Конечно, заплатить мне за это нечем, но я все-таки полагаюсь на твою добросовестность.

— Даю слово исполнить.

— И еще одно! Я тебе сказал прямо, что прочел предназначенное тебе письмо, поступишь ли ты так же с моей запиской?

— О, конечно, нет! Как можно?

— Как можно? Человеку все можно — а ты человек. Чтобы ты не мог прочитать письмо, оно написано шифром, известным только мне и адресату. На адресе стоит: «Господину Маглоар, 8-я улица. Контрэскарп». Больше мне нечего объяснять — не то, чтобы я боялся, что ты проболтаешься о моих маленьких тайнах, но все-таки осторожность не помешает. Да, постой, вот еще что: письмо невозможно развернуть незаметно. Как ни странно это звучит, тем не менее это

правда. Я совершенно спокоен на этот счет: мои предосторожности так совершенны, что я ничем не рискую, да и к тому же — рука руку моет! Поэтому постарайся исполнить мое поручение и поверь — ты от этого ничего не проиграешь.

— Положитесь на меня!

— Скажу более: письмо это — залог нашей взаимной свободы. Не то, чтобы я особенно старался о тебе, но где есть кусок для одного, там и другой сыт будет.

— Давайте письмо: я держу свои обещания.

В это время дверь быстро растворилась и на пороге показался тюремщик, выкрикнувший громко:

— Бенедетто, Бенедетто!

10. Мать и сын

Бенедетто живо вскочил и, спрятав письмо в карман, последовал за тюремщиком, приведшим его в приемную.

Наступил момент, о котором говорил бывший священник: кто-то пришел повидаться с ним, и, быть может, сегодня его ожидала какая-нибудь перемена. Бенедетто вопросительно посмотрел на инспектора, которому тюремщик передал его; но это начальствующее лицо было весьма не в духе из-за беспокойства в столь поздний час, и, толкнув корсиканца вглубь комнаты, инспектор запер дверь снаружи и ворча, удалился. Бенедетто терпеливо ждал несколько минут. Потом осторожно вступил в круг света, падающего сверху сверху от большой висячей лампы, и вынул письмо. Он осмотрел его со всех сторон и прочитал надпись: «Господину Маглоару, 8-я улица, Контрэкскарп».

Конверт был из толстой серой бумаги и запечатан только одной облаткой. Неужели действительно невозможно открыть его?! Прежде чем Бенедетто успел решить этот вопрос, ключ в замке повернулся, дверь за решеткой, куда впускали

посетителей, медленно растворилась, и темная фигура нерешительно остановилась у порога. Дверь захлопнулась. Бенедетто не шевелился, и при свете вспыхнувшей ярче лампы увидел женщину.

Слабый стон пронесся по комнате, и посетительница вымолвила тихо и нерешительно:

— Милостивый государь!

— Кто вы и что вам от меня нужно? — грубо спросил Бенедетто.

— О, Боже! — снова раздался голос, полный слез, и Бенедетто был невольно тронут.

— Вы боитесь меня, что ли? — насмешливо спросил он.— Ну, так успокойтесь: я вам не сделаю ничего плохого.

— Я не боюсь,— был тихий ответ.

— Так подойдите ближе к свету и дайте посмотреть на вас.

— Но вы меня не знаете…

— Так зачем же вы пришли сюда?

— Потому что… потому что некто, принимающий в вас участие, прислал меня сюда.

— Неужели есть люди, интересующиеся мною?

— Разве вы этого не знаете? Ведь вам дали некоторые советы, точное исполнение которых спасло вам жизнь.

— Спасло? Гм… Не вы ли прислали мне записку?

— Да, я.

— Значит, вы сорокалетняя дама, заплатившая луидор за доставку письма?

— Откуда вы знаете эти подробности? — спросила пораженная посетительница, отходя в дальний угол комнаты.

— У меня есть друзья… Действуете ли вы по собственному побуждению или вы только посредница, милое дитя мое? — с наглым смехом спросил Бенедетто.

— Я только посредница,— быстро ответила она.— Меня послала сюда женщина, которой вы никогда не видели.

— Как ее зовут?

— Этого я сказать не смею, но могу лишь сообщить вам, кто она и почему спасла вас от эшафота.

— Еще вопрос: она богата?

— Она была богата. Но, увы, скоро у нее ничего больше не останется!

— В таком случае я вовсе не хочу знать ее!

— Бенедетто, выслушайте меня! В тот страшный день, когда вы услыхали свой приговор, вы говорили, что прощаете вашего отца и вашу…

вашу мать, не так ли?

— А, так вы моя мать? — вскричал он, хватаясь за решетку, разделявшую их.

— Нет, нет, клянусь вам!

— Тем лучше: значит, я могу говорить с вами откровенно! Вы знаете мою мать: скажите ей, что каторжник, имеющий несчастье быть ее сыном, не простит ей этого никогда-никогда.

— Бенедетто!

— Но вы ведь не моя мать: вас не может волновать, если я высказываю то, что лежит у меня на сердце! Так слушайте же хорошенько — если мою мать интересует мой ответ, передайте ей его! Вероятно, она великосветская дама, нарушившая супружескую верность, ставшая любовницей плута Вильфора и произведшая меня на свет! Но чтобы сделаться наложницей Вильфора, она должна была уже раньше пасть весьма низко и уже раньше должна была быть бесчестной.

Конвульсивные рыдания женщины заставили Бенедетто остановиться. Он насмешливо посмотрел сквозь решетку и спросил:

— Зачем же вы плачете, если вы не моя мать?

Дама сдержала рыдания, и корсиканец добавил:

— Нарушение верности супругу со всеми по-

следствиями довело женщину до безумия. Чтобы спасти свою честь — как будто у подобных людей есть честь — она решила убить свое дитя!

— Нет, о нет! Она не сделала этого! — простонала женщина, падая на колени перед решеткой.— Клянусь богом, она была неповинна в этом ужасном преступлении!

— Но, во всяком случае, она допустила, чтобы подлый трус Вильфор взял ребенка и, выдав его за мертвого, унес и заживо зарыл в саду.

— Да, это так!

— Почему же вы знаете это? Ведь вы не моя мать? Говорите, что хотите, я не верю этой басне и ненавижу женщину, желавшую моей смерти!

— Остановитесь, сжальтесь, замолчите!

— Нет, я не хочу молчать! — с бешенством вскричал Бенедетто.— Я хочу высказать все, что чувствую! Моя мать повергла меня в бездну проклятий! Дитя, без покровительства и поддержки, сделалось фальшивомонетчиком, вором, убийцей, и вместо того, чтобы заботиться о его судьбе, презренная навсегда покинула его!

— Бенедетто, ваша мать не знала о вас!

— Ложь, отвратительная ложь! Она боялась запятнать свою честь, и я не только ненавижу ее — этого мало! Я проклинаю ее!

Пощадите, пощадите! Не проклинайте!

Бенедетто мрачно посмотрел на несчастную, со стоном упавшую на пол, и вдруг спросил изменившимся голосом:

— Зачем же вы просите пощады, если вы не моя мать?

Женщина все еще рыдала. Бенедетто пожал плечами:

— Перестаньте же, мать, на этом свете каждый должен заботиться о себе! Я вас стеснял, и вы постарались избавиться от меня. В подобных обстоятельствах я поступил бы точно так же!

Женщина вздрогнула… Бенедетто непринужденно пробормотал:

— Обсудим наше положение. Вы богаты, вы моя мать — и вас мучат угрызения совести. Вы не находили себе покоя, пока не спасли меня от казни — и это удалось вам. Но как же я вырвусь отсюда?

— Это невозможно! — решительно ответила посетительница.

— Невозможно? Такого слова нет в моем лексиконе. Итак, вы — моя мать, вы раскаиваетесь и обладаете богатством.

— Нет, у вашей матери нет ничего, она теперь бедна!

— Вздор! Это просто значит, что она не хочет ничего сделать для меня: сама осыпана золотом, а меня заставляет гнить на каторге!

— Не думайте так дурно о несчастной женщине: она пожертвовала всем своим состоянием, чтобы вырвать вас из рук палача!

— Если это правда, то черт ее возьми! — проскрежетал зубами Бенедетто.

— Да, это правда, довольно скрываться! Я — ваша мать, и чтобы спасти вас, чтобы добыть помощь и поддержку людей, избавивших вас от эшафота, чтобы видеть вас сегодня и говорить с вами, я подписала договор, по которому лишилась целого миллиона — всего моего состояния!

— И вы называете это благородным поступком? -неистово закричал Бенедетто. Вместо того, чтобы таким образом украсть у меня этот миллион, вы могли бы прийти сюда, подкупить сторожей и освободить меня! Для этого довольно было бы ста тысяч, а на остальные деньги я мог бы жить счастливо — вместо того, чтобы таскать за собой цепи! И это вы, вероятно, называете исполнением своего долга! Идите, идите прочь! Не прощение мое купили вы, а проклятие!

— Бенедетто,— строго сказала его собеседница,— я вам скажу, какая жизнь предстоит мне!

Через месяц я оставлю Францию и отправлюсь в Малую Азию — в общину сестер милосердия. Там я буду смирнейшей из смирных, беднейшей из бедных; на золото, пожертвованное мной иезуитам за твое спасение, будет построен монастырь; в жалкой кельи скрою я свое отчаяние, свой позор и буду жить одинокой, пока смерть не прекратит мои муки! Завидна ли моя участь, Бенедетто?

— А, так это иезуиты воспользовались моим наследством? — спросил Бенедетто в раздумье.

— Да, в день моего отъезда они получат мое состояние.

— Так оно еще не в их руках?

— Оно уже принадлежит им, но я еще не успела передать им их собственность.

Бенедетто погрузился в размышления. Посетительница помолчала, а потом произнесла надорванным голосом:

— Прощайте, Бенедетто! Я сделала для вас все, что было в моих силах, но напрасно ожидала я услышать слово прощения. И это не ваша вина — я должна покориться и этому: на нас обоих тяготеет проклятие!

Рыдания заглушили ее последние слова.

— Мать, мать! Прости меня! — внезапно послышался нежный, молящий голос Бенедетто.

Слова были бальзамом для изболевшего сердца несчастной женщины: она глубоко вздохнула и прошептала:

— Боже, благодарю тебя!

— Мать,— снова с мольбой произнес Бенедетто,— мать, протяни мне сквозь решетку свою руку, чтобы я мог поцеловать ее!

Маленькая рука быстро очутилась в руке каторжника. Он поцеловал ее и потом сказал заискивающе

— Мать, у меня есть последняя просьба!

— Какая, сын мой? Я исполню все, что смогу сделать для тебя.

— Благодарю, тысячу раз благодарю! Когда ты оставляешь Францию?

— Двадцать шестого февраля.

— И куда едешь?

— В монастырь.

— Так ты отправляешься через Марсель?

— Да.

— Ну, так выслушай: подари мне еще одно свидание. Я так долго был лишен счастья видеть тебя, что это желание естественно! В то время я буду уже в Тулоне, и тебе придется лишь немного изменить маршрут, чтобы повидаться со мной и дать мне возможность еще раз прижать к губам

твою дорогую руку перед началом моей новой безотрадной жизни.

Сердце бедной женщины переполнилось радостью, когда она услышала глубоко тронувшие ее слова лукавого корсиканца. Она подумала и решительно ответила:

— Хорошо, я навещу тебя.

— Но когда? Ты едешь 26-го февраля?

— Да.

— А 25-го передашь свое состояние?

— Совершенно верно.

— Так приди ко мне 24-го, мать!

— Я постараюсь, Бенедетто.

— Могу я положиться на тебя? Ты придешь?

— Клянусь тебе!

— О, благодарю, благодарю тебя, мать! — и снова Бенедетто прижал свои предательские губы к руке матери, слишком готовой верить его лживым речам.

— Погоди, вот еще что! — вскричал Бенедетто, как бы вспомнив нечто. — Я обещал одному из моих товарищей отослать вот это письмо. Ты можешь бросить его в почтовый ящик? Тут нет ничего дурного: иначе бы я не стал тебя просить об этом.

Несчастная даже не думала отказать лицемеру

и охотно протянула руку за письмом, не заметив, что этим движением она немного открыла свое лицо, закутанное вуалью, и Бенедетто узнал мадам Данглар, на дочери которой он намеревался жениться! В его сердце вспыхнул гнев и стыд, но он подавил свои чувства и глухим голосом повторил:

— До свидания, мать, 24-го февраля, не забудь.

11. В редакции

— Ну, что нового, любезный Шато-Рено? — спросил друга Бошан, зашедший к нему в редакцию.

— Ничего особенного пока! Восточные дела все в том же положении — все на свете идет по-старому.

— Ничего особенного? Что ты мне дашь за интересную новость, любезный друг?

— Гм, смотря по тому, какая новость!

— Дело касается нашего приятеля Альберта де Морсер.

— Что же с ним случилось?

— О, обстоятельства его блестящи! Он отличается в каждом сражении и наверняка со временем будет знаменитым генералом.

— Желаю ему этого от всего сердца. Помнишь тот печальный период жизни Альберта, когда в твоем журнале появилась статья из Янины?

— Помню ли я? Я ведь сам ездил в Янину. И известия, привезенные мной оттуда, совершенно уничтожили нашего бедного друга.

— А граф Монте-Кристо исчез?

— На время — да. Но рано или поздно он явится опять.

В эту минуту за дверями послышалась перебранка, и, отворив дверь, Бошан увидел молодого человека, спорившего с мальчиком-посыльным, не пускавшим его в комнату.

— В чем дело? — спросил изумленный Бошан и сделал знак мальчику оставить незнакомца.

— Да, господин Бошан,— вскричал этот последний,— я знал, что вы впустите меня!

— Во всяком случае я не имею чести вас знать! — сказал Бошан, кланяясь.

— Позвольте напомнить вам о себе: ведь я тот, который во время процесса Бенедетто позвал вас в залу заседаний.

— А, теперь вспомнил! — приветливо сказал Бошан.— Чем я могу быть вам полезен?

— Напротив, господин Бошан, я сам могу оказать вам услугу.

— Прошу вас в кабинет... Позвольте узнать ваше имя?

— Меня зовут Гратилье,— ответил молодой человек, следуя за Бошаном. Усевшись, он лукаво улыбнулся и многозначительно спросил:

— Если не ошибаюсь, вы интересовались Бенедетто?

— Немножко интересовался.

— Но когда вы услышите то, что я скажу

вам,— вы заинтересуетесь им гораздо больше. Я специально посвятил себя изучению личности Бенедетто. Я убеждён, что ему предстоит великая будущность!

— В самом деле? Что же. он будет министром или королем?

— Не смейтесь: он кончит жизнь не на галерах!

— Конечно, быть может, на эшафоте. Это весьма возможный конец подобной карьеры.

— Нет, Бенедетто метит выше: я сужу по голым фактам и передам вам лишь только то, что случилось. Вчера вечером господин Бенедетто принимал посетительницу в тюрьме!

— Посетительницу?

— Да. Какая-то скрывшая свою внешность женщина провела с ним целый час. Но ее лица я не мог увидеть.

— Как, разве у вас крылья, что вы можете следовать за Бенедетто?

— Нет, господин Бошан, у меня нет крыльев, но тотчас по окончании заседания я сел в экипаж и прибыл в тюрьму лишь часом позже Бенедетто.

— Это очень быстро… действительно. Вы видели эту даму?

— Да. Я не могу утверждать, но сильно подозре-

ваю, что она совсем не чужая некоему банкиру, бежавшему три месяца тому назад.

Бошан и Шато-Рено значительно переглянулись, между тем как Гратилье продолжал:

— Эта женщина вышла из тюрьмы в десять часов и села в экипаж.

— Ее собственный экипаж?

— О, нет. Это была наемная карета.

— И вы проследили за ней?

— Это оказалось весьма легким делом: я поместился рядом с кучером и поехал вместе с незнакомкой. Карета остановилась на улице Контрэскарп, 8 — и я хорошенько заметил дом и надпись над одной из дверей: «Господин Маглоар, дрессировщик животных». Дама вышла из экипажа и, тщетно поискав колокольчик, робко постучала в дверь. Никто не ответил, она стукнула еще несколько раз. Наконец, поднялась рама маленького окошка, и грубый голос произнес: «Ну, что там такое?» «Я должна отдать письмо»,— тихо сказала дама. «От кого?» Ответ незнакомки я не расслышал, но чья-то рука протянулась из окна и взяла письмо, затем рама опустилась. Через минуту экипаж отправился дальше.

— Вы, конечно, продолжали следить за женщиной?

— О, нет, с какой стати? Я интересуюсь лично Бенедетто, а дама эта — второстепенная личность. Скажите, однако, господин Бошан, годится ли эта новость для вашего журнала?

— Гм, об этом нужно сначала подумать. Не хотите ли пока сигару?

— Охотно. Вы видели когда-нибудь отправление ссыльных каторжников в Бисетра?

— Нет, но я думаю, что это должно быть отвратительным зрелищем.

— Без сомнения, так. Сегодня в Бисетра я присутствовал при отсылке Бенедетто — и должен признаться, что почти пожалел его. Прекрасного Андреа Кавальканти безжалостно лишили его ореола и даже изрезали на нем все платье.

— Это зачем? — живо спросил Шато-Рено.

— Для того, чтобы помешать бегству ссыльного. Всякий, увидевший изрезанную одежду, узнает в нем каторжника. Все преступники терпеливо перенесли эту операцию, и лишь Бенедетто яростно вскрикнул, когда ножницы тюремщика коснулись его изящного костюма и, услышав раздавшийся в то же время лязг цепей, приготовляемых на соседнем дворе, стиснул зубы и бросил вокруг взор, заставивший меня затрепетать.

— Вы также присутствовали, когда преступни-

ков заковывали, господин Гратилье?

— Конечно, я ничего не делаю наполовину. Но я должен сказать, что зрелище было самое возмутительное, какое только можно себе представить. Преступников расставили во дворе по росту парами, сковывая их цепью длиной в шесть футов. На каждой из этих цепей находится железный треугольник, скрепленный с одной стороны шарниром, а с другой — просто гвоздем. Этим треугольником каждая отдельная цепь соединяется с одной общей цепью, и это соединение происходит самым ужасным способом.

Каторжник с треугольником на шее должен стать на колени перед большой наковальней, на которую кладется треугольник, и кузнец сильным ударом молота, раздробив шарнир, приваривает треугольник к главной цепи. Малейшее движение преступника — и он может попасть под молот, но Бенедетто и тут оказался удачлив: он невольно отшатнулся, и молот, вместо того чтобы раздробить ему череп, упал на плиты пола, из которого брызнули тысячи искр.

— Право, скоро и я уверую в счастливую звезду Бенедетто,— в раздумье сказал Бошан.— Это все, господин Гратилье?

— Сейчас закончу. Когда закованные каторж-

ники выходили со двора, в толпе, собравшейся поглазеть на них, я заметил горбуна, на плече которого сидела обезьянка, а у ног вертелся на задних лапах пудель в мундире. В правой руке этот человек держал клетку, полную птиц, а по его левой руке взад и вперед бегала большая белая крыса. У этой крысы была необыкновенно острая морда и длиннейший хвост; она бегала не останавливаясь и глазела по сторонам умными глазками. Каторжники, сторожа и зрители смеялись, глядя на зверька. Горбун с ястребиным носом и неприятным проницательным взглядом подошел ближе и, как мне показалось, глазами поискал «напарника» Бенедетто.

— А вы знаете, кто этот его товарищ по цепи? — быстро спросил Бошан.

— Да, это бывший аббат Ансельмо, если вы слышали о нем.

— Конечно, слышал! Аббат был позором для всего духовенства, — вскричал Бошан.— И он — сотоварищ Бенедетто? Достойная парочка!

— Я подумал то же самое! — смеясь, продолжал Гратилье.— Крыса внезапно перескочила с руки горбуна на руку бывшего аббата и нежно потерлась носом о его рукав.

— О, что за прелестное животное! — вскричал

Ансельмо.— Подарите ее мне!

— Нашел дурака,— грубо ответил горбун.— Я продаю моих зверей, а не дарю их.

— Но у меня нет денег!

— У тебя на пальце кольцо: отдай его мне, тогда получишь крысу.

— Я могу, однако, присягнуть,— продолжал Гратилье,— что до этой минуты у Ансельмо не было никакого кольца, и я совершенно не мог понять, откуда оно вдруг появилось на его пальце. Он взглянул на тюремщика и сказал: «Если мне позволят, я охотно променяю кольцо на крысу». Так как узникам дозволяется держать ручных крыс, мышей и пауков, то сторож ничего не возразил, и горбун, заметив с гордостью, что крыса его — редкостный зверек, показал, какие она умеет проделывать штуки. Она прыгала через палочки, отвечала на вопросы, утвердительно или отрицательно кивая головой, и в заключение залезла в рукав Ансельмо. Каторжники были в восторге, и в эти минуты забыли о тяжести двадцатифунтовой цепи, висевшей на их шеях. Ансельмо и горбун между тем о чем-то шептались, пока сторож не прекратил эту сцену, затворив ворота и уведя преступников. «Еще словечко,— закричал уходя Ансельмо, — я не знаю, как зовут мою крысу?» «Ее

зовут Царь грызунов»,— ответил горбун, просовывая голову в ворота. Я последовал за горбуном и, дойдя до узкой и уединенной улицы, крикнул: «До свидания, господин Маглоар!» Его смущенный быстрый взгляд показал, что я не ошибся.

— Итак, вы думаете...— начал пораженный Шато-Рено,— что письмо, отданное незнакомкой на улице Контрэскарп, было написано Ансельмо и передано через Бенедетто; в письме была оговорена вся сцена с крысой, и развязка не заставит себя долго ждать.

— Господин Гратилье, конечно, возьмет на себя труд сообщить обо всем читателям нашей газеты. Могу я считать вас нашим сотрудником с сегодняшнего числа, господин Гратилье?

— Сочту за величайшее счастье,— ответил просияв-

12. Понтон номер два

Каторжников перевезли на корабле из Шалона в Лион. Во время переезда ничего не случилось, и, за исключением Бенедетто, все ссыльные были в хорошем расположении духа. Ансельмо употреблял все усилия, чтобы разогнать тоску своего товарища, но это ему не удавалось: Бенедетто оставался молчалив и сосредоточен.

Когда они сходили с корабля в Лионе, Ансельмо многозначительно шепнул товарищу:

— Маглоар молодец, он прислал мне острую пилу!

— Пилу?— бессмысленно повторил Бенедетто. Разве он дал тебе пилу?

— Черт возьми, как ты глуп! Но подожди, после растолкую.

Со времени отъезда из Парижа Бенедетто был неузнаваем: в нем не осталось ничего от гордого Андреа Кавальканти, и временами он боялся сойти с ума.

Его поддерживала лишь мысль о миллионе, который его мать обещала выплатить иезуитам 25-го февраля. Этот миллион должен был достаться ему, но каким образом — он еще не придумал.

Сначала он надеялся, что Ансельмо сдержит слово и освободит его, но понемногу уверенность ослабевала, и когда 28-го января каторжники достигли Тулона, Бенедетто дошел почти до полного отчаяния.

В Тулоне с каторжников сняли железные ошейники, заменив их ножными браслетами, сводили в купальню и затем выдали обычную одежду ссыльных: желтые панталоны, красную куртку с желтыми рукавами и зеленую шляпу.

Ансельмо и Бенедетто были одного роста, и их сковали вместе; понтон номер два был назначен их жилищем — и они поселились в нем вместе с маленьким Царем Грызунов.

Скоро крыса сделалась любимицей всех каторжников, надсмотрщиков и сторожей, и редкий вечер проходил без представлений. Ансельмо выучил ее еще новым штукам. Иногда он спрашивал ее: «Маленький царек, какие чувства ты питаешь к королю, к закону и чиновникам?» И умный зверек низко кланялся на все стороны, скрещивая лапки на груди, поводя мордочкой, как бы шепча благословения, скромно опустив глазки. Когда же Ансельмо спрашивал: «Как наказывают осужденных на смерть?» — крыса падала навзничь, вытянув все четыре лапы, и

оставалась лежать неподвижно, как мертвая.

Один Бенедетто не разделял общей веселости; глядя перед собой тупым и печальным взглядом, он содрогался всякий раз при прикосновении крысы. Насмешки Ансельмо над его «княжескими замашками» заставляли Бенедетто в ярости скрежетать зубами.

Единственным его желанием было освободиться от своего товарища, но на это было мало надежды после подслушанного им разговора Ансельмо с надзирателем. Когда надзиратель спросил бывшего аббата, отчего он не попытается отделаться от своего мрачного соседа, Ансельмо ответил, смеясь:

— Зачем же? Не все ли равно: Бенедетто или кто другой? Пусть его остается!

Как только надзиратель отошел, Бенедетто обратился к Ансельмо, дрожа от злобы:

— Отчего ты не избавишься от меня?

— Потому что мне трудно привыкать к новому человеку,— был равнодушный ответ,— меня ты ничуть не стесняешь, да и я тебе не помеха…

— Напротив, ты противен мне! — гневно перебил его Бенедетто.

— Право? Видишь ли, твоя откровенность нравится мне, и я не хочу расставаться с тобой.

— А если я убью тебя? — проскрежетал Бенедетто.

— Гм, молодчик, не слишком горячись! Во всяком случае, я могу сказать тебе, за что ты меня ненавидишь.

— Любопытно! Этого я и сам не знаю,— насмешливо ответил Бенедетто.

— За то, что, как ты думаешь, я обманул тебя, говоря о бегстве, и с тех пор не упомянул об этом ни слова.

Бенедетто что-то несвязно пробормотал, пристыженный тем, что аббат так легко проник в его мысли.

— Знаешь ты историю Брута, притворившегося безумным, чтобы вернее погубить Торквиния? — спросил Ансельмо с насмешкой.

Но Бенедетто был совершенный невежда, и классический пример ничего не говорил ему.

— Ты насмехаешься надо мной,— сурово сказал он.— Когда ты отдавал мне письмо для этого Маглоара, ты также меня обманывал?

— Ты так думаешь?

— Как, ты еще спрашиваешь? Неужели же твой Маглоар поможет нашему бегству?

— А если он уже помог?

Глаза Бенедетто широко раскрылись.

— Боже мой,— вздохнул Ансельмо,— сколько нужно труда, чтобы выдрессировать тебя.

Корсиканец закусил губу, Ансельмо же продолжал:

— Ты в самом деле хочешь бежать?

— Хочу ли я в самом деле? Я бы дал отрубить себе правую руку, если бы кто-нибудь пообещал освободить меня отсюда к известному дню! — воскликнул Бенедетто.

— К какому дню?

— 24-го февраля вечером я должен оставить Тулон.

— А, даже *должен*! Решительно сказано!

— Не насмехайся, я должен быть свободен, иначе…

— Что иначе?

— А ты не выдашь меня?

— Твоя осторожность немного запоздала,— сухо ответил Ансельмо,— но, во всяком случае, чтобы успокоить тебя, могу уверить, что вовсе не в моих интересах выдавать тебя! Посмотри на меня! Я могу освободить тебя — это так же верно, как то, что я стою перед тобой!

Бенедетто вскрикнул.

— И это правда? — едва переводя дыхание, спросил он.

— Зачем бы я стал обманывать тебя? Нет, Бенедетто, будем откровенны друг с другом. Я предложу тебе мои условия, и если ты их примешь, то 24-го февраля, вечером, будешь свободен.

— Скажи твои условия,— тихо произнес Бенедетто.

— Отдай мне четверть из миллиона, которого ты добиваешься, и мы будем квиты.

Корсиканец с ужасом посмотрел на аббата.

— Откуда ты знаешь? — пробормотал он.

— Что ты имеешь в виду миллион? Да из твоих слов. 24-го февраля и «миллион» — суть, альфа и омега твоих помышлений — ты и во сне беспрестанно повторяешь эти слова. Ты хочешь быть свободным 24-го числа, чтобы украсть эти деньги. Укради их, но отдай мою долю!

— И ты требуешь?...— прошептал корсиканец.

— Только четверть суммы, хотя я мог бы рассчитывать и на половину. Но я не корыстолюбив.

— Как же ты устроишь наше бегство? — поинтересовался Бенедетто после минутного молчания.

— Это уж мое дело: у меня есть помощник, на которого я могу вполне положиться!

— Помощник? Как же это может быть?

— Поклянись дать мне четвертую часть твоего миллиона, и я покажу его тебе.

Бенедетто поклялся, Ансельмо свистнул, и когда на этот свист прибежала его крыса, он торжественно указал на нее:

— Вот наш спаситель: маленький Царь Грызунов освободит нас.

13. Мертвая воскресла

Доктор Давоньи сидел в кабинете, просматривая рапорты из своей больницы, когда слуга доложил о каком-то молодом человеке, непременно желавшем видеть его.

— Ведь вы знаете, Жан, что я не люблю принимать посетителей так поздно,— с неудовольствием заметил врач.

— Но этот господин велел передать вам карточку, сказав, что господин доктор наверняка примет его.

Доктор взглянул на карточку и, увидев имя Максимилиана Морреля, быстро вскочил, немедленно приказав проводить гостя в его кабинет. Давоньи видел молодого Морреля только однажды — перед трупом Валентины де Вильфор, и теперь, встретившись на пороге комнаты, оба разом вспомнили печальные обстоятельства их первого знакомства и, тронутые этим, горячо пожали друг другу руки.

— Доктор,— торжественно начал Максимилиан,— я прихожу к вам не как к врачу, а как к другу семейства де Вильфоров.

Давоньи поклонился, и Моррель продолжал

дальше:

— Осмелюсь я спросить, как здоровье господина де Вильфора?

— Положение его безнадежно,— грустно ответил врач.— Сиделка сообщила мне, что он снова в полном рассудке, но я боюсь, что это улучшение — предвестник близкого конца. Он попросил пригласить к нему государственного прокурора, которому он имеет сообщить нечто весьма важное, и когда я не согласился на это, он настойчиво потребовал: «Давоньи, мне нельзя терять времени — моя смерть уже не за горами!»

— Так надо спешить,— пробормотал Моррель чуть слышно и громче добавил: — Господин доктор, повредит ли вашему пациенту сильное потрясение?

— Это зависит от того, какого рода это потрясение,— сдержанно ответил Давоньи.— Для Вильфора не может быть радостных волнений, а печальные новости ему лучше не сообщать.

— Но дело идет о большой радости, соединенной в то же время, может быть, с испугом.

— Вы говорите загадками, г-н Моррель.

— Я вам объясню все: Валентина де Вильфор жива!

Старый доктор зашатался и упал бы, если бы

Максимилиан вовремя не поддержал его. Горячие слезы потекли, по щекам Давоньи, и, всхлипывая, он спросил:

— И это не сон? Валентина жива?

— Она жива и сгорает от желания пожать руку старому другу, — ответил Максимилиан, а затем рассказал жадно слушавшему врачу, каким чудесным способом Валентина избежала смерти. Он подробно описал, как Монте-Кристо сделал безвредным отравленный напиток, приготовленный для Валентины ее мачехой, и как он самого Максимилиана спас от самоубийства.

— Но кто же собственно этот граф Монте-Кристо? -спросил старик, когда Максимилиан окончил свое повествование.

— Господин доктор,— ответил Моррель,— я сказал вам все, что мог. Кто и что такое граф Монте-Кристо— я объяснить не смею: он лишь выполняет свое предназначение, наказывая одних и награждая других. Я и сам часто готов был признать его за богоподобное существо. Его окружает тайна, открыть которую может он один, а я лишь могу вас уверить, что он благороднейший человек!

— Где теперь Валентина? — спросил Давоньи после короткого молчания.

— Со времени падения дома де Вильфоров Валентина жила близ Марселя в небольшом поместье своего деда Нуартье.

— Так вот почему Нуартье так внезапно исчез из Парижа! — живо перебил Давоньи молодого человека.

— Да, граф Монте-Кристо уведомил его, парализованного, но способного ясно мыслить, что Валентина жива и нуждается в его покровительстве. Господин Нуартье немедленно сделал все нужные распоряжения, и они все время жили вместе в Оллейоле, что близ Марселя, пока пять дней тому назад…

— Что случилось? — с беспокойством спросил старый доктор.

— Она получила вот эту записку. Прошу вас, прочтите и скажите ваше мнение об этом.

И Моррель передал старику следующее послание:

«Валентина! В Париже, в доме доктора Давоньи умирающий ждет от вас утешения! Если вы хотите застать в живых вашего отца, поспешите к нему. М.К.»

— Без сомнения, эта записка от графа Монте-Кристо.— сказал Давоньи.— И подпись говорит об этом.

— И мы думаем так же,— подтвердил Моррель.

— Вам известно местопребывание графа?

— Нет.

— Откуда он мог узнать о близкой кончине де Вильфора? Я сам два дня тому назад смог определить его состояние, — в раздумье произнес Давоньи.

— Иногда граф кажется мне наделенным каким-то сверхъестественным могуществом,— с увлечением вскричал Моррель.— Валентина под моей защитой немедленно пустилась в путь, и всюду мы находили свежих дорожных лошадей, так что прибыли сюда с баснословной быстротой. Это граф распорядился таким образом, и мы иногда готовы верить чудесам. Я…

В это время в кабинет вошел юноша лет двадцати со свежим открытым лицом. Давоньи со справедливой гордостью представил Моррелю своего сына Фрица, который, как и отец, был врачом. Молодые люди приветливо поздоровались.

— Отец,— сказал Фриц старику,— де Вильфору хуже. Кажется, он опять в бреду, потому что все время зовет государственного прокурора, желая сообщить ему что-то важное.

— Вы подоспели вовремя,— обратился Давоньи к Максимилиану.— Где же Валентина?

— В доме моей сестры, мадам Дебрэ.

— Так попросите обеих дам немедленно же явиться сюда,— сказал старик.— И пусть Валентина будет готова поспешить к отцу по моему первому зову.

Моррель ушел исполнять приказание доктора, а оба врача отправились к де Вильфору.

14. Исповедь

Опустив голову на руки, де Вильфор безучастно сидел в своем кресле, но, услыхав звук отворяющейся двери, поднял голову и, посмотрев вопросительно на обоих врачей, произнес:

— А где же прокурор?

— Он скоро придет,— успокоил больного Давоньи.

— Но у меня осталось так мало времени,— горячо возразил де Вильфор.

— Господин де Вильфор,— внушительно ответил старик,— вы знаете, что прокурора разрешается требовать лишь в самых важных случаях и…

— Но разве это не важный случай, когда человек, сам долгое время исполнявший эту должность, перед смертью хочет повидаться со своим преемником? — резко перебил его де Вильфор.— Как зовут нового прокурора?

— Де Фламбеан.

— А, мой бывший помощник,— прошептал с горькой улыбкой больной и прибавил:

— Доктор, дело идет о восстановлении истины! Попросите де Фламбеана поспешить.

— Я уведомлю прокурора! — вскричал Фриц, переглянувшись с отцом, и больной вздохнул с облегчением, когда дверь затворилась за вышедшим юношей.

Старый доктор тоже вышел, и в ту же минуту Моррель ввел свою сестру и Валентину в приемную.

Давоньи, глубоко тронутый, обнял молодую женщинуу в трауре, и его слезы оросили лицо Валентины.

— Дорогое, милое дитя,— нежно произнес он,— благодарение Богу, что мои слабеющие глаза еще раз увидели тебя!

— А что мой отец? — плача, спросила Валентина.

— Вы увидите его, Валентина, подождите еще немного; он потребовал к себе прокурора. И насколько я мог понять, дело касается какой-то прошлой несправедливости, которую он хочет исправить. Доверьтесь мне: я вас позову, когда будет нужно, а пока подкрепите ваши силы после утомительного путешествия.

Валентина и Юлия удалились в наскоро приготовленные комнаты, а Давоньи и Моррель остались одни.

— Как странно,— задумчиво сказал старик,—

что у де Вильфора такая дочь!

— Может быть, мать Валентины, маркиза де Сен-Меран, была благородная натура?

— Едва ли. Конечно, я не знаком с первой женой де Вильфора, но, по слухам, она была в высшей степени честолюбивая и в этом была достойной партнершей своему супругу. Да и старая маркиза де Сен-Меран не отличалась мягкосердечием…

— Но она боготворила Валентину,— прервал его Моррель.

— Пожалуй, но это не помешало ей принуждать девушку к ненавистному браку. Франц д'Эпине принадлежал к древнему дворянскому роду и уже поэтому казался старухе подходящей партией для ее внучки. Нет, все они были отъявленные эгоисты, и Валентина должна чувствовать себя счастливой, что пошла не в них.

Разговор прекратился с приходом слуги, доложившего о прибытии молодого Давоньи в сопровождении прокурора. Старый доктор поспешил ввести посетителя к больному, и глаза де Вильфора радостно заблестели, когда он узнал Фламбеана.

— Господин де Вильфор,— начал прокурор, почтительно кланяясь,— вы желали видеть меня, чтобы сообщить нечто весьма важное. Это

сообщение касается меня как человека или же как чиновника?

— Оно касается вас, как прокурора, как представителя закона! — твердо ответил де Вильфор.

— Еще один вопрос: желаете ли вы говорить со мной с глазу на глаз? — официальным тоном спросил прокурор.

— Нет,— торжественно ответил де Вильфор,— можно попросить господина Давоньи присутствовать как свидетеля?

Доктор сел на кровать больного, де Фламбеан поместился у письменного стола и произнес:

— Господин де Вильфор, мы готовы!

— Господа,— начал больной звучным голосом,— благодаря мне и моей жене, Элоизе де Вильфор, наше имя покрылось позором, и я не сетую на моего отца за то, что он отказался от этого имени.

— Но, господин де Вильфор...— начал было прокурор.

— Подождите, дайте мне высказать все. Как назвали бы вы человека, который для собственного спасения совершенно хладнокровно осудил другого на пожизненное заключение?

— Я назвал бы его преступником,— сурово сказал Фламбеан.

— Ну, так я — этот преступник. В 1814 году я осудил одного юношу на пожизненное заключение, и небо не покарало меня; в течение двадцати пяти лет счастье улыбалось мне: я достиг положения в свете и заслужил репутацию безукоризненного и честного служителя закона; а между тем все время в глубине души сознавал, что я негодяй. Но человек, которого я считал давно умершим в тюрьме, был жив и жестоко отомстил мне.

Первая моя жена, носившая мое проклятое имя, была моя сообщница; вторая же превзошла меня, сделавшись отравительницей… Она убивала всех, кто был препятствием к достижению ее целей: мой сын и Валентина пали ее жертвами; другого моего сына, плод преступной любви, я умертвил сам, живым зарыв в землю, но, на горе мне, он был спасен, чтобы умереть на эшафоте.

— Нет, господин де Вильфор. Бенедетто только приговорен к пожизненному каторжному труду,— заметил пораженный Фламбеан.

— О, это хуже, гораздо хуже эшафота,— слабо проговорил больной, но моментально оправился и продолжал.— Обе мои жены, Бенедетто и я вполне заслужили презрения и отвращения честных людей, но Валентина, моя бедная Валентина, не заслуживает этого позора, и о ней-то я и хочу

говорить сегодня.

— Я не понимаю вас,— с удивлением сказал прокурор.— Ваша дочь Валентина…

— О, вы, слепцы! — презрительно воскликнул де Вильфор.— Как могли вы считать Валентину моей дочерью? Нет, господа. Валентина не принадлежит к семейству де Вильфоров! Как мог подобный ангел быть отпрыском нашего проклятого рода?

— Я так и думал,— пробормотал Давоньи, между тем как Фламбеан во все глаза смотрел на своего предшественника.

— Когда я женился на Рене де Сен Меран,— продолжал Вильфор после короткой паузы,— я был молод и честолюбив, моя жена также стремилась к блестящему положению в обществе, и в этом отношении мы стоили друг друга. К несчастью, в нашем брачном контракте была одна статья, по которой маркиз и маркиза де Сен-Меран обязались подарить нашему первому ребенку триста тысяч франков в день крестин. Обладая таким капиталом, я немедленно мог бы отправиться в Париж и там пробить себе дорогу. Рене разделяла мои стремления: она мечтала попасть ко двору и играть роль в большом свете; Марсель казался ей слишком тесен. При первых призна-

ках ее беременности мы пришли в восторг и с нетерпением ожидали появления маленького существа, которое должно было проложить нам путь к блестящей карьере, устранив все денежные затруднения.

Ребенок должен был родиться в начале мая 1816 года, и я окружал жену всевозможными заботами, да и она сама старалась быть как можно осторожней, так как вся наша будущность зависела от благополучных родов.

Для того, чтобы вы поняли последующее, я должен рассказать вам, что случилось в апреле 1815 года. Я сидел вечером за работой, когда вдруг услышал дикий и резкий крик. Быстро отворив окно, я увидел, что площадь перед домом полна бегущих и кричащих людей. В одну минуту погасив лампу, я при свете луны заметил человека, бегущего изо всех сил по улице, а за ним мчался другой, громко крича: «Смерть англичанину!» Человек бежал так быстро, что далеко опередил своих преследователей, и я уже считал его спасшимся, когда он вдруг зашатался и упал. Секунду спустя его окружила неистовствующая толпа, произошла короткая борьба, раздался громкий крик, шум падающего в воду тела,— и несчастный исчез в волнах. Потом все затихло, я снова зажег

лампу и принялся за свою прерванную работу, как вдруг послышался легкий стук в окно. Я испугался — кто мог стучаться в этот поздний час?

Взяв пистолет, я осторожно вышел в сад, оттуда неслись слабые стоны, я прислушался и ясно услышал нежный голос с иностранным акцентом: «Помогите, милорд, ради Бога, сжальтесь надо мной!» Я вспомнил крик: «Смерть англичанину!» и был уверен, что передо мной несчастный, брошенный в воду.

Ощупывая землю кругом, я скоро наткнулся на человека, дрожащего от холода и насквозь промокшего. Я помог ему подняться. Тяжело опираясь на мою руку, он с трудом дотащился до моего кабинета. Теплая атмосфера комнаты, по-видимому, благотворно подействовала на него: при свете ламп я увидел перед собой человека лет тридцати. Только я хотел задать ему вопрос, как он зашатался и упал в обморок. Я быстро влил ему в рот глоток вина, и пока он медленно приходил, в себя, я с изумлением смотрел на его мертвенно-бледное; но прекрасное лицо.

Черные кудри обрамляли благородное чело, глаза были закрыты и длинные ресницы опущены на слегка загоревшие щеки. Прелестно очерченный рот и классический нос придавали

ему невыразимую привлекательность — с первого взгляда незнакомца можно было принять за девушку.

Темные, влажные глаза открылись, наконец, и мягким приятным голосом незнакомец произнес: «Вы спасли меня, милорд, но вы спасли не неблагодарного!» «Кто вы и чем я могу быть вам полезен?» — спросил я с участием, стыдясь сознаться, что был свидетелем всей сцены, но даже не шевельнулся, чтобы оказать ему помощь. «Меня приняли за английского шпиона на службе у роялистов,— ответил он, печально улыбнувшись (нужно помнить, что дело происходило в 1815 году),— и разъяренная чернь бросилась на меня и кинула в реку. Но, к счастью, я не потерял сознания, нырнул, проплыл некоторое расстояние под водой и вышел на берег на отлогом месте.

«Так вы не англичанин?» — недоверчиво спросил я. «Конечно, нет! — вскричал он, и гнев блеснул в его глазах.— Как можете вы сомневаться?» «Но кто же вы?» Он пристально посмотрел на меня. «Вы молоды,— отвечал он,— вы еще не можете быть предателем, я доверюсь вам! К тому же, вы француз и, наверное, ненавидите англичан так же, как и я! Скажите, где теперь находится император Наполеон?» «В Париже.» «Это верно?»

«Насколько я знаю, верно.» «А вы любите императора?» «Я его верный слуга.» «Благодарение Богу! Можете вы мне помочь отправиться в Париж?» «В Париж?» — с удивлением повторил я. «Да, я должен лететь в столицу, чтобы спасти императора!» «Дороги небезопасны,— нерешительно возразил я ему,— и если у вас нет паспорта...» «Паспорта у меня нет, но вы ведь можете его для меня достать?» «Пожалуй, я чиновник, и мое ручательство...» «Так вы чиновник,— радостно перебил он,— не судья ли вы?» «Я служу в судебном ведомстве, в Англии меня называли бы государственным прокурором.» «О, в Англии нет судей! — страстно воскликнул он,— там только палачи! Слава Богу, что я во Франции, мои предки были французского происхождения...» «А ваша родина?» «Моя родина — Восток, царство солнца,— сказал он с чувством, и глаза его наполнились слезами,— я индусский принц!»

«Так вот почему вы ненавидите Англию?!» — воскликнул я, разом поняв все.

«Ненавижу?! Я проклинаю ее! — глухо произнес он.— Это страна предателей и убийц.»

«Но вы, кажется, сказали, что предки ваши французского происхождения?»

«Да. Разве вы забыли имена знаменитых фран-

цузов, славно боровшихся за независимость Индии? Дюпленкс, Лабурдоннэ и Лалли явились с войсками в Индию; мой отец находился в отряде Лалли и пал 27-го октября 1803 года в битве при Лаври. А во время пребывания при дворе Синдии он полюбил туземку и женился на ней: плодами этого брака были двое детей — сын и дочь, и этого сына вы сегодня спасли».

«Так вы, собственно, француз?»

«Нет, я индус: в жилах моих течет кровь моей матери, а она была дочерью индусского раджи.»

«А ваше имя?»

«О, я почти забыл его, так долго не осмеливаясь произносить его. Пять лет тому назад Синдия, повелитель Индии, снова восстал против тирании Англии, мы были разбиты в сражении при Гвалиоре, и мы с сестрой Найей, прелестным пятнадцатилетним ребенком, попали в плен. В течение пяти бесконечных лет переносили мы всевозможные муки, наконец, нас отправили в Англию и разлучили. Два месяца тому назад мне удалось бежать — я достиг берега, был принят на испанское судно и высадился во Франции. Цель моих стремлений — Париж: Наполеон обещал нам помощь, если мы поддержим его в борьбе против англичан. И весь Индостан, от пустынь

Марустана до горных вершин Риндья, от Вопала до Алагабада и Гвалиора, восстанет как один человек для уничтожения тирании Англии. Трон Наполеона утвердится незыблемо навеки, если Англия падет!»

Прекрасный юноша стоял передо мной с таким вдохновенным лицом, что я вскричал с воодушевлением: «Я сделаю все, что только в моих силах, чтобы помочь вам привести ваши планы в исполнение. Скажите мне ваше имя, и я приготовлю вам паспорт».

«Меня зовут раджа Сиваджи Даола»,— ответил он с неописуемым достоинством в голосе и взгляде.

«А ваша сестра? — с участием спросил я,— она также на свободе?»

«Пока еще нет, но скоро освободится… Один из принцев нашего рода последовал за ней в Англию, он любит ее и скоро увезет во Францию».

«Во Францию? Так вы оба ищите убежища здесь?» — воскликнул я.

Я никогда не забуду взгляда, полного детской доверчивости, который индус устремил на меня.

«Дайте моей сестре и ее мужу приют в вашем доме,— просто сказал он,— и Бог вознаградит вас!»

Я подумал с минуту и от всего сердца ответил ему: «Да будет так — мой дом открыт для вашей сестры!»

«Благодарю вас,— радостно воскликнул он,— и для того, чтобы вы узнали мою сестру, взгляните сюда...»

Он вынул из своего пестрого шелкового пояса половину тяжелого золотого браслета, осыпанного блестящими камнями странной формы и подал мне его со словами: «Рассмотрите внимательно эту вещь! Тот, кто покажет вам другую половину, пусть найдет в вашем доме дружественный приют! Я не могут оставить у вас этот браслет, но если здесь найдется кусочек воска, я сниму слепок, и вам легко будет распознать другую половину».

Я дал ему воск. Сняв отпечаток с широкого браслета, покрытого письменами, принц снова спрятал его за пояс и спросил меня: «Когда я смогу получить паспорт?»

«Завтра утром. На чье имя он должен быть выписан?»

«На имя моего отца — Жана д'Арва».

Я уговорил раджу отдохнуть, и он несколько часов проспал на моей постели. На рассвете, дав ему широкий плащ, я вместе с ним отправился в префектуру, где мне без затруднений выдали

требуемый паспорт, и в полдень раджа уже был на пути в Париж.

— Господин прокурор,— заботливо прервал рассказчика Давоньи,— разговор волнует вас, не отложить ли продолжение на завтра?

— Нет, нет! — вскричал Вильфор.— Я должен все рассказать сегодня: завтра уже будет поздно. Итак, я продолжу. Три месяца спустя Рене де Сен Меран сделалась моей женой, затем последовала битва при Ватерлоо и Наполеон был низвержен безвозвратно.

6-го мая 1816 года моя жена родила дочь, но ребенок был очень слаб, и моя теща опасалась, что девочка не доживет даже до следующего утра. Ночью, после рождения ребенка, я сидел с книгой у постели молодой матери, спокойно спавшей. Как вдруг услыхал, что кто-то тихонько зовет меня из сада. Я подумал сначала, что мне показалось, но зов повторился, и я осторожно выскользнул на крыльцо.

Возле решетки сада что-то белело, и я при свете луны увидел, что там лежит женщина редкой красоты. С легким криком изумления я подбежал к ней и, увидев влажные глаза и темные шелковистые кудри, сразу понял, что вижу Найю, сестру принца.

«Вы господин де Вильфор?»— чуть слышно прошептали губы женщины.

«Да. А вы Найя?» — вскричал я с уверенностью.

«Я — Найя, мой муж, раджа Дуттиа, убит… Спасите моего ребенка!» И, распахнув плащ, она подала мне новорожденное дитя, завернутое в шелковый платок. Она нежно посмотрела на маленькое существо, и счастливая улыбка появилась на бледном лице бедной матери, когда я взял ребенка на руки.

«Теперь я спокойно могу умереть,— прошептала она.— Муж мой умер в ту минуту, когда мы покидали Англию, я должна была, стать матерью,— мне нужно было жить! Я шла день и ночь — дитя родилось только два часа тому назад, я дотащилась до дома… но дальше… не могу… нет сил… Вот браслет…»

Она внезапно замолкла — я наклонился к ней: она была мертва!

Я взял половину браслета из окоченевшей руки и поспешил домой. Сначала я хотел отдать дитя моей жене, а потом позвать на помощь к бедной матери. Жена все еще спала — я положил ребенка в колыбель рядом с моей маленькой дочерью и на минуту остановился в раздумье: будить мне сиделку или нет, но, бросив взгляд на обоих детей,

я вдруг с ужасом заметил, что моя дочка мертва!

Я стоял, как пораженный громом: прощайте блестящие надежды, связанные с рождением этого дитяти! В эту минуту чужой— ребенок громко заплакал, и я решился. Дрожащими руками я завернул плачущую девочку в пеленки моей маленькой дочери и, покрыв эту последнюю шелковым платком, отнес ее в сад и положил в объятия покойницы!

Полчаса спустя проснулась моя жена и спросила о ребенке, и я принес ей дочь Найи!

— И супруга ваша не заметила подмены? — быстро спросил государственный прокурор.

— О, да. Тотчас по рождении дитяти жена надела ей на шею золотой крестик на цепочке, и я второпях забыл об этом. На вопросы жены я отвечал так сбивчиво, что наконец был вынужден открыть ей все. Вместо того, чтобы упрекнуть меня, Рене одобрила мой поступок. На другой день приехал мой тесть. Дочь Найи окрестили Валентиной де Вильфор, и счастливые дед и бабушка положили на одеяло новорожденной приказ о назначении меня государственным прокурором в Париже и триста тысяч банковскими билетами.

Утром перед нашими дверями нашли Найю с мертвым ребенком, и обеих похоронили в общей

могиле для бедняков. Бумаги, найденные при Найе, были написаны на хинди; они были переданы мне, как важному должностному лицу, и с тех пор хранятся вместе с восковым слепком и половиной браслета в шкатулке около моего ложа.

По знаку Вильфора Фламбеан открыл шкатулку, и в ней действительно оказались те вещи, о которых говорил бывший прокурор.

— И вы ни разу не слыхали о Даоле? — поинтересовался Давоньи после некоторого молчания.

— Как же: три года спустя раджа написал мне из Индии. Он дрался при Ватерлоо, попал снова в плен к англичанам, и только через год ему удалось бежать. Соединившись с раджой Синдии, который позднее предался англичанам, он снова вступил в борьбу с притеснителями своей родины; теперь он скрывается в Индостане, ожидая благоприятных обстоятельств. Он заклинал меня известить его о судьбе Найи, и я ему ответил, что ничего не знаю о ней, и тем наша переписка окончилась.

Вот моя исповедь. Теперь пусть истина будет восстановлена, и имя Валентины де Вильфор стерто с камня, под которым покоится прах дочери Найи!

— А если Валентина де Вильфор жива? — тор-

жественно произнес Давоньи.

15. Прощение

Вильфор и Фламбеан оба вскрикнули при этих словах.

— Это невозможно! — пробормотал Фламбеан.

— В наш век чудес не бывает! — прошептал больной. — Господа,— спокойно продолжал доктор,— вы знаете меня как рассудительного человека и, конечно, не подумаете, что я подшучиваю над вами или выдумываю все это.

— Но я присутствовал при погребении,— возразил Фламбеан:

— И я тоже, и все-таки повторяю — она жива,— настаивал Давоньи,— или, выражаясь правильнее, Валентина де Вильфор умерла, а жива дочь Найи и раджи Буттиа.

— Значит, Валентину похоронили заживо? — прошептал де Вильфор, не спуская с доктора глаз.

— А если бы и так? — ответил тот.

— В таком случае, я вижу, что Бог сотворил чудо для спасения невинной девушки,— сказал Вильфор с глазами, полными слез.

— Господин де Вильфор,— торжественно продолжал врач,— знаете ли вы, как умерла

Валентина?

— Знаю ли я? Она была отравлена моей женой!

— А почему?

— Жена хотела завладеть состоянием Валентины в пользу собственного сына.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Фламбеан.

— Помните ли вы, господин де Вильфор,— продолжал врач,— во время последней болезни и смерти Валентины вы часто встречали у себя в доме таинственного человека, назначение которого, по-видимому, было награждать достойных и наказывать преступников.

— Да, помню. Вы говорите о графе Монте-Кристо,— сказал Вильфор, дрожа всем телом.

— Граф Монте-Кристо? — небрежно переспросил государственный прокурор.— Этот искатель приключений?

— Не говорите так! — с жаром вскричал де Вильфор.— Если Валентина жива, то этим она обязана божеству в образе человека — графу Монте-Кристо! Только он один мог превратить смерть в жизнь: теперь я могу поверить, что Бог простил мне часть моих тяжких грехов!

— Господа,— скептически заметил Фламбеан,— я верю только своим глазам; если мадемуазель де

Вильфор жива, пусть же она явится сюда!

— Максимилиан! — крикнул Давоньи, отворяя дверь, — скажите Валентине, чтобы она пришла.

— С кем вы говорили? — спросил Вильфор, когда доктор закрыл дверь.

— С Максимилианом Моррелем, женихом Валентины, сыном марсельского арматора.

— Моррель — Марсель — Эдмон — Дантес, — шептал де Вильфор.— О, правосудие на земле есть!

Дверь отворилась, и Валентина бросилась на колени подле постели Вильфора.

— О, отец! — рыдая, проговорила она, е любовью прижимаясь к нему.— Благодарение Богу, что я вновь увиделась с тобой!

Вильфор потрясение смотрел на Валентину, горячие слезы падали на голову девушки, и руки умирающего сложились для молитвы.

— Отец, милый, дорогой отец! — рыдала Валентина.— Отчего же ты молчишь? Неужели у тебя не найдется ласкового слова для твоей Валентины?

— Ну, что ж, господин де Фламбеан, вы все еще сомневаетесь? — тихо спросил Давоньи.

— Сомневаюсь, но не в ваших словах, а в своем рассудке,— ответил прокурор, вытирая неволь-

ные слезы.

— Валентина! — надорванным голосом произнес Вильфор.-Поцелуй меня! О, теперь мне легко умереть!

— О, отец, отец, ты не умрешь! — с отчаянием вскричала Валентина.

— Умру, дорогая, но умру спокойно. Господин Моррель,— обратился он к молодому человеку,— знаете ли вы, какое страдание причинил я однажды вашему отцу?

— Нет, господин де Вильфор, я все забыл и помню только, что вы — отец Валентины,— искренне ответил Максимилиан.— Благословите нас.

— Нет, нет,— тоскливо вскричал Вильфор,— я не смею, я недостоин благословить вас. Я могу сделать только одно: могу сказать Валентине, кто она, и господа де Фламбеан и Давоньи подтвердят мои слова. Валентина, запомни, что я скажу тебе: ты, которую я с такой радостью называл своей дочерью, в действительности дочь раджи Дуттиа и его жены Найи. Брак твоих родителей совершен в 1815 году в Экспинском саду, близ Лондона, брамином, состоявшим при английском посольстве; и брачное свидетельство на языке хинди находится в этой шкатулке. Не смотри на меня с таким ужасом, моя дорогая бедняжка,— я говорю

правду, и эти господа позже передадут тебе все подробности. Твои родители умерли; в этой шкатулке ты найдешь письмо от брата твоей матери, раджи Сиваджи Диола. Оно написано в 1818 году, и если Диола жив, то он должен узнать, что я его обманул, что я присутствовал при смерти его сестры Найи и что дочь Найи жива!

— Но, отец,— вскричала Валентина в смятении,— если родители мои умерли и ты воспитал меня, значит, все-таки я твоя дочь!

— Благодарю тебя за эти слова, Валентина, но прежде чем силы окончательно оставят меня, я должен выполнить еще один, последний долг. Доктор, дайте мне глоток вина: мне нужно обратиться к Валентине с просьбой.

Давоньи влил Вильфору в рот немного красного вина, а Валентина обняла умирающего, прижавшись головой к его груди.

— Я поручаю тебе моего сына, Валентина,— прошептал Вильфор,— о, чего бы я ни дал, чтобы вместо него носить цепи — что смерть в сравнении с жизнью каторжника! Если в твоей власти будет ободрить или утешить Бенедетто, не откажись сделать это, он жалкий, погибший человек, но это я сам толкнул его в пропасть! Сжалься над ним и дай мне умереть спокойно!

— Отец! — торжественно сказала Валентина де Вильфор.— Твое желание для меня священно: я отыщу Бенедетто и передам ему твой привет и последнее слово.

— Ты… ангел…— прошептал Вильфор,— и прощай… а! Вот и смерть!

Судорога пробежала по членам Вильфора — он тяжело простонал, глубоко вздохнул — и его не стало!

Когда утих первый порыв горя Валентины, доктор уговорил ее пойти отдохнуть. Между тем мужчины подробно обсудили странное признание, сделанное Вильфором.

— Если бы я только знал,— в раздумье сказал де Фламбеан,— что заключается в этих индусских письменах и бумагах, я бы…

— Господин де Фламбеан,— скромно перебил прокурора молодой Давоньи,— если вам угодно доверить мне документы, я переведу их.

— В самом деле? Но как вы это сделаете?

— Видете ли, я страстный любитель восточных языков и пользуюсь каждым случаем для удовлетворения моей любознательности. Я все надеюсь попасть в Индию — эта страна лотоса всегда была для меня неизъяснимо привлекательной. Дайте мне бумаги, и завтра вы получите перевод.

— Вот они,— сказал обрадованный Фламбеан, подавая ему документы. Затем собеседники разошлись.

На следующее утро, когда Давоньи с сыном, Валентина, Максимилиан и Юлия сидели за завтраком, в дверь тихо постучали, и на пороге показался Али, немой черный слуга Монте-Кристо. Валентина и Максимилиан вскрикнули от изумления: Али низко поклонился, подал врачу письмо и исчез.

Давоньи развернул письмо, содержащее только несколько строк:

«Ждите и надейтесь! В этих двух словах вся тайна жизни: не теряйте мужества, и Бог поможет вам!»

После похорон де Вильфора Валентина, Максимилиан и Юлия вернулись в Марсель, где Эммануэль Эрбе оставался со стариком Нуартье. Валентина хотела посетить Тулон и оттуда отправится на зиму в Италию с Максимилианом, дедушкой и четой д'Эрбе. Последние слова, которые произнес Давоньи, прощаясь с ними, были:

— Берегитесь Бенедетто!

16. Царь грызунов

Однообразно проходили дни на каторге; каждый вечер крыса давала представления, и насколько постоянно был возбужден Бенедетто, настолько Ансельмо казался спокойным. Утром 23-го февраля молодой корсиканец окончательно потерял всякое терпение, вышел из себя и, назвав Ансельмо лжецом и обманщиком, перешел к угрозам.

— Ну, полно, молодчик,— сказал добродушно Ансельмо,— не горячись так сильно. И вместо того, чтобы лезть из кожи, лучше расскажи-ка мне что-нибудь о миллионе, о котором ты так хлопочешь.

— Дожидайся! — проскрежетал Бенедетто. — Мои тайны знать хочешь, а про свои молчишь?

— Дурак,— улыбнулся Ансельмо,— пойми же, наконец, что без меня тебе миллиона не видать как своих ушей, поэтому брось-ка свои глупости и говори все.

— Моя судьба в твоих руках, конечно,— проворчал Бенедетто,— и, пожалуй, я расскажу тебе, в чем тут дело. Но ты все-таки должен заслужить свою долю.

— Я не так глуп, чтобы считать, что жареные голуби полетят мне прямо в рот,— прервал его Ансельмо, смеясь,— но прежде всего я должен знать, какое право ты имеешь на этот миллион.

— Такое право,— быстро ответил Бенедетто,— что если он ускользнет от меня, я буду считать себя ограбленным!

— В самом деле? Но кто же может ограбить тебя?

— Женщина!

— Так я и думал. Та самая, что прислала тебе записку?

— Та самая.

— И ты должен быть свободен именно 24-го?

— Да, 25-го деньги будут потеряны безвозвратно.

— Гм, это было бы неприятно. Придется принимать срочные меры!

— Какие меры? Узнаю ли я, наконец, как ты нас освободишь?

Ансельмо внимательно осмотрелся — надсмотрщики дремали по углам, а каторжники, не работавшие по случаю воскресного дня, забавлялись с крысой, весело бегавшей между ними и проделывавшей свои трюки.

— Сейчас покажу нашего избавителя,— шепнул

Ансельмо и свистнул. Крыса тотчас же прибежала к своему господину и по его ноге взобралась на грудь. Ансельмо взял зверька, положил на спину и из густой шерсти на брюшке вытащил маленький и весьма острый стальной инструмент.

Бенедетто слабо вскрикнул. Ансельмо же повертел перед его глазами маленькую и узкую складную пилку.

— Ну, веришь ты мне теперь? — с торжеством спросил бывший священник.— Надсмотрщики называют нашего грызуна крысой, а я называю его «несессером».

Бенедетто весело засмеялся, Ансельмо же спрятал пилку в густой шерсти зверька, и крыса убежала.

— Теперь я убедился,— сказал Бенедетто с глубоким вздохом облегчения,— и расскажу тебе, как я хочу достать миллион. Сюда 24-го придет женщина.

— Это верно?

— Совершенно верно. У этой женщины в руках будет миллион, который 25-го она передаст другим лицам!

— Ты шутишь — неужели она собирается подарить эти деньги?

— Она имеет такое намерение, но мы вос-

препятствуем этому, — решительно ответил Бенедетто.

— Кто же должен получить этот миллион?

— Конечно же, церковь. Понимаешь теперь, почему 24-го я должен быть свободен: чтобы проследить за женщиной и отнять у нее эти деньги.

— Понимаю. Кто же эта женщина?

Бенедетто пожал плечами:

— Об этом не заботься. Это неважно,— уклончиво ответил он.

— Это твоя бывшая любовница?

— Нет.

— Родственница?

— Нет.

— Хорошо, храни эту тайну, скажи только еще одно: дело дойдет до ножа?

— Как! Что это значит?

— Ну, не притворяйся таким невинным. Как я предполагаю, женщина не предложит тебе миллиона, предназначенного для церкви: тебе придется взять его силой, и если она окажет сопротивление…

Он окончил фразу выразительным жестом, и Бенедетто смертельно побледнел, но стиснул губы и грубо произнес:

— Что будет, то будет!

— Хорошо, это мне нравится... Но посмотри, к нашему понтону идет какая-то дама под руку с мужчиной и в сопровождении нескольких высших чиновников при галерах. Уж не твоя ли это миллионерша?

Бенедетто посмотрел в указанном направлении и действительно увидел даму с мужчиной и группу чиновников. Корсиканец прошептал проклятие и сделал движение, как будто хотел броситься на посетителей.

— Ну, ты, рыжая голова,— крикнул надсмотрщик, ударив Бенедетто палкой по спине.— Лететь, что ли, собираешься?

Бенедетто в ярости заскрежетал зубами — он узнал женщину. Это была Валентина. Он охотно свернул бы ей шею, как члену ненавистной семьи Вильфоров, но палка надсмотрщика напомнила ему его место и настоящее положение. Он узнал также и Морреля, которого видел в Отейле у графа Монте-Кристо, и вид молодого человека усилил его гнев. Он был уверен, что они пришли издеваться над его позором, и окончательно убедился в этом, когда по знаку инспектора его вместе с Ансельмо подвели к посетителям.

— И меня тоже туда же ведут, с боку припеку,— пошутил Ансельмо, потрясая цепью и весело

поглядывая на надсмотрщиков, которые кивали ему головой.— Не дури, молодчик,— шепнул Ансельмо товарищу, — ты точно всех хочешь съесть глазами.

— Я хотел бы передушить их, но успокойся, я буду благоразумен!

— Кого из вас зовут Бенедетто? — сурово спросил инспектор, обращаясь к каторжникам.

— Меня,— смиренно ответил бывший граф Кавальканти.

— Тебя хотят видеть, следуй за мной, но не произноси ни слова, если не хочешь попасть в карцер.

Бенедетто молча поклонился и минуту спустя стоял рядом с Ансельмо перед Валентиной.

Молодая девушка затрепетала при виде того, кого она считала своим братом, но овладела собой и кротко произнесла:

— Милостивый государь, господин де Вильфор умер!

Глаза Бенедетто засверкали, и сердце его забилось дикой радостью при известии о смерти ненавистного ему человека.

— В последнюю минуту,— дрожащим голосом продолжала Валентина,— он вспомнил о вас, и правительство, уважив просьбу умирающего,

уполномочило меня передать вам привет вашего отца и обещание облегчить вашу участь. С сегодняшнего дня вы избавлены от двойной цепи, и если будете себя хорошо вести, то можете надеяться и на большие милости. Прощайте, да хранит вас Бог!

Голос Валентины прервался. Максимилиан нежно обвил рукой стан девушки, и они удалились, между тем как Бенедетто с товарищем были отведены обратно.

— Кто эта дама? — быстро спросил Ансельмо.— Как она хороша!

Но Бенедетто не отвечал, и бывший аббат подозрительно посмотрел на него.

К вечеру пришел кузнец, и Бенедетто отсоединили от Ансельмо.

— Веди себя хорошенько,— обратился надсмотрщик к Ансельмо, — и я посмотрю, что можно будет для тебя сделать. На днях будет новая партия ссыльных, но если ты будешь благоразумен, я избавлю тебя от товарища.

— Я заставлю моего Царя Грызунов попросить за меня,— смеясь, ответил Ансельмо и надсмотрщик ушел, кивнув ему.

Наступило 24-е февраля, и Бенедетто, всю ночь не сомкнувший глаз, был так страшен, что Ан-

сельмо испугался.

— Слушай, молодчик, ты, кажется, трусишь? — насмешливо спросил он, но взгляд Бенедетто связал ему язык.

Ссыльные по обыкновению направились на работу, и Бенедетто понемногу успокоился: вечером все должно было решиться, и если Ансельмо не солгал, он не поплатится.

В это же время почтовая карета в четыре лошади катилась из Обани в Боссюэ; на последней станции почтальон остановился, чтобы переменить лошадей, и вышедшая из экипажа дама, скрывающая лицо под вуалью, обратилась к почтмейстеру с вопросом, далеко ли от станции до дома священника.

— Нет, сударыня, священник живет не более как в пятидесяти шагах отсюда,— ответил почтмейстер.

— Так велите кому-нибудь проводить меня туда,-сказала дама.

— Сейчас, сударыня! Жан, проводи их милость!

— Иду, хозяин,— отвечал работник,— но священника сейчас нет дома.

— Как? — вскрикнула пораженная незнакомка с отчаянием.— Где же он?

— Этого я не знаю! Сегодня утром он проехал

мимо меня, может быть, домоправительница знает что-нибудь.

— Все равно, пойдемте! — решила дама, и через пять минут они уже стояли у дверей жилища священника.

Пожилая женщина, вышедшая на стук работника, присела, увидев незнакомку, и сказала:

— А, сударыня, это вы?

— Как, вы ожидали меня? — с удивлением спросила дама.

— Конечно, сударыня. Его преподобие вынужден был уехать, но он оставил письмо для госпожи Данглар — если это ваше имя?

— Да, я госпожа Данглар, — быстро сказала дама.

Старуха подала ей письмо и пригласила обогреться в уютной приемной.

Оставшись одна, госпожа Данглар быстро развернула письмо, из которого выпала маленькая запечатанная записка. В письме же говорилось:

«Сударыня! К сожалению, я не могу встретить вас лично, служебные обязанности вынудили меня отлучиться, но я надеюсь увидеть вас завтра и прошу вас вполне располагать моим домом. Все ваши условия выполнены, включая записку к инспектору Тулонской гавани, и надеюсь, что все

случится по вашему желанию. Преданный вам,
Жан Вале, священник в Боссюэ».

Дама спрятала письмо и записку и, увидев старуху, входившую с чашкой горячего бульона, нерешительно спросила:

— Его преподобие предупредил вас, что я буду ночевать здесь?

— Конечно, сударыня! Комната ваша готова, и я надеюсь, вы будете хорошо спать.

— Здесь ведь безопасно? — с беспокойством осведомилась мадам Данглар.

— Конечно, сударыня, здесь так же спокойно, как в лоне Авраамовом.

Посетительница выпила бульон и сказала:

— Покажите мою комнату.

— Охотно, сударыня, я думаю, комната вам понравится,— ответила старуха и повела гостью наверх.

Поднявшись по лестнице, она отворила дверь и ввела посетительницу в большую, скудно меблированную комнату. У стены стояла большая кровать, покрытая белоснежным одеялом. Сосновый умывальник, пара стульев и старинный шкаф дополняли простое убранство этого покоя.

— Хорошо ли запирается шкаф? — спросила мадам Данглар, пробуя замок.— У меня есть шка-

тулка с драгоценностями, и я хотела бы спрятать ее в надежном месте.

— О, шкаф так же прочен, как церковная касса,— уверила старуха.

Дама кивнула. С довольным видом и, убедившись, что дверь комнаты хорошо запирается, поспешила к своей карете, вытащила маленькую дубовую шкатулку из-под переднего сидения и отнесла ящичек в дом. Старуха ждала ее у входа, мадам Данглар проскочила мимо нее наверх, отворила шкаф, поставила туда шкатулку, тщательно заперла шкаф и дверь своей комнаты и, опустив оба ключа в карман, снова спустилась с лестницы и обратилась к старухе, все еще в ожидании стоявшей внизу:

— Пока прощайте, вечером я вернусь!

— До свидания, сударыня, возвращайтесь пораньше — собирается буря, и Оллиольские овраги небезопасны ночью.

— Я поспешу, насколько это возможно…

Мадам Данглар села в карету, и лошади быстро понеслись по дороге в Тулон.

Незавидны были чувства этой несчастной, спешившей на галеры, чтобы исполнить обещание, данное Бенедетто. Все надежды ее жизни рушились: муж сбежал после постыдного банк-

ротства, любовник бросил ее, а дочь исчезла, не простившись с нею, и у нее оставалось только дитя преступной любви — убийца, осужденный на пожизненную каторгу…

Для обожаемого сына она пожертвовала всем — иезуиты взяли ее миллион, чтобы спасти его от рук палача. Конечно, по ее мнению, галеры были хуже смерти, но тут все-таки можно было рассчитывать на какую-нибудь случайность, которая поможет Бенедетто получить свободу. И тогда — нет, она боялась думать дальше,— она скроется в одном из монастырей Малой Азии и постарается забыть все.

А вот и Тулон: почтальон направил карету к гавани, и сердце бедной женщины замерло… Еще несколько минут, и она увидит Бенедетто! Карета остановилась, почтальон распахнул дверцы и спросил:

— Угодно выйти вашей светлости? Галеры здесь!

Шатаясь, вышла мадам Данглар из экипажа и, вложив в руку почтальона несколько золотых монет, сказала:

— Обогрейтесь в ближайшей гостинице, но через три часа мы поедем обратно.

— Сегодня, сударыня? — спросил пораженный

почтальон.— Но это невозможно!

— Почему невозможно? Достаньте свежих лошадей, я заплачу за все.

— Мне очень жаль отказывать вам, сударыня, но сейчас разразится буря, мистраль уже дует, а при мистрале ехать нельзя!

— Так я найду другого кучера, я не могу отложить своего возвращения.

— Сударыня, поверьте мне, вы никого не найдете, кто решился бы ехать в бурю! Подождите до завтра: я поставлю лошадей в «Черном Орле» и там буду ожидать ваших приказаний.

— Я подумаю, но едва ли последую вашему совету. Прощайте.

Мадам Данглар вошла в контору инспектора гавани, а почтальон уехал.

17. На галерах

— Ну, что там еще? — грубо спросил комиссар, когда мадам Данглар подала ему письмо священника. Ворча, чиновник сломал печать, но когда прочел послание, лицо его прояснилось, и он сказал с вежливым поклоном:

— Сударыня, как сказано в этой записке, я обязан исполнить все ваши желания, если только они согласуются со здешними уставами. Вы просите свидания с одним из ссыльных?

— Да, милостивый государь.

— Вы знаете, что при свидании непременно должен присутствовать наш священник…

Мадам Данглар испугалась, она не ожидала этого.

— Я уведомлю священника,— продолжал комиссар,— и попрошу его явиться сюда, в мой кабинет. Это особенная милость. Только вчера приезжала дама, чтобы повидаться с тем же самым Бенедетто, которого и вы желаете навестить, но ей позволили говорить с ним только в присутствии чиновников и надсмотрщика.

— Дама? — быстро спросила мадам Данглар.— Могу я спросить, как ее зовут?

— О, конечно. Это была Валентина де Вильфор, дочь недавно умершего государственного прокурора.

— Господин де Вильфор умер? — глухим голосом спросила мадам Данглар.

— Да, сударыня, он умер в доме умалишенных в Париже. Вы, вероятно, знали его?

— Да, встречалась с ним,— ответила на это посетительница, быстро овладев собой, и продолжила:— Если бы вы потрудились теперь уведомить свидетеля…

— Сейчас, сударыня,— услужливо ответил чиновник, и, написав несколько строк, удалился, обещав скоро вернуться.

Через полчаса явился священник, одетый в рясу ордена иезуитов, и, почтительно поклонившись, произнес:

— Сударыня, мне известна причина, приведшая вас сюда.

— Как? Вы знаете? — с испугом воскликнула мадам Данглар.

— Успокойтесь, сударыня — тайны, вверенные мне, умирают в моей груди. Я должен присутствовать для проформы при вашем свидании, но я буду слеп й глух.

Мадам Данглар поблагодарила его взглядом,

полным слез, дверь отворилась, и вошел Бенедетто в сопровождении надсмотрщика. Увидев желто-красную одежду, зеленую шапку и цепь, висящую от пояса до щиколоток, бедная мать слабо вскрикнула и оперлась на спинку стула, чтобы не упасть.

По знаку священника надсмотрщик вышел, и, затворив дверь, святой отец обратился к Бенедетто:

— Сын мой, поблагодари бога за его милосердие и постарайся показать себя достойным его!

Ни иезуит, ни мадам Данглар не заметили насмешливой улыбки, мгновенно искривившей губы каторжника — Бенедетто тотчас же изменил выражение лица. Сняв шапку, он преклонил колени перед матерью и провел рукой по глазам. Патер сел у окна, вынул молитвенник и погрузился в чтение. Мадам Данглар робко осмотрелась и, наклонившись, обхватила руками наголо выбритую голову Бенедетто.

— Мой бедный, бедный сын! — прошептала она.

— Благодарю тебя тысячу раз, мать, за то, что ты пришла,— нежно сказал лицемер.

— О, я жаждала увидеть тебя еще раз,— пролепетала несчастная.

— Как ты добра! Знаешь ли ты, что отец даже из гроба нанес мне оскорбление? Он прислал сюда свою дочь, мою сестру, она передала мне его привет, но не протянула мне руки и не назвала братом!

— Сын мой, забудь все! Забудь все зло, сделанное тебе, прости твоим врагам, ведь ты тоже нуждаешься в прощении! — умоляла его бедная мать.

— Хорошо, но только ради тебя! Скажи-ка мне, мать, ты в самом деле покидаешь Францию?

— Да, завтра в это время я буду уже на корабле.

— Но ведь ты едешь не одна? Путь так далек, и я боюсь за тебя!

— Благодарю за заботу, Бенедетто! О, как мне приятно слышать эти слова! Но, успокойся, я еду в сопровождении монахинь, и они будут моими покровительницами.

— Да, я позабыл: ты ведь отдала свое состояние за это покровительство — ты заплатила слишком дорогую цену!

— Бенедетто, ты грешишь: твоя жизнь для меня дороже всяких денег!

— Я хотел бы заслужить твою любовь — прошептал Бенедетто, по-видимому, совершенно уничтоженный.— Ты пожертвовала миллионом,

чтобы спасти меня, но если бы у тебя были еще деньги, ты могла бы совершенно освободить меня со временем.

— О, я и не теряю надежды на это! — живо вскричала мадам Данглар.

— Как? Разве миллион все еще у тебя?

— Я отдам деньги лишь завтра, но это ничего не значит, я всегда держу свое слово.

Бенедетто молчал. Тысячи мыслей роились у него в мозгу. Он стоял, опустив глаза, небрежно позвякивая цепью на правой руке, а левой комкая зеленую шляпу.

— Мать!— произнес он тихим голосом, — бесполезно говорить о прошлом, потолкуем лучше о будущем. Завтра ты уезжаешь, а где же ты сейчас остановилась?

— В доме священника в Боссюэ; отцы-иезуиты рекомендовали мне этого священника, и я там проведу ночь, несмотря на то, что хозяин дома вынужден был отлучиться.

— Ах, Боже! — простонал Бенедетто.— Если бы я мог проводить тебя!

— Я дорого дала бы за это, мне предстоит такое неприятное возвращение в Боссюэ. Мистраль свирепствует во всю силу, и Оллиольские овраги,— по-видимому, так опасны, что мой

почтальон отказался везти меня обратно сегодня вечером. Но я постараюсь подыскать другого.

— Но отчего ты не ночуешь в Тулоне?

— Невозможно, я должна спешить в Боссюэ — я оставила деньги в доме патера.

— Как неосторожно! В уединенном доме, хозяин которого в отлучке!

— Но я приняла меры предосторожности: шкатулка с деньгами спрятана в крепком шкафу, и ключ у меня в кармане.

— Но шкатулка должна быть вместительна, чтобы в нее можно было уложить миллион,— продолжал как бы в раздумье Бенедетто.

— Конечно, если бы вся сумма была в монетах. Но большая часть денег разменяна на банковские билеты, золота совсем немного.

Бенедетто кивнул: он узнал все, что ему хотелось. Между тем патер встал и коротко заметил, что время свидания уже прошло. Каторжник, рыдая, обратился к матери:

— Мать, благослови меня!

Мадам Данглар положила дрожащие руки на бритую голову негодяя и набожно прошептала:

— Да благословит тебя господь!

Силы оставили ее, и она почти в обмороке прислонилась к двери, пока сторож уводил Бе-

недетто.

Патер старался утешить ее, но она печально покачала головой и, несколько оправившись, опустила в руку иезуита билет в тысячу франков и вышла со словами:

— Для таких же несчастных, как и я!

Минуту спустя, закутавшись в плащ, она направилась в гостиницу, в которой остановился почтальон.

18. Бегство

Ну, как дела? — встретил Ансельмо товарища.

Бенедетто, не отвечая, сел на бревно и уставился в пространство.

— Украли миллион, что ли? — нетерпеливо вскричал Ансельмо.

— Миллион будет наш,— ответил Бенедетто с жестким смехом.

— Тем лучше, мистраль как нельзя лучше подходит для нашего побега.

— В самом деле, Ансельмо? Но, слушай, через два часа мы должны быть на свободе.

— Не беспокойся, на свободе мы будем, ну а потом что? Есть у тебя определенный план?

— Конечно, ты знаешь деревню Боссюэ?

— Да, она расположена возле Оллиольских оврагов.

— Совершенно верно, в эту деревню мы должны попасть еще до вечера. Конечно, мы рискуем быть пойманными и возвращенными в заключение, если бежим среди белого дня.

— Что ты говоришь? Сегодня вовсе не белый день, и теперь уже темнеет, а через два часа будет совсем ночь.

— Но если нас запрут на понтонах?

— На это я и рассчитываю: мы должны бежать через понтоны.

— А наши цепи?

— Ты забыл Царя Грызунов?

— Опять глупости!

— Слушай, Бенедетто, я не шучу, когда дело пахнет миллионом. Пилка, спрятанная в нашем «несессере», распилит цепь в десять минут. А теперь принимайся за работу — идет надсмотрщик!

Каторжники схватились за тяжелое бревно, которое должны были отнести на барку, и продолжили свою работу с большим усердием. Ансельмо сказал правду: скоро совсем стемнело, и никто не заметил, как они направились к понтону, служившему им приютом на ночь, но теперь совершенно пустому.

— Ложись на пол,— приказал Ансельмо.

Бенедетто повиновался и начал осторожно ощупывать пол, но вдруг слабо вскрикнул, когда что-то светлое скользнуло мимо.

— Какие нежности! — грубо проворчал Ансельмо.— Ты помешал работать нашему маленькому другу.

— О, я нащупал дыру — неужели ее проделала

крыса? — с радостным волнением прошептал Бенедетто.

— Ну, конечно, вот уже месяц, как славный зверек работает на нас… Ты заметил, может быть, что я всегда собирал остатки мяса и жир и натирал ими пол нашего понтона? Крыса трудилась здесь целыми днями, и теперь окончила свое дело — доски прогрызены.

— Значит, мы будем выбираться отсюда вплавь? — с удивлением спросил Бенедетто.

— Ну, наконец-то, догадался! Да уж не боишься ли ты?

— Нет, нет! — поспешно вскричал Бенедетто.— Я готов купить свободу какой угодно ценой!

— Отлично! Вот это мне нравится! Но теперь уйдем отсюда и примемся опять за работу, пока нас не хватились.

— Еще один вопрос: подумал ли ты о нашей одежде?

— Обо всем подумал, положись на меня!

Каторжники вернулись к товарищам, но скоро буря разыгралась с такой силой, что работы были прерваны, и ссыльных построили в колонны, и отвели под защиту понтонов. Паруса рвались в клочья, мачты судов ломались, как спички, одна из них с треском обрушилась на зазевавшегося

каторжника и увлекла его за борт. Крик ужаса пронесся по колонне, и надсмотрщики поспешили увести людей на понтоны… Бенедетто и Ансельмо сидели в своем углу, прислушиваясь к завыванию мистраля, и чем сильнее становился рев ветра, тем радостнее бились их сердца.

— Ты готов? — шепнул Ансельмо товарищу.

— Да.

— Теперь вперед! На жизнь или на смерть!

Ансельмо начал пилить цепь, шум бури заглушал визг пилы, и через четверть часа вся работа была окончена.

Они бросились на пол, и Ансельмо вытащил из дыры маленький сверток.

— Возьми этот узелок,— приказал бывший аббат,— и подай его мне, когда я спущусь в воду. Только помни — наша жизнь висит на волоске! Смотри, дыра, прогрызенная крысой, ведет в чулан, где хранятся старые гвозди и рабочие инструменты. В чулане есть дверь, я сам смазывал петли салом, и она отворяется без труда и шума. Теперь смотри: я отворяю ее, и — вперед, во имя дьявола!

Ансельмо осторожно опустился в бурное, ревущее море. Бенедетто передал ему узелок, потом сам скользнул в темные волны. Понтон стонал

и скрипел под напором бури, а беглецы исчезли во мраке ночи.

19. В Оллиольских оврагах

Мадам Данглар вернулась в гостиницу и с лихорадочным нетерпением потребовала лошадей, чтобы ехать в Боссюэ. Хозяин любезно, но решительно отказался исполнить ее желание. Мадам Данглар с отчаянием посмотрела на него. По ее мнению, за деньги можно было добиться всего на свете, и поэтому, открыв кошелек, она положила на стол двадцать луидоров и снова настойчиво повторила свою просьбу.

Действительно, золото оказало магическое действие: хозяин вдруг вспомнил, что в Тулоне есть человек, готовый за хорошую плату продать свою собственную шкуру; и он немедленно послал за ним.

Прошло два бесконечных часа, прежде чем вернулся посыльный, но зато ответ был благоприятный: Яков — так звали этого человека — обещал явиться в четыре часа с двумя хорошими дорожными лошадьми.

— Кто же этот Яков? — спросила хозяина мадам Данглар.

— О, это бывший городской пенсионер,— смеясь, ответил хозяин, бросая многозначительный

взгляд, по направлению галер.

Мадам Данглар затрепетала.

— Он умеет править? — спросила она.

— Он правил, как сам черт. Прежде почтальоном, он был уволен и сослан на несколько лет на галеры за то, что помогал разбойникам грабить денежную почту. Но. теперь он исправился и ваша милость может смело довериться ему.

Что оставалось делать баронессе? Лишь терпеливо ждать. Она с облегчением вздохнула, когда, наконец, как только пробило четыре часа, во двор рысью въехал кучер с двумя сильными лошадьми.

— Итак, вы беретесь отвезти меня в Боссюэ? — с живостью спросила мадам Данглар.

— Да, сударыня, за двадцать луидоров.

— Так едемте сейчас же!

— Хорошо,— проговорил бывший каторжник, почесывая затылок, — но у меня такое правило: прежде деньги, а потом товар.

— Вот плата! Торопитесь, я спешу!

— Слушаюсь, сударыня! Я готов отправиться поскорее — дорога становится все хуже, а мимо Оллиольских оврагов и в хорошую погоду жутко ездить.

Четверть часа спустя баронесса уже сидела в

карете; хозяин, стоя на пороге, провожал ее низким поклоном и, улучив минуту, шепнул кучеру:

— Сдержись, старина, ты знаешь, как ты должен быть осторожен.

— Ладно,— кивнул Яков, ударив по лошадям, и карета покатилась.

Буря ревела с неудержимой силой, вырывая деревья, горами вздымая морские волны и сотрясая тяжелый экипаж, как легкое перо. Ни лошади, ни кучер, по-видимому, не обращали внимания на погоду, но баронесса пришла в полное отчаяние при виде усиливающейся ярости стихии и, забившись в угол кареты, горько плакала. Среди глубокого мрака ей все еще слышался звон цепей и сквозь шум и свист урагана звучал вкрадчивый голос Бенедетто. Вдруг она почувствовала сильный толчок, кучер выкрикнул проклятие, и мадам Данглар почти в обмороке упала на подушки экипажа.

Очнувшись, она увидела, что одна из лошадей упала и не может встать, несмотря на все старания кучера, разразившегося целым потоком богохульств. Внезапно он подошел к карете, отворил дверцу и ворчливо произнес:

— Сударыня, я должен возвратить вам деньги: мы не доедем до Боссюэ.

Буря ревела и стонала с удвоенной силой — мадам Данглар с ужасом посмотрела на возницу и еле слышно спросила:

— Где мы?

— Черт знает где: здесь все овраги похожи один на другой!

— Но мы не можем оставаться здесь, что будет с нами? — рыдая, вскричала бедняжка.

— Ну, не плачьте так отчаянно,— добродушно утешил ее Яков,— в этих оврагах сам черт сидит! Тридцать лет тому назад со мной случилось несчастье на этом самом месте. О, как только я вспомню это время...

Лицо бывшего каторжника омрачилось. Мадам Данглар робко посмотрела на него и тихо произнесла:

— Да сжалится Господь надо мной!

Яков помолчал минуту, потом сказал в раздумье:

— Есть еще средство: вернуться в Оллиоль, это займет всего четверть часа, и там найти кого-нибудь, кто за хорошие деньги починил бы дышло, сломанное лошадью при падении. В Оллиоле мы могли бы переждать бурю, она скоро кончится — я знаю мистраль.

— И вы обещаете сейчас же пуститься в путь,

как только утихнет буря?

— Это так же верно, как то, что я стою перед вами! — ответил он.

Мадам Данглар вышла из кареты, между тем как Яков отпряг лошадей и взял один из экипажных фонарей.

— Следуйте за мной,— сказал он, высоко поднимая фонарь. И мадам Данглар медленно двинулась за ним.

Яков угадал верно — буря скоро прекратилась, пошел мелкий дождь, и бедная женщина, немного взбодрившись продолжила путь.

Вдруг порывом ветра к ногам путников прижало какой-то странный предмет. Яков схватил его и с громким смехом надел на голову зеленую шапку каторжника.

— Всемогущий Боже! — с ужасом вскричала мадам Данглар, недавно видевшая Бенедетто в подобной же шапке.

— Сударыня,— сказал Яков, смутившись.— Я не хотел испугать вас, я только обрадовался, что опять увидел старую знакомую.

— Как она попала сюда? — дрожа, спросила мадам Данглар.

— Это, однако, очень просто. Какой-то ссыльный счел за лучшее избавиться от опеки надсмотрщи-

ков, но так как прекрасный мундир каторжников известен повсюду, то беглец сразу же переменил костюм, а свою прежнюю одежду бросил на дороге — на добычу бури.

Мадам Данглар затрепетала, но не ответила ни слова, и скоро они дошли до крайних домов деревни Оллиоль.

Восемь часов пробило на церковной башне, когда они остановились у дверей единственной местной гостиницы. Яков привязал лошадей к дереву, и путники вошли в низкую, закопченую таверну.

Хозяин появился немедленно. Мадам Данглар заказала стакан грога для своего кучера, а сам он отправился в кухню достать у работника веревку, гвозди и другие предметы, нужные для починки дышла. Зеленую шляпу Яков небрежно бросил на один из столов, к большому изумлению посетителей, сидевших у другого конца стола. Один из них спросил:

— Откуда взялась эта миленькая шапочка?

— Мой кучер нашел ее дорогой,— тихо ответила мадам Данглар.

— Дорогой? — вскричали все разом, вскочив со своих мест.— Нужно торопиться! Кто хочет идти?

— Я! Я! — послышалось со всех сторон. Между тем как мадам Данглар с изумлением смотрела на всех по очереди, хозяин обратился к ней с объяснением:

— Дело в том, сударыня, что в Тулоне дают сто франков награды тому, кто поймает бежавшего каторжника, а где его шапка, там и он сам недалеко. В настоящее время везде плохой заработок, и нельзя сетовать на то, что наши поселяне хотят зашибить копейку. Я ручаюсь, что беглец будет пойман через какие-нибудь два часа.

— Беглец был новичком на галерах,— воскликнул один из поселян, рассматривая эту шапку,— она совсем еще новая!

— А имя на подкладке есть? — поинтересовался другой.

— Нет, только номер — 88.

Мадам Данглар слабо вскрикнула и с трудом проговорила:

— Покажите мне шапку!

Да, сомнений не было, шапка была помечена номером 88, тем самым, который она заметила на одежде Бенедетто. Неужели он бежал, увлекаемый желанием еще раз повидаться с матерью? И вот эти люди будут преследовать его, будут травить, как дикого зверя, — и он смертью заплатит

за свою сыновнюю любовь!

— Пойдемте! — предложил крестьянин.— В такую погоду беглец недалеко уйдет, а, на наше счастье, пожалуй, мы поймаем и двоих. Редко случается, что бежит один: двойная цепь — отличное изобретение. Все готовы?

— Слушайте, добрые люди,— решительно сказала мадам Данглар,— У меня есть предложение: не ловите беглецов!

— А наши сто франков?

— Вы не останетесь в убытке! Я дам вам двести. Быть может, это каприз, но я не могу допустить мысли, что человека можно преследовать, как дикого зверя!

Крестьяне переглянулись.

— Погода-то ужасная,— сказал один.

— Синица в руках лучше, чем журавль в небе,— заметил другой.

— Но ведь нас трое! — сказал третий с алчным взглядом.

— Ну, хорошо, я дам вам триста франков, только не преследуйте каторжника!

— Конечно, сударыня, мы сделаем по-вашему,— согласились крестьяне после короткого размышления,— но ведь может случиться, что уже кто-нибудь другой поймал его!

— Ну, что ж, нечего делать,— ответила на это мадам Данглар,— а может быть, бедняга спасется на этот раз. Видите, я сегодня была на галерах и до сих пор не могу успокоиться — там так ужасно!

В это мгновение на улице раздался выстрел, а затем громкий крик:

— Помогите! Помогите! Держите его!

Хозяин выбежал из комнаты вместе с поселянами, а мадам Данглар, сжавшись в самом темном углу, горячо молила Бога послать ей смерть, прежде чем она увидит сына…

Дверь отворилась, и шумная толпа ворвалась в комнату.

— Иди, конокрад, сюда! — раздался грубый голос Якова.— Да, шапка-то как раз по тебе.

Человек с окровавленным лицом, очутившись среди толпы поселян, с бешенством начал наносить ответные беспорядочные удары и, наконец, упал плашмя, роняя столы и скамейки, под ударами толпы.

— Пустите! — вскричал он, задыхаясь.— Ведь я уже связан и не убегу!

Мадам Данглар прошептала благодарственную молитву: это был не Бенедетто.

— Да, тебя-то поймали,— вскричал Яков,— а теперь надо изловить другого, да вернуть мою

лошадь! Поверите ли,— обратился он к окружающим,— другой-то мошенник ускакал на моих лошадях! Этого я подстрелил — он свалился, но пока я вновь заряжал пистолет — другого и след простыл. Но уж я догоню его, и тогда пусть Бог смилуется над ним! Живо стакан водки — и в погоню!

Пока все слушали Якова, мадам Данглар тихонько подошла к пленнику.

— Бенедетто был с вами? — спросила она.

Ансельмо с удивлением взглянул на нее.

— А, вы та, которая передала Бенедетто письмо через меня? — прошептал он в ответ, добавив,— да, Бенедетто — мой товарищ.

— Я хочу спасти его. Помогите мне, и я обогащу вас!

Значит, это была миллионерша! Ансельмо осторожно и внимательно огляделся и тихо произнес:

— Разрежьте веревку, вон там лежит нож.

Мадам Данглар как бы случайно уронила платок и, поднимая его, дрожащей рукой захватила и нож. Секунду спустя Ансельмо был свободен. Она же поднялась и переместилась к двери; желание видеть Бенедетто свободным делало ее почти ясновидящей.

— Спокойной ночи,— сказал Яков, ставя на стол пустой стакан и протягивая руку к пистолету. В ту же секунду Ансельмо вскочил, выхватил у Якова пистолет, поднял на руки мадам Данглар, как будто она была ребенком, и бросился на улицу.

Мадам Данглар мгновенно поняла, что ей нужно делать. Пока Ансельмо изо всех сил удерживал дверь, которую пытались отворить ошеломленные крестьяне, мадам Данглар, недаром считавшаяся лучшей наездницей в Булонском лесу, быстро вскочила в седло… Только тогда Ансельмо отпустил дверь, выстрелил в окружившую было его толпу и вскочил на лошадь позади всадницы. Животное взвилось на дыбы, но легкий укол ножа, все еще находившегося в руках баронессы, усмирил лошадь, и она помчалась, как ветер, унося двух беглецов от преследователей.

Часть вторая
СРЕДИ ПАНДУРОВ

1. Незнакомец

В двадцатых годах синьора Аврора Вертелли владела в Милане домом, носившем название «Казино», расположенным близ театра Скала. Тут постоянно собирались австрийские офицеры, в то время стоявшие гарнизоном в столице Ломбардии, под началом маршала Радецкого.

Граф Иосиф Венцель Радецкий — известная историческая личность — вполне охарактеризован одним из его современников, по словам которого, «Радецкий — великий ловец перед Господом, он гонит перед собой народы, как ловец гонит дичь». Слуги были подобны господину. Офицеры тирана Радецкого были бичом Италии: нередко случалось, что кроатские и богемские начальники отрядов публично избивали на улицах женщин и детей или всаживали кинжал в бок мирному прохожему.

Аврора Вертелли пользовалась особенным покровительством австрийской полиции. Не известно, за какие заслуги перед государством «прекрасная Аврора», как ее называли, пользовалась особым расположением завоевателей. Итальянцев редко можно было встретить в ка-

зино, да и то только находившихся на службе у австрийцев и заискивавших перед прекрасней Авророй. Этих ренегатов соотечественники называли «иудами».

В ночь с 15-го на 16-е марта в «Казино» было слишком оживленно, и ни сама Аврора, ни старый майор Бартоломео Ватто, старый друг дома, по собственной охоте надзиравший за молодыми офицерами, не могли успокоить общего волнения.

— Как идут дела в Рене, лейтенант Паски? — спросил молодой офицер только что вошедшего товарища.— Беспорядки продолжаются?

— Я думаю,— живо ответил тот,— мерзавцы скоро опамятуются!

— Хорошо, если бы император распорядился построже,— заметил другой.

— Чернь ничего не добьется!

— А пушками можно убедить кого угодно!

— Господа,— сказал пожилой офицер, подходя к молодежи,— мне кажется, что дело это нешуточное.

— Почему? Что случилось?

— Император согласился на уступки…

— Но это позор!

— Хотят уничтожить цензуру…

— Тем лучше — в газетах можно будет все печатать свободно…

— Новый закон о печати, говорят, весьма либерален…

— Пуля и веревка — вот лучшие законы!

— Кроме того, будут созваны депутаты и германского и ломбардо-венецианского королевств…

Тут раздался такой взрыв негодования, что говоривший замолк, а родовитый австрийский дворянин, Герман фон Кирхштейн, горячо воскликнул:

— Господа! Император может делать все, что ему угодно, но и мы поступим по-своему, и если Италия только шевельнется, мы раздавим ее!

И как бы иллюстрируя свои слова, Кирхштейн раздавил стакан, из которого он только что пил вино, подвергая свою грубую руку опасности быть изрезанной осколками.

— Браво!-закричали офицеры.

Граф Герман фон Кирхштейн огляделся и продолжал:

— Вчера я снова имел случай показать миланцам, кто здесь господин…

— Расскажите, граф, расскажите,— раздалось со всех сторон.

— Вечером, около шести часов, проходя по

Пиацци Фонтана, я встретил двух проклятых итальяшек — даму лет сорока в глубоком трауре и мальчика лет шестнадцати. Они заняли весь тротуар и не посторонились при моем приближении. Я шел прямо, с сигарой в руках, не поднимая глаз — женщина не уступила мне дорогу, и вы, конечно, понимаете…

Выразительным жестом граф показал, как женщина потеряла равновесие и, одобряемый грубым смехом компании, продолжил:

— Я пошел своим путем, но мальчишка, кинувшись за мной, обругал меня и вырвал у меня изо рта сигару! Я выхватил саблю, но женщина вцепилась в мою руку, крича: «Отец уже убит вами 3-го января при Корса ден Серви, пощадите сына!» Ударив женщину рукояткой сабли, я разрубил мальчугану голову… Народ столпился вокруг нас, но появилась полиция, и я передал им суть дела.

— Дерзкий остался мертвым на площади? — спросил молодой офицер.

— Нет, полиция забрала его, но после моих объяснений с ним скоро покончат, если он еще не умер. В крайнем случае, виновный может быть повешен в 24 часа.

— Сегодня утром Антонио Бальбини задушен и прибит гвоздями к стене в тюрьме цитадели,—

раздался внезапно звучный голос.

Все обернулись к говорившему эти слова, и он развязно продолжал:

— Прибит гвоздями к стене, граф Герман! О, здесь есть превосходные средства укрощения бунтовщиков: два дня тому назад двоих сварили в горячем масле и кое-кого даже похоронили заживо…

— Что это значит? — спросил один из капитанов, прихлебывая вино.

— Как, вы не знаете, что это значит? — вскричал говоривший замечательно жестким голосом.— Можно подумать, что вы только что свалились с Луны.

Это был весьма красивый итальянец лет тридцати. Его классически правильное лицо с черными блестящими глазами, свежими красными губами, оттененными черными усами, зубами ослепительной белизны невольно привлекало внимание.

Маркиз Аслитта, так звали этого господина, уже два месяца жил в Милане, куда приехал из Неаполя. Он заботливо избегал своих земляков и казался верным приверженцем иноземной деспотии.

Когда он заговорил, офицеры почувствовали

некоторую, неловкость,

— Вот, что это значит, — продолжал, громко смеясь Аслитта: — преступника заковывают, переламывают ему члены, вырывают яму около четырех футов глубиной и ставят туда провинившихся вниз головой, потом яму засыпают землей до колен осужденного, оставляя ноги торчать сверху — это очень красиво, точно деревце растет! — Аслитта снова весело засмеялся, но сквозь смех слышалось как бы сдержанное рыдание.

Граф Герман почувствовал, что его волосы встают дыбом.

— Давайте, наконец, играть,— предложил он. Но, прежде чем он дождался ответа, от театра Скала донесся крик тысячеголосой толпы:

— Да здравствует Лучиола! Да здравствует Италия!

Офицеры поспешно бросились на улицу. Когда комната опустела, Аслитта подошел к майору Бартоломео и шепнул ему:

— Сегодня ночью в маленьком домике у порта Тессина.

2. Царица цветов

Как известно, все итальянцы по природе музыкальны, и в Милане не было недостатка в исполнителях и композиторах. Среди композиторов первое место, бесспорно, занимал маэстро Тичеллини; у него был большой талант, он писал восхитительные каватины и прелестные популярные романсы, но еще не создал ни одной оперы. И как он мог написать оперу, когда не было подходящего либретто: строгая цензура придиралась ко всему, и часто совершенно невинные стихи оказывались оскорблением величества.

В течение нескольких недель Тичеллини находился В сильном волнении: Сальвани, импрессарио театра Скала и друг Тичеллини, пригласил в Милан Лучиолу, звезду неаполитанской оперы, а маэстро сидел без либретто.

Цензура запретила уже по крайней мере дюжину либретто: сюжеты, взятые из новой или древней истории, оказывались равно предосудительными, потому что во всех шла речь о притеснителях и притесненных. И пока Лучиола каждый вечер пожинала лавры в операх Беллини и Доницетти, Тичеллини приходил в отчаяние…

Печальным возвращался однажды маэстро домой, на улицу де Монте, но тут его ждала радостная неожиданность: служанка, улыбаясь, подала ему сверток, развернув который, Тичеллини вскрикнул от восторга: это было либретто.

Запершись в кабинете, маэстро пробежал рукопись, совершенно не заметив трехцветную тесьму, которой она была обвязана. Тесьма эта, однако,— зеленая, белая, красная — была итальянских цветов, давно запрещенных австрийским правительством!

Уже само заглавие либретто понравилось Тичеллини: рукопись называлась: «Царица Цветов». Звучные стихи лились так гладко, что Тичеллини, еще читая, уже напевал мелодии. Сюжет также годился. «Царицей» в либретто была роза, влюбленная в фиалку, которая, в свою очередь, питала страсть к скромной маргаритке. После различных перипетий, аллегория оканчивалась соединением фиалки с маргариткой, причем роза великодушно благословляла союз. Начиналось всеобщее ликование и торжество. Тичеллини, дочитав последнюю страницу, немедленно принялся сочинять оперу.

Роль маргаритки как раз подходила для высокого сопрано Лучиолы, фиалку должен петь

синьор Тино, знаменитый баритон, а синьора Рокита будет иметь громадный успех в роли розы. Второстепенные лица также были вскоре распределены, и на следующее утро запыхавшийся Тичеллини уже стоял перед Сальвани, показывая ему набросок оперы.

Сначала Сальвани не слишком-то поверил в новинку, но убедившись, что ни в хоре бабочек, ни в марше роз не заключалось ничего преступного, углубился вместе с Тичеллини в прелести либретто и кончил тем, что, сунув рукопись, в карман, отправился к цензору.

Цензор, государственный советник, весьма любезно принял Сальвани и, вооружившись роковым красным карандашом, принялся тщательно читать либретто. Как старательно не искал он подозрительный смысл, намек или слово, так ничего и не смог найти, и час спустя Сальвани принес другу радостную весть, что опера разрешена.

Тичеллини плакал от радости, он усердно принялся за работу, не отдыхая даже ночью, и через несколько дней явился к Сальвани, с торжеством размахивая своим детищем.

Теперь оставалось еще завербовать Лучиолу для новой оперы. Импрессарио взялся преду-

предить ее, после чего Тичеллини должен был просить ее лично.

Пока друзья весело болтали у рояля, и Тичеллини размечал партитуры, в двери тихо постучали.

— Не входить,— вскричал Сальвани, добавив: — нас нельзя беспокоить!

— О, как вежливо! — раздался молодой голос, и Сальвани с Тичеллини вскрикнули от изумления:

— Это же Лучиола!

Лучиола была прелестна. Ей было около двадцати семи лет, черные волосы диадемой вздымались над ее ослепительно белым лбом, а классически правильный овал лица напоминал древние статуи; большие и продолговатые черные глаза светились особенным фосфорическим блеском, и за этот сияющий взгляд ее прозвали Лучиола, что значит «светило». Красное атласное платье облегало роскошные формы певицы, и на кудрявую головку была кокетливо наброшена черная войлочная шляпка. О красавице рассказывали легенды; никто не знал ее происхождения — она превосходно владела всеми европейскими языками и никогда не упоминала о своей родине.

Звезда обладала изяществом парижанки, грацией креолки и подвижностью итальянки. Ее

настоящего имени не знал никто, она была героиней множества различных романтических приключений, но не выделяла никого из своих многочисленных поклонников — Лучиола славилась бессердечием. Часто в мужском платье она путешествовала по неаполитанской равнине, всегда в сопровождении своей подруги, нежной и стройной блондинки. Эта подруга была настолько же робка, насколько Лучиола была отважна, и смелая, как амазонка, служила подруге надежной опорой.

За несколько дней до отъезда из Неаполя один кроатский офицер оскорбил Лучиолу, и вместо того, чтобы обратиться за защитой к кому-нибудь из многочисленных друзей, из которых каждый счел бы зачесть вступиться за нее, Лучиола сама в мужском костюме отыскала нахала в ресторане и публично дала ему пощечину, предлагая загладить оскорбление дуэлью на пистолетах. Офицер вынужден был ретироваться, сопровождаемый насмешками товарищей, а Лучиола торжествовала.

От этой вот особы зависела сейчас судьба новой оперы, потому что певица неограниченно властвовала в театре Скала, и Сальвани и Тичеллини знали это.

Пока они соображали, как бы половчее подступиться к Лучиоле, певица непринужденно обратилась к ним:

— Мое посещение, кажется, некстати?

— Некстати? — повторил Сальвани,— синьора, как вы можете говорить это? Напротив, мы сами только что собирались к вам.

— В самом деле? — воскликнула Лучиола, улыбаясь и грозя ему пальцем.

— Право, синьора, Сальвани не шутит,— прервал Тичеллини,— мы хотели бы просить у вас большой милости!

— А, тем лучше! И я пришла с просьбой,— живо сказала певица.— Говорите вы, а потом я скажу, что привело меня к вам.

— О, синьора,— сказал Тичеллини, складывая руки на груди и опускаясь на колени,— моя судьба в ваших руках!

— Боже, как трагично! Можно подумать, что я маршал Радецкий! Но услышу ли я, наконец, в чем дело?

— Мы... я...— начал Сальвани, запинаясь.

— Милейший импрессарио,— перебила его Лучиола, смеясь,— говорите скорее! Или уж лучше, я вам скажу, что мне нужно, пока вы соберетесь с мыслями. Мне наскучило здесь. Беллини, До-

ницетти и все ваши знаменитые композиторы, конечно, великие таланты, но знаете, однообразны…

— И что же? — с замирающим сердцем спросил Сальвани, когда певица остановилась.

— Ну, мне нужна новая роль в новой опере, или я убегу отсюда,— небрежно объяснила Лучиола.

Оба приятеля вскрикнули от радости. Лучиола посмотрела сначала на одного, потом на другого и наконец спросила:

— Моё желание кажется вам невыполнимым?

— Сохрани Бог! Мы онемели от восторга. Мы как раз хотели просить вас, синьора, исполнить главную партию в нашей новой опере.

— Возможно ли? — воскликнула она, с восхищением хлопая в ладоши.— Чья это опера? Джиоберто, Пальмарелли или, может быть, ваша, Тичеллини? Но погодите, прежде чем начинать дальнейшие переговоры, я ставлю условием, чтобы сюжет не был трагическим.

— О, трагические оперы давно вышли из моды!

— Слава Богу, что вы разделяете мое мнение, исторические темы также надоели, и мне хотелось бы на этот раз играть какую-нибудь волшебную, аллегорическую роль с веселой музыкой и игри-

выми словами.

— О, синьора,— восторженно прервал ее Тичеллини,— у меня есть все, что вы желаете! Новая опера называется — «Царица цветов»!

— А! Хорошенькое название!

— Ваша главная роль — это роль маргаритки.

— Прекрасно, прекрасно!

— Позвольте сыграть вам первую каватину.— Тичеллини поспешил к роялю и заиграл. Лучиола слушала внимательно, и одобрительно кивнула, когда Тичеллини закончил.

— Этого довольно,— сказала она, вставая,— назначьте репетиции, я буду петь эту партию.

Со следующего дня начались репетиции новой оперы, премьера которой была назначена на 15-е марта.

3. Его мать

Бенедетто, подробно расспросивший Ансельмо о дороге в Боссюэ, пришпорил лошадь, и испуганное животное полетело, как вихрь. Дом священника находился на краю деревни. Лошадь хрипела, покрытая потом и кровью, но Бенедетто безжалостно гнал ее вперед, и, наконец, достигнув первых деревенских построек, замученный скакун упал и забился в предсмертных судорогах.

Бенедетто даже не взглянул на издыхающее животное. Все мысли его были о собственной безопасности.

Он думал, что Ансельмо попался в руки оллиольских жителей, но был совершенно уверен в том, что товарищ не выдаст его. Предполагая, что кучер бросится в погоню, он остро чувствовал опасность преследования. Но выбора не было: он решил добыть миллион и попытаться затем скрыться.

Бенедетто с первого взгляда узнал пасторский дом, помня описание, данное ему матерью. Над низкой стеной палисадника нависали голые ветви оливкового дерева. Взяв в зубы складной нож,

Бенедетто, уцепившись за дерево, влез на стену, а оттуда прыгнул на выступ окна.

С минуту он колебался, прежде чем вышибить раму — что если его мать в комнате, и вскрикнет при его неожиданном появлении.

— Ну, закричит, так ей же хуже,— зло подумал он и с силой налег на окно, выдавив деревянный переплет вместе со стеклами:

Вынув маленький потайной фонарь и спички, взятые из узелка Ансельмо, Бенедетто зажег огонь и осмотрелся — комната была пуста.

— Мистраль задержал ее,— прошептал он.— Нужно спешить.

Быстро просунув нож в щелку, Бенедетто легко отогнул тонкую деревянную дверцу, и через минуту маленькая дубовая шкатулка была уже в его руках. Поставив шкатулку на стол, он попытался ножом приподнять крышку, но замок не поддался, как ни ломал его Бенедетто. В это время он услышал бешеный галоп лошади на деревенской улице. «Погоня!» — мелькнуло в его голове, и на минуту он совершенно растерялся.

Но тут же сразу собрался: он не хотел погибнуть, но не хотел и потерять миллион. Схватив ящичек в правую руку, он открыл окно, собираясь выскочить, но остановился в нерешительности:

ему нужны были обе руки, чтобы достигнуть стены — куда же девать шкатулку?

Он услышал голоса, ржанье лошади,— преследователи остановились как раз под оливковым деревом. Этот путь был отрезан. Он бросился к двери — она была заперта, и он вспомнил, что ключ остался в кармане матери.

Что делать? Живым он не дастся им в руки. Но этот бандит, без колебания убивавший людей, был жалким трусом — он боялся смерти.

Он уже наполовину выломал запор, когда на лестнице послышались тяжелые шаги… Сейчас его поймают — и он погиб!

Взяв шкатулку под левую руку, правой он поднял свернувший нож; в замок вложили ключ, двери отворились — и на пороге появилась женщина…

Но не успела она сделать и шагу, как в воздухе просвистел нож Бенедетто, и горячая кровавая струя обагрила лицо убийцы, вонзившего нож в грудь своей жертвы.

В ту же минуту железная рука стиснула горло Бенедетто и повалила его на пол, а знакомый голос с ужасом произнес:

— Жалкий негодяй! Это была твоя мать, и ты знал это!

Человек, произнесший эти слова с неподдельным отвращением, был каторжник Ансельмо, бывший священник, рясой прикрывавший свои нечистые светские страсти и почти невинный в сравнении с Бенедетто.

Как безумный, он тряс Бенедетто, повторяя одно и тоже:

— Негодяй! Убийца! Чудовище! Это же была твоя мать!

Мадам Данглар хрипела, нож торчал в ее груди по самую рукоятку, но, узнав своего убийцу, она нечеловеческим усилием удерживала крик, чтобы не привлечь преследователей Бенедетто.

— Бенедетто…— угасающим голосом прошептала она,— ты убил меня — не правда ли, ты не знал, что это я? О, прошу тебя,— обратилась она к Ансельмо,-отпусти его! Он должен бежать — скорей!

Ансельмо повиновался. Во время бешеной скачки он узнал от бедной женщины, кто был для нее Бенедетто, и зная о решимости последнего на крайние меры, с замиранием сердца думал об этом выродке человеческом. Он отчаянно погонял лошадь, чтобы поскорее доставить мать Бенедетто в дом священника и спасти ее от опасности, защитив от ножа сына! Мало думая

о собственном спасении, он хотел поставить на ноги весь дом, ему и в голову не приходило, что Бенедетто мог опередить их.

— Поклянитесь мне,— продолжала баронесса, собирая последние силы,— что вы отпустите Бенедетто и не будете преследовать его. Поклянитесь — и я умру спокойно!

— Клянусь! — глухо произнес Ансельмо.

— Благодарю! Бенедетто, обними меня и беги!

Как окаменелый, смотрел бандит на умирающую. Только когда Ансельмо ударом кулака толкнул его ко все еще хрипевшей женщине, закричав: «Исполни ее последнее желание, или я убью тебя!» — он наклонился над матерью и приложил свой лоб к ее холодным губам.

— Бенедетто! — едва слышно пролепетали эти губы, потом хрипение оборвалось — она была мертва.

— Миллион у меня,— сказал немного погодя Бенедетто,— пойдем!

Вместо ответа Ансельмо вырвал нож из груди покойницы и, с яростью бросив его в изверга, прошипел:

— Прочь, чудовище, или я нарушу клятву и убью тебя!

Бенедетто не заставил повторять эти слова

дважды, схватил шкатулку, лежавшую на полу, и бросился вниз по лестнице.

4. На море

Прошла неделя со дня ужасного приключения в доме священника в Боссюэ. Вечером, на восьмой день, дул сильный ветер, вздымая горами волны Средиземного моря, среди которых почти исчезал маленький фрегат. Капитан стоял у руля и громко выкрикивал команды, но матросы не слышали его, и когда порывом ветра сломало главную мачту, раздался общий крик ужаса.

Один только хозяин судна не потерял присутствия духа. Отрубив топором остаток раздробленной мачты, он с гневом обратился к матросам:

— Гром и Дориа! — вскричал он, сверкая глазами.— Вот что случается, когда вы не исполняете моих приказаний! Или уши у вас заткнуты ватой?

— Нет, хозяин,— ответил самый старший из экипажа,— мы не хотим ослушаться вас, но зачем нам исполнять ваши приказы, если мы все равно погибли?...

И как бы в подтверждение его слов громадный вал повалил фрегат на бок, так что сам хозяин едва удержался на ногах.

— Жалкие трусы! — закричал он.— Можно

подумать — вы никогда не видели бури! Разве вы не помните, как фрегат едва не разбился близ Мальты, но мы все-таки спаслись тогда…

— Да, хозяин, тогда было совсем другое дело,— вмешался другой матрос.

— Как так? Что это значит? Говори или…

— Тогда у нас на фрегате не было «клейменого»,— решительно ответил матрос.

— Какого «клейменого»? Вы с ума сошли?

— Нет, патрон, но с тех пор, как он здесь, буря не затихает ни на минуту, и ни Бог, ни черт не спасут нас! Да вот, посмотрите на него: вон он лежит на палубе. Иисус, Мария и Иосиф! Еще один такой порыв — и мы отправимся кормить акул!

Хозяин невольно посмотрел в указанном направлении: на палубе, растянувшись, лежал человек, лицо которого нельзя было рассмотреть. Руки его сжимали какой-то предмет, завернутый в кусок оборванного паруса. Дрожь пробегала по телу — было видно, что он смертельно напуган.

— Что вы имеете против этого человека? — грубо спросил хозяин.

— Когда он явился на судно, он был залит кровью и…

— Ну, что же дальше?

— И голова его была обрита, как будто он бежал

с каторги.

— Боже мой! — вскричал капитан с жестким смехом,— можно подумать, что вы все — святые! Не помнишь ли, Пиетро, какой грешок был за тобой, когда я нанял тебя?

— Я застрелил таможенника — это не преступление!

— Да? Ну а ты, Розарио?

— Ну, хозяин, вы ведь знаете, что такое вендетта,— ответил Розарио с достоинством.

— Вот я и говорю, что вы невинны, как новорожденные младенцы. Постыдитесь!

Но, несмотря на внешнюю уверенность, хозяин внутренне сильно тревожился, и слова матросов казались ему не лишенными основания.

Четыре дня тому назад, когда фрегат стоял на якоре у берега, этот человек, имевший весьма подозрительный вид, попросил капитана доставить его на итальянский берег за три тысячи франков. Геннаро — хозяин контрабандного судна, много досаждавшего таможенному люду,— сразу согласился, прельщенный тремя тысячами франков, заплаченными пассажиром наличными, и решился смотреть сквозь пальцы на некоторые странности незнакомца. Гладко выбритая голова, конечно, выдавала каторжника, но он

старательно закутывал голову и лицо огромным капюшоном, на судне держался спокойно и не мешал никому, поэтому скоро капитан забыл о его присутствии.

Матросы же отнеслись к нему иначе. Со свойственным итальянцам суеверием они приписывали незнакомцу все неудачи, случавшиеся в этом рейсе. В первый же вечер внезапно набежавший шторм оторвал фок-парус, а на другой день отломилась часть руля, потом буря разыгралась не на шутку и, наконец, достигла такой силы, что даже сам Геннаро, старый, морской волк, не мог припомнить ничего подобного.

К хозяину подошел рулевой.

— Ну, Мелло,— спросил его хозяин,— ты тоже считаешь фрегат погибшим, потому что мы приняли клейменого?

— Да,— коротко ответил Мелло,— мы погибли, если Бог не сотворит чуда.

В это мгновение послышался страшный треск, и матросы с громкими криками бросились на палубу.

— Смерч идет! Мы тонем! — в ужасе кричали они, ломая руки. — Помоги, хозяин, помоги!

Громадная масса воды обрушилась на палубу, в носовой.части образовалась обширная брешь,

и фрегат быстро начал наполняться пенящимися потоками.

— К помпам, люди! — кричал Геннаро.— К помпам!

На этот раз приказание было исполнено беспрекословно: чувство самосохранения взяло верх на суеверием, и скоро помпы работали, не останавливаясь ни на минуту.

Только двое оставались в бездействии.

— Пиетро,— обратился один из них к товарищу,— не хочешь ли наглотаться воды?

— Нет!

— Но как ты думаешь спастись?

— На это есть средство…

Они обменялись многозначительными взглядами, и один из них продолжал шепотом:

— Осторожно: если хозяин догадается, он помешает.

— Конечно, осторожно. Мы идем прямо на Эльбу и, наверное, разобьемся о скалы, если не примем надлежащих мер. Предоставь это мне, и как скоро он очутился в воде…— Тут он выразительно посмотрел на незнакомца, все еще лежавшего неподвижно.

— Друг,— обратился к нему Пиетро,— знаешь ли ты, что мы погибаем?

Бенедетто — разумеется, это был он — обратил на матроса взор, полный ужаса, и спросил:

— Разве спасения нет?

— Есть, только за деньги.

— Так спасите меня. Я заплачу… Сколько вы хотите?

— Хорошо, мы согласны, но слушай: на фрегате всего одна лодка, ступай за нами потихоньку на корму. Мы сядем в лодку, оттолкнемся, а об остальном пусть позаботится Бог!

Бенедетто кивнул и, шатаясь, отправился на корму вслед за матросами.

— Сюда,— крикнул Пиетро.

Бенедетто, ничего не видя в темноте, шел слепо за своими провожатыми, но внезапно почувствовал, как мускулистые руки схватили его, подняли в воздух, а затем он оказался в кипящих волнах — матросы бросили его за борт, чтобы спасти свой корабль!…

Несчастный крепко держал шкатулку с деньгами, завернутую в обрывок парусины, волны бросали его из стороны в сторону — и он потерял сознание. Внезапно он пришел в себя, когда волна, подхватив его и ударив об утес, выбросила на скалистый берег. Темная струя крови полилась из рассеченного лба на бледное лицо убийцы своей

матери и, глубоко вздохнув, он снова потерял сознание.

5. Монте-Кристо

Буря стихла, блестящие звезды сияли на чистом небе и отражались в почти неподвижных волнах, по которым как стрела летела яхта. На носу стоял человек в длинном темном плаще и, скрестив на груди руки, задумчиво смотрел на море. Прикосновение маленькой белой руки заставило его вздрогнуть, но в следующее мгновение он уже крепко целовал эту ручку, устремив взгляд, полный невыразимой любви, на стоявшую возле него молодую женщину.

На ней была одежда жителей Эпира — ее стройную фигуру облегала тонкая, белая, как снег, шелковая ткань, и вышитые на широком поясе цветы мало отличались от настоящих.

— Моя дорогая! — тихо произнес он. Целуя душистые черные волосы молодой женщины.

— О, как я люблю тебя, мой друг, мой супруг! — так же тихо прошептала она.

— Ты испугалась бури, Гайде? — заботливо спросил ее собеседник.

— Испугалась? Но ведь я с тобой! — улыбнулась прекрасная гречанка.— Ты должен бы лучше знать меня.

— Природа сильнее человеческой воли, моя Гайде!

— Но Бог управляет явлениями природы так же, как и сердцами людей,— ответила ему Гайде, устремив на звездное небо взор, полный детской, непоколебимой доверчивости.

— Знаешь, Гайде, через час мы достигнем нашей цели!

— Да, и когда мы пристанем к Монте-Кристо, ты раскроешь мне тайну твоей жизни и расскажешь о твоих страданиях.

— Гайде, страдания принадлежат прошлому а будущность с тобой будет покоем и счастьем. Твои чистые уста должны оправдать или осудить меня.

Тут к ним подошел старый матрос и почтительно спросил:

— Господин граф, вы не отменили решения пристать к Монте-Кристо?

— Нет, Джакопо. Вы останетесь на яхте с экипажем, а Бертуччио с Али проводят нас. Мы остановимся на несколько часов, а сейчас пошлите ко мне Али и позаботьтесь, чтобы яхта поскорее достигла цели.

Джакопо поклонился, и вскоре пришел Али.

— Али,— обратился граф к нубийцу,— испол-

нил ли ты мои приказания?

Али скрестил руки и наклонил голову.

— И ты знаешь, что рискуешь жизнью?

Али снова наклонил голову.

— Хорошо, можешь идти.

— Ты пугаешь меня,— сказала Гайде, прижимаясь к графу.— Али так предан тебе, и если мы лишимся его…

— Не тревожься, дитя, с ним ничего не случится, если он в точности исполнит поручение.

Яхта неслась по гладкому морю. И при первых лучах солнца перед глазами мореходов выросли скалистые берега острова Монте-Кристо. Гайде стояла, опершись на плечо мужа, любуясь блестящими волнами, между тем как граф Монте-Кристо был погружен в воспоминания.

Десять лет тому назад, Эдмон Дантес бежал из замка Иф. Затем Кадрусс, Фернан, Данглар и Вильфор, бывшие причиной его страданий, все до одного получили по заслугам — возмездие свершилось.

Сокровища аббата Фариа дали возможность Эдмону Дантесу под именем графа Монте-Кристо играть значительную роль в свете, и теперь, когда все его планы мести осуществились, когда предатели были наказаны, в душу Монте-Кристо

стали закрадываться сомнения. Фариа сначала хотел употребить баснословное богатство кардинала Спада для объединения Италии, потом он предоставил сокровища Эдмону Дантесу в его собственное распоряжение. Подобло ангелу с огненным мечом Монте-Кристо разил виновных, а теперь…

— 'Господин граф,— раздался голос Бертуччио,— мы сейчас пристанем. Есть еще какие-нибудь приказания для меня?

— Нет, Бертуччио, вы знаете мои приказания Али — и этого достаточно.

Бертуччио удалился с глубоким поклоном, и через минуту был брошен якорь.

Нежно обняв стан молодой гречанки, граф заботливо свел ее в лодку, куда за ними последовали Бертуччио и Али; повинуясь сильным взмахам весел, лодка быстро приближалась к берегу.

Граф на руках вынес Гайде на берег, подозвал Бертуччио и Али, а сам обратился к остальным матросам:

— Вы приедете сюда за нами через два часа.

Лодка отчалила, а граф направился к пещере. Гайде следовала за ним, как в святилище, так как здесь она сделалась женой человека, которого

любила больше жизни.

Граф угадал мысли молодой женщины и, привлекши ее к себе, прошептал:

— Моя радость, здесь ты стала моею, и сегодня я хочу услышать от тебя, действительно ли заслуживаю такого счастья.

Они вошли в подземный дворец. Дивные благоухания наполняли роскошные покои, и при свете свечей, зажженных Али и Бертуччио, всюду сверкала хрустальная, золотая и серебряная утварь.

Монте-Кристо провел Гайде в очаровательный будуар, ее ноги утопали в пушистых коврах, и когда она уселась на обитый шелком диван, граф опустился рядом и начал рассказывать историю своей жизни.

Рассказ его был длинен; Гайде вместе с ним переживала ужас заключения, плакала во время описания смерти аббата Фариа и закричала от ужаса, услышав, что кладбищем в замке Иф служит море! Потом она услышала, как он отыскал сокровища аббата; каким богачом стал, овладев ими, и каким жалким нищим почувствовал себя, узнав о голодной смерти отца, об измене Мерседес и о ее браке с предателем…

Тогда он торжественно поклялся отомстить своим врагам и без разбора наказать виновных.

Теперь клятва его выполнена, и он может с гордостью сказать, что каждый получил по заслугам.

— Гайде,— сказал он в заключение тихим голосом,— что ты скажешь на это?

— Что ты исполнил Божью волю. Бог был с тобой, потому что ты поступал по справедливости! — с блестящим взором вскричала Гайде.

— А теперь, Гайде, теперь…

— Теперь правосудие свершилось, и ты будешь милосерден к людям,— нежно прошептала молодая женщина.

— Я буду таким, Гайде, клянусь тебе. За каждый мой мстительный поступок я обещаю сделать добро, и с этой минуты моя жизнь будет посвящена высшим целям, я…

Монте-Кристо остановился; условный знак, поданный внезапно вошедшим Али, означал, что случилось нечто непредвиденное, и он вышел из грота вместе с Гайде.

— В чем дело, Али? — обратился он к нубийцу, тревожно застывшему на крутом утесе.

Али бросился на землю, растянулся и закрыл глаза.

— А! — вскричал граф, поняв объяснения негра.— Ты нашел человека на утесе?

Али радостно кивнул головой.

— Ты знаешь его?

Али выразил на лице недоумение, приложил руку ко лбу и отрицательно покачал головой.

— Человек ранен?

— Да,— кивнул Али.

— Мертв?

— Нет.

— Но он не может двигаться?— Лицо Али опять просияло от удовольствия, что он понят.

— Гайде,— обратился граф к жене,— это хороший сигнал, что бог так скоро дает мне возможность совершить доброе дело. Ты останешься здесь, пока я пойду с Али помочь несчастному.

— Я пойду с тобой! — с мольбой вскричала Гайде.— Позволь и мне принять участие в твоих заботах.

— Так пойдем, дорогая моя,— сказал Монте-Кристо, и оба последовали за Али, направлявшемуся к берегу.

Проходя мимо пещеры, Гайде увидела, что Бертуччио рубит в скале углубление.

— Что делает Бертуччио? — с любопытством спросила она.

— После узнаешь, Гайде,— ответил граф и, обернувшись к Бертуччио, тихо спросил:

— Ты скоро закончишь?

— Да, господин граф, очень скоро. Я прилажу фитиль, и когда вы подадите знак, все кончится.

— Хорошо, Бертуччио, следуй за нами.

Корсиканец с изумлением посмотрел на графа, но Монте-Кристо повторил приказание, и управляющий пошел за ним с ломом в руке. Придя на берег, Али остановился и указал на выдающийся в море утес.

Глянув в том направлении, Монте-Кристо увидел человеческую фигуру, распростертую на камне. Лица не было видно, но лужа крови свидетельствовала, что человек тяжело ранен. Правой рукой незнакомец судорожно сжимал какой-то предмет. Одним прыжком Монте-Кристо очутился подле несчастного, обхватив его сильными руками, отнес на холмик, покрытый мягким дерном, и осторожно опустил на землю.

— Али,— приказал граф,— поспеши в грот и принеси рому. Не теряй ни минуты — речь идет о человеческой жизни.

Нубиец быстро скрылся, между тем граф и Бертуччио подложили под голову раненого пучок морской травы. Монте-Кристо ощупал его грудь.

— Он жив еще,— сказал он со вздохом облегчения,— и с Божьей помощью я спасу его.

Вдруг за его спиной раздался ужасный крик

Бертуччио:

— О, господин, это тот негодяй-убийца — разве вы не узнаете его?

Граф наклонился и, стерев с лица пострадавшего кровь, воскликнул пораженный:

— Правда, это Бенедетто!

— Назад, господин!— яростно закричал Бертуччио, занося свой лом.— Я размозжу череп этому вампиру!

Лом просвистел в воздухе, но прежде чем он успел опуститься на голову Бенедетто, граф схватил его и сильным движением выбросил в море.

— Бертуччио,— холодно произнес он,— как вы осмелились в моем присутствии разыгрывать роль судьи?

— О, господин, простите меня! Но гнев помутил мой рассудок. Ведь Бенедетто сжег мою невестку, свою приемную мать, чтобы завладеть ее деньгами. Он жил только одними грабежами и убийствами!

— Не тратьте даром слов, он человек — и должен быть спасен!

Появился Али с ромом, граф влил несколько капель в рот Бенедетто. Гайде начала тереть ему виски, и несколько минут спустя несчастный глубоко вздохнул и зашевелился, все еще не от-

крывая глаз.

Граф осмотрел его рану.

— Он будет жить,— решительно произнес он,— рана не опасна.

— Но для человечества его смерть была бы благодеянием,— прошептал Бертуччио.

— Бертуччио,— строго сказал граф,— принесите воды и обмойте рану.

— Господин граф, я…

— Идите! Повинуйтесь или мы расстанемся с вами!

Бертуччио исчез и скоро вернулся с водой. Дрожа от бешенства, он заботливо обмыл раны Бенедетто, не произнося ни слова. Между тем Гайде развязала парусину, и увидев маленькую шкатулку, тщетно старалась открыть ее. Граф, посмотрев внимательно на замок, заметил:

— По-видимому, тут есть секретная пружина, попробуй открыть моим ключом.

Ключ подошел, крышка отскочила, и граф не мог удержаться от изумленного восклицания при виде золота и банковских билетов.

— Господин, он открывает глаза,— заметил Бертуччио.

— Узнал он вас?

— О, нет, он еще не совсем очнулся.

— Тем лучше, отойдите — он скоро придет в себя.

— Боже! Что это такое? — вскричал Бертуччио, увидев раскрытую шкатулку.— Конечно же, плоды нового преступления!

— Без сомнения,— кивнул граф,— но вот какое-то письмо: может быть, оно объяснит нам эту тайну!

Письмо гласило: «Сын мой, я пошлю тебе это письмо, когда буду навсегда покидать Францию. Ты простил меня, завтра я увижу тебя в последний раз, да благословит и сохранит тебя Бог. Твоя мать, Э.Д.»

Монте-Кристо затрепетал.

— Эрмина Данглар! — проговорил он.— Бедная женщина!

Отстранив Бертуччио, он наклонился над Бенедетто, в красивых, но обезображенных чертах которого читал ужасную истину.

— Бенедетто,— произнес он голосом, проникавшим до глубины души.— Бенедетто, выслушай меня!

Дрожь пробежала по телу негодяя, но он не открыл глаз.

— Бенедетто,— сурово продолжал граф,— ты убийца. Ты убил свою мать. Будь проклят!

На этот раз Бенедетто широко открыл глаза, полные ужаса, и пролепетал замирающим голосом:

— Свою мать… да, да, пощадите!

Монте-Кристо встал, взгляд его встретился со взглядом Бертуччио, выражавшим немой вопрос.

«Неужели ты все еще будешь сострадать ему? — спрашивал глазами Бертуччио.— Изверг убил родную мать! Заслуживает ли он пощады?»

В эту минуту раздалась веселая песня матросов, приближавшихся в лодке к берегу с тем, чтобы забрать своих пассажиров.

— Джакопо,— громко крикнул Монте-Кристо матросу.— Слушай, что я скажу!

Поднявшись в лодке, Джакопо внимателъно выслушал графа, сказавшего ему несколько слов на мальтийском наречии. Вслед за этим один из матросов, прыгнув в море, поплыл к яхте, а Джакопо с остальными пристал к берегу.

— Принесите из грота съестные припасы,— приказал граф.

Джакопо и Али повиновались, и пока матросы складывали провизию в лодку, граф что-то шепнул нубийцу. Подойдя к Бенедетто, Али взял его на руки и, перенеся в лодку, положил на дно.

Граф закрыл шкатулку и бросил ее рядом с ним и, взяв под руку Гайде, удалился, между тем как Али, войдя в воду, уперся руками в борт лодки.

— Бенедетто,— громко сказал граф, обернувшись,— ты надругался над Богом, ты попрал все божеские и человеческие законы — люди не могут судить тебя, пусть тебя судит Господь! Али, исполни мое приказание.

Али мощными руками оттолкнул лодку от берега, течение повлекло ее, и скоро она исчезла за горизонтом.

— О, господин,— вне себя проговорил Бертуччио,— вы подарили ему жизнь!

— Если всемогущему Богу угодно будет спасти его, да будет так! Ему одному принадлежит право прощать и наказывать,— торжественно провозгласил граф, между тем как все присутствующие сложили руки, набожно шепча молитву.

Яхта уже летела к берегу, повинуясь тому приказанию, что было передано приплывшим матросом, и, взойдя на палубу вместе с Гайде, граф произнес:

— Бертуччио и Али, исполняйте порученное!

Гайде вопросительно посмотрела на мужа, который, прижав ее голову к своей груди, проговорил:

— Моя дорогая, я хороню свое прошлое — и пещеры Монте-Кристо больше не будет!

Огненный столб взвился над островом: раздался оглушительный грохот, и хранилище сокровищ кардинала Спада взлетело на воздух.

Али и Бертуччио поспешили на яхту, и она на всех парусах вышла в открытое море.

— Мой супруг,— прошептала Гайде с горячим румянцем на щеках,— ты был милосердным, и я вдвойне благодарна тебе за это. Бог воздаст тебе в твоем ребенке за добро к ближним! Да, я говорю правду: мне предстоит высшее счастье — стать матерью. Поцелуй меня, мой возлюбленный!

6. Трехцветное знамя Италии

Наступил вечер 15-го марта. Сальвани и Тичеллини с трепетом ожидали начала спектакля. Конечно, Лучиола была любимицей публики, но настроение, господствовавшее тогда в Милане, делало весьма сомнительным успех какой-бы то ни было театральной новинки.

Еще накануне билеты раскупались так вяло, что Сальвани, не жалевший издержек на постановку новой оперы, в ночь с 14-го на 15-е видел страшные сны.

Наконец, утром 15-го марта дела приняли лучший оборот: несколько лож было уже продано, когда около одиннадцати часов в кассе появился негр в снежнобелом бурнусе и выразительным жестом указал на пачку билетов.

— Вашему господину нужна ложа? — спросил Сальвани, не гнушавшийся должностью кассира в знаменательные дни.

Негр засмеялся, оскалив перед импрессарио свои белые зубы, и, отрицательно покачав головой, снова указал на билеты.

— Вам нужно две ложи?

Снова знак отрицания.

— Три ложи?

И опять нет.

— Да что же это такое? Разве вы немой?

Утвердительно кивнув головой, нубиец положил на билеты пачку денег и жестом показал, что хочет спрятать билеты в карман.

— Вы хотите купить все эти билеты? — с замиранием в сердце спросил Сальвани.

«Да» — был жест негра. Импрессарио недоверчиво взглянул на него и сказал:

— Но в этой пачке одиннадцать лож первого яруса по пятидесяти лир каждая.

Кивок.

— Потом восемнадцать лож второго яруса по сорок две лиры…

Опять кивок.

— Двадцать две ложи в третьем ярусе по тридцать шесть лир и тридцать лож четвертого яруса по двадцать пять лир.

Нубиец снова кивнул утвердительно. Сальвани быстро подвел итог и вне себя вскричал:

— Но это невероятно! Ведь это обойдется вам в 2848 лир!

Негр в ту же минуту подал ему банкноты на сумму в три тысячи лир, а театральные билеты положил в карман. Потом, взяв импрессарио под

руку, он указал ему на сцену.

— Я не понимаю,— пролепетал Сальвани,— вы хотите на сцену?

Негр кивнул.

— Следуйте за мной.

Сальвани спустился по маленькой лестнице и скоро они с негром очутились на полутемной сцене. Подойдя к суфлерской будке, нубиец так многозначительно указал на кресла и стулья, что импрессарио мгновенно понял его.

— Вы хотите купить все места внизу? — поспешно спросил он.

Нубиец подтвердил.

— Эти места по пять, четыре и три лиры.

И вновь подтверждение.

— Я был бы, конечно, безумцем, если бы отказал вам.

Выйдя через четверть часа из кассы, нубиец нес в кармане все места театра Скала, купленные круглым счетом за 6000 лир.

Сальвани с торжеством показал подошедшему Тичеллини кучу банковских билетов, и когда композитор боязливо заметил, что все это шутки одного из его соперников, импрессарио хладнокровно ответил ему:

— Тичеллини, мог бы ты пожертвовать на то,

чтобы уничтожить Джиоберто или Пальмарелли, шесть тысяч лир?

Маэстро замолчал, убежденный этой логикой.

Вечером театр представлял великолепное зрелище. В первый раз со времен австрийской оккупации здесь появились все миланские аристократки в богатейших туалетах. Прежде они редко посещали театр и если приезжали, то исключительно в черных платьях и под густой вуалью. Сальвани и маэстро с изумлением смотрели на блестящее собрание, но скоро изумление сменилось недоумением и страхом, когда они заметили некоторую странность в костюмах дам. Одни из них были одеты в зеленый бархат с камышовыми листьями в волосах, другие надели красные платья с красными цветами, третьи — белые атласные костюмы с белыми маргаритками на голове. Кроме того, случайно или намеренно, дамы сгруппировались таким образом, что все три цвета собрались вместе: зеленый, белый, красный. Тичеллини был патриот с головы до ног, и его сердце неистово забилось, когда он увидел в зале давно запрещенные австрийцами родные цвета Италии.

Что же это значило, однако? Революцию?! Конечно, в этом случае успех оперы, наверное,

обречен, но Тичеллини не думал о себе, когда дело шло об отчизне, и, воодушевленный патриотическими цветами, он стал напевать начало народного гимна:

«Кто умирает за Отечество,

Тот жил довольно…»

Партер кишел студентами, и только одна из лож близ сцены была пуста.

Вдруг по театру пронесся ропот: дверь ложи отворилась, и в нее вошли трое. Высокий стройный мужчина с темными волосами и блестящими черными глазами сопровождал даму необыкновенной красоты. На мужчине был черный вечерний костюм, на даме — красное платье из тяжелой шелковой материи, белый шарф обвивал ее стан и белая кружевная накидка покрывала черные волосы женщины. Диадема из сверкающих смарагдов украшала прелестный лоб, а на руках и на шее сияли бриллианты чистейшей воды. Мальчик редкой красоты лет восьми или девяти поместился между мужчиной и женщиной, и по первому же взгляду можно было угадать в нем их сына. Как раз напротив их ложи находилась ложа маршала Радецкого, полная его адъютантов. Следя за всем, что только намекало на какую-либо демонстрацию, они

бросали грозные взгляды на трехцветные наряды дам, и, наконец, доверенный Радецкого велел позвать Сальвани, который немедленно явился, бледный и испуганный трепеща от опасения, что адъютант запретит начинающийся спектакль.

Офицер встретил его гневно.

— Что это значит? Заметили вы трехцветные платья?

— Ваше сиятельство…

— Ну? Отвечайте!

— Не угодно ли вашему сиятельству глянуть на публику?

В ту минуту, как Сальвани вошел в ложу австрийцев, мужчина в ложе напротив встал и набросил на плечи своей жены светло-голубой шарф. Остальные дамы последовали этому примеру и окутались шарфами разного цвета: перед глазами одураченного офицера замелькали желтые, черные и голубые цвета, и он злобно проворчал:

— Погоди же ты, каналья, меня не проведешь!

Сальвани быстро удалился, и в это время раздались первые звуки увертюры, встреченные громом рукоплесканий. И на этот раз мужчина из первой ложи первым подал знак одобрения, но на это, по-видимому, не обратил внимания никто.

Тичеллини поспешил в уборную Лучиолы, которая была так прекрасна в своем белом атласном костюме маргаритки, что у композитора захватило дыхание.

— Ну, маэстро,— улыбаясь, спросила певица,— нравлюсь я вам и верите ли вы в успех оперы?

— О, синьора, я и не сомневался, с тех пор как вы обещали участвовать в ней.

Из глубины уборной появилась темная фигура, и к Тичеллини подошел маркиз Аслитта.

— Примите мои поздравления, маэстро,— приветливо сказал, он протягивая руку.

Маэстро неохотно подал свою. Аслитта пользовался в Милане дурной репутацией и считался, по мнению патриотов, ренегатом и предателем. Было известно, что Аслитта, хоть и итальянец по происхождению, принадлежал к ревностным почитателям вице-короля и знался только с австрийцами. Поэтому Тичеллини был холоден и обрадовался, когда его отозвали. Поклонившись певице, он поспешил за кулисы, и маркиз остался наедине с Лучиолой.

— Джиорджио! — шепнула Лучиола, протягивая ему руку.— Решительная минута близка!

— Благодарю тебя, моя дорогая,— прошептал молодой человек. — Ты ставишь на карту жизнь,

чтобы спасти мое отечество, и в мире нет ничего, что могло бы вознаградить тебя за то, что ты делаешь!

Лучиола бросилась в объятия маркиза.

— Ты любишь меня, Джиорджио?

— Люблю больше жизни, ты мое божество!

— О, Джиорджио, для тебя я готова на все, но теперь иди, уже пора!

— Ты ничего не забыла? Ты заметишь наш знак?

— Будь спокоен, я все помню.

— Прощай же, будь мужественна!

— И надейся,— прибавила Лучиола, возвращая маркизу поцелуй.

В это мгновение тяжелая рука опустилась на плечо Аслитты, и резкий голос произнес:

— Маркиз, вы забыли запереть дверь!

Аслитта быстро обернулся. Перед ним стоял человек отталкивающей наружности — граф Сан-Пиетро; коротко остриженные рыжеватые волосы, постоянно закрытый глаз, пересеченный синеватым, толстым шрамом, достигавшим уха, совершенно обезображивающим прежде красивое лицо. Дьявольская усмешка искривила его тонкие губы, и Аслитта побледнел, увидев графа.

Лучиола выпрямилась и устремила на него

строгий взгляд.

— Кто дал вам право явиться сюда? — гневно спросила она.

Насмешливо улыбнувшись, граф нахально отвечал:

— Кто может запретить мне быть здесь?

— Я! — гневно вскричала Лучиола.— Уйдите прочь!

— А, вы предпочитаете маркиза?

Аслитта вспыхнул, но сдержался и ответил, улыбаясь:

— Почему же всем не иметь права поклоняться Лучиоле?

Певица вздрогнула, но, ободренная взглядом Аслитты. почти спокойно произнесла:

— Право, граф, вы так испугали меня, я почти не узнала вас!

— И маркизу нечего прятаться: он может предоставить это заговорщикам,— заметил с проницательным взглядом граф.

Аслитта посмотрел на него, не сморгнув, и любезно спросил:

— У вас, конечно, есть ложа, граф?

— Черт возьми, нет. Когда я послал слугу в кассу, все билеты уже были проданы.

— В таком случае, сделайте мне честь занять

место в моей ложе!

— Так вы были счастливее меня?

Режиссер отворил дверь и произнес:

— Синьора, пожалуйста, на сцену!

— Иду,— ответила Лучиола и, проходя мимо них, прибавила, улыбаясь.— Прощайте и не забудьте аплодировать.

Когда она исчезла, граф и маркиз направились в зрительный зал, но на ступеньках ложи граф остановился л прошипел:

— Знайте, маркиз, я убью вас при первой же возможности!

— В самом деле? — спросил Аслитта, также останавливаясь.— Почему вы вдруг стали так кровожадны?

— Без уверток,— вскричал граф,— вы любите Лучиолу?

— Разве я не имею на это права?

— И Лучиола любит вас?

— Я не так самонадеян, чтобы подтвердить ваше предположение.

— Берегитесь, маркиз,— проскрежетал зубами граф,— я не слеп!

— Тем лучше для вас!

— И в казематах Милана есть такие утолки, в которых патриотов могут образумить колесова-

нием и заставить их выдать своих единомышленников.

— Граф,— резко сказал Аслитта,— в Милане также есть такие уголки, в которых, как собак, убивают итальянцев, продающих свое отечество иноземным тиранам!

И маркиз захлопнул дверь своей ложи перед лицом графа, слывшему креатурой Радецкого, и тот волей-неволей должен был просить себе место в ложе маршала.

Сан-Пиетро с безумной страстью любил Лучиолу и, вспоминая ее взгляд, которым она указала ему на дверь, яростно скрежетал зубами и бормотал проклятья.

— Она похожа на другую, которая ускользнула от меня, эта не ускользнет. О, я знаю, чем усмирить ее: я донесу на Аслитту!

Только Сан-Пиетро уселся, как на сцене появилась Лучиола, встреченная бурными аплодисментами.

— Полковник,— обратился Сан-Пиетро к адъютанту,— я разоблачил одного изменника и желаю сообщить вам его имя!

— Но не теперь же,— нетерпеливо ответил адъютант,— слушайте этот прелестный дуэт.

Действительно, голора Розы и Маргаритки зву-

чали так восхитительно, что тираны и жертвы одинаково увлеклись очаровательной музыкой. Никто не заметил, как Лучиола быстро взглянула на высокого мужчину в передней ложе и затем перевела взгляд на ложу Радецкого.

Незнакомец внимательно посмотрел на Сан-Пиетро, потом опять на сцену, и Лучиола усмехнулась с довольным видом.

Дуэт закончился под взрыв аплодисментов и был повторен, а затем вступил хор стрекоз.

— Полковник,— начал снова граф.— Аслитта в заговоре с патриотами, я…

— Завтра, завтра, граф! Да что, наконец, вам нужно от меня?

— Чтобы Аслитту арестовали сегодня же вечером!

— О, Лучиола несравненна, ее непременно нужно ангажировать для выступлений в Вене,— с увлечением вскричал полковник.— Хотите взять этот труд на себя?

— Что, ваше высочество?

— Боже мой, разве вы оглохли? Речь идет о том, чтобы заполучить Лучиолу для Вены!

— Прикажите арестовать Аслитту, и Лучиола будет петь в Вене!

— Какой вздор! Что общего между Лучиолой и

маркизом?

— Она любит его,— прошипел граф.

— А, конечно, это важная причина! 'Как! Лучиола отвергает ваше поклонение и влюбляется в какого-то неаполитанца! Это государственное преступление!

— Итак, ваше высочество...

— Даю вам поручение: отправьте Аслитту в цитадель, но после представления, я хочу дослушать оперу без помех.

— Я попрошу официального приказа, ваше сиятельство.

— Боже мой, какой вы несносный! Вот возьмите,— адъютант вырвал листок из записной книжки, поспешно написал несколько слов и, подав бумажку Сан-Пиетро, снова обратился к сцене. Граф демонически улыбнулся — он выиграл!

Как ни напрягал граф свою память, он никак не мог вспомнить, кого напоминала ему Лучиола. В его воспоминаниях был пробел, и хотя железная натура помогла ему справиться с ранением, державшим его несколько месяцев на краю могилы, но некоторые черты прошлого подернулись для него густым покровом забвения.

Но когда он взглянул на противоположную

ложу, где сидел мужчина в черной одежде, также пристально смотревший на него, этот покров внезапно разорвался. И граф, как бы в внезапном припадке кашля, закрыл лицо платком, так как не в силах был отвести свой взор от приковавших его глаз незнакомца.

— Нет, нет, — боязливо прошептал он,— никто не знает моего прежнего имени, и я напрасно пугаюсь.

По окончании первого акта Сан-Пиетро обратился к одному из офицеров:

— Кто этот господин в ложе напротив?

— Я незнаком с ним лично, знаю только, что сегодня он приехал из Неаполя с лучшими рекомендациями. Говорят, он баснословно богат.

— А как его зовут?

— Граф Монте-Кристо… Красавица, что сидит рядом с ним, его жена, а хорошенький мальчик — их сын.

— Благодарю вас,— сказал Сан-Пиетро и злобно прошипел.— Это он, и у него есть сын! О, на этот раз он не ускользнет от меня!

Немного погодя Сан-Пиетро спросил:

— Известны ли политические взгляды и убеждения графа?

— Я знаю только, что немедленно по приезде

он послал своего негра с визитной карточкой к Радецкому, прося принять его через несколько дней.

— А, конечно, это разрешает всякие сомнения.

Между тем опера продолжалась при возрастающем одобрении, но в начале третьего акта адъютанты получили приказ явиться на квартиру Радецкого.

Что было делать? Служба прежде всего, и офицеры с неудовольствием покидали театр как раз во время чудесного трио Лучиолы, Руниты и синьора Тино.

Наконец, открылась заключительная сцена: Роза, гордая царица цветов, согласилась на союз фиалки с маргариткой, и брак немедленно свершился под балдахином из листьев, перед наскоро устроенным алтарем из сосновых веток.

Красный, зеленый, белый — вот они опять — национальные цвета! В громе рукоплесканий фиалка и маргаритка приблизились к трону Розы, царица подняла свой жезл, и над прекрасной четой, как бы по волшебству, воздвиглась триумфальная арка из пальмовых листьев.

Монте-Кристо встал и махнул рукой. Театр мгновенно оживился: все вскочили со своих мест, и раздался оглушительный, радостный крик:

— Да здравствует Италия! Да здравствует национальное знамя!

Громкий голос покрыл общие выкрики:

— Долой иноземцев!

Последовала сцена неописуемого смятения и все мгновенно смолкло, когда Лучиола, набросив на плечи красный плащ розы, схватила зеленую пальмовую ветвь и своим дивным голосом запела национальный гимн.

Студенты вскочили на сцену, мигом разобрали все ветки, и тысячи голосов подхватили начатый певицей гимн. С криком: «Да здравствует Италия!» толпа повалила к выходу. Студенты отнесли Лучиолу в экипаж, отпрягли лошадей и повезли ее к дому, восторженно восклицая:

— Да здравствует Лучиола! Да здравствует Италия!

7. В рукопашной схватке

Когда майор Кирхштейн и его товарищи, привлеченные шумом, выбежали на улицу, они увидели экипаж Лучиолы, сплошь покрытый национальными знаменами; певица с белокурой подругой сидела в карете, и Лучиола повторяла восторженно:

— О, Милла, Милла, как это благородно!

— Господа! — яростно вскричал майор.— За мной! Арестуем Лучиолу и отправим ее в цитадель.

Громкое одобрение было ответом, но прежде чем он добрался до экипажа, сильная рука стиснула ему горло, и хриплый голос произнес:

— Если вы тронете хоть волос на голове Лучиолы — вы умрете!

Эти слова сказал маркиз Аслитта. Читатель, наверное, давно догадался, что молодой неаполитанец взял на себя славную, но опасную роль Брута, и Лучиола, отвечавшая взаимностью на его страстную любовь, поддерживала его в этом.

Они встретились в Неаполе. Лучиола гордилась своим возлюбленным и слепо следовала за ним всюду, презирая опасности и смерть. Подруга

Лучиолы, кроткая белокурая Милла, написала таинственное либретто, а Аслитта послал его Тичеллини. Эдмон Дантес сдержал слово — клятву, данную им на острове Монте-Кристо: он сделался верным другом угнетенных и, сочувствуя в этом Аслитте, отдал себя в полное распоряжение ему и его делу.

До сих пор он еще ни разу не встречался с Лучиолой, но когда певица увидела его в тот вечер в театре Скала, ею овладело странное волнение. Да, она знала этого человека, боровшегося за будущность Италии, и была убеждена, что он сумеет добиться этой цел и.

Услыхав угрозу майора, Аслитта впервые ясно осознал опасность, которой подвергалась его возлюбленная; он уже схватился за колесо кареты, когда сильные руки повалили его на землю. В то же время он услышал хорошо знакомый голос Сан-Пиетро:

— Попался-таки!

В рот маркиза засунули кляп, руки и ноги связали веревками, и двое пандуров поволокли его, между тем как граф повелительно кричал:

— Вы знаете приказ, берегитесь! Вы ответите жизнью за пленника!

Жандармы бросили Аслитту в повозку, и беше-

ным галопом помчались через улицы, звучащие праздничными криками. Тщетно старался маркиз разорвать свои путы. Один из пандуров приложил к его лбу дуло карабина и с угрозой сказал:

— Не шевелитесь, или я размозжу вам череп!

Скрежеща зубами, Аслитта повиновался… Повозка остановилась, маркиза выволокли из нее, и за ним глухо захлопнулась дверь подземной тюрьмы.

8. Маски падают

Когда ненавистные австрийские мундиры появились на освещенных факелами улицах, в толпе раздался грозный ропот, и студенты, окружившие экипаж Лучиолы, бросились на офицеров.

Это был безумный поступок — у молодежи не было другого оружия, кроме пылкого патриотизма и ненависти к иноземным тиранам.

Раздался выстрел, и во главе солдат показалась высокая фигура графа Сан-Пиетро, громко скомандовавшего своим людям атаковать безоружную толпу.

Услышав выстрел, студенты снова окружили карету Лучиолы. Полная мужества и хладнокровия, певица утешала дрожащую Миллу, удивляясь лишь отсутствию Аслитты, не подозревая его истинной причины.

Но когда отталкивающая физиономия Сан-Пиетро появилась возле экипажа, сердце Лучиолы сжалось, и мгновенно в ее голове родилось подозрение — не он ли предал маркиза?

Граф распоряжался превосходно — солдаты тесным кольцом окружили патриотов, и студенты

тщетно пытались загородить экипаж Лучиолы.

Граф очутился, наконец, рядом с певицей.

— Что же, Лучиола,— ты видишь, теперь тебе не ускользнуть от меня? — с грубой насмешкой вскричал он.

В ту же минуту Лучиола вскочила и, бросив на графа взгляд, полный глубокого презрения, произнесла своим звучным чистым голосом:

— Жалкий трус!

С криком ярости Сан-Пиетро выхватил кинжал. Ни один мускул не дрогнул на прекрасном бледном лице Лучиолы, не спускавшей глаз с графа, и она крепко стиснула в руке драгоценный стилет, решив не достаться живой Сан-Пиетро.

Внезапно звучный голос заглушил на мгновение шум и общее смятение:

— Бенедетто! Убийца! Беглый каторжник! Берегись! Бог не допустит такого надругательства! Будь проклят!

Граф Сан-Пиетро, любимец Радецкого, дрожа, обернулся в ту сторону, откуда раздался голос, показавшийся ему ужаснее трубы последнего судилища.

Напротив него, на пьедестале мраморной статуи, стоял человек, которого он узнал в ложе: этот человек рукой указывал на него. И вне себя

от бешенства, Бенедетто выхватил пистолет и направил его на графа Монте-Кристо. Выстрел грянул, но когда дым рассеялся, Монте-Кристо стоял невредимый на прежнем месте, а через расступившуюся толпу пара лошадей была подведена к экипажу Лучиолы. В одно мгновение лошади были впряжены, форейтор-негр хлопнул бичом, и экипаж быстро покатился. Несколько выстрелов раздалось вслед, но они не причинили никакого вреда, и скоро карета скрылась из вида.

— Смерть и ад! — проскрежетал Бенедетто, добавив: — Но этот уж не уйдет от меня!

И полный ярости, он бросился на графа.

Монте-Кристо стоял неподвижно. Бенедетто уже приставил дуло пистолета к его груди, когда граф внезапно стиснул правую руку негодяя. С хриплым стоном Бенедетто уронил оружие и упал на колени — железное пожатие Монте-Кристо чуть не раздавило ему кисть. С быстротой молнии схватив пистолет, граф, в свою очередь, приложил оружие ко лбу Бенедетто и произнес громким и звучным голосом:

— Все сообщники этого негодяя, называющего себя графом Сан-Пиетро, знайте, с кем вы имеете дело! Слушайте все: человек этот — беглый ка-

торжник и убийца своей матери!

Крик ужаса раздался в толпе, и солдаты, известные своей грубостью, с отвращением отвернулись от изверга.

Бросив пистолет, Монте-Кристо сошел с пьедестала и медленно направился по улице среди расступившихся перед ним солдат.

Почувствовав себя в безопасности, Бенедетто вскочил и, обращаясь к окружающим, прошипел:

— Не верьте ему — он солгал, он — враг Австрии! Что скажет маршал Радецкий, если он ускользнет от вас?

При имени Радецкого слепой страх овладел солдатами: они знали, что всякое человеческое чувство будет вменено в преступление перед судом маршала, и поэтому немедленно бросились в погоню за графом. Они уже почти нагнали его, когда он внезапно исчез. Ближайшим к нему солдатам показалось, что он мгновенно вошел в раскрывшуюся стену.

Но загадка разрешилась, когда преследователи узнали, что таинственная стена принадлежала дому Бертелли, имевшему множество тайных ходов.

— За мной! — прокричал Бенедетто, бросаясь

в «Казино» впереди всех, и тут же столкнулся с майором Бартоломео. Бенедетто схватил старого солдата за горло и начал душить, приговаривая:

— Негодяй, ты предал нас, но ты за это заплатишь!

— Я? — прохрипел майор.— При чем здесь я?

— О, не лги, я тебя знаю! Давно ли ты назывался Кавальканти и разыгрывал роль моего отца? Эй, люди, возьмите этого человека! Я сам доложу о нем маршалу!

9. Военная песня итальянских патриотов

Управляемые стильными руками Али, породистые кони летели, как вихрь, по улицам Милана. Лучиола теперь поменялась ролями с Миллой: она рыдала, между тем как маленькая блондинка утешала ее.

— О, Милла,— говорила Лучиола, плача.— Аслитта, наверное, убит, иначе он сдержал бы слово, а если я потеряла его, мне незачем жить!

— Но, Евгения,— успокаивала ее Милла,— зачем ты делаешь такие ужасные предположения? Я…

Внезапная остановка экипажа прервала Миллу: негр соскочил с козел, отворил дверцу и рукой пригласил дам выйти.

Подруги вошли в приемную в древне-итальянском духе, а когда перед ними отворилась украшенная арабесками дверь, они прошли дальше — в залу, обитую черным бархатом. Несколько слуг в черных ливреях зажгли свечи в большой позолоченной люстре и исчезли, а к дамам подошел наш старый знакомый Бертуччио.

— Синьора,— обратился он к Лучиоле,— не

бойтесь ничего: вы в доме друга! — и, распахнув портьеру, он знаком пригласил их в соседнюю комнату.

Лучиола и Милла вскрикнули от изумления — бледно-голубой шелковый потолок казался небосклоном, с потолка на серебряных цепях спускались лампы в виде лотосов, вдоль стен стояли низкие диваны, обитые бледно-голубой шелковой материей, затканной серебряными цветами. Посреди покоя стояло также покрытое серебристой тканью ложе, с которого навстречу подругам поднялась красавица в пурпурной шелковой одежде.

— Приветствую вас, сестры,— произнесла Гайде (а это была она) мягким и приятным голосом,— я ожидала вас.

Лучиола и Милла склонились над белой и нежной ручкой, протянутой им гречанкой. Не допустив их поцелуя, Гайде сама поцеловала в лоб обеих девушек и усадила их рядом с собой.

— Ты выказала много мужества, сестра,— обратилась Гайде к Лучиоле,— но я не тревожилась за тебя: он обещал тебя оберегать.

Лучиола поняла, кто был этот «он», и робко сказала:

— По-видимому, вам известна связь всех этих

ужасных событий… Можете ли вы ответить мне на один вопрос?

— Охотно, говори без боязни, и я отвечу тебе.

После минутного колебания Лучиола твердо начала:

— В Милане есть патриот, готовый отдать жизнь за освобождение Италии.

— Ты говоришь о маркизе Аслитте? — кротко перебила ее Гайде.

— Да, о нем, и если вам известно мое прошлое, то вы поймете, что лишь одна любовь к нему заставляет меня еще дорожить жизнью.

— Говоря откровенно, сестра моя,— проговорила прекрасная гречанка, когда Лучиола замолкла,— быть может, я могу помочь тебе.

— Я — француженка по происхождению,— неуверенно начала певица,— юность моя протекала в столице; меня окружали роскошь и блеск, но я никогда не была счастлива. Отец не заботился обо мне: занятый финансовыми операциями, он не обращал внимания на семью, мать моя, жаловаться на которую я не могу,— была не счастливее меня; она не любила меня, может быть потому, что не любила моего отца, и поэтому искала счастья вне дома, но безуспешно. Я пришла бы в совершенное отчаяние, если бы

верная подруга не поддержала меня,— прибавила певица, обнимая Миллу.— Мы обе любили музыку, Искусство заменило мне все, чего мне не доставало, но я не перестала чувствовать ложь и пустоту, окружавшие меня, и я бежала с горечью и отчаянием в сердце! Мне не было еще и двадцати лет, а добродетель, честность и любовь были для меня пустыми словами.

— Бедная сестра,— прошептала Гайде,— как ты много страдала!

— Да, я выстрадала много,— подтвердила Лучиола с глазами, полными, слез,— свет казался мне пустыней, я отказалась от всего, что привязывало меня к миру, и посвятила себя всецело искусству! Рукоплескания восторженной толпы опьяняли меня — я не дорожила лавровыми венками, которыми осыпала меня публика, я хотела только минутного забытья, хотела мимолетного возбуждения — и, наконец, отчаялась! Только в Неаполе впервые я поняла, что есть нечто выше удовлетворенного тщеславия! Тогда туда приехало несколько молодых итальянцев-дворян, чтобы поднять своих терпеливых братьев на борьбу с тиранией австрийцев. Они поставили на карту свои жизни и им удалось приобрести многочисленных союзников. Однажды, услышав

дикий крик и топот, я велела оседлать лошадь и поскакала на шум. Милла вызвалась сопровождать меня, и скоро мы прискакали на место схватки — близ Котроны в Калабрии. Мы видели блестящие мундиры, слышали частые выстрелы, несколько факелов тускло освещали ужасную картину. Над крутым утесом стоял молодой человек, размахивая кинжалом, он призывал своих товарищей не сдаваться. И, когда, он упал, сраженный пулей, мое мертвое холодное сердце внезапно сжалось, я пришпорила коня и поспешила на то место, где только что стоял он. Несчастный упал в расщелину скалы, и помогая себе ногтями и зубами, я пробралась к нему и вместе с Миллой мы вытащили его наверх на моем крепком шелковом шарфе. До сих пор я не понимаю, как мы справились с этим при наших слабых силах. Мы перевезли его в мой дом, и я, эгоистическое существо, думавшее до тех пор только о себе, ходила за ним с заботливостью, присущей только искренней и глубокой любви. Джиорджио Аслитта был спасен. Его первые слова, когда он пришел в себя, были словами песни.

— А! Военная песнь итальянских патриотов,— сказала Гайде с блестящим взором.

— Да. И, услышав эти слова, я воспряла! Я снова

поверила в идеалы, мое внутреннее «я» преобразилось мгновенно, как бы по мановению волшебного жезла, и никакая любовная песнь не казалась мне с тех пор дороже и звучнее этого гимна.

10. Тень прошлого

Едва успела Лучиола произнести последние вдохновенные слова, как глубокий голос позади нее произнес:

— Евгения Данглар, принеси благодарность за искупление прошлого!

Певица быстро обернулась: перед нею стоял граф Монте-Кристо, держа за руку сына.

— О, как мне благодарить вас! — вскричала Лучиола, зарыдав. Обняв прекрасного мальчика, она крепко поцеловала его.

— Так вы узнали меня,— грустно проговорила она.

— Я никогда не терял вас из вида,— ответил Монте-Кристо,— и ваше имя сделало меня вашим должником.

— Вы заставляете меня краснеть, граф... Вы — мой должник?

— Поверьте мне на слово: я не смею открывать вам печального прошлого, но, право, если я невольно причинил вам горе, то только потому, что был орудием высшей власти.

— Вы знаете все о моих родителях. Заклинаю вас — не скрывайте от меня ничего! Я знаю, что

мой отец жив и что…

— Сейчас,— ответил Монте-Кристо, сделав знак Гайде, которая немедленно увела мальчика, а Лучиола продолжала:

— Я знаю, что мой отец занимается биржевыми делами в Германии, но моя бедная мать…

— И мать ваша тоже жива,— печально произнес граф,— но я не знаю, увидите ли вы ее когда-нибудь.

— Но я не понимаю,…— проговорила Лучиола.

— Выслушайте меня, дитя мое, и соберитесь с силами. Узнали ли вы человека, назвавшегося графом Сан-Пиетро?

— Что значит «узнала»? Это негодяй, которого все презирают!

— Я думал, что Евгения Данглар проницательней. Конечно, шрам делает его почти неузнаваемым, но, все-таки, Евгения, кто много лет тому назад добивался вашей руки и потом…

— Князь Кавальканти! — с ужасом вскрикнула Лучиола.

— Да, если вам угодно так называть его, в действительности же он беглый каторжник и убийца Бенедетто!

— Но что общего имеет этот негодяй с моей матерью?

— К несчастью, больше, чем вы думаете! Чтобы украсть у вашей матери миллион, изверг не остановился перед новым злодейством: он вонзил кинжал в грудь несчастной, и…

— О, жалкий трус! Но вы сказали, что моя мать жива.

— Да, она жива. Убийца поразил ее не насмерть, и после нескольких месяцев страданий она поправилась.

— Слава Богу! Но где же она? Я хочу лететь к моей матери, хочу броситься к ее ногам и своей любовью заставить ее забыть то, что она вынесла! — страстно вскричала Лучиола.

— К несчастью, это невозможно в настоящую минуту, бедное дитя мое. Ваша мать обещала отдать свое миллионное состояние отцам иезуитам, которые за это должны были избавить Бенедетто от петли, а ее поместить в одном монастыре в Малой Азии. После воровства Бенедетто святые отцы отказались от обещания, и ваша мать оказалась одна на свете, без средств, беспомощная и беззащитная. Тогда Проведение свело ее с Валентиной де Вильфор — вы, конечно, помните ее?

— О, конечно, Валентина — единственная, о ком я вспоминаю с удовольствием.

— Теперь Валентина замужем за Моррелем. Об-

стоятельства, разъяснить которые я пока не имею права, заставили ее с мужем на время покинуть Францию и отправиться в Индию. Она нуждалась в воспитательнице для своей маленькой дочери и попросила мадам Данглар принять на себя эту обязанность.

— Бедная мать,— печально прошептала Лучиола,— как тяжело должно казаться ей зависимое положение!

— Времена меняются, и мы вместе с ними,— задумчиво улыбнувшись, сказал граф.— Мадам Данглар с благодарностью приняла предложенное место и нежно любит и Валентину, и ее дочку.

— Давно ли моя мать находится в Индии?

— Уже три года.

— И вы можете дать мне ее адрес? Я могу написать ей, сказать, что я тоскую по ней!

— В настоящее время мне неизвестно местопребывание Моррелей. Шесть месяцев тому назад они писали, что перебираются всей семьей в Пенджаб, но я надеюсь скоро получить от них известия.

Послышался глухой звон колокола, и Монте-Кристо встал.

— Дитя мое,— торжественно сказал он,— как

бы вы не были грешны в эгоизме и легкомыслии в прошлом, вы искупили и загладили это тысячекратно и вполне заслужили любовь честного человека.

— О, о чем напоминаете вы мне! — прервала его Лучиола.— В прошлом я забываю настоящее! Где же Аслитта?

Монте-Кристо печально покачал головой:

— Маркиз Аслитта арестован два часа тому назад, Евгения!

— Арестован? О, Боже, это хуже смерти!

— Не предполагайте худшего, еще не все потеряно!

— Но где же он?

— В цитадели.

— О, Боже, они замучают и умертвят его!... Граф, вы всемогущи — спасите его! Аслитта — моя жизнь! Если он умрет, и я умру! Но скажите, кто же предал его?

— Вы не угадали... неужели? Предающий свое отечество не щадит отдельных личностей.

— Бенедетто! — вскричала Лучиола.

Граф утвердительно кивнул и коротко добавил:

— Евгения, в эту минуту в Милане начинается ужасная драма, развязка которой известна од-

ному только Богу! Аслитта играет в этой драме роль, и я сделаю все, что в моей власти, чтобы спасти его!

— О, благодарю, благодарю, я верю в вас!

— Но, чтобы спасти его, мне нужна ваша помощь, Евгения. Могу я рассчитывать на вас?

— О, Боже, как я буду благодарна вам за это! Пошлите меня на смерть, если я могу спасти Джорджио!

— Сперо!

Прибежал прекрасный мальчик и вопросительно посмотрел на отца.

— Ты пойдешь со мной,— сказал граф,— хоть ты еще ребенок, но с сегодняшнего дня ты вступаешь в жизнь и должен знать, что есть наивысшее благо. Мужество и самоотверженность подкрепляют слабых и дают им силу. Если я паду прежде, чем выполню свою задачу, ты займешь мое место.

Звук серебряного колокольчика вызвал Али, которого граф поспешно спросил:

— Все сборы окончены? Все здесь?

И с облегчением улыбнулся на утвердительный знак негра.

— Али, ты знаешь свою роль,— значительно продолжал он,— при малейшем подозрительном шуме ты подашь сигнал.

Али снова кивнул: граф раздвинул голубой полог, и за ним открылась боковая лестница, устланная толстыми коврами.

— Сперо, проводи Лучиолу,— приказал он, сходя с лестницы в сопровождении мальчика и певицы.

11. Заговорщики

В конце лестницы граф отворил дверь и вошел со своими спутниками в большую залу, где собралось около ста человек. Разом поднявшись со своих мест, они обнажили головы и единодушно крикнули:

— Да здравствует Италия!

Граф с сыном и Лучиола восторженно вторили этому возгласу. Затем Монте-Кристо подошел к седовласому маркизу Санта-Кроче, пылкому патриоту, и просил его принять председательство в собрании.

Санта-Кроче кивнул и, произнеся несколько вступительных слов, попросил присутствующих на короткое время уделить ему свое внимание. Все поднялись в знак согласия, и оратор начал:

— Друзья! Патриоты! Долгожданный день настал! Впервые за долгое время прозвучал в Милане национальный гимн и смело развернулось национальное знамя! Готовы ли вы защищать его до последней капли крови?

— Помоги нам, Боже! Долой иноземцев! — раздался единодушный возглас.

— Хорошо, так слушайте же, что скажет нам

граф Монте-Кристо, наш благородный друг!

Маркиз сел, а граф развернул бумагу и торжественно произнес:

— Я могу сообщить вам известие, которое в эту минуту получает маршал Радецкий: в Вене вспыхнуло восстание, и вице-король немедленно покидает Милан.

Ропот изумления, почти недоверия, пробежал по собранию.

— Мои курьеры,— продолжал граф,— быстрее императорских, и вести доходят до меня скорее, чем до властей. Император подчинился необходимости и сделал значительные уступки.

— Не нужно уступок,— раздался голос,— мы хотим свободы!

— Терпение,— значительно сказал Монте-Кристо,— император согласился на уничтожение цензуры, новый закон о печати совершенно либерален, также должны быть созваны депутаты германской и ломбардо-итальянских провинций.

Изумление все больше овладевало собранием, и кое-где слышались возгласы:

— Невероятно! Невозможно!

— А когда состоится это собрание депутатов? — спросил, наконец, Санта-Кроче.

— К сожалению, не сейчас, а только 3-го июля,— печально ответил Монте-Кристо.

Послышался гневный ропот.

— Над нами смеются,— вскричал молодой человек в толпе,— прихвостни Радецкого убили моего отца, я требую мщения!

— Моя мать ранена при восстании в Корсаден-Серви,— сказал другой,— нам нужны не соглашения, а война!

— Да, война до полного освобождения! — грозно раздалось повсюду.

— Погодите,— повелительно начал Монте-Кристо.— Я знаю, как кипят ваши сердца, но убеждаю вас повременить. Народ,' стремящийся к свободе, силен и мощен. Но наши тираны многочисленны, как морской песок; есть и изменники! Вы победите, Милан будет свободен, но когда ваша кровь прольется за отечество, союзники, на помощь которых вы рассчитываете, постыдно оставят вас: вы снова попадете в руки врагов, и тяжкое иго станет еще тяжелее! Прежде вас били плетьми, теперь будут бить «скорпионами»! Карл Альберт, король Пьемонтский, предаст Милан, как только достигнет своей цели. Упорствуете ли вы еще в вашем желании?

Пророчески звучала речь Монте-Кристо; пат-

риоты поддались было впечатлению его слов, но колебались они только минуту.

— Пусть случится самое худшее,— разом вскричали они,— лучше умереть, чем медлить! К оружию!

— Да будет так — к оружию! — торжественно повторил Санта-Кроче.— И да поможет нам Бог!

— Но где же Аслитта? Он поведет нас? — вскричали многие.

Лучиола выступила вперед.

— Патриот Аслитта арестован,— печально сказала она,— он томится в цитадели!

Раздался крик ярости.

— Спасем его! — раздались возгласы.— Возьмем приступом цитадель, пока они не умертвили его!

— Да, спасем его,— прозвучал голос Монте-Кристо,— пусть завтра начнется жестокая борьба! К оружию во имя свободы и человечности!

Внезапно поднялся молчавший до сих пор человек и, устремив взор на графа, медленно произнес:

— Мы едва знаем вас. Какое ручательство можете вы представить нам в том, что не покинете нас в минуту опасности?

Громкое неудовольствие встретило эти слова:

Санта-Кроче велел говорившему замолчать, но Монте-Кристо спокойно сказал:

— Этот человек прав, чтобы верить другим, нужно иметь в собственном сердце сознание своей правдивости! Санта-Кроче, вот мой единственный ребенок, возьмите с собой Сперо — его головой я ручаюсь за совесть его отца!

Санта-Кроче стал отказываться, но Монте-Кристо настаивал, и мальчик с гордо поднятой головой подошел к старику и сказал:

— Я иду с вами: отец научил меня исполнять свой долг!

С шумным восторгом окружили патриоты прекрасного ребенка, и сердце Монте-Кристо радостно забилось при взгляде на Сперо.

— И я иду с вами! — вскричала Лучиола.— Италия и Аслитта должны быть спасены!

12. Отец и сын

Бенедетто, которого Монте-Кристо оставил в лодке в открытом море, спасся чудом. Бедные рыбаки вырвали его из водяной могилы, и когда убийца пришел в себя после долгого обморока, он тут же принялся искать шкатулку — она была рядом. Содержимое было нетронуто, рыбаки даже не подумали открывать шкатулку, запертую Монте-Кристо.

Змеиная натура Бенедетто и тут проявила себя. Однажды вечером, когда Бенедетто лежал на соломе, он услышал за стеной шепот нескольких голосов и, прислушавшись, понял, что рыбаки ведут важный разговор. Оказалось, что хозяева хижины принадлежали к патриотической лиге, распространенной по всей Италии. Цели лиги были те же, что и цели прежних карбонариев, только называлась она иначе, паролем было: «Бог и народ», и под знамя лиги стекались аристократы и поселяне. В этот вечер дело шло о рассылке оружия, назначенной на днях. Все было условлено, обозначено место высадки, и собрание разошлось.

На следующий день Бенедетто со слезами объ-

явил гостеприимным рыбакам, что, не желая быть им в тягость, он намерен отправиться в Лукку — к друзьям. Достигнув Лукки, Бенедетто первым делом купил себе приличную одежду и войдя в город оборванцем, выехал из него щеголем. Под именем графа Сан-Пиетро явившись в Милан, он отправился к Радецкому, донес на спасшего ему жизнь рыбака и в подтверждение правдивости доноса сообщил верные сведения о месте и часе выгрузки оружия — для раздачи верным патриотам. Радецкий воспользовался доносом: рыбаков схватили, судили военным судом и расстреляли, оружие было конфисковано, а граф Сан-Пиетро с этой минуты сделался любимцем маршала.

Арестовав майора Бартоломео, Бенедетто, во-первых, был уверен, что старик помог скрыться графу Монте-Кристо, а во-вторых, он давно питал глубокую ненависть к майору Бартоломео. Читатели, конечно, помнят появление Бенедетто и Бартоломео в Париже под именем Кавальканти. Тогда Бенедетто встретился с майором в доме графа, где Бартоломео, никогда ранее не знавший Бенедетто, разыграл роль его отца. Конечно, хотя майор и не был беглым каторжником, все-таки его прошлое положение в свете нельзя было

назвать особенно почетным — он был крупье в одном значительном игорном доме в Лукке.

Никто не мог сказать, каким образом этот крупье превратился в майора, даже его подруга и возлюбленная — прекрасная Аврора Бертелли — хранила строгое молчание на этот счет. Но когда, вернувшись из Парижа, Бартоломео выложил перед ней заработанные у графа Монте-Кристо пять тысяч франков, практичная красавица произнесла:

— Бартоломео, что если нам открыть свой собственный игорный дом? Ты довольно долго был крупье, попробуем умножить наш капитал!

Майор радостно согласился. Конечно, в Лукке он не смел конкурировать со своим прежним хозяином, и достойная чета переселилась в Милан и стала жить за счет глупости и корыстолюбия своих ближних. Бертелли, хоть юность ее давно прошла, все еще была опасной красавицей, и ей удалось поймать в свои сети не одну золотую рыбку.

Но нет розы без шипов. Однажды, когда Бартоломео в щегольском зеленом мундире принимал своих гостей, к нему подошел высокий стройный человек с лицом, обезображенным темно-красным шрамом, и, положив на плечо майора руку,

вполголоса произнес:

— Здравствуйте, отец!

Майор вздрогнул и пробормотал, испуганно глядя на незнакомца:

— Милостивый государь — я не знаю — это большая честь… но…

Незнакомец громко захохотал и, отведя майора в сторону, значительно произнес:

— Поговорим откровенно. Помните вы имя Кавальканти, которое вы однажды приняли… против воли?

Майор побледнел, а собеседник безжалостно продолжал:

— Если начальство узнает, что вы подделывали документы и благодаря этому нажили немалое состояние, вы можете влипнуть не на шутку. Все полетит к черту и, кроме того… ну, да вы понимаете все отлично!

Майор осмотрелся с отчаянием: кто был этот человек, так бесцеремонно раскопавший его прошлое?

— Ну, что же, отец? — смеялся Бенедетто.

— Отец, отец,— бессмысленно повторял майор.— О, Боже, да неужели это ты?

И он машинально поднял руки, чтобы прижать Бенедетто к сердцу.

— Не нужно,— отстранил его тот, смеясь, и добавил: — мы не у графа Монте-Кристо, и можем обойтись без нежностей.

Майор вздохнул. За еще пятьдесят тысяч франков он готов был обнять десять тысяч сыновей.

— Но кто же ты? — робко спросил он наконец.— Ты, кажется, как я слышал…

— Берегись касаться прошлого,— с угрозой вскричал Бенедетто. — Здесь я — граф Сан-Пиетро.

— Доверенный…

— Радецкого,— добавил Бенедетто.— Совершенно верно.

— Но, как итальянец…

— Молчи и слушай: или ты будешь делать то, что я хочу, или я донесу на тебя маршалу,— грубо сказал Бенедетто. И когда майор молча повесил голову, негодяй начал излагать ему свои требования. Бенедетто потребовал от майора, чтобы он сам сделался шпионом и принял на службу в казино людей маршала, которые должны были доносить обо всем происходящем в заведении.

Можно носить ложное имя майора, можно разыгрывать роль нежного отца за пятьдесят тысяч франков, но при всем этом можно питать отвращение к предательству отчизны. Барто-

ломео, несмотря на множество пороков, был истинный патриот. Он всеми силами старался отклонить предложение Бенедетто, но когда последний пригрозил донести Радецкому и закрыть казино, майор сдался. Если он откажется, найдутся десять других, которые согласятся, рассудил Бартоломео и уступил требованиям Сан-Пиетро.

С тех пор майор употреблял все усилия, чтобы не допускать в казино итальянцев… Сделавшись грубым и заносчивым со всеми соотечественниками, он в то же время раболепствовал перед кроатскими и богемскими офицерами, которые скоро стали единственными посетителями казино, и шпионы Сан-Пиетро сидели без дела.

Только Аслитта, игравший двойную игру, остался верен казино: он был дружен с австрийцами и слыл ренегатом среди соотечественников. Но однажды, отведя Бартоломео в сторону, Аслитта признался майору, что он давно знает все обстоятельства и надеется на то, что майор поможет ему обмануть Сан-Пиетро и освободить Милан.

Бартоломео, до сих пор презиравший соотечественника, был вне себя от восхищения. Упав на колени перед маркизом, он назвал его божеством и совершенно передал себя в его распоряжение.

Бартоломео был очень счастлив тем, что мог

насолить еиньору Бенедетто и принести пользу своей родине — сознание этого льстило его самолюбию; вскоре он стал лучшим агентом Аслитты, надеясь заодно с освободителями отчизны достичь почестей и славы.

Но его постигла иная судьба. Бенедетто по некоторым обстоятельствам заподозрив майора, приказал строго за ним наблюдать, и когда 15-го марта исчез из казино Монте-Кристо, он понял все...

* * *

Поздно ночью дверь сырой подземной темницы, в которой очутился Бартоломео, заскрипела заржавленными петлями. В тишине мечтавший о будущей славе, уже считавший себя мученником за освобождение Италии, майор поднял, голову и, видимо, испугался: в комнату вошли трое мужчин. Один из них держал в руке какой-то странный предмет — инструмент, походивший на палку с пучком волос на конце.

— Вставай, старый осел! — сказал, державший палку, обращаясь к заключенному.— Иди за нами.

Бартоломео покорно встал, оправил свой парадный зеленый мундир и начал спускаться

по темной лестнице. Двое солдат, державших в руках факелы, грубо подталкивали его.

Бартоломео не был трусом, но гораздо охотнее пошел бы вверх, нежели вниз: свет вообще приятнее мрака. Ему становилось все холодней; наконец, он и его спутники остановились перед большой железной дверью. Ее открыли огромным ключом, и Бартоломео вступил в большую, мрачную комнату — комнату пыток.

На покрытых плесенью стенах висели тяжелые цепи, на полу стояли деревянные плахи, винты для сжимания пальцев и гири, в углах помещались другие странные предметы, назначение которых было непонятно майору.

— Садись,— сказал человек, державший палку, указывая ему на деревянную плаху.

Бартоломео замешкался, и тюремщик ударил его кулаком.

Затем он удалился. Майор, оставшись под надзором солдат, боязливо обернулся к ним и пробормотал:

— Перспектива не из приятных.

Он сказал это очень тихо, но один из солдат, услышав восклицание пленника, ударил его прикладом. Майор замолк и покорился своей участи. Наконец, дверь снова отворилась, и в комнату

вошел… Бенедетто. По его знаку солдаты удалились, и Бартоломео, внутренне затрепетавший, остался наедине с тем, кого он прежде называл своим сыном.

Бенедетто был в мундире офицера кроатского полка: меховая шапка низко надвинута на глаза, коричневая венгерка вышита золотом, а эфес шпаги украшен бриллиантами. Длинный плащ покрывал его плечи; при входе он его сбросил — для большего эффекта.

— Знаешь ли ты,— начал он грубо,— что от меня тебе не будет пощады?

Майор молчал — он не знал, что отвечать, а Бенедетто продолжал:

— Ты выдал меня? Не запирайся. Я все знаю!

— Я…— смущенно пробормотал майор.

— Да, ты. Бертелли, эта мегера, сказала мне об этом.

Бартоломео возмутился: негодяй осмелился назвать Аврору мегерой!

— Молчи! — сказал он в бешенстве.— Не тебе, рыжему плуту, порочить честную женщину!

Бенедетто вспыхнул, но тут же расхохотался.

— Ты твердо уверен в своей дорогой супруге? Завидую тебе. Но дело не в том. Аврора Бертелли открыла мне то, в чем ты не захотел бы сознаться.

Я приставил пистолет к ее груди и узнал то, что мне было нужно!

Майор побледнел, злоба душила его, и он с трудом проговорил сквозь зубы:

— Подлый трус, ты угрожал беззащитной женщине!

— Довольно болтать о пустяках! — вскричал Бенедетто, топнув ногой.— Скажи, где собираются ваши так называемые патриоты? Да недолго думай. Аслитта тоже сидит у меня под замком, и я хочу только проверить, правду ли он мне сказал.

— Я ничего не знаю,— мрачно ответил майор.

— Очень жаль! Если так, я освежу твою память,— Бенедетто многозначительно взглянул на орудия пыток.

Бартоломео содрогнулся — он был уверен, что Бенедетто способен на все, но лицо его оставалось спокойным и он, с презрением взглянув на негодяя, сказал:

— Пошел к черту!

Бенедетто сжал кулаки, подступил к майору и зарычал, как зверь:

— Понял ли ты, в чем дело? Посмотри на эти игрушки: если ты будешь медлить — я изрежу тебя на куски. Ну, откроешь ты рот, наконец?

— Я право не знаю, чего ты от меня хочешь,—

сказал, пожимая плечами, майор.— Когда ты обнимал меня — там, в салоне графа Монте-Кристо…

Бенедетто бешено вскрикнул.

— Не произноси при мне этого имени! — задыхаясь от злобы, произнес бандит.— Если я погублю тебя, погублю Аслитту, то лишь для того, чтобы отомстить этому человеку, которого ненавижу! Он назвал меня каторжником, убийцей… он…— Бенедетто, схватив майора за плечи, встряхнул его и плюнул в лицо.

Бартоломео стерпел, он думал о другом — как бы ему одолеть бандита.

— Я жду,— сказал, помолчав, Сан-Пиетро,— заговоришь ли ты, наконец?

— Нет!

— Ты знаешь, что Аслитта в моей власти? Он умрет, ты — тоже, если будешь запираться.

— Выслушай меня, Бенедетто,— серьезным тоном сказал майор. — Много я в с своей жизни обманывал людей, но никогда и ни за что не соглашусь продать свою родину — это мое последнее слово!

— Так пойдем, голубчик,— злобно воскликнул Сан-Пиетро, схватил майора за плечи и толкнул его в угол. Там стоял странного вида шкаф. Бене-

детто отворил дверцы, и Бартоломео при слабом свете факелов увидел предмет, своими очертаниями напоминающий человеческую голову.

— Видишь этот прибор? — злорадно спросил Бенедетто.

— Да.

— И ты знаешь, что это за штука?

— Нет.

— Так слушай, я объясню тебе. Лет сто тому назад жена одного итальянского вельможи изменила своему супругу и вступила в любовную связь с пажом. Обманутый муж вскоре узнал обо всем, но не подал вида — он решил избавиться от соперника без шума и огласки. В один прекрасный день он подарил пажу шлем с роскошной и изящной чеканкой. Юноша, оставшись один, надел его, но снять не смог — и погиб. Вся штука состояла в том, что в подаренном вельможей шлеме содержался потайной механизм, который приводил в движение забрало — оно опустилось, плотно закрыв лицо юноши, и тот задохнулся.

— Что же из этого следует? — спросил с напряжением Бартоломео.

— Очень многое — в этом шкафу находится копия того шлема. Если ты будешь упрямиться, я позову своих людей, и мы запрем тебя в

шкаф. Механизм приведет в движение шлем, и когда он очутится на твоей голове, ты, наверное, заговоришь — а иначе умрешь медленной и мучительной смертью. Так решайся поскорей!

— Я уже решился,— быстро ответил Бартоломео и резко толкнул Бенедетто в шкаф. Бандит сказал правду — страшный шлем плотно закрыл его голову, и как Бенедетто не вертелся, ему так и не удалось двинуться с места.

Бартоломео с минуту полюбовался на удачно выполненное дело, затем быстро сбросил свой зеленый мундир и, сорвав с негодяя коричневую, расшитую золотом венгерку, обменялся с ним костюмом. А потом, накинув на плечи плащ, надев меховую шапку и прицепив шпагу, вышел из комнаты пыток.

Стоявшие на карауле у дверей камеры пыток солдаты отдали ему честь, и он углубился в лабиринт подземных коридоров. О себе Бартоломео не думал: он стремился освободить Аслитту.

13. В колодце

Подземная тюрьма, в которую был брошен Аслитта, утопала во мраке. Освоившись с ним, юноша начал рассуждать. Он помнил, что его столкнули с нескольких ступенек, и по их числу пленник понял, что он заключен в казематах цитадели. Вскоре Аслитта обнаружил, что узилище было узким, но вместе с тем довольно высоким: на расстоянии десяти футов над его головой находилось отверстие, закрытое железной решеткой, добраться до которого было невозможно. Гладкие стены темницы не имели никаких выступов.

«Что же мне делать? — мысленно спросил себя Аслитта.— Ждать, чтобы вошли мои враги и повели на пытку или казнь?»

Он не боялся смерти, но его пугала неизвестность — что будет с Лучиолой?

В эту ночь была назначена последняя сходка патриотов, их было немного в сравнении с числом австрийцев, так что отсутствие даже его одного могло дурно отразиться на ходе дела.

Не зная покоя, Аслитта ходил взад-вперед. Вдруг он споткнулся и провалился в какую-то дыру. Инстинктивно вытянув руки, он ухватился за по-

крытый плесенью камень и повис над провалом. Впрочем, он быстро сообразил в чем дело.

В полу находилось отверстие — ход в колодец или, вероятнее всего, в подземелье, какие еще и теперь сохранились в замках. Отверстие было обнесено низким каменным ограждением, о него-то и споткнулся пленник. Аслитта припомнил, что раньше он ходил вдоль стен и поэтому не заметил отверстия. Прежде когда-то оно, вероятно, закрывалось каменной плитой — с течением времени плита раскрошилась и не была заменена новой. В это помещение попадали только такие пленники, о безопасности которых никто не заботился. С большим трудом Аслитте удалось выбраться из колодца и снова оказаться на полу камеры.

Была ли в колодце вода? Этого юноша не мог видеть. Нельзя ли этим путем бежать? Дорого он дал бы в данную минуту за спичку, но где ее взять? Вдруг Аслитта затаил дыхание — ему показалось, что из колодца доносятся какие-то звуки.

Он прислушался — все было тихо, он склонился над отверстием — и тут явственно услышал человеческий голос.

— Проклятие! — проговорил кто-то в колодце.

Аслитта сложил руки рупором и крикнул:

— Кто там?

Ответа не последовало, пленник выждал минуту и снова крикнул:

— Да отвечай же! Ты тоже пленник?

Все было тихо. Аслитта крикнул еще раз:

— Я здесь в плену, кто бы ты ни был, не бойся, я не враг!

Тогда, наконец, кто-то сдавленным голосом ответил:

— Я здесь, внизу, стою по пояс в воде и скоро утону.

— Это странно,— прошептал Аслитта,— голос как будто знакомый... Кто ты? — громко спросил он.

Ответа не последовало — очевидно, человек, находящийся в колодце, не доверял спрашивающему. В эту минуту внутри колодца вспыхнула спичка — Аслитта глухо вскрикнул и отшатнулся — стоящий внизу человек был в мундире офицера кроатского полка!

Он не успел еще опомниться от испуга, как из колодца послышалось:

— Помоги мне, я тону!

Слова эти были произнесены на чистом итальянском языке. Аслитта более не колебался: утопающий мог быть другом или врагом, все равно он должен был его спасти. Быстро сорвав с

себя шарф, пленник намотал один из его концов на руку, а другой бросил в колодец.

— Ухватитесь за шарф! — крикнул Аслитта, добавив: — Он из крепкой материи и не порвется.

Тотчас же он почувствовал, что шарф натянулся — утопающий последовал его указанию.

— Тяните! — раздалось внизу.— Я держусь крепко…

Аслитта был молод и силен, но лишь с большим трудом удалось ему вытащить тяжелый груз из колодца.

— Слава Богу,— сказал неизвестный,— пока мы спасены! Что сказала бы моя бедная Аврора, если бы узнала об этом?

Имя Авроры объяснило Аслитте все, и он радостно воскликнул:

— Бартоломео… Это вы?

— Я самый, но с кем имею честь? Здесь ни зги не видно.

— Я — Джиорджио Аслитта.

— Слава Богу, что я нашел вас! Ведь я именно вас и искал.

— В самом деле? Но откуда вы явились?

— Длинная история, милейший: я попал в лапы проклятого Сан-Пиетро и только чудом спасся. Ну, да и он получил свое.

— Он умер?

— Не думаю — такие мерзавцы вообще довольно живучи. Но, пока он взаперти, нам надо немедленно отсюда убираться.

— Очень рад. Скажите только как, каким образом? Кстати, объясните, почему вы нарядились в этот проклятый мундир?

— Это мундир синьора Сан-Пиетро, я сыграл с ним отличную шутку. Я все вам объясню подробно, но только не теперь. Но, может быть, вы мне не доверяете?

— Нет, Бартоломео, я знаю вас — вы истинный патриот.

— Благодарю вас на добром слове. Собственно говоря, я явился к вам из комнаты пыток. Ускользнув от своего мучителя, я попал в низкий сырой коридор. Вокруг было совершенно темно. Ощупью добрался я до лестницы — она вела вниз. Я медленно продвигался вперед и остановился, когда почувствовал под ногами сырость. Делать было нечего: я осторожно пошел дальше, скоро башмаки мои наполнились водой, она дошла мне до икр. Наконец, к счастью, я смог выпрямиться — лестница кончилась, и я очутился в просторной комнате, которую разглядел при свете зажженной мною спички. Воды становилось

все больше. Вдруг я почувствовал сильное движение воздуха и ваш крик: «Кто там?» Я ответил наудачу:— утонуть или быть захваченным — в ту минуту мне было безразлично.

— Но за что именно вас арестовали?

— Я объясню вам все, но не теперь.

— Скажите мне, по крайней мере, спасена ли Лучиола?

— Да, она в безопасности в доме графа Монте-Кристо.

— Слава Богу! Теперь я могу умереть спокойно,— прошептал Аслитта.

— Какой вздор! С чего вам умирать? Нам надо спастись Здесь не особенно приятно оставаться, и чем скорее мы выберемся из этой проклятой западни, тем лучше. Прежде всего, где мы?

— Если бы я это знал! У меня с собой нет спичек, я ничего не вижу.

— Этому горю легко помочь…

Бартоломео вынул из кармана спичку, зажег ее — комната осветилась, но — увы! — нигде не было никакого выхода.

— Черт возьми! — проворчал майор.— Внизу, значит, было лучше!

— Но и там не было выхода.

— Может быть, я проглядел его, не будете ли вы

счастливее меня? Надо спуститься вниз!

— Разве это возможно? Один из нас будет держать шарф, другой спустится, но тем и кончится дело,— спокойно сказал Аслитта.

— Обоим нам и незачем спускаться,— возразил майор, подумав.

— Как так?

— Очень просто — обо мне не стоит и говорить: если я погибну, то о моей бедной жене позаботятся добрые люди. Вы, маркиз, вероятно, будете выплачивать ей небольшую ежегодную пенсию — на случай нужды. Скажите ей, что я умер за отчизну. Вам же, бесспорно, нужно позаботиться о себе: что будет с Италией, если вы погибнете? Подойдите ко мне. Я крепко держу шарф, а вы спускайтесь. Насколько я припоминаю, внизу есть устье канала, и оттуда можно пробраться в крепостные рвы. Вы колеблетесь?

— Я был бы негодяем,— ответил растроганный Аслитта,— если бы ценой вашей жизни пожелал сохранить свою!

— Полноте, пожалуй — это единственный выход, и на вашем месте я ни секунды не колебался бы. Вспомните о ваших друзьях — вы должны вести их на бой, и без вас они погибнут.

Аслитта заплакал, но более не возражал, креп-

ко пожав руку майора, он произнес:

— Друг, я принимаю вашу жертву, и если найду выход, то спасу вас.

Рукопожатие маркиза показалось майору лучшей наградой — он едва удержался от слез. Вдали послышались шаги. Майор быстро справился с собой и напомнил Аслитте о том, что пора отправляться.

Юноша обнял майора.

— Благодарю вас именем Италии! — пылко вскричал он, затем опоясался шарфом и перелез через ограждение колодца.

Бартоломео крепко держал шарф. Наконец Аслитта оказался внизу. И в тот момент, когда майор бросил уже ненужный шарф, щелкнул замок, и отворилась дверь. Майор опустился на пол, взглянул на вошедшего и едва удержался от крика. Перед ним стоял Бенедетто

— Я так и думал,— злобно проворчал Бартоломео.— Он спасся, даже черту не нужна душа такого мерзавца!

— Вставай, каналья! — крикнул грубо Бенедетто. Взбешенный побегом майора, он хотел сорвать гнев на маркизе.

Майор не двинулся с места. Бенедетто начал браниться и крикнул:

— Оглох ты, что ли, Аслитта?

Затем он вырвал у одного из вошедших с ним солдат факел и поднял его над головой, но, как пораженный громом, отшатнулся от звука знакомого голоса.

— Здравствуй, Андреа Кавальканти! — сказал насмешливо майор.

— Ты — и снова ты! — бешено вскричал бандит.— Но где же другой?

Майор пожал плечами. Солдаты осветили всю комнату, шарили по всем углам, между тем как Бенедетто злобно кусал губы.

— Он, вероятно, убежал через колодец,— сказал, наконец, один из солдат.

— В таком случае, ему не спастись,— со смехом сказал другой.

— Посвети сюда,— приказал Бенедетто, наклонившись над колодцем.

Солдат повиновался. У майора заныло сердце. «Ему не спастись»,— сказал солдат перед этим — что, если колодец не что иное, как ловушка?

Послышался странный шум. Майор упал на колени. Он понял, в чем дело: вода медленно поднималась в колодце и скоро почти достигла перил.

— Откуда эта вода? — спросил, отступая, Бе-

недетто.

— Четверть часа тому назад,— ответил солдат,— по приказу коменданта были открыты шлюзы Санта-Мария, от водопровода идут каналы, проходящие под цитаделью, и поэтому я сказал, что пленнику не спастись: он утонул!

— Отвечай, мерзавец,— обратился Сан-Пиетро к майору.— Аслитта убежал через колодец?

Бартоломео молчал, глухой стон вырвался из его груди, со слезами и ужасом не сводил он глаз с шелкового шарфа, плавающего на поверхности воды в колодце.

— Один от меня убежал,— злобно сказал Бенедетто,— но за него поплатится другой! Уведите пленника! — обратился он к солдатам. — Завтра на рассвете он будет расстрелян!

Он направился к двери. Бартоломео медленно встал и сказал только:

— Каналья!

14. Сперо

Настало утро 16-го марта, и Милан сразу принял воинственный вид. На всех стенах были расклеены прокламации, в которых императорские власти извещались об ультиматуме, принятом ломбардским народом. Толпа останавливалась перед этими листками, и все улицы были запружены солдатами.

Перед зданием, в котором находились правительственные власти, стояли на карауле гренадеры, но внезапно часовые были обезоружены, и дворец заняли горожане.

Члены городского совета обратились в бегство, на месте остался лишь председатель, но и он, когда волнение усилилось, под надежным прикрытием отправился в расположенное в центре города Палаццо Бордетто.

На улице дель-Монте была наибольшая давка, и скоро движение по ней прекратилось. Вдруг раздались ружейные выстрелы, послышались оглушительные крики — все смешалось. Радецкий приказал солдатам зарядить ружья и стрелять в толпу. После первого залпа раздался бешеный рев: сотни людей были ранены и убиты!

Это была не честная борьба, а гнусная резня.

В Палаццо Визидерти у широкого окна стоял граф Монте-Кристо и мрачно смотрел на ужасное кровавое побоище, учиненное на улицах палачами Радецкого. Сперо стоял возле отца.

— Смотри, батюшка,— сказал он, задыхаясь от слез,— вон там идет женщина, она несет мертвого ребенка. Они убили его на руках матери! Бедные люди, что с вами сделали солдаты?

— Дитя мое,— с грустью произнес Монте-Кристо,— злейший враг человека — сам человек!

— Батюшка! — вдруг вскричал Сперо.— Смотри, вон там флаг!

Граф взглянул в указанном направлении и увидел: молодой итальянец влез на крышу стоявшей против Палаццо Визидерти церкви и водрузил там национальное знамя. Вдруг юноша зашатался, попытался удержаться, махая руками, но опрокинулся и упал на мостовую: пуля сразила его.

В этот момент в залу вошел Бертуччио.

— Ну, что? — спросил граф, идя ему навстречу.

— Граф, одному из наших удалось добраться до цитадели — маркиз Аслитта оттуда исчез!

— Что это значит? Если он спасся, то поспешил бы сюда,— с беспокойством заметил граф.

— Товарищ не мог узнать ничего больше,— грустно сказал Бертуччио,— но ему сообщили, что в каземате был найден другой человек!

— Другой? Кто бы это мог быть?

— Вы его знаете, граф: в Париже он называл себя графом Кавальканти, а здесь…

— Что же с ним сделали? — нетерпеливо перебил его граф.

— Его присудили к смертной казни, но была ли она приведена в исполнение — этого товарищ узнать не мог.

— Бертуччио,— озабоченно сказал граф,— если Аслитта…

— Аслитта погиб! — вскричала Лучиола. Она вошла незамеченной и, рыдая, упала на колени.

— Кто смел это сказать? — побледнев, воскликнул Монте-Кристо.

— Подойдите к окну,— прошептала Лучиола.

Граф посмотрел и отпрянул: то, что он увидел, подтверждало слова несчастной девушки. Четыре человека с непокрытыми головами несли на носилках тело, казавшееся безжизненным. Это было тело маркиза Аслитты, и Монте-Кристо содрогнулся.

— Как случилось это несчастье? — прошептал Сперо, боязливо прижимаясь к Лучиоле.

Между тем Бертуччио побежал вниз, чтобы указать носильщикам, куда нести тело. Он быстро вернулся назад и сказал:

— Наши товарищи четверть часа тому назад нашли труп маркиза в крепостном рву. Как Аслитта туда попал — остается загадкой.

На улице раздались громкие крики:

— Мщение убийцам! Смерть подлым трусам!

Носильщики, окруженные густой толпой, насилу добрались до ворот палаццо.

Лучиола с трудом добралась до лестницы и там упала без чувств. Сперо со слезами наклонился над ней и шепнул отцу:

— Батюшка, ты уже стольким помог, помоги же и ей!

Монте-Кристо вздрогнул, вспомнив, что обещал Лучиоле спасти маркиза, а теперь… Он подошел к носилкам, испытующим взором взглянул в лицо утопленнику, затем дрожащей рукой расстегнул сорочку маркиза и приложился ухом к груди. В этот момент раздался барабанный бой, и на улицу вступил батальон кроатского полка.

— Люди! — решительным тоном крикнул граф Монте-Кристо.— Внесите тело маркиза в дом, и если вы любите его, вашего предводителя, рисковавшего для вас жизнью, то примите все

меры к тому, чтобы ни один солдат не вступил во дворец! Укрепите его: пусть солдаты разобьют себе головы о ваши укрепления — быть может, Италия и Аслитта одновременно воскреснут для новой жизни!

Лучиола, очнувшись, услыхала эти утешительные слова, встала, подошла к носилкам и воскликнула с воодушевлением:

— Вы слышали это — он никогда не изменяет своим словам. К оружию, друзья, да здравствует Италия и свобода!

Радостный крик был ответом на призыв Лучиолы. В ту же минуту улицу перегородили баррикадами, мостовая была разрушена, и наступающие кроатцы очутились лицом к лицу с разъяренной толпой, готовой на отчаянную защиту. У окна первого этажа стояла Лучиола и вдохновляла патриотов: пренебрегая летевшими мимо пулями, размахивала трехцветным флагом.

Искра была брошена — со всех сторон устремились патриоты, окружили знамя, колокола ударили в набат. Восстание разрасталось с каждой минутой.

Лучиола давно уже отошла от окна и с флагом взобралась на баррикаду, своим присутствием

воодушевляя борцов. Спустя час кроатцы отступили. Теснимые со всех сторон итальянцами, они обратились в бегство, преследуемые восторженными патриотами. Тогда Лучиола покинула баррикаду, побежала к Палаццо, упала на колени подле носилок, на которых все еще неподвижно лежал Аслитта, и молитвенно сложив руки, обратилась к графу, который старался привести маркиза в чувство:

— Граф, я сдержала слово: трехцветное знамя свободно развивается над Миланом, а теперь возвратите мне моего Джиорджио!

Граф не отвечал. Из небольшого флакона он медленно, по каплям, вливал темно-красную жидкость в рот маркиза. В эту минуту в залу вбежал Санта-Кроче.

— Граф! — крикнул он.— Дело плохо. Радецкий со своим войском отступил к цитадели и обстреливает город! Вы обещали помочь нам словом и делом, а вместо этого теряете время, пытаясь воскресить мертвеца! Оставьте в покое мертвых и вспомните о живых!

Монте-Кристо сверкнувшими глазами взглянул на старого патриота и громко возразил ему:

— Я до сих пор никогда не изменял своему слову, маркиз!

— Охотно верю вам, но скоро будет поздно. У нас нет оружия, и врагу будет нетрудно одолеть нас!

— Али! — громко вскричал граф.

Нубиец явился и вопросительно взглянул на своего повелителя.

— У тебя ключ от подвала, где хранится оружие, порох, пули и прочее?

Али утвердительно ответил кивком.

— Ступай, проводи маркиза Санта-Кроче в этот подвал! Вооружите ваших патриотов, маркиз, и верьте моему слову — еще до вечера Радецкий прекратит борьбу и покинет Милан. Подождите минутку. Я обещал патриотам, что их поведет в бой маркиз Аслитта — я сдержал свое слово, убедитесь сами — Аслитта открыл глаза, он жив!

Действительно, маркиз медленно приходил в чувство.

— Слава Богу — он жив! — с восторгом воскликнула Лучиола и, целуя руки графу, горько зарыдала.

— Успокойтесь Эжени! — шепнул ей граф, указывая на Аслитту.— Для него теперь всякое волнение вредно! Предоставьте мне заботу о нем — он скоро поправится!

— О, вы совершили настоящее чудо, граф,— с жаром воскликнула Лучиола.

Монте-Кристо склонил голову, на его глазах показались слезы — он вспомнил об аббате Фариа, своем наставнике и друге,— ему он был обязан этой чудесной минутой.

Санта-Кроче с восхищением смотрел на графа.

— Вы — Бог! — сказал он убежденно.— И простите меня за то, что я вам только что говорил.,.

— Мне нечего вам прощать,— коротко возразил Монте-Кристо,— я должен лишь сдержать обещание. Сперо, где ты?

— Я здесь, батюшка,— ответил ему мальчик, гордо выпрямляясь.

— Хорошо, мой мальчик, ты знаешь свой долг: иди вместе с патриотами вместо меня. Когда Аслитта окончательно придет в себя, я сменю тебя.

Раздался пушечный выстрел. Дом задрожал, и в залу вбежала бледная Гайде.

— Началась бомбардировка,— кинулась она к мужу.— О, жестокие люди.

Монте-Кристо обнял красавицу-жену и, кивнув на сына, произнес:

— Сперо докажет, что он наш сын. Простись, Сперо, и иди!

Сперо поцеловал Гайде, обнял отца и шепнул ему на ухо:

— Я исполню свой долг.

Затем он подал руку маркизу Санта-Кроче.

— Пойдемте! — сказал он спокойно. И, сопровождаемые восторженными криками патриотов, они исчезли.

* * *

Прошло полчаса. Монте-Кристо и Гайде все еще ухаживали за Аслиттой, которому с каждой минутой становилось лучше. В это время вошел слуга и на серебряном подносе подал письмо.

— Это письмо сейчас доставил курьер,— ответил слуга на вопрос графа.— Он прибыл из Франции.

— Он назвал себя?

— Да, он сказал, что его имя Пенедон и что он приехал из Марселя.

— Из Марселя? — озабоченно воскликнула Гайде.— Скорей распечатай письмо!

Монте-Кристо сорвал печать. В письме была одна строка: «Я умираю от горя. Приезжайте. Мерседес.»

Граф подал письмо жене, та прочла и спокойно сказала:

— Когда мы едем?

— Благодарю тебя, Гайде,— сердечно воскликнул граф.— Мы отправимся точас же, как только

я закончу здесь мою миссию! Отдай необходимые распоряжения по дому — и пусть Бертуччио уведомит Джакопо. Утешься! Смотри: Аслитта воскрес, а сына нашего сохранит Бог!

15. Игра в экарте

Бартоломео был заключен в подземный каземат цитадели и с полным равнодушием покорился своей судьбе. Убежденный в том, что Аслитта погиб, майор не боялся смерти и к ожидавшей его казни относился безучастно — теперь он ничего больше не мог сделать для своей родины.

Задумчиво сидел он в своей темнице, как вдруг дверь отворилась и вошел капрал.

— Что вам угодно? — вежливо тоном спросил майор, совершенно позабыв о своем положении.

Капрал посмотрел на него с недоумением, и Бартоломео вспомнил о своем положении — он уже не директор казино Бертелли.

— Который час? — спросил майор после томительного молчания.

— Три часа утра,— ответил капрал, красивый блондин с голубыми глазами — тип настоящего немца.

— Только три часа!... Итак, мне остается прожить еще целых три часа? Нельзя ли меня расстрелять немедленно? — настойчиво спросил майор.

— Это невозможно.

— Очень жаль. Что же мне делать — я просто умру от скуки.

— Беда не велика,— с улыбкой сказал капрал,— этому горю легко помочь.

— Что такое? Что вы хотите этим сказать? — спросил удивленный майор,

— Позвольте мне быть откровенным,— продолжал немного смущенно капрал.— Видите ли в чем дело — я вас знаю, и мне известно, что вам отлично знакомы все карточные игры. Завтра утром по долгу службы я должен вас расстрелять, а сегодня я хочу обратиться к вам с небольшой просьбой. Не научите ли вы меня играть в экарте?

— С большим удовольствием,— согласился майор, в котором загорелась кровь игрока.

— Отлично. Так начнем,— воскликнул обрадованный капрал. Он вынул из кармана колоду карт, бросил ее на стол и вышел. Через минуту он вернулся, неся в руках большой барабан.

Майор сел на стул, капрал поместился на койке, барабан заменил стол, и урок начался по всем правилам.

Капрал был малый смышленый, быстро освоил правила игры, и Бартоломео почувствовал себя, как дома. Он тасовал, снимал, сдавал, бил карту и окончательно позабыл, что через три часа ему

придется умереть.

Когда часы пробили четыре часа, капрал уже два раза выиграл и гордо вскричал:

— Если мне будет везти и дальше, то я скоро буду отличным игроком. Но вот что, а нельзя ли нам сейчас сыграть на интерес?

— На это я не согласен,— возразил майор,— для вас это было бы слишком -невыгодно.

— Попытка — не пытка, но сначала я принесу хорошего грогу — меня томит жажда, да и вас, полагаю, тоже.

— Против этого я не могу возразить,— ответил Бартоломео.

— Так подождите минутку: здесь по соседству живет маркитант, он варит отличный грог.

Капрал ушел. Лишь только замолк шум его шагов, майор взял карты и перетасовал их особенным образом. Когда капрал вернулся вместе с товарищем, несшим большой кувшин горячего грога, майор спокойно сидел на прежнем месте.

— Грог превосходный,— заметил он, выпив большой стакан с видом знатока. Капрал с ним чокнулся, и игра началась снова: теперь в ставке было несколько сольди.

Капрал постоянно выигрывал, мало-помалу ставка была увеличена. Майор все проигрывал,

и капрал вскоре обыграл своего учителя на десять лир — все богатство Бартоломео. Во время игры оба усердно пили, и когда майор забастовал за неимением денег, капрал предложил ему несколько лир взаймы.

— Но если я их проиграю — теперь уже шестой час, и мне некогда будет отыграться,— честно сказал майор.

— Все равно, давайте играть дальше,— вскричал возбужденный грогом и выигрышем капрал.

Заключенный слегка улыбнулся: игра возобновилась, и счастье перешло на сторону майора. Он вполне отыгрался, а затем и в пух и прах разделал своего партнера, который в свою очередь попросил у него взаймы для продолжения игры. В эту минуту раздался стук в дверь.

— Черт возьми! — вскричал с досадой капрал.— Кого это там несет? Войдите!

Вошел ефрейтор и доложил о том, что пора отправляться в казармы,

— Хорошо, я сейчас приду,— сказал капрал. Ефрейтор ушел, а капрал обратился к Бартоломео:

— Сыграем еще хоть одну партийку.

— Ни за что, мне необходимо собраться с духом и свести счеты с Господом Богом,— с достоин-

ством возразил майор.

— Но вы меня обыграли, вы обязаны дать мне возможность отыграться.

— Будь у меня время — с удовольствием!

Капрал, совершенно опьяневший, разразился проклятиями. Майор с минуту смотрел на него в упор и затем произнес с расстановкой:

— Если вам угодно, дело можно уладить.

— Каким образом? — с нетерпением вскричал капрал.

— Вам приказано расстрелять меня и затем отправиться в казармы; отсрочьте мою казнь на полчаса, возьмите меня с собой. Там, в казарме, я дам вам возможность отыграться.

— Отлично! — вскричал обрадованный капрал.

Выйдя из каземата, он стал во главе своего взвода, ожидавшего у дверей, и приказал солдатам окружить майора и идти в казармы.

Солдаты удивленно переглянулись, но никто не осмелился возражать…

«Я выиграл время — теперь я спасен,— сказал про себя майор, — недаром всю свою жизнь я поклонялся картам».

16. Вперед

На улицах Милана шла отчаянная схватка: итальянцы дрались, как львы, и занимали один за другим неприятельские бастионы. В каза Борромео благородные аристократки, не жалея рук, растапливали свинец и лили пули, все аптекари и химики были заняты изготовлением пороха — а многочисленные миланские оружейники охотно раздавали оружие из своих богатых складов.

Несмотря на упорное сопротивление австрийцев, патриоты вновь заняли «Палаццо Борлетто». Радецкий попросил перемирия, но получил отказ: нельзя было давать неприятелю времени и возможности оправиться после сражения.

Итальянцы занимали одну казарму за другой, затем большинство патриотов направилось к каза Санта-Маргарита, занятую артиллерией противника, и тут завязалась упорная схватка. Чаша весов склонялась то на ту, то на другую сторону. Вдруг пламя охватило портал: одному из патриотов, Паскуале Соттокорни, едва ходившему на костылях, удалось прокрасться до дворца и поджечь его. Конечно, он пал жертвой своего отважного поступка, но смельчак был готов к

этому и, пронзенный пулей, упал с криком:

— Да здравствует Италия!

Его отвага принесла свои плоды: спасавшиеся от пожара солдаты толпами сдавались в плен, а жаждущие свободы итальянцы устремились дальше. Вскоре осталась незанятой одна казарма полиции. Полицейские в Милане пользовались особенным презрением: они набирались преимущественно из ренегатов, за гроши служивших Радецкому, и миланцы считали их своими злейшими врагами. Казарма была занята несколькими кроатскими и богемскими полками — смертоносные залпы пушек косили наступающих патриотов.

В это время в одной из комнат подвального этажа казармы сидели за игрой Бартоломео и капрал. Майор нарочно давал своему «ученику» то выигрывать, то проигрывать — каждая лишняя минута была ему дорога, а капрал и думать забыл, что, согласно приказу, должен расстрелять своего партнера и учителя, так искусно игравшего в экарте.

Время от времени ефрейтор, отворяя дверь в камеру, спрашивал капрала, когда же совершится казнь, но капрал каждый раз посылал его к черту, и тот удалялся, качая головой. Только что капрал

снова перетасовал карты, как камера отворилась, и запыхавшийся ефрейтор вскричал:

— Капрал, наши слабеют, кроатов тоже немного осталось — не помочь ли им?

— К чему? Нас и без того здесь мало! — проворчал про себя капрал.— Подождем… и без нас обойдутся.

Когда дверь закрылась за ефрейтором, Бартоломео вскочил с места, вырвал у совершенно опьяневшего австрийца саблю и карабин и крикнул:

— Повинуйся или я убью тебя!

— Что же я… должен… сделать? — пролепетал капрал, из головы у которого в ту же минуту улетучился весь хмель.

— Прикажи сейчас же выкинуть белый флаг!

— Но я… не имею права… здесь… распоряжаться!

— Об этом тебя никто и не спросит! Распорядись: объяви, что у тебя на это есть особый приказ маршала: люди все равно гибнут зря!

Капрал колебался, но в эту минуту вбежал полицейский сержант и выпалил:

— Капрал, прикажите расстрелять своих людей — эти канальи отказались драться!

Бартоломео встал за спиной капрала и толк-

нул его карабином, что сразу сделало австрийца очень сообразительным:

— Мои люди совершенно правы,— сказал он притворно суровым тоном,— я уже раньше отдал приказ о том, чтобы был поднят белый флаг.

— Белый флаг? Но почему?

— В силу специального приказа маршала,— смело ответил капрал.

— Вы его получили? — недоверчиво спросил сержант.

— Да, не медлите более! — громовым голосом вскричал Бартоломео, выступая вперед, и уверенно добавил: — Этот приказ только что доставлен сюда мной!

Увидев офицера в форме кроатского полка, сержант быстро исчез, а Бартоломео крикнул ему вслед:

— Да сохранит вас Господь, если через две минуты не будет поднят белый флаг!

Стрельба тотчас же умолкла: на улице раздались громкие радостные крики — это итальянцы приветствовали белый флаг как своеобразный залог мира.

В этот момент в казарме послышались громкие проклятия: граф Сан-Пиетро, пораженный внезапно наступившей тишиной, узнал о поднятом

белом флаге и осыпал офицеров упреками. Никто не знал, кто отдал приказ выкинуть белый флаг. Один из старых полковников предложил снять флаг, но Бенедетто не согласился и сказал со злорадным смехом:

— Если «патриоты» доверяют флагу, тем хуже для них: следуйте в точности моим приказаниям, и я забуду о вашем глупом поступке с капитуляцией.

И он приказал открыть огонь. Изо всех окон посыпались пули, загремели пушки, выкашивая целыми рядами нападающих, застигнутых врасплох.

Но замешательство продолжалось недолго.

«Окружить это змеиное гнездо! Никто не должен уйти! Смерть полицейским!» — кричали итальянцы. Сомкнув ряды, они подступили к казарме, но остановились в нерешительности: что если там, за закрытыми дверями, притаилась измена?

Внезапно толпа раздвинулась, и в проходе появились двое: седой как лунь старик, и красивый, с кудрявой черной головкой мальчик. Старик громким голосом произнес:

— Друзья! Братья! Казармы Сан-Франческо, Сан-Виторе, военный госпиталь, казармы Сан-

та-Маргарита и Сан-Симонио уже заняты нами, дворец Радецкого взят штурмом, и его маршальский жезл достался победителям! С Божьей помощью, вперед! Мы двое — старик и слабый ребенок — покажем вам дорогу!

Старик высоко поднял голову и направился к воротам, рядом с ним храбро шел Сперо. Радостная, воодушевленная толпа следовала за своими предводителями. Пули градом сыпались на наступающих, но они будто не замечали этого, и через несколько минут ворота были взяты приступом.

На пороге стоял офицер-кроат. Он поднял карабин и вскричал с торжеством:

— Ну, Монте-Кристо, сегодня я поражу тебя в самое сердце — будь проклят ты и твое отродье!

Раздался выстрел, направленный в грудь Сперо… Когда рассеялся дым, мальчик стоял невредим, но к его ногам упал человек — и это был Бартоломео!

Воспользовавшись суматохой, он бежал и подоспел как раз вовремя, чтобы спасти Сперо и самому пасть под пулей Бенедетто.

Четверть часа спустя Аслитта, сопровождаемый графом Монте-Кристо и Лучиолой, появился на площади; он был еще очень бледен и слаб, но размахивал шпагой и весело кричал:

— Радецкий бежал, цитадель очищена!

Итальянцы с восторгом обнимали друг друга — мечта их осуществилась: Милан был освобожден.

— Батюшка,— шепнул Сперо графу, который обнял сына,— пойдем со мной. Там лежит человек, пожертвовавший собой, чтобы спасти меня.

Глубоко взволнованный, Монте-Кристо наклонился над майором, смертельно бледное лицо которого озарилось радостью — он узнал графа.

— Позвольте, я осмотрю вашу рану,— заметил Монте-Кристо,— кто знает, может быть…

— Не надо,— с усилием прошептал Бартоломео,— мой… приемыш… умеет целиться!

— А, так это был Бенедетто! — с ужасом вскричал граф.

— Он хотел убить меня,— сказал Сперо.— Он кричал, что поразит тебя в самое сердце…

— Чудовище! — простонал Монте-Кристо и, склонившись к умирающему, спросил:

— Как мне благодарить вас?

— А… это… хорошо,— несвязно лепетал Бартоломео,— граф… не оставьте… Аврору. Ах… я умираю… дай мне руку… мальчик… прощайте… Италия… свобода!

Глаза патриота закрылись, его не стало. Сперо

горько зарыдал, а граф прошептал:

— Покойся с миром! Если и согрешил ты, то своей любовью К родине искупил все свои грехи.

Час спустя в каза Ризидерти граф, Гайде и Сперо прощались с Лучиолой и Аслиттой.

— Прощайте, маркиз,— сказал Монте-Кристо, с немым вопросом взглянув на Аслитту, обнимавшего певицу.

Аслитта кивнул головой:

— Еще сегодня я обвенчаюсь с Лучиолой,— тихо сказал он.

— Зачем вы хотите нас покинуть? — вскричала Лучиола.

— Затем, что во мне нуждаются другие. Пойдем, Гайде: нас ждет Мерседес.

17. Сержант Кукушка

С того времени, как Мерседес рассталась со своим единственным сыном, прошло десять лет; она жила в Марселе на Мейлонелле в маленьком домике, некогда принадлежавшем старику Дантесу. Хотя лицо ее утратило краски, хотя глаза ее не блестели, как раньше, когда ее называли прекрасной каталонкой, тем не менее, вдова генерала де Морсер еще поражала своей красотой. Сегодня Мерседес стояла, у окна и, почти прижавшись лицом к стеклу, не сводила глаз с моря.

Позади нее стоял человек в мундире зуава: он был небольшого роста, смугл и худощав, типичный образец зуава, и только темно-красный рубец, прорезавший его лицо от уха до уха, выделял его между прочими.

Как звали на самом деле этого зуава — никто никогда не мог толком ответить: у него были различные прозвища, из которых наиболее употребительным считалось «Кукушка». В конце концов он с ним свыкся и охотно отзывался на него.

Однако, несмотря на темный цвет лица, сержант родился не в Африке, он явился на свет в

Париже, в предместье Марсо. Сын бедной прачки, Кукушка вырос на улице и был вожаком всех уличных мальчишек квартала; скоро его матери не стало житья от бесконечных шалостей подававшего большие надежды сына. Она круто повернула дело и потребовала, чтобы он шел в солдаты: там, в казармах, по ее словам, из него живо выбьют всю дурь.

Кукушка согласился с этим, поставив, однако, условием определить его в один из африканских полков.

Мать не возражала против этого. Полк, носивший нелестное название — «шакалы», готовился к отправке в Алжир, и таким образом Кукушка стал «шакалом».

При прощании у матери все-таки заныло сердце, но сын ее утешил:

— Не грусти, матушка,— сказал он убедительно,— там, на войне, я себя прославлю, и когда ты прочтешь в газетах о моих подвигах, то будешь гордиться мной.

Мать засмеялась сквозь слезы и на последние гроши купила очки, чтобы прочитать об обещанных сыном подвигах. Добрая женщина, как и многие другие.люди, полагала, что очки помогут ей в ее безграмотности, но так в ожидании и

умерла. Но на первых порах, впрочем, Кукушка и не имел случая отличиться…

В 1843 году зуавский полк, в котором служил Кукушка, произвел под начальством генерала Ковеньяка набег на каннибалов в Бени-Джаад, напал на них в горном ущелье и почти поголовно уничтожил.

Между немногими, ускользнувшими от неприятеля, был и шейх Сиди бен-Абед. Непостижимым образом исчез он со своими людьми и спрятался в подземной пещере. Когда зуавы отступили, Кукушка объявил, что останется и отыщет каннибалов.

— Они убьют тебя! — предостерегали его товарищи.

— Идите вы к черту! Я не испугаюсь самого сатаны,— ответил Кукушка, смеясь, и быстро скрылся.

Товарищи думали, что он наверняка погибнет, но, ко всеобщему удивлению, спустя четверть часа Кукушка вылез из пещеры, волоча за собой шейха, крепко ухватив его за длинную бороду. Шейх был вооружен с ног до головы, тем не менее Кукушка его одолел. В схватке с шейхом, в которой тот поплатился свободой и половиной бороды, сам зуав не получил ни одной царапины.

Полгода спустя другой кабил своей саблей-ятаганом немного «поласкал» Кукушку, оставив на память упомянутый выше шрам. Вовремя подоспевшие товарищи остановили операцию, и через месяц Кукушка вполне оправился после нечаянного кровопускания.

Каким образом сержант попал в домик старика Дантеса, мы узнаем впоследствии. В данную минуту упорное молчание Мерседес было ему сильно не по нутру, и он вздохнул свободнее, когда отворилась дверь, на плечо Мерседес легла маленькая нежная ручка, и кто-то сказал мелодичным голосом:

— Здравствуй, милая мама!

18. Мисс Клари

Мерседес вздрогнула от неожиданности, хотя пугаться было нечего. Мисс Клари Эллис, так звали вошедшую восемнадцатилетнюю девушку, со своими -пепельными волосами, темно-синими глазами, свежими губами и розовыми щечками была очень мила.

Сержант почтительно отступил, а Мерседес нежно приветствовала девушку:

— Здравствуй, милочка, моя вечно веселая и прелестная крошка!

— А ты все грустишь, в твоих глазах опять слезы. Лучше посмотри на меня — я больна, чуть не чахоточная. Мне больше пристало жаловаться на судьбу!

— Я жду,— грустно ответила Мерседес.— Сегодня он, наверное, приедет, если только жив.

— Кто же этот современный герой, которого ты ждешь, мамочка?

— Не смейся надо мной,— серьезным тоном сказала Мерседес.— Он верный помощник в горе, и я почти молюсь на него. Объясни мне лучше, с чего это ты сегодня вспомнила обо мне? Пожалуй, тут замешано любопытство.

— Неблагодарная! Разве я когда-нибудь тебя забывала? Но если ты такая серьезная…

— Нет, Клари, я только грущу, иногда, правда, прихожу в отчаяние.

— В отчаяние? Что ты этим хочешь сказать? — с упреком спросила молодая англичанка.

— Если бы ты, подобно мне, лишилась на свете всего, тогда поняла бы меня,— кротко ответила Мерседес.— Вокруг меня погибло все, но у меня оставался сын — мое последнее утешение! Он покинул меня, и теперь весь свет кажется мне мрачной могилой, и если нам не суждено снова встретиться…

— Но, сударыня,— резко перебил ее Кукушка,— не стоит говорить так! Кто сказал вам, что вы больше не увидите моего доброго капитана? Извините меня за резкость, но — мой капитан не даст себя проглотить, как устрицу, какому-нибудь негодяю-кабилу, он всегда держится храбрецом. Хоть бы он сквозь землю провалился — я разыщу его! Я…

— Вы молодец, сержант! — весело воскликнула Клари и затем обратилась к Мерседес.

— Никогда не надо поддаваться отчаянию, мама! С малых лет меня постоянно оплакивали: «Ах, бедное дитя, смерть в таком раннем возрасте! Это

ужасно! Надо ее отправить на юг!» Так говорили и отец, и мой брат, меня заставили подписать целую кипу документов, чтобы оградить себя от хлопот в случае моей смерти! На что мне состояние — они меня заживо хоронили!

Клари повернулась на каблуках и громко захохотала.

Три месяца назад мисс Клари Эллис вместе с гувернанткой-француженкой, вдовой жандармского офицера, поселилась в Ницце. Госпожа Караман, которую Клари называла просто мамашей Караман, отличалась завидным здоровьем; воспитанница же ее, по мнению лучших английских врачей, была обречена на верную смерть. Молодую девушку, которая, как все люди, иногда покашливала, признали чахоточной, неизлечимо больной и послали в Ниццу — рай для всех страдающих грудью. Там-то и поселилась она со своей гувернанткой.

Лорд Эллис, отец Клари, унаследовал после родителей довольно значительное состояние, которое вскоре, впрочем, прокутил, и его сыну, сэру Эдуарду, достался бы после отца лишь титул. Но вдруг внезапно в Индии умерла тетка маленькой сестры сэра Эдуарда, мисс Клари Эллис, и оставила племяннице огромное состояние. С

этого дня лорд Эллис стал с большим вниманием относиться к дочери.

С восьми лет Клари жила в каком-то полуреальном мире фантазий — так воспитали ее эксцентричные гувернантки; девочка развилась не по годам рано, чему также немало способствовали обожаемые ею книги. Клари тайно завидовала героям Байрона и Ламартина, а ее настольной книгой стали «Страдания молодого Вертера». Юная мечтательница была твердо убеждена в том, что лучше всего на свете — это умереть так, как умерла Мария Бомарше.

Опасный кашель, которому она восторженно обрадовалась, показался ей предвестником скорого избавления. Закутанная в пледы и одеяла, она целые дни проводила в постели. Отсутствие движения и искусственно вызванные расстройства нервной системы довели ее до настоящей болезни. Легкие девушки не могли свободно дышать — этому мешали различные ортопедические приспособления, необходимые, по мнению врачей, для поддержки ее «слабой спины».

Лорд Эллис с твердостью покорился судьбе, которая так преждевременно разлучала его с дочерью. Он очень жалел о том, что сама Клари не могла воспользоваться своим состоянием, но

делать было нечего. Как заботливый отец, лорд принял свои меры, заставив дочь подписать несколько документов, в которых он и его сын «заняли» у Клари небольшую сумму — всего какой-нибудь миллион фунтов… Ведь не могла же больная в самом деле захватить свои деньги в могилу! В сравнении же со всем наследством этот миллион был сущей безделицей.

Врачи единогласно склонялись к тому, что Клари должна была умереть на юге, хотя и немного облегчив в теплом климате свои страдания. Стали искать для нее гувернантку. Пригласили госпожу Караман, здоровую женщину лет пятидесяти. Она заботливо отнеслась к больной, и вскоре уехала вместе с нею в Ниццу.

Госпожа Караман скоро начала сильно сомневаться в неизлечимости болезни своей подопечной, она заметила, что Клари никогда не страдала одышкой, что она часто с завистью поглядывала на бифштексы и пулярки, подаваемые к обеду самой гувернантке, сама же почти ничего не ела, ссылаясь на отсутствие аппетита.

Таким образом дело дошло до того, что госпожа Караман сказала своей питомице:

— Пора с этим кончать, дитя мое! Вы так же больны, как и я! Поэзия — вещь прекрасная, но

ею сыт не будешь. С сегодняшнего дня вы станете исправно есть, будете пить хорошее красное вино и ходить со мной на прогулку пешком, а не кататься в душной карете. Вы вовсе не похожи на больную птичку, которую держат взаперти. И без возражений! Кашлять вы тоже перестанете — это глупая привычка, а через месяц мы позаботимся и о дальнейшем!

Клари вздыхала и стонала, но гувернантка настояла на своем: с дрожью и страхом больная съела первый бифштекс. Ей казалось, что непривычная пища ее задушит, но этого не случилось. К вину Клари скоро тоже привыкла, и госпожа Караман торжествовала.

Случай явился ей на подмогу. Как-то раз на виллу, занимаемую обеими дамами, пробрались бандиты: прислуга помещалась в другом флигеле. И госпожа Караман, захватив тяжелый серебряный подсвечник, храбро направилась в гостиную, где слышался шорох. Одного из бандитов храбрая француженка хватила подсвечником по голове — разбойник упал, но его товарищ схватил гувернантку за горло. Ей пришлось бы туго, но в этот момент раздался выстрел — бандит выпустил свою жертву и со страшным криком грохнулся на пол.

Госпожа Караман обернулась — у дверей стояла Клари. Она была бледна, глаза ее сверкали, и нежная ручка судорожно сжимала пистолет.

На шум прибежала прислуга, раненые бандиты были немедленно арестованы, а гувернантка со слезами на глазах обняла свою спасительницу.

— Такая энергия, такое присутствие духа, а между тем вы считаете себя больной, полумертвой! — сказала француженка с улыбкой своей подопечной.— Успокойтесь, скоро мы увидим, кто из нас был прав.

С этого дня Клари заметно развеселилась и быстро окрепла. Хотя она иногда и вспоминала о Вертере, уверяла, что жить на свете не стоит, но госпожа Караман и тут явилась с мудрым советом:

— Займитесь вы чем-нибудь, изберите какую-нибудь цель в жизни.

— Кому я нужна? — вздыхала Клари.

— Вы так думаете? Очень ошибаетесь, милая. На свете есть много горя и нужды, вы встретитесь, конечно, с ними на улицах больших городов — они ютятся в закоулках. Я — парижанка, и знаю отлично, что в нашей великолепной столице ежедневно умирают с голоду люди, конечно, не живущие в центре Парижа.

— Не могу ли я им помочь? — простонала Клари.

— Это весьма легко: бедных всегда можно найти, стоит только поискать.

— Вы позволите мне, мадам Караман, нет, я лучше буду называть вас мамашей Караман.

— Называйте, милочка.

— Итак, мамаша, мне крайне надоела Ницца!

— И мне тоже.

— Не поехать ли нам в Марсель?

— Поедемте, дитя мое.

— И вот что еще, мамаша,— робко прибавила Клари,— я бы хотела поехать туда… верхом.

— Тем лучше, моя крошка,— приехав в Марсель, вы будете совершенно здоровой.

Неделю спустя они поселились в Марселе. Гувернантка была права: юная больная быстро поправлялась, она твердо желала быть здоровой, и тот, кто видел ее верхом на лошади, крайне удивился бы, узнав, что еще недавно эту девушку считали неизлечимо больной, носившей в груди чахотку.

В Марселе Клари лицом к лицу столкнулась с болезнями, горем и нищетой — лишь теперь поняла она, какое счастье заключается в богатстве. Никто не уходил от нее без щедрого пособия

или помощи, и мамаша Караман не могла нарадоваться тому, что поездка, начатая при столь грустных обстоятельствах, привела к такому прекрасному результату.

Как-то раз во время прогулки Клари повстречала Мерседес, красивое, но бледное лицо которой и печальные темные глаза произвели сильное впечатление на девушку. Оброненный платок, принадлежавший Мерседес, послужил предлогом заговорить с нею. Мерседес тоже душою привязалась к Клари: ее веселость никогда не выходила из границ, она с уважением относилась к чужому горю. Они сблизились, и вскоре Клари стала без церемоний навещать Мерседес в ее маленьком домике.

Мерседес вскоре узнала все о прошлой жизни молодой англичанки; она усердно поддерживала мамашу Караман в деле воспитания Клари. Понятно, что богатая наследница горячо привязалась к бедной и одинокой женщине.

Мерседес была счастлива — теперь у нее была подруга, с которой она могла говорить об Альбере: вот уже десять лет, как он находился в Алжире, и мать жила лишь его письмами, постоянно с восторгом перечитывая их. Альбер носил теперь фамилию Жолиетт — фамилия Морсер для него

с матерью была связана со страшными воспоминаниями, и Клари заранее высоко оценила молодого капитана Жолиетта.

Альбер писал еженедельно — и вдруг замолк. Для бедной матери настало тяжелое и мучительное время. Прибытие «шакала» Кукушки, привезшего крайне тревожные известия, усилило ее горе, и, наконец, несчастная Мерседес решилась обратиться за помощью к Монте-Кристо.

Во время разговора Мерседес с Клари наш сержант, стоявший у окна, вскрикнул:

— Сейчас в гавань вошла великолепная яхта. О, теперь я разобрал надпись на корме: «Зимородок».

— Слава Богу,— рыдая, сказала Мерседес, упав на колени.— Я знала, что он вернется!

— Я уйду, мамаша,— сказала Клари, вставая,— но если что-нибудь будет решено, так я тотчас же об этом узнаю?

— Немедленно,— ответила Мерседес.— Послушайте, сержант, проводите мисс Клари и возвращайтесь… Сейчас вы можете мне понадобиться.

Сержант и Клари ушли.

Перед домиком остановилась карета, из нее вышел мужчина и вбежал по узкой лестнице

наверх.

— Мерседес! — крикнул он с дрожью в голосе.

Мерседес зарыдала.

— Эдмон! Эдмон!

19. Мать

Первые минуты свидания прошли в молчании, затем Монте-Кристо подал рыдающей женщине руку и произнес:

— Мерседес, сегодня я осознал, что согрешил перед тобой: я наказал тебя слишком строго и умоляю — прости меня! Возьми мою жизнь, я не буду роптать на это: я полагал, что исполняю свой долг, а вместо того тешил свое самолюбие местью!

— Нет, Эдмон, не говори этого,— кротко возразила Мерседес,— я более чем заслужила свою участь: измена должна быть отомщена. Но то несчастье, которое сейчас меня сломило, не имеет ничего общего с моим прошлым, и поэтому-то я и осмелилась обратиться к тебе.

— Говори, Мерседес, я слушаю,— спокойно ответил Монте-Кристо.

— Ты знаешь, Эдмон,— начала Мерседес,— что в то время, когда все вокруг меня рушилось, лишь сама мысль о моем сыне привязывала меня к жизни. Не считай меня безрассудной, если я скажу, что Альбер, мой любимый сын, достоин тебя! Его письма, дышащие неизменной сыно-

вьей любовью, поддерживали меня в эти долгие грустные годы, и читая их, я представляла, что он обнимает меня, и я жила лишь надеждой, что когда-нибудь снова увижу его! Внезапно наша переписка прервалась, я ждала дни, недели и месяцы — известий не было!

Боязливо перечитывала я все газеты, искала и надеялась, но тщетно. Я решилась, наконец, обратиться в военное министерство — ответа не было. Отчаяние мое росло.

Случайно в Марсель приехал господин Бошан, я пересилила себя, пошла к нему и раскрыла ему свое горе. Он принял меня крайне любезно, выслушал и пообещал похлопотать. Через неделю я узнала страшную истину.

— Альбер погиб? — воскликнул граф.

— Боже мой, нет — не говори этого… он не может, не должен погибнуть! — с рыданиями продолжала Мерседес.— Но все-таки сообщенные мне господином Бошаном известия были далеко не утешительными. Мой несчастный сын, капитан Первого зуавского полка, три месяца тому назад отправился в экспедицию против кабилов, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу — может быть, он в плену?

— Это случилось до или после поражения Аб-

дель-Кадера? — спросил граф, немного подумав.

— Насколько мне известно, это случилось после. Господин Бошан сообщил мне еще, что один зуав, сослуживец Альбера, приехал в Париж в отпуск, и что он пошлет его ко мне в Марсель, и от него я узнаю все.

— Этот зуав здесь? — быстро спросил Монте-Кристо.

— Да, он живет у меня уже несколько…

— Что же он говорит?

— Он уверяет, что Альбер жив.

— В таком случае, не будем терять надежды, Мерседес,— успокаивающим тоном сказал Монте-Кристо.— Бог вознаградит тебя за испытанное горе и возвратит тебе сына.

— Раз ты говоришь это — я верю,— сказала Мерседес, и по ее тону было понятно: она действительно верит.

— Могу я поговорить с этим зуавом?

— Конечно, он здесь внизу.

— Позови его — я хотел бы его кое о чем расспросить.

Мерседес позвала сержанта; граф растроганно посмотрел на нее и прошептал:

— Мерседес, здесь, в этом доме, я вырос — ты знала меня ребенком. Изменял ли я когда-нибудь

слову?

— О, нет. Только я поступила так.

— Об этом не будем говорить, я дал тебе клятву и, с Божьей помощью, сдержу ее!

20. Кольцо

Сержант вошел в комнату, удивленно посмотрел на графа, отдал честь и почтительно обратился к Мерседес:

— Что прикажете, сударыня?

— Любезный друг,— приветливо сказал ему Монте-Кристо,— мы позвали вас затем, чтобы кое о чем расспросить. Я знаю, что вы любите своего капитана, и поэтому...

— За него я дам изрубить себя на куски,— пылко перебил его Кукушка.

— В этом пока нет необходимости,— с улыбкой продолжал граф. — Скажите, вы полагаете, что капитан Жолиетт еще жив?

— Конечно, господин полковник.

— Я не полковник,— остановил сержанта граф.

— Прошу прощения, генерал!

— И не генерал: я вовсе не военный.

— Но этого не может быть! — воскликнул огорченный зуав.— Вы, такой красивый и храбрый воин и барин, и не военный?

— К сожалению, да. Но дело не в этом. Скажите мне откровенно, поможете ли вы мне отыскать капитана?

— Без сомнения, господин… господин маршал… право, я не знаю, как вас называть. Говорить красиво я не умею, но охотно пожертвую жизнью, если это будет нужно… А Шакал-Кукушка верен своему слову.

Граф улыбнулся: зуав ему определенно понравился.

— Садитесь, любезный друг,— приветливо сказал он,— и расскажите мне все, что вам известно.

— Сесть я не смею: это будет нарушением субординации. Я буду стоять. Спрашивайте.

— Как вам угодно. Давно ли исчез капитан и при каких обстоятельствах?

— Время в точности я определить не могу. В последних числах декабря Абдель-Кадер, о котором столько говорят,— к слову сказать, он очень похож на вас, господин маршал…

— Много чести,— с улыбкой и поклоном перебил его граф.

— Для Абдель-Кадера,— докончил Кукушка, и продолжал:

— Итак, когда Абдель-Кадер сложил оружие и сдался генералам Леа Ламорисьеру и Кавеньяку, война должна была закончиться, но вышло как раз наоборот. Между нами будь сказано, я

полагаю, что в Алжире она никогда не кончится. Всем известно, что наш полк участвовал в деле и отрезал Абдель-Кадеру отступление.

В одно прекрасное утро мы отправились на маленькую рекогносцировку. Нас было человек двадцать с капитаном Жолиеттом во главе. «Братцы,— сказал он нам при выступлении,— надо позаботиться о том, чтобы эти проклятые черномазые черти оставили нас, наконец, в покое!» И тогда он позвал меня — капитан всегда меня отличал…

— Из этого я заключаю, что вы когда-то оказали ему услугу, — приветливо перебил граф.

— Гм… вы очень проницательны, господин маршал,— гордо сказал сержант,— собственно говоря, это была сущая безделица: один из этих дьяволов бросился на капитана с ятаганом, и я отсек кабилу руку — вот и все. Итак, капитан крикнул:

«Сержант Кукушка!»

«Здесь»,— ответил я.

«Кукушка,— сказал он затем тихо,— никогда невозможно знать, к чему приведут такие рекогносцировки: надо на всякий случай приготовиться к худшему. Слушай, у меня есть мать, она живет в Марселе на Майланаллес, зовут ее

госпожа Жолиетт. Если я погибну — попросись в отпуск, отправляйся во Францию и передай матушке это кольцо!»

— Кольцо? — вскричал взволнованный граф Монте-Кристо, быстро взглянув на Мерседес.

Она вспыхнула и, молча сняв с пальца простое серебряное кольцо, протянула его графу. Тот со слезами на глазах посмотрел на него: это было обручальное кольцо, некогда подаренное Эдмоном Дантесом испанке Мерседес.

— Прости, Эдмон,— прошептала дрожащим голосом бедная мать. — Я дала Альберу это кольцо, как талисман, оно должно было принести ему счастье.

— Я не хотел брать кольца,— продолжал Кукушка,— зная, что капитан не так легко дает себя в обиду… от случайности же никто не застрахован… меня могли так же легко убить, как и его. Но все было тщетно… я повиновался — дисциплина прежде всего! Выступив, мы скоро дошли до известного ущелья. Бедуины не показывались, они спрятались, может быть, за близлежащими скалами. Наступила ночь, мы решили немного подкрепиться. Вдруг послышался шум, и нас моментально окружила шайка бедуинов. Завязалась отчаянная схватка, грохот выстрелов

разбудил бы и мертвого. Неприятель же все прибывал — и нам было очень трудно защищаться. Вдруг я заметил на скале бедуина, который целился из мушкета — и где он только стибрил его — в капитана. Я мигом, взобрался на скалу и схватил каналью за шиворот… но в ту же минуту мы свалились в пропасть футов на двадцать, и я потерял сознание.

— Ну, а что случилось с капитаном? — воскликнул граф.

— Прошу прощения,— сейчас я все расскажу вам, что сам знаю. Пришел я в себя уже на рассвете. Каким образом я не свернул себе шеи — для меня до сих пор остается загадкой. Стал искать товарищей: они не могли быть далеко. Кричал… все тихо… Полуживой я дотащился до поля битвы.

Страшное зрелище увидел я: передо мной лежали обезглавленные трупы моих товарищей. Меня охватил ужас, и до сих пор, как вспомню, так в жилах стынет кровь! Мне никогда не забыть этой страшной минуты.

Немного погодя я начал осматривать трупы и, несмотря на весь ужас и горечь, вскрикнул от радости — капитана не было между убитыми. Захватили ли его бедуины в плен? Я звал, кричал, бегал кругом — ответом был только хриплый вой

гиен, чуявших добычу! Похоронить трупы я не мог: почва была каменистая, да и лопаты у меня не было. Помолился я за упокой их душ, собрал их ружья и патроны и поплелся обратно в лагерь.

Когда я рассказал, что случилось, мне сначала не поверили, назвали трусом и решили, что я покинул товарищей. Я был взбешен, потребовал, чтобы мне дали отряд, и с ним вместе вернулся к месту побоища. Там мы застали еще более ужасное зрелище: гиены уже растерзали обильную добычу, и на месте резни валялись лишь окровавленные кости и обрывки одежды! Понятно, что теперь мне поверили, и во все стороны были разосланы патрули для розыска капитана. Через перебежчика арабам был предложен богатый выкуп за пленника, но все было тщетно — капитан точно провалился сквозь землю.

Один раз мне показалось, что я напал на след. К нам в лагерь явился марабут — так арабы называют своих колдунов,— чтобы просить милостыню, как говорили товарищи, я же думаю, что он был просто шпион. Один из наших офицеров спросил его при мне, что сталось с капитаном Жолиеттом. Марабут ответил, что ничего о нем не знает и даже никогда не слыхал этого имени, но я заметил, что глаза его при этом сверкнули — эти кабилы

все такие лицемеры и мерзавцы!

— Вы сообщили об этом офицеру? — спросил граф.

— Конечно. Он сначала посмеялся надо мной, потом снова приказал привести к нему марабута, но того уже и след простыл…

— Как звали этого марабута?

— Где тут запомнить их имена… кажется, Элак или Ахель — что-то в этом роде.

— Так опишите мне его наружность: у него худощавое лицо, оттопыренные уши и бородка клином?

— Право, можно подумать, что вы видели эту каналью, господин маршал,— с. удивлением воскликнул Кукушка.

— О нет, я сказал так наудачу — я вообще знаком с внешностью этих сынов пустыни. Еще один вопрос: его звали, быть может, Радиель эль Ахем?

— Черт возьми, вы угадали. Теперь, зная его имя, найти его будет нетрудно,— с восторгом ответил Кукушка.

Мерседес встала — новая надежда блеснула в ее глазах, но Монте-Кристо, с нежностью взяв ее за руку, сказал:

— Мерседес, берегись — надежда обманчива. Это вовсе не имя. Радиэль эль Эхем — просто

«великий волшебник», так называют людей, имеющих большой вес в жизни племен южной Алжирской Сахары.

Эти слова очень огорчили Мерседес, она опустила руки и машинально посмотрела в окно.

— Это все, что вам известно? — снова обратился граф к зуаву.

— К сожалению, да,— ответил Кукушка.

Мерседес в эту минуту стояла к ним спиной, зуав сделал графу знак и приложил палец к губам.

— Исполняя свое обещание,— громко продолжал зуав,— я взял отпуск и приехал во Францию. Я передал госпоже Жолиетт кольцо и рассказал о случившемся. Только бы мне разыскать моего капитана, но, боюсь, это невозможно.

— Невозможно?! — вскричала Мерседес, с мольбой взглянув на графа.

— Сержант Кукушка,— строго сказал Монте-Кристо,-для мужчины никогда не должно быть ничего невозможного. Я, например, достиг многого из того, что для других было невозможно.

— Конечно, если вы, господин командир, возьметесь за это дело, тогда будет совсем другой разговор,— с уверенностью произнес зуав.

— Я сделаю все от меня зависящее…

— Ура! Господин командир — могу ли я так

называть вас?

— Но я уже говорил вам…

— Прошу прощения, позвольте мне так вас называть, меня же называйте просто Кукушка, говорите мне «ты», это будет для меня большая честь и вместе с тем — в порядке вещей.

— Надо обо всем подумать хорошенько. А теперь ступайте вниз и ждите меня на улице — я сейчас к вам выйду.

— Слушаюсь, господин командир,— сказал зуав, отдал честь и вышел.

— Что же теперь будет? — спросила Мерседес, оставшись наедине с графом.

— Мерседес,— мягко ответил ей Монте-Кристо,— не отчаивайся. Я приложу все усилия к тому, чтобы найти твоего сына, и да поможет мне Бог!

— Я буду верить и постараюсь не грустить.

— Итак, до свидания, мы скоро увидимся. Теперь я пойду к господину Бошану. Мне известно, что сейчас он в Марселе.

Раздался стук, и нежный голосок спросил:

— Ты одна, мамочка?

По знаку графа Мерседес ответила:

— Да, Клари, войди.

Молодая англичанка впорхнула в комнату,

но, увидев незнакомое ей лицо, остановилась и покраснела.

— Моя маленькая добрая подруга,— представила ее графу Мерседес,— она навещает меня в моем одиночестве и разгоняет мою грусть.

Граф почтительно поклонился, затем сжал руку Мерседес и вышел.

— Кто это? — спросила Клари.

— Граф Монте-Кристо,— ответила Мерседес.

— Это тот человек, которого ты ждала?

— Да.

— О, в таком случае утешься,— воскликнула Клари, приложив свою маленькую ручку к сильно бьющемуся сердцу бедной матери, — какое-то предчувствие говорит мне, что этот человек всемогущ. Надейся, мамочка, надейся!

21. «Ищите женщину»

Граф застал зуава, оживленно болтающего с госпожой Караман. Кукушка всегда питал слабость к женщинам, а вдова жандармского офицера в каждом военном видела товарища своего покойного мужа.

— Здравствуйте, сударыня,— так начал беседу Шакал.— Вы, без сомнения, компаньонка той молоденькой барышни, что прошла сейчас наверх? — и он указал на дом.

— Да.

— Воспитанная барышня… жаль, что у меня в детстве не было такой гувернантки… как вы,— любезно продолжал зуав.

Компаньонка засмеялась, и разговор завязался.

Они весело болтали, и когда появился граф, зуав вздрогнул и пробормотал:

— Ах, Боже мой… господин командир!

Госпожа Караман вежливо ответила на поклон графа. Монте-Кристо прошел мимо и подал знак. Тотчас подкатил запряженный двумя чистокровными рысаками шарабан. На козлах сидел Али.

— Давай по городу, я хочу прокатиться! — крикнул ему граф, садясь в шарабан вместе с

Кукушкой:

— Ну, а теперь говори. Расскажи мне все, что тебе известно.

— Слушаю, господин командир. К слову сказать, я до сих пор никогда не катался в таком богатом экипаже.

— В жизни необходимо испытать все,— с улыбкой промолвил граф,— насколько я понял, ты хочешь сообщить мне нечто по секрету, так чтобы об этом не знала госпожа Жолиетт?

— Так точно, господин командир. Изволите видеть, в некоторых случаях женщины так недоверчивы, и потому…

— Из этого пространного предисловия я заключаю, что дело идет о женщине,— перебил его граф.

— Пожалуй… собственно говоря, это был ребенок лет пятнадцати.

— И эта девочка была любовницей капитана Жолиетта?

— Боже сохрани! Об этом нет и речи.

— Говори покороче и объясни мне, в чем дело?

— Слушаюсь. Как-то раз вечером, когда мы преследовали шайку бедуинов, наступившая темнота застала нас далеко от лагеря. О возвращении нечего было и думать. Мы расположились

на ночлег в ущелье и заснули, убаюканные ревом ягуаров, пантер и гиен. В два часа ночи я вдруг проснулся — взошла луна, вдруг я увидел что-то темное, огромное в ущелье. Я прицелился и выстрелил. Капитан проснулся и спросил, что случилось. Я не успел ответить, как надо мной раздался крик, капитан в два прыжка оказался на скале, откуда раздался крик. Я последовал за ним. Страшное зрелище представилось мне: на земле лежала белая фигура, а рядом капитан отчаянно боролся с огромной пантерой. При виде пылавших желтых глаз зверя и его широко раскрытой кроваво-красной пасти у меня застыла в жилах кровь. Капитан, выхватив кинжал, как безумный наносил пантере одним удар за другим. Я хотел выстрелить, но зверь и человек сплелись так тесно, что я боялся ранить капитана.

Наконец, капитан железной рукой сжал горло пантеры, зверь глухо взвыл, в ту же минуту капитан кинжалом распорол ему брюхо.

Пантера опрокинулась на спину, обливаясь кровью. Переведя дух, капитан опустился на колени. Я подбежал к нему: пантера когтями разодрала ему грудь, он, видимо, страдал, но не дал мне осмотреть рану и только сказал:

— Позаботься о малютке, Кукушка, и не беспо-

койся обо мне.

Я наклонился над белой фигурой — это была очаровательная девушка с бледным лицом, застывшим от страха. Глаза ее были закрыты, плечо разорвано когтями пантеры — из него сочилась кровь.

Между тем подоспели товарищи, подняли капитана, обмыли и перевязали его рану. Я же тщетно пытался привести в чувство девочку. Капитан, не думая о себе, поспешил мне на помощь и, склонившись над раненой, прошептал:

— Только бы она не умерла!

— Этот юноша пошел в мать и непохож на своего отца,— тихо сказал Монте-Кристо, а затем спросил:

— Кто была эта девушка?

— В точности сказать не могу,— ответил зуав,— от нее трудно было чего-либо добиться. Мы узнали только, что она принадлежит к одному из племен, с которым мы воевали. Бедуины колотили ее, обращались с ней дурно. Она убежала, спряталась в кустах и там притаилась. Вдруг она услыхала около себя фырканье пантеры… Что было дальше — она не помнит. Рана ее, к счастью, была не опасна, и мы взяли ее с собой в лагерь, разбитый вблизи оазиса Лагуат. Там был ключ,

вода которого считалась особенно целебной. Капитана и девочку доставили туда на носилках. Оба они были такие красивые! Как сейчас я вижу эту бедную малютку, когда она открыла свои дивные черные глаза. А капитан... ах, Господи, господин командир, немного найдется на свете таких, он совсем не был похож на своих товарищей. У него не было ни забавных интрижек, ни долгов, в бою всегда был первым — одним словом, сокровище, а не. офицер!

Похвалы зуава вызвали в душе графа целый рой смешанных чувств: если бы Альбер был его сыном, Монте-Кристо имел бы полное право им гордиться. Ненависть к Фернану Монтегю не распространялась на его сына — он ведь был еще и сыном Мереседес, и теперь графу показалось, что юноша своими личными качествами искупил грехи отца.

— Как звали эту девушку? — спросил он.

— Ее имя было Медже, господин командир, так она по крайней мере сказала капитану. Когда же он предложил ей вернуться к своим, малютка горько зарыдала и отказалась наотрез.

Мы никак не могли выяснить, кем она была,— в этой проклятой стране совсем особые порядки. Соберутся человек десять, вообразят себя нацией

и изберут султана., Из слов Медже можно было заключить, что она была дочерью одного такого султана. Капитан заботился о ней, как о родной, и однажды сказал ей при мне: «Медже, ты, кажется, не особенно желаешь вернуться к своему отцу? Если ты хочешь остаться у нас, я о тебе позабочусь и буду считать тебя дочерью.»

— Что на это ответила Медже? — с любопытством спросил граф.

— Она была в восторге, плакала, целовала ему руки: ей и в самом деле недурно жилось у нас. Он обращался с девочкой, как с маленькой царевной, у нее была своя служанка, а когда капитан покидал лагерь, то поручал ее товарищам, которые усердно заботились о ней.

— Чем же все это кончилось?

— В этом-то и вся штука. Перед последней экспедицией, из которой капитан не вернулся, Медже бросилась на шею своему покровителю и умоляла его остаться. Капитан посмеялся над нею. Девочка понятия не имела о воинской дисциплине и, рыдая, повторяла одно и то же: «Не надо уходить, миленький папочка, не надо уходить!»

— О, почему мы ее не послушались! Когда я один, уцелевший от страшной резни, вернулся в лагерь, то узнал, что Медже в ту же ночь и в тот

же час исчезла.

— Так эта «малютка» была предательницей? — с досадой вскричал граф.— Она знала об экспедиции и уведомила своих.

— Так сначала думал и я, но потом изменил свое мнение. Я выяснил, что еще до экспедиции вокруг лагеря бродили подозрительные личности. Медже случайно узнала одного из этих людей и с громким криком убежала в палатку.

— Почему же она не предупредила капитана?

— Никто не мог этого сказать. Достоверно только то, что одного смельчака-бедуина, имя которого со страхом произносилось в лагере, видели бродившим вблизи и…

— Как звали этого бедуина? — полюбопытствовал граф.

— Магомет бен Абдалла.

— В самом деле? Ты не ошибаешься? — вспыхнув, спросил граф.

— Нет, я часто слышал это имя.

— И ты не знаешь, что это был за человек?

— Нет. Вероятно, марабут, нечто вроде колдуна.

— Обратил ли ты внимание своего начальника на этого колдуна? — спросил после некоторого молчания граф.

— Нет,— неуверенно признался Кукушка.

— Напрасно ты этого не сделал, — сказал Монте-Кристо, глядя на сержанта в упор.

Кукушка замолчал. Он не понимал, почему граф имел на него такое магнетическое влияние.

— Ты часто видел Медже,— продолжал между тем граф,— не замечал ли ты в ней что-либо особенное?

Кукушка почти с испугом взглянул на графа.

— Да,— ответил он, запинаясь,— у нее на обеих щеках и на лбу былл маленькие красивые крестики красного цвета, впрочем, эта татуировка ее не безобразила.

Монте-Кристо содрогнулся.

— Знаешь ли ты,— сказал он затем,— что Магомет бен Абдалла — самый ярый враг Франции, поклявшийся отомстить за Абдель-Кадера? Если капитан попался ему в руки — мы больше его не увидим, если не свершится чудо.

— Господин командир,— убежденно произнес Кукушка,— вы взялись за дело — и чудо свершится!

— Дай Бог! Теперь я вернусь в отель, а ты приходи туда сегодня вечером в десять часов,— сказал граф, подумав про себя: «Мерседес, я должен спасти твоего сына!»

22. Надейся лишь на самого себя

Войдя в отель «Луниверс», граф приказал доложить о себе господину Бошану. Журналист был рад принять графа, и Монте-Кристо тотчас же прошел в занимаемый им номер.

— Очень рад тому, что вижу вас в Марселе, граф,— любезно встретил его парижанин,— я очень доволен, что нам опять пришлось встретиться.

— И я тоже очень рад,— сказал граф, крепко пожимая руку журналисту.— Как поживаете? Что нового в политическом мире?

— Не будем говорить об этом. Как вам известно, 24-го февраля была провозглашена республика. Сначала я думал, что победа за нами, но мне недолго пришлось оставаться в приятном заблуждении. Все эти вожаки мало заботятся о народе, он должен приносить жертвы, но не для себя, а для других, и в конце концов… Впрочем, бросим этот разговор! Я только понапрасну кипячусь, а приехал сюда, чтобы позабыть о всех этих дрязгах. Скажите-ка лучше, чем я могу быть вам полезен? Насколько мне известно, вы принимаете участие в положении госпожи де Морсер?

— А откуда вы это знаете?

— О, я знаю вас, граф. Там, где надо явиться утешителем или совершить геройский поступок, мы всегда видим графа Монте-Кристо.

— Вы преувеличиваете,— смущенно возразил граф,— и, вместе с тем, не вы ли прислали сюда зуава Кукушку успокоить несчастную мать?

— Я исполнил лишь свой долг, как христианин; к тому же репутация капитана Жолиетта всегда была безупречной. Он заслуженный и храбрый офицер, а сдержанность его вошла в поговорку.

— Чем вы объясняете его исчезновение?

— Ничем. Для меня, как и для всех, оно остается загадкой. Арабам незачем держать его в плену, вероятно, они прихватили капитана с собой и затем умертвили его.

— Не знаете ли вы, к какому племени принадлежала шайка бедуинов, напавшая на отряд? — задумчиво спросил Монте-Кристо.

— Насколько мне известно — к племени туарегов.

— Скажите, как вы относитесь к пленению Абдель-Кадера? Полагаете ли вы, что теперь в Алжире водворится спокойствие?

— О, нет, рано или поздно найдется другой предводитель, и под предлогом мести за Абдель-

Кадера он снова начнет войну… Бедуины никогда не подчинятся нам.

— Я согласен с этим взглядом, и вы, к сожалению, правы. Новый предводитель, о котором вы сейчас упомянули, уже нашелся!

— Вы шутите… неужели я был пророком?… Но каким образом в министерстве до сих пор об этом не знают?

— Министерство в этом случае похоже на обманутого супруга, который позже всех узнает, что жена завела любовника.

— Пожалуй, вы правы. А как зовут нового предводителя бедуинов?

— Магомет бен Абдалла!

— Это имя мне вовсе незнакомо. Не ошибаетесь ли вы?

— Нет,— спокойно возразил Монте-Кристо.— Я знаю, что говорю. Человек, имя которого я назвал вам, дал клятву отомстить за Абдель-Кадера, и через месяц в пустыне снова будет развиваться знамя бунта.

— Хорошо, я не могу вам возразить, но объясните, какое отношение имеет это ожидаемое восстание кабилов к исчезновению Альбера де Морсера?

— Кто может объяснить это, господин Бошан?

Иногда образуется связь между самыми разнородными вещами, а почему — сказать нельзя. Перейду теперь к главной цели моего визита: вы пользуетесь известным влиянием в Париже…

— Чем я могу вам служитъ, граф?

— Я бы хотел выхлопотать долгосрочный отпуск для сержанта Кукушки.

— Это будет сделано, ручаюсь вам.

— Благодарю вас — больше мне ничего не надо.

— Не стоит благодарности. В данную минуту я — один из столпов республики, в наших руках власть, и подобное дело для меня — пустяк. Припомните — может быть, у вас есть еще какие-нибудь просьбы?

— Ах да, чуть было не забыл,— сказал с улыбкой граф, достал из своего бумажника чек, проставил на нем сумму, расписался и подал господину Бошану.

— Позвольте мне вручить вам эту безделицу в пользу бедных Парижа,— сказал он.

— Но, любезный граф,— перебил его смущенный журналист,— если вы называете миллион франков… безделицей, то сколько же вы жертвуете в других случаях?

— Милый друг,— почти грустно ответил граф,—

что значит при моем состоянии какой-нибудь миллион франков? Я даю столько же, сколько дал бы последний бедняк.

— Так вы настолько богаты?

— Да, и завидую тем, кто мечтает разбогатеть. Я даже этого лишен.

— Кто знает, быть может, вы когда-нибудь встретите более богатого человека. А пока, благодарю вас от имени жен наших рабочих: в то время, как мужья служат республике, их семьи терпят нужду.

— Употребите эти деньги по вашему усмотрению, но не оглашайте моего имени — я враг всякой рекламы.

— И я тоже. Теперь скажите мне, как вы успокоите госпожу де Морсер?

— Взгляните в окно — вы видите эту яхту на рейде?

— Отличное судно!

— Завтра на рассвете она поплывет в Алжир.

— Понимаю, вы посылаете туда своих людей на поиски несчастного Альбера.

Монте-Кристо тонко улыбнулся:

— Господин Бошан, если вы намерены в чем-либо непременно достичь цели, что вы делаете тогда?

— Очень просто — берусь за дело сам.

— Теперь вы поняли, кого я посылаю в Алжир?

— Правильно ли я вас понял? Вы сами отправляетесь в пустыню? Вы взяли на себя нелегкую задачу. Не сомневаюсь в вашем мужестве и вашей энергии, но должен сознаться — ваше намерение меня пугает. В Алжире вам придется бороться не только с людьми, но и со всеми ужасами природы! Самум — смертельное дыхание раскаленной пустыни — погубил уже многих, и их кости служат предостережением путнику, вступающему в эту коварную пустыню!

— Господин Бошан,— серьезно возразил на это граф.— Если бы вы знали то, что я обязан исполнить, то не отговаривали бы меня. Я боролся с хищными зверями, принявшим образ человеческий, побеждал их и поэтому не страшусь борьбы со стихиями. И не отговаривайте меня. Сахары я не боюсь.

— Но что будет с графиней и вашим сыном?

Лицо графа омрачилось, но он ответил твердым голосом:

— Приезжайте ко мне сегодня вечером: я дам вам на это ответ.

— Охотно. Где вы живете? Здесь, в этом отеле?

— О, нет,— со смехом ответил Монте-Кристо,— с

тех пор, как суд потребовал от меня уплатить значительный денежный штраф за неимение во Франции постоянного места жительства, я принял свои меры.

— Какие же?

— Во всех больших городах Франции я приобрел дома: в Париже, Лионе и других центрах у меня есть дворцы.

— Отлично. К сожалению, не каждый из нас может так устроиться. Но когда же присудили вас к уплате этого штрафа? Не по поводу ли процесса Андреа Кавальканти, то есть Бенедетто? Да? А знаете ли, что я слышал? Говорят, что Бенедетто убежал из Тулона. Берегитесь этого негодяя — это не человек, а зверь.

— Я это знаю, господин Бошан,— с усилием ответил граф.— Бенедетто — это олицетворение злого начала, воплощение дьявола! Но когда-нибудь он мне попадется. Я дойду до края света, но найду его, он от меня не скроется!

— Аминь. Что касается Шакала-Кукушки — берите его с собой: относительно его отпуска я все улажу. Алжир он знает как свои пять пальцев, и будет вам хорошим помощником. Кстати, я вспомнил — вы, может быть, встретите там нашего сотрудника. Он теперь Бог знает где, кажется,

в Тимбукту или в Занзибаре. Недавно прислал мне интересные сведения об Абдель-Кадере и отправился дальше.

— Как его фамилия?

— Гратилье.

Граф записал фамилию в свою записную книжку и сказал:

— Если я встречусь с ним, то вспомню, что вы мне его рекомендовали.

— Благодарю вас. Гратилье — большой чудак, которого вы, пожалуй, можете застать мирно беседующим с пантерой. Он не боится самого черта!

— Отлично! Такие люди мне нужны.

— Если вы будете в состоянии удержать его от какой-либо глупости — сделайте это. Я хочу приступить к выпуску новой большой газеты, и Гратилье мне необходим.

Постараюсь… но Сахара велика!

— Да поможет вам Бог! Так вечером я позволю себе приехать к вам. Где вас найти?

— Спросите только, где дворец Монте-Кристо. Пока до свидания. Может быть, и вы поедете со мной в Алжир?

— И рад бы душой, но не могу оставить своего поста: нам предстоит борьба, и каждый человек

будет На счету.

Они расстались. Граф приказал швейцару, на случай прихода зуава, послать его во дворец Монте-Кристо, а Бошан сказал сам себе:

— Если есть на свете феномены, то сегодня я видел одного из них.

23. Жертва

Вилла Монте-Кристо была расположена недалеко от гавани, из ее окон открывался чудный вид на море. Подобно всем домам графа она была обставлена изящно и роскошно. Чудесная, утопающая в зелени терраса, заставленная экзотическими растениями, невольно напоминала тропический лес. Пестрые попугаи качались на ветвях дивных тамарисков, широколистные бананы и роскошные пальмы отражались в синих волнах Средиземного моря.

Вечером, в тот же день, когда Монте-Кристо прибыл в Марсель, граф и Гайде были на террасе. Оба любовались расстилавшимся перед ними чудным видом. Сперо читал в соседней комнате. Наконец граф подошел к Гайде, по обыкновению лежавшей на кушетке, присел рядом и тихо сказал:

— Гайде, посмотри на меня.

Гайде подняла дивные черные глаза и, с любовью взглянув в благородное красивое лицо мужа, украдкой сжала его руку.

— Гайде,— серьезным тоном сказал Монте-Кристо,— доверяешь ли ты мне?

— К чему этот вопрос? Разве ты не повелитель мой, не Бог, и разве раб смеет не верить господину своему?

— Гайде… я не господин твой, и ты не моя раба.

— Ты — мой муж! Если бы ты мог читать в моей душе, ты не спрашивал бы об этом. Когда мой отец пал жертвой измены и был убит, меня оттащили от трупа и привели на рынок невольников, где меня ждали позор и смерть! Явился ты, подобно небожителю, и с этой минуты я отдалась тебе всецело! Ты купил меня, и я всегда благославляю час, в который впервые увидела тебя.— Гайде поцеловала руку мужа и продолжала: — С тех пор я думаю лишь о тебе… Когда-то я опасалась, что ты покинешь меня, и я хотела себя убить.

— Что ты говоришь, дорогая моя?

— Говорю правду — тебе не обмануть меня, ведь ты хотел выдать меня замуж!

— Может быть, это было бы к лучшему,— прошептал граф.

— Никогда! Могу ли я быть счастливой вдали от тебя? Я люблю тебя не только как мужа, но как благородного человека.

— Ты заставляешь меня краснеть… Я такой же грешник, как и все люди…

— О нет! Когда ты карал виновных и награж-

дал добродетельных, я смотрела на тебя, как на Бога. Ты назвал меня своей женой, тебе обязана я высшим счастьем в жизни — моим ребенком! Сперо мне вдвойне дорог, так как, повзрослев, будет достоин тебя!

Граф украдкой взглянул на сына и сказал:

— Итак, Гайде, ты никогда не жалела о том, что соединила свою судьбу с моей?

— Никогда!

— Огорчал ли я тебя когда-нибудь?

— Нет… Я самая счастливая женщина на свете.

— А если бы обстоятельства вынудили меня огорчить тебя?

— Я покорилась бы этому без ропота.

— Даже тогда, когда я разрушил бы твое счастье?

— Даже и тогда… Я жила бы воспоминаниями о прежних счастливых днях.

— Ну так знай, Гайде, — мы должны расстаться.

— Расстаться? — с ужасом повторила Гайде, и на глазах ее показались слезы.

— Да, на время, на несколько месяцев.

— Да свершится твоя воля! — рыдая, ответила Гайде.— Ты исполняешь священный долг, и Бог поможет мне перенести испытание.

— Благодарю тебя за эти слова, я их не забуду.

— Когда же ты едешь? Куда?

— В Алжир — в пустыню. Я должен возвратить сына его матери или умереть.

— Но почему же я не могу поехать с тобой? С тобой я ничего не боюсь и…

Гайде внезапно замолкла, заметив, что муж с глубокой грустью взглянул на нее, затем на сына, и, опустив голову, прошептала:

— Прости, я знаю, что не могу покинуть Сперо!

Монте-Кристо вздрогнул. Настала самая тяжелая минута.

— Гайде,— сказал он с кротостью,— поехать со мной ты не можешь не потому, что тебе нельзя покинуть сына…

Лицо Гайде исказилось таким ужасом, что он остановился.

— Что это значит? — вскричала молодая женщина, дрожа и бледнея.— Неужели ты лишишь меня последнего утешения?

— Успокойся, Гайде. Да, я покидаю тебя и беру с собой Сперо.

— Ты увозишь Сперо? Это невозможно! Ты не захочешь убить меня…

— Когда-то ты сказала мне, что твоя жизнь в моих руках!

— Я повторяю это и теперь. Вот мой кинжал — убей меня, но оставь мне мое дитя!

Вне себя Гайде выхватила из-за пояса кинжал и подала его графу.

— Убей же меня! — крикнула она замирающим голосом.— На что мне жизнь без тебя и без сына! Что ты медлишь? Вырви мое сердце, но не разлучай меня с моим сыном!

Она упала к ногам графа и обняла его колени. Вдруг взор ее прояснился и, озаренная новой надеждой, она воскликнула:

— Ты хотел лишь испытать меня! Прекрати эту пытку — скажи, что ты не убьешь свою Гайде!

— Гайде,— с укором произнес граф,— ты знаешь, что меня зовет священный долг. И вместо того, чтобы помочь мне выполнить его, ты отказываешь мне в поддержке!

— Я не понимаю тебя,— прошептала Гайде.

— Я должен уехать и беру с собой сына. Ты же, -дорогая, останешься здесь, где тебе тоже предстоит выполнить свою задачу.

Гайде не поднималась с колен, но больше не плакала. Этот человек был ее властелином — она должна подчиняться ему.

— Неужели ты думаешь, Гайде, что я стал бы напрасно мучить тебя?

— Нет,— ответила она, не разнимая рук,— говори же, что я должна делать?

— Выслушай меня. Десять лет тому назад я привез тебя в мой дом на острове и там раскрыл тебе свое прошлое. Я рассказал тебе, как покарал я виновных, и ты сказала, что я поступил справедливо. С той минуты я поклялся лишь помогать и, где можно, защищать невиновных, чтобы искупить свое увлечение местью! В числе людей, пострадавших от моей мести, были Мерседес и ее сын. Тебе известно, как я любил эту женщину, и я не скрыл от тебя, что, взбешенный ее изменой и предательством, я погубил Фернана Монтегю — убийцу твоего отца!

Монтегю умер, доведенный мной до самоубийства… Смерть его тяжело отразилась на его жене и сыне, но я не взвесил всех дальнейших последствий этого моего поступка. Альбер де Морсер исчез, его мать в отчаянии, и всему причиной — я! Неужели ты хотела бы видеть меня в роли палача?

— Не говори этого, Эдмон! Ничего худого ты не сделал. Ты благороден и велик!

— Нет, я считал себя таким — и в этом мой грех! Я покарал Альбера де Морсера за поступок его отца, и, посягнув на права Бога, сам наказывал

виновных!

Понятно ли тебе теперь, что я должен поставить на карту свою жизнь, чтобы возвратить матери ее сына… что я, каравший других, обязан воздать должное самому себе!

Гайде рыдала — она была побеждена.

— Но,— заговорила она дрожащим голосом, — я тоже мать, и мой сын…

— Твой сын, Гайде,— перебил ее Монте-Кристо,— будет достоин тебя! Его называют сыном графа Монте-Кристо — позволь же ему заслужить этот титул! Сперо благороден и храбр, он умеет отличить добро от зла, и я горжусь им! Быть справедливым для него превыше всего, и потому-то он обязан вступиться за правое дело.

Ты видела, что я не боялся опасностей, с открытым лицом встречал нужду и смерть, и в этом Сперо должен брать с меня пример. Пусть он не дрогнет перед ужасами пустыни, пусть бесстрашно идет навстречу опасности — тогда он будет достоин довести до конца дело, начатое отцом! Скажи теперь, должен ли я взять его с собой?

— Да,— почти беззвучно ответила Гайде.

— Благодарю тебя. Теперь выслушай, в чем будет состоять твоя миссия: ты сама мать — и ты сумеешь утешить мать. Мерседес, войди!

Дверь с террасы отворилась, и Мерседес медленно подошла к Гайде.

— Гайде,— сказал граф,— вот Мерседес, о которой ты знаешь все от меня.

— Добро пожаловать, дорогая подруга,— сказала Гайде, обнимая испанку.

— О, какая вы красавица! — прошептала Мерседес, с восторгом глядя на нее.

— . Сударыня,— произнесла, вспыхнув, Гайде,— я отдаю вам самое дорогое — мужа и сына!

— Какого сына?

Граф позвал Сперо. Мальчик вошел. Мерседес взглянула на него и зарыдала.

— О чем она плачет, батюшка? — шепотом спросил Сперо.

— Она плачет о своем сыне, которому наверняка грозит смерть, — многозначительно ответил граф.

— Он в опасности? — быстро повторил Сперо.— Батюшка, почему же мы не спешим выручать его?

Монте-Кристо с восторгом обнял сына.

— Как, милый Сперо,— сказала Гайде,— ты хочешь покинуть меня? — но в эту минуту она гордилась мальчиком, хотя и скорбела о нем.

— О, мама, не сама ли ты всегда говорила, что

мы прежде всего обязаны помогать несчастным? — возразил Сперо, обнимая мать.

— Ваше сиятельство,— сказал вошедший Бертуччио,— вас желает видеть какой-то солдат.

— Знаю, это зуав Кукушка. Пусть войдет.

Бертуччио ввел в комнату сержанта.

— Кукушка,— обратился к зуаву граф,— получил ли ты уже бессрочный отпуск?

Кукушка почесал в затылке.

— Тебе это не нравится?

— Никак нет, командир. Только что же я буду делать? Пожалуй, заскучаю: здесь нет ни настоящего африканского солнца, ни бедуинов, ни шакалов, ни гиен…

— Об этом не заботься. Завтра на рассвета мы отплываем в Африку — в Алжир.

— В самом деле? — восторженно вскричал Кукушка, бросая вверх шапку, и так уморительно расшаркался, что все покатились со смеху.

— Прошу прощения! — сказал он, беря под козырек.— Это я от радости. Слава Богу, уж теперь-то мы найдем моего доброго капитана!

— И я надеюсь на это, Кукушка!

— А как же вам быть с матушкой-командиршей? — неуверенно спросил Кукушка.— Она согласна?

— Спроси ее сам.

— Сударыня,— обратился он к графине,— у вас храбрый муж, и пока я жив, никто не тронет его.

Гайде улыбнулась, а граф сказал:

— Кукушка, вот мой сын, он едет с нами.

— Этот мальчуган? Отлично… хвалю! Молодой барин, значит, будет маленьким сержантом. Нравится ли вам этот чин, барин?

— Постараюсь его заслужить,— со смехом ответил Сперо, пожав руку зуаву.

— Слушай, Кукушка,— сказал граф,— ступай и завтра утром в шесть будь в гавани.

— Слушаюсь, командир.

Он взял под козырек и вышел.

24. Как и где приютился Кукушка

В тот самый вечер мисс Клари Эллис гуляла в саду, прилегавшем к вилле, занимаемой ею и гувернанткой. Она только что закончила оживленную беседу с госпожой Караман, которая затем удалилась на веранду и занялась какой-то работой. Клари же задумалась: разговор с гувернанткой навел ее на ряд интересных мыслей.

После того как Клари столкнулась с графом Монте-Кристо у Мерседес, она крайне заинтересовалась незнакомцем. То, что она узнала о нем от подруги, не удовлетворило ее.

По словам Мерседес, граф был старым другом их семьи, знал раньше ее сына и принимал в нем живое участие.

Но Клари ясно видела, что Мерседес что-то от нее скрывает, и ей было досадно.

Когда гувернантка и Клари возвращались домой, госпожа Караман сказала:

— Знаете ли, что я слышала, Клари? Говорят, что граф Монте-Кристо здесь, в Марселе?

— Что же тут особенного? — равнодушно спросила Клари.— Разве вы не видели его?

— Где же?

— Он уходил от госпожи Жолиетт, когда я пришла навестить ее. Вы ожидали меня на улице и должны были видеть его.

— Как, этот господин, уехавший вместе в зуавом, был граф?

— Вероятно… Стройный мужчина с бледным лицом и черными волосами.

— Скажите, а я и не знала, и где только у меня были глаза, — жалобным тоном проговорила гувернантка.

Между тем они дошли до виллы, и Клари сказала:

— Пойдемте в сад и расскажите мне подробней все, что вы знаете об этом графе Монте-Кристо.

— Но, милая Клари, неужели вы никогда о нем не слыхали? Что же вы читаете там у себя в Англии?

— Всякие книги… но, что тут общего с графом?

— Вы так думаете? Набивали вы себе голову всяким вздором, вот главного-то и не заметили. Знакомы вы с Александром Дюма?

— Только по имени… Но позвольте, причем же тут все-таки граф?

— Сейчас я вам объясню. Александр Дюма написал много романов, но самый интересный, бесспорно, «Граф Монте-Кристо».

— С какой стати,— обиженно заговорила Клари,— вы рассказываете мне о каких-то сказках для детей?

— Я говорю серьезно. Дюма сделал для народного образования гораздо больше, чем десять министров просвещения, вместе взятых. Например, в «Трех мушкетерах» он подробно и увлекательно рассказал нам о Ришелье, Анне Австрийской и Людовике XIII. В романе «Граф Монте-Кристо» он обличил недостатки правительства и его промахи, сделанные после низвержения великого императора, и многое-многое другое. Теперь для меня ясно, как день, что госпожа Жолиетт, ваша подруга, тоже одна из героинь этого романа. Ее зовут Мерседес, и она без сомнения не кто иная, как госпожа де Морсер… Как зовут ее сына?

— Альбер…

— Так и есть: его отец был плут, кончивший жизнь самоубийством. Сын и вдова продали и раздали все, что имели и исчезли. Но позвольте, я лучше пошлю вас в библиотеку за книгой. И вы не оторветесь от нее, пока не дочитаете до конца.

Четверть часа спустя Клари, сердце которой стучало, а щеки пылали, углубилась в чтение увлекательной книги. Она страдала вместе с Эмоном Дантесом и аббатом Фариа, плакала

с Мерседес, ненавидела Вильфора, сожалела о госпоже Данглар, восхищалась Валентиной, восторгалась Максимилианом и вздохнула свободнее, когда узнала о смерти бесчеловечной отправительницы — госпожи де Вильфор.

И над всем этим носился, озаренный ореолом славы, образ рыцаря без страха и упрека — карающий судья и благородный благодетель. И когда гувернантка пришла к ней вечером, молодая девушка бросилась ей на шею, рыдая.

— О, дорогая моя, как хорош этот роман, и как счастлива я, что видела графа! Да, это он, и Александр Дюма — великий человек!

Долго беседовали они о романе, затем гувернантка удалилась на веранду и занялась работой, а Клари задумчиво опустилась на одну из скамеек обвитой розами беседки.

Внезапно за стеной сада послышался шум. Клари подняла голову и прислушалась: чтение романа так впечатлило ее, что она готова была теперь ко всяким приключениям.

Не двигаясь с места, девушка затаила дыхание. Луна вышла из-за облаков и осветила зуава, сидящего верхом на ограде. Он огляделся и затем спрыгнул в сад.

Кукушка полагал, что он не делает ничего

худого, проникая в чужой дом. С минуту он прислушивался — все было тихо — и пошел к веранде.

Там на столе горела лампа и стояла рабочая корзинка, наполненная шерстяными нитками и моточками. Гувернантка, сидя в кресле, спала безмятежным сном. По-прежнему нигде не было слышно ни звука, и сержант, взглянув на спящую гувернантку, быстро перескочил через перила веранды.

Когда Шакал увидел госпожу Караман, его охватило какое-то странное чувство: он вспомнил свою мать, мысленно сравнил ее со спящей гувернанткой и нашел, что последняя была моложе и изящнее. Кукушка и не подозревал, что сидевшая в беседке Клари следила за каждым его движением, недоумевая, что могло заставить зуава явиться к ним в дом.

Кукушка приблизился к гувернантке. Она вскрикнула спросонья, вскочила и уставилась на незнакомца. Потом быстро схватила свою рабочую корзинку и набросила ее на голову зуава: клубки шерсти запутались в волосах и бороде сержанта, и он закашлялся и зачихал.

Госпожа Караман узнала, наконец, бравого Шакала и покатилась со смеху. Напрасно Кукуш-

ка старался выпутаться из клубков и моточков: корзинка плотно сидела на его голове. Наконец, француженка сжалилась над ним, сняла корзинку и весело спросила:

— Зачем вы пожаловали сюда, г-н Шакал?

Кукушка не мог отвечать — он задыхался. Гувернантка снова рассмеялась. Клари, не желая выдавать своего присутствия в беседке, едва удерживалась от смеха. Наконец, зуав произнес:

— Ради Бога, дайте мне глоток воды, я же задыхаюсь.

Госпожа Караман подала ему стакан воды, но кашель все не унимался, тогда она взяла стоявшую на столике бутылку с ликером и протянула ее солдату:

— Вот, выпейте глоток, а затем объясните, в чем дело?

Зуав с признательностью посмотрел на француженку и глотнул из бутылки.

— Славный ликер! — воскликнул он и щелкнул языком.

— Это к делу не относится,— строго сказала гувернантка.— Объясните же, что вам нужно?

— Я… хотел…

— Говорите скорее… шутки в сторону — разве можно ночью врываться в чужой дом и пугать

людей?

— Виноват, прошу прощения, право, больше не буду… я пришел сюда с тем, чтобы…

— Да вы, кажется, совсем разучились говорить!

— Нет, сударыня, но изволите видеть, в жизни солдата бывают такие минуты, что его…

— Можно принять за дурака,— нетерпеливо перебила его госпожа Караман.— Продолжайте.

Кукушка поклонился, как бы благодаря за оказанную ему любезность.

— Извольте видеть, сударыня,— заговорил он,— нас с вами сегодня столкнуло само провидение…

— Послушайте! — со смехом перебила его гувернантка.— Будет вам вздор нести!

— Сударыня! — вскричал с мольбой Кукушка, подняв руки.— Не обижайтесь, но я должен вам сказать, что вы… обворожительны!

— Глупый вы болтун!

— Называйте меня, как хотите, но верьте мне — я говорю правду! Я видел женщин во всех частях света: брюнеток и блондинок, белых и черных — но оставался к ним равнодушен. Сегодня, когда я увидел вас, во мне свершился переворот.

Хотя госпожа Караман была особа весьма почтенная, но она, прежде всего, была женщина, и слова сержанта ей понравились. Конечно, он ей

льстил, но был при этом очень любезен.

— Послушайте, уважаемый,— сказала она с улыбкой,— мне сорок два года (она, конечно сбросила себе лет пять), и ваше счастье, что я снисхожу к вашейхшутке.

— К моей шутке? Клянусь вам…

— Не клянитесь,— перебила его гувернантка, погрозив пальцем,— и дайте мне договорить. Знайте прежде всего, что я всегда была порядочной женщиной и любила только (при этом она утерла слезу) своего мужа. Затем, я занимаю известное положение в доме прекрасной и всеми уважаемой молодой девушки, которую вы своим вторжением глубоко оскорбили. Я все сказала. В следующий раз будьте осторожны.

При этих словах гувернантки Кукушка охотно провалился бы сквозь землю: он покраснел как рак и пробормотал:

— Прошу прощения… я ничего дурного не имел в виду.

Гувернантка сжалилась над беднягой.

— Да вы не очень сокрушайтесь — я не кусаюсь! Вы — солдат а, исполняя свой долг, нельзя быть всегда деликатным. Так часто говорил мой покойный муж: утешьтесь и выслушайте меня. Я прощу вас, но с одним условием…

— Приказывайте… что я должен сделать?,

— Откровенно сказать мне, для чего вы сюда явились в столь поздний час!

— Единственно для того, чтобы видеть вас!

— В самом деле? Вот мило! Итак, вы влюбились в меня, как студент в гризетку, и пришли объявить об этом, прокравшись ночью в чужой дом! Знаете ли вы, как называют таких молодцов?

Кукушка понурил голову и молчал.

— Не проще было бы, если бы вы пришли сюда завтра утром?

— Да, легко вам говорить,— с отчаянием вскричал сержант,— завтра будет поздно.

— Опять чепуха,— возразила госпожа Караман,— будет ли этому конец?

Кукушка гордо выпрямился.

— Сударыня,— сказал он,— сознаю, что мое самовольное вторжение в ваш дом было по меньшей мере неуместным, но оскорблением для себя вы его считать не можете.

— Надеюсь и жду от вас подтверждения ваших слов.

— Мне пришло в голову,— робко продолжал зуав,— вдруг вы немного пожалеете меня…

— Час от часу не легче… вы просто дерзки!

— О нет, сударыня… дайте мне договорить.

Извольте видеть… я солдат, моя родина — это мой полк. Я сирота, и обо мне некому заботиться. Да, впрочем, я об этом и не плачу, сражаюсь с кабилами, и если меня убьют, то это никого не огорчит. Но у вас такое доброе лицо, вы внушаете доверие, и так как, вероятно, я вас больше никогда не увижу, то черт меня дернул…

— Что такое?

— Прийти к вам проститься… Завтра меня здесь не будет.

— Не печальтесь раньше времени,— стараясь скрыть свое волнение, сказала гувернантка.— Объясните, в чем дело, вы, кажется, молодец хоть куда! Что же такое вам предстоит завтра?

— Благодарю вас. Вы слишком добры. Извольте видеть, когда, быть может, навсегда покидаешь свою родину, то желательно было бы с кем-нибудь проститься, а если хорошенькая женщина пожмет тебе руку и скажет: «будь счастлив, голубчик!», так это, наверное, принесет счастье!

— Я вас не понимаю, объяснитесь, наконец, яснее. Куда вы отправляетесь, смею спросить?

— В Алжир, в пустыню, и так далее.

— Вы возвращаетесь в свой полк?

— Боже меня сохрани! Я получил бессрочный отпуск.

— Так в чем же дело? С вами, право, всякое терпение лопнет!

— Извольте видеть, вам известно о том, что сын госпожи де Морсер, капитан Жолиетт, пропал. Я же душой и телом привязан к капитану, и вот…

— Да говорите же!

— Приходит сегодня господин, брюнет с большой бородой, бледным лицом, темными сверкающими глазами, и объявляет мне, что он едет завтра на розыски капитана и берет меня с собой.

Внизу под верандой раздался слабый возглас — зуав и г-жа Караман его не услыхали, и гувернантка спросила, в волнении:

— Так ли я поняла? Граф Монте-Кристо. хочет отыскать капитана в пустыне?

— Так точно, и я еду с ним. Такие экспедиции по плечу лишь людям храбрым. Я не трус, й потому граф берет меня с собой. Теперь вы знаете, зачем я пришел сюда. Но обидеть вас я не хотел и сейчас ухожу… Прощайте, сударыня!

Зуав махнул рукой, повернулся налево кругом и направился к выходу.

Гувернантка посмотрела ему вслед: она как будто была тронута, и бравый зуав ей понравился. У нее никогда не было детей, но будь у нее сын,

он должен был, по ее мнению, походить на этого солдата. То обстоятельство, что сержант пришел к ней проститься, тронуло ее, и она сказала:

— Вернитесь, зуав! Подите сюда!

Кукушка остановился.

— Не бойтесь, я не укушу вас! Дайте мне вашу руку. Кукушка покраснел, как девушка.

— Как же я подам вам свою лапищу, — сказал он смущенно, — прошу прощения.— Ему показалось, что он снова оказался невежлив и он начал извиняться.— Я, значит, только насчет своей лапищи.

— Да полноте, пожалуйста, дайте мне вашу руку и думайте, что я — ваша мать!

— Вы… моя мать? — всхлипнув от радости, пробормотал сержант. — Боже мой, тогда надо совсем на другой манер. Когда я расставался с моей бедной матушкой, она взяла меня за голову и крепко поцеловала. И ее поцелуй сохранил мне жизнь!

Г-жа Караман прослезилась и исполнила просьбу зуава.

— Ура! — вскричал с восторгом Кукушка.— Вы славная женщина. Будьте счастливы и, быть может, до свидания!

— До свидания, голубчик,— дрожащим голосом произнесла гувернантка,— да сохранит вас Бог и

да поможет Он вам найти вашего капитана!

— Иначе и быть не может. Прощайте!

Зуав сбежал с лестницы и взобрался на ограду сада. Оттуда он помахал рукой, крикнул «прощайте» и исчез.

— Славный юноша,— тихо сказала гувернантка,— пылкая голова и золотое сердце. Я, право, пожалею, если больше не увижу его.

В эту минуту кто-то тронул ее за плечо, она обернулась: перед ней, улыбаясь, стояла Клари.

— Это вы? — вскричала, то бледнея, то краснея, смущенная гувернантка.— Неужели…

— Да, я видела зуава и слышала весь ваш разговор,— ответила девушка.

— Но, уверяю вас… он пришел… то есть перелез через стену…

— Знаю, все знаю,— перебила ее Клари,— и нимало не упрекаю вас. Итак, Кукушка отправляется в Алжир?

— Да, на розыски капитана Жолиетта, сам граф…

— Знаю, они едут наудачу…

— Да, подумайте только! Самум, пески… кабилы, дикие звери…

— Нет ли у вас под рукой карты Африки?

— Есть, вот она.

Клари долго изучала карту, затем вдруг спросила:

— А как путешествуют в Африке?

— На верблюдах, в сопровождении арабов. Путешествие вообще крайне утомительное…

— Послушайте,— перебила Клари,— сколько у нас есть наличных денег?

Гувернантка взглянула в свою записную книжку:

— Около шести тысяч франков наличными и, кроме того, перевод на марсельский банк на сто тысяч франков.

— Который теперь час?

— Десять часов.

— Прекрасно. Прикажите оседлать лошадей.

— В такую пору? Что с вами, помилуйте?

— Ничего, одевайтесь, я тоже буду готова сейчас, и мы поедем.

— Что вам взбрело в голову?

— Пока сама еще не знаю, дорогой я все вам объясню. Кстати, захватите с собой все наши наличные деньги.

— Неужели вы истратите их сегодня?

— Может быть. На всякий случай захватите и другие ценные бумаги, да поторопитесь!

Клари убежала. Гувернантке оставалось одно

— исполнить желание избалованной девушки. Четверть часа спустя Клари и г-жа Караман отбыли в сопровождении грума.

25. В паутине

В Марселе, в конце Тюремной улицы, со стороны площади Вайль-Новь, стоял прежде ветхий грязный домишко. В нем помещался кабачок под вывеской «Большой паук», где собирались матросы и всякие темные личности, столкновение с которыми не всегда обходилось благополучно. В кабачке шло беспрерывное пьянство. Здесь шулеры с помощью женщин легкого поведения обыгрывали доверчивых простаков. Тут ежедневно происходили скандалы и кровопролитные драки, на которые полиция смотрела сквозь пальцы, не желая иметь дело с обитателями «Паутинного квартала». Теперь, впрочем, нет и следа знаменитого в свое время кабачка.

В тот самый вечер, когда зуав Кукушка прощался с г-жой Караман, в кабачке собралась обычная публика. Матросы со всех концов света пьянствовали за столиками, нарумяненные и набеленные красотки толпились вокруг гадальщицы, в углу сидела бродячая арфистка, ожидавшая приглашения спеть. За другими столами шла игра в карты и кости — слышались крики радости и проклятья; густой табачный дым наполнял комнаты, и

без того слабо освещенные коптящими лампами.

Около полуночи в кабачок вошел матрос, по виду — англичанин. Сильно развитые мускулы выдавали в нем недюжинную силу. С едва заметным иностранным акцентом матрос потребовал грогу. Хозяин, наружность которого не внушала особого доверия, подал ему жестяную кружку с горячим грогом и тотчас же протянул руку за деньгами — в кабачке «Большой паук» не верили в долг.

Матрос хладнокровно вытащил из кармана кошелек, достал из него золотую монету и бросил на стол.

Звук золота заставил всех встрепенуться, и взоры с жадностью устремились на матроса, которому хозяин между тем отсчитывал сдачу.

— Возьмите себе,— сказал англичанин.

Хозяин, говоривший на всех языках, равнодушно ответил по-английски:

— Мне не нужны ваши деньги, старина, я беру только то, что мне следует.

Англичанин залпом выпил грог, хватил кулаком по столу и спросил:

— Так вы не хотите моих денег?

— Отчего же не взять? — уклончиво ответил хозяин.— Но зачем же вам платить лишнее, по-

жалуй, завтра еще об этом пожалеете...

— Это мое дело, а не ваше! — с гневом вскричал матрос.— Да или нет — берете вы мои деньги?

— Подите вы к черту с вашими деньгами. Вот хвастун-то явился! Я, пожалуй, побогаче вас!

— Побогаче меня? Кто смеет это сказать? — в бешенстве вскричал англичанин и высыпал на стол деньги из кошелька. Золотые монеты раскатились во все стороны. Посетители с громкими криками вскочили с мест.

Один хозяин оставался равнодушным.

— Вы дурак,— сказал он вполголоса,— вам, видимо, хочется, чтобы вас обокрали?

— Молчать! — вскричал матрос и, обратившись ко всем, громко сказал:— Знаете ли вы, что мне сейчас шепнул хозяин? Он меня предостерег: ему кажется, что вы меня ограбите или убьете.

После этих смелых слов наступила могильная тишина. Взоры всех с нескрываемой жадностью были прикованы к груде золота. Эти негодяи не раз обагряли свои руки кровью, ради денег они готовы были зарезать человека, как цыпленка.

Хозяин, пожав плечами, отошел к двери: делайте, мол, что хотите — дело не мое!

В эту минуту к столу смутьяна подсел матрос-провансалец.

— Послушай, дружище,— сказал он, перебирая золотые монеты, — неужели все эти деньги… твои?

— Да, я честно их заработал.

— На это, положим, мне наплевать. Видишь ли, я сейчас немного не при деньгах: ты, конечно, не откажешься дать мне в долг десяток червонцев? Да? Вот я сейчас отсчитаю…

Он взял несколько луидоров, но в ту же минуту вскрикнул и выпустил их из горсти. Англичанин схватил наглеца за руку и, как железными тисками, сдавил ему кисть.

— Коли ты не хочешь, чтобы кто-либо касался твоих проклятых денег, на кой же черт ты их рассыпал тут? — проговорил провансалец, потирая руку.— Так как же, дашь мне взаймы, или нет? Само собой разумеется, я тебе при случае отдам все. Идет?

— Нет,— равнодушно ответил матрос, — пошел к черту. Не смей касаться этих денег. Я запрещаю тебе это.

— Ну, это мы еще посмотрим! — вскричал провансалец и выхватил нож.

Нескольких слов, сказанных им на воровском жаргоне товарищам, было достаточно: в одну минуту вся шайка была на ногах — в руках у него-

дяев сверкнули ножи. Англичанин хладнокровно собрал деньги в кучу, скрестил руки, прислонился к стене и насмешливо спросил:

— Так вы на самом деле хотите убить меня?

— Молчи, хвастун! Ты раздразнил нас деньгами. Поделись с нами, или тебе не сдобровать! Идет, что ли?

— Нет. Наплевать мне на вас.

— Месть, друзья! — вскричал провансалец. Затем повернулся к матросу: — Погоди, я сверну тебе шею, и тогда добыча будет наша!

— Не горячись, голубчик,— спокойно сказал англичанин.— Ты, кажется, хочешь со мной подраться на ножах? Что же, я не прочь… Только, с твоего позволения, я буду драться вот этим оружием.

При этих словах он вынул из-за пояса крошечный, похожий на детскую игрушку, кинжал.

Все захохотали: в сравнении с длинными ножами, блестевшими в руках негодяев, этот кинжал казался иголкой.

— Ты, может быть, портной? — насмешливо спросил провансалец.— Нет ли у тебя другого в запасе?

— Шутки в сторону,— с презрением ответил матрос,— слушай, я предлагаю пари. Если ты

коснешься меня, то все эти деньги твои.

— Согласен! Дайте дорогу, друзья.

Столы и скамьи были сдвинуты в сторону, многие вскочили и с нетерпением ожидали занимательного зрелища. Лишь один хозяин глазом не моргнул: ему такие сцены были не в диковинку. Даже женщины были заинтересованы предстоящей дракой, глаза их разгорелись, и они осыпали англичанина насмешками.

Только один посетитель не принимал никакого участия в происходящем, он сидел в стороне, закрыв лицо руками. Длинные черные с проседью волосы опустились на глаза, матросское платье было изношено и порвано. Перед ним стояла бутылка с водкой, наполовину опорожненная: человек этот сидел неподвижно, не обращая ни на что внимания. Англичанин часто на него взглядывал и, казалось, даже хотел с ним заговорить — но тот ничего не замечал.

Провансалец с ножом в руке изготовился к драке — это был настоящий великан, с которым не каждый осмелился бы связаться.

Англичанин также поднялся с места и довольно спокойно смотрел на своего противника. Или он не сознавал опасности или же относился к ней несерьезно.

— Ты готов? — вскричал провансалец.

— Да, негодяй! — был ответ.

Нож сверкнул в воздухе — и с глухим криком провансалец упал: кинжал англичанина пронзил ему руку. Кровь брызнула фонтаном, когда матрос вынул из раны оружие; провансалец бешено прокричал:

— Я отплачу тебе за это, проклятый акробат!

Тяжело дыша, он отступил назад и швырнул нож матросу в лицо. Англичанин поймал его левой рукой. Теперь у него в левой руке был нож, а в правой — кинжал. Провансалец разразился проклятиями, вырвал нож у соседа и снова бросился на противника.

Англичанин дал ему подойти поближе, и когда провансалец хотел прыгнуть, отбросил нож и кинжал, схватил противника, поднял его в воздух и, как ребенка, швырнул на стоящий в стороне стол.

Провансалец заревел от бешенства, бутылки и стаканы полетели на пол. Разлетевшиеся осколки многих поранили. Великан разбил себе голову и вне себя заорал товарищам:

— Убейте его, канальи! Чего вы стоите и смотрите, ведь он доконает меня!

Толпа его друзей, меж тем, бездействовала.

Англичанин же, воспользовавшись минутным перерывом, одним прыжком оказался рядом с сидевшим в углу одиноким посетителем и положил ему руку на плечо.

— Встань,— крикнул он громовым голосом,— встань — во имя Мануэлиты!

Как пораженный электрическим током, посетитель вскочил, взглянул на англичанина и вскрикнул. Затем он бросился в толпу, двух-трех человек свалил с ног и бешено закричал:

— Вон отсюда, канальи! Кто коснется этого человека — того я убью!

При звуках его голоса все остолбенели.

— Жакопо! — послышалось кругом.— Какой черт его опять сюда принес? Теперь надо удирать подобру-поздорову. Смотрите, его глаза налились кровью, он снова взбесился!

Человек, которого называли Жакопо, знал, очевидно, силу своей власти над разгулявшейся толпой. Он отворил дверь и повелительно крикнул:

— Вон отсюда, или я снова вас всех погоню на галеры, где вам самое место!

— Мы уже уходим, простите,— тихо ответили бродяги и быстро удалились один за другим.

Провансалец остановился в дверях.

— А как же... насчет денег? — спросил он униженно.

— Выкинь деньги этим мерзавцам,— презрительно бросил англичанин.

Жакопо собрал в кучу золотые монеты и выбросил их на улицу, где тотчас же между бродягами завязалась отчаянная драка. Затем Жакопо запер дверь, задвинул засов и, упав на колени перед англичанином, сказал:

— Что прикажете, господин?

26. Мануэлита

Кто такой был Жакопо?

Много лет назад Эдмон Дантес, приговоренный к пожизненному заключению в замке Иф, ускользнул от тюремщиков; зашитый в мешок, вместо трупа его друга, аббата Фариа, он был погребен на кладбище замка Иф.

Кладбищем же для замка Иф служило море. Волны сжалились над несчастным: они приняли его в свои объятия и понесли навстречу генуэзскому кораблю, экипаж которого вскоре заметил тонущего.

— Держись! — крикнули ему матросы.

Собрав остаток сил, он ухватился за брошенный ему канат и затем потерял сознание. Когда он пришел в чувство, то увидел, что лежит на палубе; матросы с участием хлопотали над ним. Они напоили его ромом, растерли продрогшее тело. Матрос, первым заметивший его на воде, укрыл несчастного своей шерстяной курткой.

Этим матросом был Жакопо, рослый юноша, доверчиво и весело смотревший на свет Божий.

Когда Эдмон Дантес прибег к хитрости, чтобы остаться одному на острове Монте-Кристо, и с

этой целью инсценировал падение со скалы, опять-таки помощь ему оказал Жакопо.

Как-то Эдмон, смеясь, сказал ему:

— Кто знает, может быть, ты когда-нибудь будешь капитаном корабля! Твой земляк Бонапарт дошел же до престола!

Жакопо захохотал: каким образом он мог сделаться капитаном корабля? Матрос и тем был доволен, что служил на корабле: море заменило ему все…

Эдмон Дантес не позабыл Жакопо, ожидая случая вознаградить честного малого. Прошли годы. Граф Монте-Кристо вспомнил о смелом корсиканце. Он отыскал его и сказал:

— Помнишь ли ты матроса, которому ты некогда спас жизнь? Он предсказал тебе, что со временем ты сделаешься капитаном корабля.

Жакопо покраснел: он не забыл предсказания.

— Я знал этого матроса,— продолжал граф далее,— он поручил мне рассчитаться с тобой.

— Рассчитаться? — с недоумением спросил Жакопо.

— Да, ты мечтаешь о капитанстве, и мне поручено осуществить твою мечту.

— Вы не смеетесь надо мной?

— И не думаю, взгляни на море. Видишь эту

яхту?

— Превосходное судно!

— Очень рад, что тебе оно нравится; оно принадлежит мне, и отныне я назначаю тебя капитаном этой яхты.

Жакопо чуть не помешался от восторга, и вскоре яхта «Зимородок» под его командой курсировала по всем водам.

Когда граф отправлялся в Париж, где, как карающий судья, вмешался в судьбы семейств де Вильфора и Данглара, Жакопо получил отпуск или, вернее, временную свободу.

— Зачем вы отсылаете меня, господин? — спросил он печально.— Разве вы недовольны мной?

— Нет, Жакопо, но пока я не нуждаюсь в яхте: мне необходимо некоторое время пожить в Париже.

— Во всяком случае я всегда к вашим услугам, одно ваше слово — и я тут…

— Ты так думаешь? — с улыбкой спросил граф.

— Неужели, господин, вы не верите моему слову?

Граф серьезно спросил:

— У тебя есть тайна, Жакопо?

— У меня?

— Не отпирайся, твое лицо выдает тебя. Притом

разве ты не знаешь, что я всегда читаю в твоей душе?

Жакопо красный как рак, мял в руках шапку.

— Сказать ли тебе, что я прочел в твоем сердце?

— Господин…

— Я прочел там одно имя…

Жакопо вздрогнул и схватился за спинку кресла.

— Это имя — имя женщины…

— Господин, заклинаю вас, не произносите его. И без того я немало страдаю!

Лицо графа омрачилось.

— Жакопо,— сказал он строго,-я снисходителен к лицам, доверяющим мне, но достаточно беспощаден, когда вижу, что меня хотят обмануть. Я буду молчать, но в таком случае между нами все кончено. Прощай, ты больше никогда не увидишь меня!

И он повернулся, чтобы уйти.

Велика была власть этого загадочного человека над всеми, кто соприкасался с ним! Жакопо зарыдал: он не мог согласиться на вечную разлуку с графом.

— Говорите, господин, только не покидайте меня.

Граф улыбнулся.

— Ты совершенный ребенок,— кротко сказал он,— неужели нельзя говорить с тобой о любимой девушке только потому, что ты с ней разлучен навсегда?

— Как, господин, вам все известно?

— Выслушай меня, я скажу тебе, что я знаю. Там в Марселе, в Каталонском квартале, живет семья рыбака. Добрые честные люди, они сколотили себе порядочное состояние. Их десять человек: отец, мать, семеро сыновей… и одна дочь. Сказать ли тебе, Жакопо, как зовут красотку?

— Мануэлита,— прошептал Жакопо.

— Ты полюбил ее и обратился к ее отцу…

— Который выгнал меня, как нищего,— весьма мрачно перебил его Жакопо.

— Нисколько, он только сказал тебе, что не выдаст дочь за бедняка.

— Разве это не оскорбление? Точно все люди в мире должны быть богатыми?

— Но отец Мануэлиты еще кое-что сказал тебе? — спокойно спросил граф.

— О, да,— с горечью ответил Жакопо.— Он крикнул мне вдогонку: «Когда у тебя будет 20 тысяч франков, приходи — я соглашусь на твой брак с Мануэлитой!» Он надо мной посмеялся: где мне

взять такой капитал!

Жакопо, взбешенный, топнул ногой.

Монте-Кристо молча вынул из кармана листок и подал его моряку.

— Возьми,— спокойно сказал он.

— На что мне это, господин?

— Прочти, тогда узнаешь.

— Это чек за вашей подписью на 20 тысяч франков.

— Отправляйся к любому банкиру и получи деньги.

Жакопо с недоумением взглянул на графа.

— Прикажете вам их отдать, господин?

— Нет, не мне.

— Кому же, господин?

— Никому, оставь их себе. Ступай к отцу Мануэлиты и напомни ему о его обещании.

Жакопо остолбенел.

— Ты понял меня? — с улыбкой спросил его граф.

— Нет, господин… я, право, не понимаю.

— Эти деньги — твоя собственность, ты честно их заслужил.

— Я только исполнял свой долг и уже был вами щедро вознагражден.

— Да, за твою службу… но не за твою пре-

данность, отвагу и честность. Эти качества не оплачиваются деньгами, и я остаюсь у тебя в долгу.

— Господин, вы меня пристыдили.

— Не будем говорить об этом. Ступай и женись на Мануэлите и будь счастлив!

Жакопо с жаром поцеловал руку графа.

— Довольно, я не требую благодарности, я прошу лишь одного.

— Говорите, господин.

— Через несколько месяцев я вернусь в Марсель… и ты не захочешь ехать со мной.

— Как, господин, неужели вы полагаете, что я… клянусь вам…

— Не клянись. Ты все равно, став мужем Мануэлиты, забудешь свои клятвы.

Жакопо, пристыженный, опустил голову: он сознавал, что граф прав.

— Я требую от тебя лишь одного: во всякий день и час, если я прикажу тебе что-либо именем Мануэлиты, ты исполнишь это беспрекословно! Поклянись!

Жакопо поднял правую руку.

— Клянусь! — сказал он торжественно.

Через месяц Жакопо женился на Мануэлите. Он купил лодку, окрестил ее именем жены и занялся

ловом рыбы. Его дела пошли хорошо, и он был вполне счастлив.

Однажды приехал граф.

— Хочешь поехать со мной? — просил он, улыбаясь, у Жакопо.

Корсиканец покраснел.

— Успокойся, я пошутил… ты мне нужен лишь на короткое время.

Это было тогда, когда граф поручил молодому человеку передать свой прощальный привет Валентине и Максимилиану.

Затем «Зимородок» покинул Марсель, а оставшийся на берегу Жакопо чувствовал себя с того дня не в своей тарелке: ему показалось, что Мануэлита изменилась. Пошли смутные толки: стали говорить, что Мануэлита обманывает Жакопо, что она любит другого — его друга. Жакопо сначала не обращал внимания на эти сплетни. Но как-то вечером он увидел, как его жена поцеловала Парло, и понял, что люди говорили правду.

Он пересилил себя, затаил свое горе: ни один человек не должен был знать о том, что он замыслил месть…

Почему Мануэлита изменила мужу, столь горячо ее любившему? Никто не мог объяснить этого.

Жакопо решил мстить… В одно прекрасное утро он сказал жене:

— Сегодня отличная погода. Я отправляюсь на рыбную ловлю, не поедешь ли и ты со мной? Я позвал также и нашего друга Парло.

Мануэлита просияла. У Жакопо сердце облилось кровью, но он не подал вида и спокойно добавил:

— Я пока приготовлю лодку и сети…

Он ушел. Возвращаясь, он мельком взглянул в окно: Мануэлита лежала в объятиях Парло.

У несчастного потемнело в глазах… Десять минут спустя Жакопо вошел в комнату; лицо его было спокойным и не выдавало переживаемых мук.

— Вы готовы? — спросил он небрежно.

— Да,— ответила Мануэлита.

— Так идемте.

Машинально дошел Жакопо до взморья и, садясь в лодку, через силу поцеловал преступную жену, подставившую ему свои губки.

Лодка тихо скользила по волнам Средиземного моря. Парло любовался Мануэлитой, а Жакопо не спускал глаз с небольшого облачка, показавшегося на горизонте.

Корсиканец поставил все паруса: вскоре берег

скрылся из вида. Туча приближалась, слышались отдаленные раскаты грома.

— Кажется, поднимается ветер… будет буря,— боязливо заметила Мануэлита.

— Не бойся, я с ней справлюсь, — беззаботно ответил корсиканец и начал закидывать сети.

Ветер крепчал, блеснула молния, загремел гром. Небо покрылось лохматыми тучами. Жакопо забрасывал сети, вытаскивал их пустыми и временами мрачно поглядывал на счастливую парочку.

Вдруг сильный порыв ветра сорвал парус с фок-мачты, за ним оборвался другой парус, наклонилась и сама фок-мачта.

Мануэлита вскрикнула. Парло же со страхом воскликнул:

— Жакопо, мы погибаем!

Мануэлита упала на колени и стала молиться. Буря свирепела. Жакопо взял топор и одним взмахом срубил бизань-мачту. Она свалилась в море, и лодка, как скорлупка, запрыгала на волнах. Жакопо срубил и вторую мачту. Мануэлита совершенно растерялась и бросилась на шею своему возлюбленному:

— Спаси меня, спаси меня, Парло!

Жакопо снова поднял топор и начал прорубать

дно лодки. Тогда Парло все понял.

— Остановись, Жакопо! — с отчаянием воскликнул он, кинувшись к корсиканцу.

Жакопо занес топор над его головой. Парло отшатнулся. Корсиканец снова принялся за работу; раздался треск — и лодка наполнилась водой, хлынувшей в отверстие…

— Ты губишь нас, Жакопо,— в ужасе закричал Парло.

Бледное лицо Жакопо вспыхнуло, он бросился на Парло и опрокинул его на дно лодки.

— Мануэлита! — крикнул он голосом, заглушившим рев бури.— Будь счастлива со своим любовником, проклятая изменница!

Мануэлита услышала эти слова, увидела, как волны заливают лодку, увидела мужа, который душил Парло, и поняла все.

Вода заполнила лодку почти до бортов, когда Жакопо со злорадным смехом оттолкнул соперника… Парло был мертв!

Мануэлита с мольбой подняла руки к небу — последний крик… хриплый смех, и лодка скрылась под водой.

На следующее утро один из рыбаков-соседей заметил на взморье выброшенное водой тело. Он подбежал к нему и узнал Жакопо.

Тот был еще жив. Его отнесли домой, привели в чувство, и через несколько дней Жакопо поправился, но не совсем… несчастный сошел с ума!

Два дня спустя нашли трупы Мануэлиты и Парло. Теперь всем стало понятно, отчего помешался Жакопо: в один день он лишился жены и друга!

Помешательство его было тихим. Часами сидел он на взморье и смотрел на волны, как бы ища чего-то.

Однажды он так же сидел на берегу во время сильной бури. На море показалась шлюпка; сидевшие в ней двое мужчин и женщина отчаянно боролись с волнами. Жакопо вдруг вскочил и, как ужаленный, бросился в воду, доплыл до шлюпки и спас утопавшую женщину. Мужчины же погибли.

Собравшийся на берегу народ восторженно приветствовал смельчака. Жакопо наклонился над спасенной им женщиной и, когда она открыла глаза, с грустью прошептал:

— Это не она!

С этого дня рассудок его несколько прояснился. Он по-прежнему бродил по взморью и во время бурь спасал утопающих. Не проходило недели без того, чтобы Жакопо не спас кого-нибудь. Прибрежные жители обожали его, и малейшее

его слово было для них законом. Мало-помалу Жакопо припомнил все, и чтобы заглушить свою тоску, стал искать утешения в вине.

В этом-то состоянии и нашел его «англичанин», в котором читатель, без сомнения, узнал графа Монте-Кристо. Жакопо тоже узнал своего обожаемого господина и ожил…

— Жакопо, ты много выстрадал,— с сокрушением сказал граф.

Корсиканец горько рыдал.

— Давно ли я видел тебя счастливым, теперь же ты уничтожен, разбит душой и… одинок!

Жакопо молчал — слезы душили его.

— Ты убил Мануэлиту? — шепотом спросил граф.

— Да,— ответил Жакопо.— Я убил ее!

— И ты раскаиваешься?

— Как сказать? Право, не знаю. Я долгое время был сумасшедшим… мне тогда было легче… теперь же сознание моей вины убивает меня! Я хотел было наложить на себя руки, но на это у меня не хватает духа. О, проклятая трусость! Кто спасет меня от самого себя?

— Я,— серьезно сказал Монте-Кристо,— и с этой целью я явился сюда. Ты совершил преступление… Не тебе было дано карать виновных. Но тем

не менее ты можешь искупить вину свою — делая добро! Я нарочно рассыпал здесь свое золото, полагая, что и ты соблазнишься им. К счастью для нас обоих, ты остался честным человеком. Теперь слушай: ты хочешь поехать со мной?

Жакопо вздрогнул.

— Вы хотите, чтобы я покинул Марсель и расстался с морем, поглотившим ее? Хотите отнять у меня последнее утешение?

— Я явился сюда, Жакопо, потому, что ты мне необходим. Я иду на серьезное дело, отправляюсь в далекие страны, где на каждом шагу опасность, и я рассчитываю на тебя. Неужели я ошибся?

Вместо ответа Жакопо поцеловал руку графа.

— Благодарю вас, господин,— прошептал он,— я ваш душой и телом!

— Я в этом никогда не сомневался.

— Когда мы отправляемся?

— Завтра на рассвете. Приходи на яхту.

— Я буду там.

— Полагаюсь на твое слово — и верь, что Бог простит тебя, когда ты спасешь жизнь ближнего. До свидания!

Монте-Кристо вышел из кабачка. Жакопо долго смотрел вслед графу, в его глазах блеснула надежда.

27. Прихоть богатой девушки

Между тем мисс Клари и гувернантка бешеным галопом неслись по направлению к Марселю. Г-жа Караман была не особенно довольна этой поздней верховой прогулкой, о цели которой она ничего не знала.

— Послушайте, Клари, куда это мы с вами скачем в ночную пору? И что бы на это мог сказать ваш отец?

— Не беспокойтесь — я отвечаю за все.

— Даже если мы свернем себе шеи?

— Даже и тогда.

Они доехали до города, и Клари повернула на улицу Ноаль, где остановила лошадь перед большим и роскошным домом.

Гувернантка, наконец, поняла, в чем дело.

— Вы, кажется, собираетесь сделать визит банкирам «Мортимер и К»? — сказала она с удивлением.— Немного поздновато, и вряд ли теперь касса будет открыта.

Вместо ответа Клари приказала груму сойти с лошади и постучать в ворота. Джон исполнил приказание своей госпожи.

— Послушайте, Клари! — вскричала гувернант-

ка.— Там в доме… танцуют!

Действительно, из дома слышались звуки музыки и в освещенных окнах мелькали тени гостей.

Швейцар отворил ворота.

— Что прикажете, сударыня? — спросил он.

— Доложите вашему господину,— повелительно сказала Клари, — что мне необходимо сейчас же с ним переговорить.

— Это невозможно — контора закрыта и откроется лишь завтра в восемь утра.

При этих словах швейцар хотел захлопнуть ворота, но этому помешал Джон, по знаку госпожи продвинувший свою лошадь вперед.

— Попросите своего господина немедленно пожаловать сюда, — сказала мисс Эллис.

— Извините, сударыня, сегодня у нас в доме большой бал: господин Мортимер справляет свадьбу своей дочери, и если вы приехали по приглашению…

— Нисколько… я приехала по делу.

— Извините, но в таком случае я никак не могу вас допустить.

— Так я сама проеду. Посторонитесь! Дайте мне дорогу!

В одну минуту Клари и гувернантка въехали в

сени, где прислуга хотела их задержать, но Клари махнула хлыстом — и обе дамы верхом поднялись по лестнице.

В зале оркестр играл ритурнель кадрили. Пары заняли свои места. Вдруг портьера на двери поднялась, и из-за нее показалась голова лошади.

Хозяйка дома вскрикнула, господин Мортимер остолбенел.

Собственно говоря, пугаться было нечего — на этой лошади сидела прехорошенькая из наездниц. Но гости г-на Мортимера были окончательно поражены, когда в дверях показалась вторая лошадь, на которой сидела г-жа Караман.

«Неужели,— подумал банкир,— я, сам того не зная, устроил у себя дома манеж?»

— Господин Мортимер,— сказала Клари, вежливо поклонившись банкиру,— пожалуйте на минутку сюда. Мне необходимо с вами переговорить.

Мортимер не отвечал и машинально смотрел, как лошадь Клари рыла копытом дорогой бархатный ковер, а лошадь г-жи Караман между тем окончательно забыла всякие приличия…

— Подойдите же сюда, господин Мортимер,— повторила Клари.

Банкир решительно подошел и узнал мисс

Клари Эллис.

В один миг к нему вернулось самообладание.

Он хорошо знал, что молодая девушка владела состоянием в миллион фунтов стерлингов, и поэтому склонился перед ее капризом.

Забыв о лошадях, о недоумении гостей, он спросил самым вежливым тоном:

— Чем могу служить?

— Мне необходимо безотлагательно поговорить с вами.

— К вашим услугам, не угодно ли вам пожаловать ко мне в кабинет?

— Позвольте мне сначала сойти с лошади.

Банкир любезно помог обеим дамам сойти с лошадей и провел своих неожиданных гостей в кабинет, между тем как дворецкий распорядился, чтобы лошадей отвели в конюшню.

Клари извинилась перед банкиром за свое «оригинальное» вторжение.

— Обладательница такого состояния, как ваше, сударыня, может позволить себе почти все,— любезно ответил банкир.

— Благодарю вас, в данном случае мне, действительно, пришлось идти напролом. Но перейдем к делу, мне необходимо получить деньги.

— Сколько прикажете?

— 250 тысяч франков.

— Это безделица, завтра утром вы их получите.

— Мне они необходимы немедленно!

— Это невозможно: касса уже закрыта.

— Прикажите ее открыть!

— Это противоречит правилам фирмы.

— Сделайте исключение, в противном случае я переведу все мои капиталы, находящиеся у вас, господам Брадвуду и Коми.

Последняя фраза подействовала на банкира. Он написал записку, позвонил и приказал вошедшему слуге передать ее господину Эдвардсу.

— Ваше желание будет тотчас исполнено, сударыня,— сказал он. — Чем я еще могу быть вам полезным?

— Еще вот что: завтра на рассвете я уезжаю в Алжир.— Гувернантка при этом широко раскрыла глаза.— Потрудитесь для этого снарядить корабль.

— Вы требуете невозможного. Откуда я ночью достану его?

— Это ваше дело, даю вам пять минут на размышления.

Банкир совершенно растерялся.

— Извините меня, но я, право, не могу…

— В таком случае, прощайте, я обращусь к гос-

подам Брадвуду и Коми.

— Повторяю вам, что вы требуете невозможного.

— На свете нет ничего невозможного, прощайте!

Она направилась к двери, гувернантка же вздохнула свободнее: нелепому намерению ее воспитанницы, очевидно, не суждено было осуществиться.

— Позвольте, сударыня,— простонал банкир, помнивший угрозу Клари обратиться за содействием к его конкуренту,— я не обещаю, но постараюсь…

— Достать мне корабль, который я могла бы купить, а также найти капитана и экипаж?

— Да…

— — Отлично, в таком случае распорядитесь — я дорожу каждой минутой.

— Позвольте,— вмешалась в разговор гувернантка,— я этого не допущу, я обязана перед лордом Эллисом…

— Дорогая моя,— сказала Клари, обнимая ее,— но я этого желаю, и мы едем завтра.

Г-жа Караман покорилась своей участи.

В эту минуту вошел Эдвардс и вручил банкиру пачку банковских билетов.

— Здесь ровно 250 тысяч франков, которые вы требовали,— сказал он.

— Мой милый Эдвардс,— обратился банкир к молодому человеку (это был жених его дочери),— что, господин Бартон здесь?

— Да, он танцует.

— Пусть он подойдет сюда.

Решительность Клари подействовала на банкира. Можно ли было думать о кадрили, когда дело шло о миллионах?

Эдварде церемонно поклонился и вышел.

— Кто этот господин Бартон? — поинтересовалась Клари.

— Единственный человек, способный, по моему мнению, уехать с бала для того, чтобы снарядить корабль. Но только эта фантазия обойдется вам недешево!

— Все равно. Еще одно слово, господин Мортимер: с давних пор вы пользуетесь доверием нашего семейства. В случае, если я не вернусь из Алжира, уполномочиваю вас распорядиться моим состоянием.

Банкир молча поклонился и вынул свою записную книжку. Клари сообщила ему необходимое, и господин Мортимер все в точности записал. Вошел Эдвардс.

— Господин Бартон здесь,— сказал он и удалился.

Вошедший был громадного роста и походил на настоящего моряка.

Клари взглянула на него с любопытством.

— Вы англичанин, господин Бартон? — спросила она.

— Нет, сударыня, я американец, родом из Балтимора.

— Прекрасно. Вы — хозяин корабля?

— Да, и, к слову сказать, мой «Крокодил» — настоящая жемчужина.

— Продайте мне ваш корабль… Сколько вы за него возьмете?

— Ничего, сударыня, я никогда не продам его!

Американец зашагал по кабинету.

— Я даю вам сто тысяч франков.

Бартон молчал.

— Сто двадцать тысяч…

Моряк отрицательно покачал головой.

— Сто пятьдесят тысяч франков!

Бартон остановился.

— Дельце не безвыгодное,— заметил Мортимер.

— При продаже вы не расстанетесь с вашим кораблем,— продолжала Клари,— так как, в случае

согласия, я назначу вас его капитаном.

— Черт возьми… я согласен.

— Отлично. Деньги вы сейчас получите от господина Мортимера.

— С удовольствием, когда все будет обговорено, как следует, — заметил осторожный банкир.

— Вашу руку, сударыня! — весело воскликнул гигант.— Я согласен!

Клари подала ему руку и сказала:

— Капитан, прикажите тотчас же развести пары на «Крокодиле»!

— Теперь, ночью? Но я здесь танцую кадриль…

— Забудьте о ней пока. Вы — капитан принадлежащего мне корабля, и поэтому…

— Вы правы, я не столько забочусь о кадрили, сколько о недопитом мною стакане превосходного коньяка.

— Господин Мортимер снабдит вас несколькими бутылками на дорогу.

— С удовольствием,— сказал банкир.

— Итак, дело кончено. Когда восходит солнце?

— В шесть часов тридцать минут.

— Отлично… завтра в семь часов мы снимается с якоря!

— Будет исполнено. Вы приобрели славный корабль, хорошего капитана, опытного штурмана,

восемь ловких матросов, и между ними я самый маленький. А когда вы увидите мою жену…

Американец вообще пришелся по вкусу Клари. Бартону тоже понравилась молодая и отважная девушка, и он жалел лишь об одном: что она не американка.

— А куда именно мы отправляемся, командор? — спросил внезапно Бартон.

— В Алжир, капитан. Но до отъезда я должна обратить ваше внимание на один пункт.

— Говорите, командор.

— Заметили ли вы в гавани яхту, на флаге которой изображена золотая гора на красном фоне?

Бартон приложил палец ко лбу и затем небрежно ответил:

— Вы говорите об ореховой скорлупке, называемой «Зимородком»?

— Да.

— Это не яхта, а игрушка.

— Вы не считаете ее годной к плаванию?

— Этого я не скажу, но я берусь опрокинуть ее пальцем. Вот когда вы познакомитесь с моим «Крокодилом»…

— Позвольте, дело в том, что «Зимородок» — эта, по вашим словам, ореховая скорлупка — уходит в море одновременно с нами и направляется тоже в

Алжир. Узнайте, прежде всего, где она пристанет к берегу: в Боне или в другом месте.

— Будет исполнено.

— Очень хорошо, но это еще не все. Где бы они, то есть «Зимородок», не приставали, вы должны пристать там же. Возможно это?

— Мой «Крокодил» обгоняет птицу на лету, и вашим вопросом я отчасти обижен.

— Советую вам не слишком пренебрегать маленьким противником,— смеясь, сказала Клари.

— Пусть он мне не попадается на дороге, я его утоплю! — вскричал возбужденный капитан.

— Это лишнее. Прощайте, господа! И до свидания, капитан.

— До свидания, и, черт меня побери, если я завтра в шесть утра не буду на месте!

28. Мальдар

В роскошно обставленном будуаре сидели Гайде и Мерседес, у ног графини, на ковре, расположился Сперо.

Обе женщины говорили только о своих сыновьях: кто мог сказать, какая судьба ожидала Альбера и Сперо?

Гайде была счастливее своей новой подруги — она вверяла сына отцу и знала, что ее обожаемый муж будет охранять ребенка как зеницу ока.

Мерседес же с заботой и печалью смотрела в будущее. Если Альбер погиб, жизнь теряла для нее всякий смысл. К чему же причинять горе еще и другой матери? Мерседес не один раз порывалась сказать ей: «Оставь своего сына у себя, зачем тебе испытывать такое горе, какое теперь испытываю я?»

И если бы она сказала это, быть может, Гайде, упав к ее ногам, поблагодарила бы ее.

Пробило шесть часов утра. Дверь тихо отворилась и вошел Монте-Кристо.

Сперо подошел к отцу, который с нежностью обнял его и спросил:

— Ты готов, сын мой?

— Да, батюшка,— спокойно ответил Сперо.— Куда бы ты ни пошел, туда же пойду и я.

Гайде вытерла слезы, обняла мужа и прошептала:

— Итак, я сразу теряю вас обоих!

— Нас тебе на время разлуки заменит Мерседес,— сказал граф, и, обратившись к испанке, продолжал.— Ты видишь, что при исполнении долга меня не останавливают никакие жертвы. Для того чтобы утешить мать, я разлучаю другую мать с ее единственным ребенком. Полюби мою Гайде и не покидай ее до нашего возвращения!

— Клянусь! — торжественно сказала Мерседес, обняла свою новую подругу и твердо добавила:

— Время еще не ушло. Скажите мне, Гайде: «Мой муж и мой сын должны остаться здесь со мной», и я покорюсь этому.

— Ты слышала, Гайде? — сказал Монте-Кристо, внимательно всматриваясь в дочь Али-Тебелена,— что ответишь ты на это?

Чудесное личико Гайде просветлело. Она обняла Сперо и подвела его к отцу.

— Будь достоин его! — прошептала она с волнением.

Мерседес, рыдая, упала к ее ногам и воскликнула:

— О, я снова увижу своего сына... теперь я это знаю и чувствую.

* * *

Все приготовления к дальнему путешествию были окончены. Граф, как всегда, подумал обо всем. Мерседес и Гайде проводили путешественников до гавани. Там граф и Сперо сели в лодку и направились к яхте. Женщины держались спокойно и, стоя на берегу, махали платками.

На яхте графа встретил Жакопо. Казалось, это был совершенно другой человек, в его глазах светился прежний огонь.

— Ты все осмотрел и все нашел в порядке на яхте? — спросил граф.

— Да, господин.

— Люди наняты?

— Да, я завербовал десять надежных матросов. Они уже не раз бывали в Африке, и я за них ручаюсь.

— Отлично! А, и ты здесь, Кукушка? — обратился граф к стоящему за корсиканцем зуаву. Тот взял под козырек:

— Явился по приказанию, командир.

Яхта была совершенно готова к отплытию. «Крокодил» — тоже. Бартон не сомневался в том,

что он перегонит яхту, и весело потирал руки.

На всех башенных часах Марселя пробило семь. Граф и Сперо еще раз взмахнули платками, прощаясь с Гайде и Мерседес. Монте-Кристо дал знак к отплытию.

Прогремело громкое «ура», и яхта вышла в море — навстречу неизвестному и неверному будущему…

Монте-Кристо, стоя на палубе, прощался с Францией, где оставалась обожаемая им жена, с которой он расстался для выполнения священного долга.

— Пойдем, Сперо, в каюту,— обратился он к сыну,— я должен рассказать тебе об опасностях, которые нас ожидают.

Отец и сын спустились в каюту.

Вдруг на палубе послышался шум, и граф прислушался. Что-то тяжелое с грохотом скатилась по трапу. Отворив дверь, Монте-Кристо увидел зуава, который боролся на полу с каким-то неизвестным.

Оба встали, ворча. Зуав держал за горло незнакомца, лохмоться которого, темнокоричневое худощавое лицо, тонкие руки с пальцами, похожими на когти, производили отвратительное впечатление, лишь слегка смягчаемое взглядом

его черных глаз, наполовину скрытых густыми ресницами.

Сержант встряхивал незнакомца, и даже когда граф строго крикнул: «Что это значит, Кукушка?», не выпустил его из рук.

— Командир,— сказал, задыхаясь, зуав,— я знаю, что нарушил корабельную дисциплину, но увидав этого мерзавца, я право, не выдержал. Посмотрите только, господин, что за рожа у этого висельника?

Граф еще раз приказал сержанту освободить странного человека и испытывающе посмотрел на него. Незнакомец плотно закутался в свой изодранный бурнус, костлявой рукой придерживая его на груди. Его глаза беспрестанно бегали по сторонам, а тонкие губы были плотно сжаты.

— Где ты нашел этого человека? — спросил граф зуава.

— В трюме, рядом с кочегаркой. Как только он там не изжарился!

Лицо графа омрачилось, Монте-Кристо был поражен величавой осанкой незнакомца, заставляющей забыть о его лохмотьях.

— Кто ты такой? — спросил он.

Ответа не последовало, очевидно, незнакомец не понял вопроса.

Граф повторил эту фразу на арабском языке, стоящий перед ним человек вздрогнул и униженно ответил:

— Я бедный человек.

— Каким образом ты проник на корабль?

Араб молчал, но в глазах его сверкнула молния. Монте-Кристо не сводил с него глаз; он старался что-либо прочесть на неподвижном лице араба и скоро понял, что имеет дело с хитрым обманщиком. Кем был этот незнакомец и с какой целью проник он на корабль?

Или он действительно беден и, не имея средств, забрался на яхту, чтобы вернуться на родину, или же он — шпион?

Граф не мог разрешить этих вопросов. Незнакомец был и оставался для него загадкой, и он не знал, как поступить с ним.

— Ты был во Франции? — спросил он внезапно араба.— Как ты туда попал?

— На корабле под флагом твоей нации.

— Давно это было?

— Горе тому, кто считает дни и часы!

— Почему ты не обратился ко мне? Может быть, ты боялся, что я не возьму тебя на корабль?

Араб покачал головой с неподражаемым величием.

— Неужели я должен был просить? — презрительно спросил он.

— Что будет с тобой, если я велю высадить тебя в лодку?

— Аллах велик!

Кукушка сжал кулаки: он знал арабский, и из слов незнакомца инстинктивно понял, что видит перед собой врага. Он охотно выбросил бы араба за борт и даже подошел к нему, но Монте-Кристо, догадавшись о его намерении, остановил зуава.

— Ступай,— обратился он к незнакомцу.— Отдавшись в мои руки, ты поступил неблагоразумно, тем не менее я не нарушу правил гостеприимства. Будь здесь как у себя дома, и пока эта яхта моя собственность, никто не тронет тебя пальцем. Ступай!

Затем граф сказал зуаву:

— Этот человек — мой гость… помни это!

Араб поблагодарил графа по обычаю своей родины, то есть приложил руку ко лбу и стал подниматься по лестнице.

— Еще один вопрос,— крикнул ему вслед граф.— Как твое имя?

— Мальдар.

— Ты сказал, что ты беден, между тем твое имя означает богатство.

— Человек, хранимый аллахом, всегда богат,— глухим голосом возразил араб.

— Ну, ты у меня берегись,— пробормотал Кукушка.— Как есть, настоящий висельник!

29. Тайна мисс Клари

Вернувшись домой, Клари предложила гувернантке немедленно приготовить все к отъезду.

Г-жа Караман неохотно повиновалась: путешествие в «страну обезьян», как она называла Алжир, казалось ей безумством, но для неповиновения у нее не было ни духу, ни времени. Клари хлопотала за десятерых, и в четвертом часу утра вещи были уложены и все было готово к отъезду.

Затем Клари позвала грума.

— Джон,— сказала она,— прикажите заложить дорожную карету.

— Слушаюсь, миледи.

— Распорядитесь, чтобы на верх кареты были поставлены все сундуки и чемоданы.

— Слушаюсь, миледи.

— Мы уезжаем из Марселя.

— Слушаюсь, миледи.

— Кучер вернется с каретой домой, но вы поедете с нами.

— Слушаюсь, миледи.

— Мы едем в Алжир, немедленно приготовьтесь к отъезду.

— Слушаюсь, миледи.

Если бы Клари сказала Джону, что они едут на Луну, он и тогда ответил бы: «Слушаюсь, миледи», просить объяснений он не привык.

Минут пять спустя карета стояла у подъезда, и прислуга стала выносить чемоданы.

— Итак, мы в самом деле едем в Алжир,— со вздохом сказала гувернантка.— Напрасно я уступила вашему капризу, Клари… Подумайте только, что будет, если с вами случится несчастье? Во-первых, я не переживу удара, потому что люблю вас, как родную дочь, а во-вторых, что я тогда скажу вашему батюшке, какой я дам ему отчет?

— Дорогая моя,— возразила Клари,— в ваших словах очень много участия ко мне, но очень мало логики. Если я погибну, и вы, как сейчас сказали, этого не переживете, то будете избавлены от ответственности перед моим отцом.

— А если я не поеду с вами?

— Я пожалею об этом, но намерения своего не изменю. Я молода, сама себе госпожа и имею громадное состояние. Дайте же мне им воспользоваться. Вы научили меня делать добро ближним. Не бойтесь, я не забыла ваших бедняков и на время поручила их господину Мортимеру.

— У вас золотое сердце! — прошептала госпожа

Караман.

— Пойдем дальше: я не трусиха, здорова, богата и до сих пор не имела цели в жизни, не принесла пользы ни себе, ни другим. Кто меня любит?

— Милая Клари! — перебила ее гувернантка и зарыдала.

— В вашей привязанности ко мне я никогда не сомневалась, и слова мои относились лишь к моей семье. Почему не любят меня отец и брат — не знаю, но чувствую, что в моей жизни недостает чего-то…

— И для того, чтобы отыскать это «что-то», вы едете в Алжир?

— Может быть. Кроме того я еду туда из участия в добром деле, я…

Гувернантка пристально посмотрела на молодую девушку, та покраснела, опустила глаза и продолжала с некоторым смущением:

— Дело идет о Мерседес, которую мы обе так любим. Бедняжка оплакивает своего сына, и я бы хотела по возможности также участвовать в том, чтобы возвратить его матери… Что же вы молчите? Неужели не сочувствуете моему намерению, моей попытке сделать то. за что взялись… другие?

— Вы говорите о графе Монте-Кристо? — спо-

койно спросила гувернантка.

Клари вспыхнула, она не хотела произносить этого имени, но ее честная натура не выдержала, и она прошептала:

— Да, я взяла графа за образец.

— И за этим образцом вы следуете в Африку?

— Он едет туда на доброе дело, мне же здесь, право, скучно, и я следую за ним.

— Я сдаюсь,— с улыбкой ответила гувернантка,— с Богом в дорогу, дитя мое. Господь да сохранит нас!

Они сели в карету и поехали в гавань.

Дорогой Клари тихо плакала, гувернантка не спрашивала ее о причине этих слез.

— Была и я молода,— шептала она про себя,— и если бы мне теперь скинуть с плеч годков двадцать, я сама бы, пожалуй, влюбилась в этого графа Монте-Кристо.

Отгадала ли г-жа Караман тайну Клари?

30. Американское пари

Свое слово Бартон сдержал. Когда около семи часов Клари подъехала к гавани, то увидела десятерых матросов-великанов с капитаном во главе. Все они приветствовали свою молодую госпожу громким «ура». Бартон гордо сказал:

— Вы видите, миледи, что я был точен?

— Я вполне рассчитывала на вас,— ответила Клари.

— Благодарю за доверие, миледи, а теперь позвольте мне представить вам моих, или точнее говоря, ваших людей.

— Сделайте одолжение, капитан.

— Отлично! Пожалуйста, один за другим по порядку. Первый номер — Сэм, роскошный экземпляр: пять лет был золотоискателем в Калифорнии, где нажил состояние, впрочем, имеет слабости, и потому разорился.

Сэм подошел и поклонился. Казалось, он нисколько не горевал о потерянных миллионах.

— Номер второй — Боб, последний из флибустьеров. Кланяйся, Боб. Номер третий — это Трик, прежде торговал неграми, но ликвидировал свое дело: товар этот сильно упал в цене. Номер чет-

вертый — Петр, чуть не попал на виселицу, так как застрелил таможенного досмотрщика. Должен прибавить, впрочем, что этот таможенник держал себя в данном случае крайне неделикатно и вообще вполне заслужил свою участь.

— Понимаю,— со смехом сказала Клари.

— Номер пятый, шестой и седьмой — три брата: Падди, Садди и Тадди, уроженцы зеленой Ирландии, которую они покинули, потому что им там нечего было есть. Номер восьмой — Мок, старый ирокез, который в настоящее время охотнее ест бараньи отбивные, чем бифштексы из человеческого мяса. И в заключение номер девятый — Развиль... По его распоряжению в течение одного месяца был выстроен целый городок, который он, впрочем, за одну ночь проиграл в карты. Все они хорошие, надежные ребята, й если им платить хорошее жалование, то они пойдут за вас в огонь и в воду, притом никого не обидят. Ну, детки, еще раз крикнем «Ура!» в честь нашей госпожи, а затем в дорогу!

Здания в гавани задрожали, когда приветствие загремело в воздухе. Несмотря на сомнительное прошлое матросов, Клари была спокойна, зная, что Бартон не позволит им выйти из границ дисциплины.

— Скажите, капитан,— обратилась она к Бартону, наблюдавшему в это время за погрузкой багажа,— были у вас в жизни приключения? И еще, я хотела бы познакомиться с вашей женой.

— Вы очень добры, миледи. Должен вам сказать, что госпожа Бартон — это настоящая жемчужина в своем роде. Она была вдовой, когда я на ней женился.

— В самом деле?

— Да,— спокойно продолжал Бартон,— первого ее мужа я съел… хороший был человек.

Капитана в эту минуту зачем-то отозвали и потому он не заметил смущения молодой девушки. Клари боязливо оглянулась на гувернантку, но так как та, к счастью, ничего не слышала, она успокоилась.

Карета была отослана домой. Кучеру и прочей прислуге велено было остаться на вилле до возвращения своей госпожи. Затем Клари, г-жа Караман, капитан и Джон сели в лодку, украшенную желто-золотистыми вымпелами, и шлюпка понеслась по волнам.

— Что означает цвет этих вымпелов, капитан? — с любопытством спросила Клари.

— Простите великодушно, миледи, ввиду того, что у вас, новой владелицы «Крокодила», золо-

тисто-желтые волосы, я позволил себе выкинуть флаги такого цвета.

— Вы очень любезны, капитан,— заметила гувернантка.

Шлюпка приблизилась к «Крокодилу», который действительно был превосходным кораблем. В эту минуту на палубе показалась высокая худощавая фигура.

— Г-жа Бартон,— с гордостью сказал капитан.

При взгляде на жену капитана Клари и гувернантка ужаснулись. Лицо этой барыни было медно-красного цвета, обильно намасленные волосы свиты в пучок, огромный рот не скрывал больших желтых зубов, а длинный острый нос имел на конце сквозную дыру. Огромные оттопыренные уши были украшены широкими золотыми кольцами, на каждом ухе по три, при каждом движении «красавицы» раздавался звон. Костюм г-жи Бартон вполне соответствовал ее своеобразной наружности: он состоял из доходившей до щиколотки темно-красной блузы, перехваченной у пояса золотым поясом. Глубокий вырез на груди обнажал ее медно-красную кожу. Широкие в ступнях ноги были обуты в сандалии из оленьей кожи.

Несмотря на отталкивающее безобразие г-жи

Бартон, которую звали нежным именем Лилли, муж, любовно глядя на жену, с гордостью представил ее мисс Клари и г-же Караман.

Когда они взошли на палубу, г-жа Бартон поспешила им навстречу. Оскалив зубы, она приветствовала дам — голос ее был похож на карканье вороны — и пригласила их спуститься в приготовленную для них каюту.

Клари и гувернантка полагали, что обстановка каюты будет достойна капитанши, и поэтому были крайне удивлены, когда вошли в роскошный будуар, устланный мягкими коврами и обставленный мебелью из розового дерева.

— Прошу госпожу извинить,— закаркала Лилли,— времени было немного, и поэтому я не смогла все как следует устроить.

— Неужели? — воскликнула изумленная Клари.— Вы все это устроили в одну ночь?

— Да, госпожа. Капитан приехал на корабль после полуночи, и Лилли купила в марсельских магазинах все, что нашлось лучшего.

Мисс Клари показалось, что она попала в сказку из «Тысячи и одной ночи», а гувернантка пришла в восторг, найдя на полках библиотеки сочинения своего любимого романиста — Александра Дюма.

Действительно, капитан и его жена ночью отправились в магазины и заставили хозяев отпереть их. Когда торговцы убедились, что за все можно взять втридорога, они с полной любезностью удовлетворили все требования Бар-тона и его краснокожей супруги.

Лилли предложила дамам считать ее горничной, и, к их удивлению, оказалось, что дикарка по ловкости и умению не уступит любой парижанке.

Вошел Бартон и сказал:

— Миледи, десять минут тому назад снялся с якоря «Зимородок» и пять минут спустя его примеру последовал «Крокодил».

— Отлично! Я вообще не желаю, чтобы на яхте думали, что мы следуем за ними. Вы беретесь перегнать ее?

— Будьте спокойны на этот счет, миледи. Яхта идет в Бон, первое время я буду держать курс чуть правее, чтобы нас не заподозрили в погоне, затем изменю его, и когда «Зимородок» дойдет до Бона, «Крокодил» уже будет там. А теперь позвольте пригласить вас к завтраку.

Все прошли в столовую, устроенную между деками. На столе, накрытом на два прибора, блестело тяжелое серебро и стояли изящные

фарфоровые вазы, наполненные цветами. Вся комната, обставленная красивыми жардиньерками, напоминала теплицу.

— Какая прелесть! — в восхищении воскликнула Клари.— Вы просто волшебник, капитан!

— Я тут ни при чем: здешняя волшебница, или, говоря точнее, ангел-хранитель «Крокодила» — моя жена.

Лилли стыдливо улыбнулась и пригласила дам к столу.

— Прикажите подать еще два прибора,— сказала Клари,— прошу вас, капитан, и вас сударыня, откушать вместе с нами.

Бартон не соглашался, но Клари настояла на своем. Лилли позвонила, Падди и Садди, облаченные во фраки, моментально принесли два прибора, и все уселись за стол.

Завтрак, сервированный на английский манер, состоял из яиц, ветчины, холодного жаркого, чая и кофе. Все кушанья были приготовлены на славу, и когда Клари поинтересовалась о поваре, то оказалось, что кухней заведовал Петр, тот самый, что нечаянно застрелил таможенного чиновника.

В конце завтрака г-жа Бартон встала и попросила позволения уйти, сказав, что ей необходимо присмотреть за хозяйством.

— Моя Лилли — настоящая жемчужина,— повторил капитан.

— Вы, кажется, очень привязаны друг к другу? — спросила Клари..

— Да, миледи. Двадцать лет мы живем с ней неразлучно, у нас слишком много общих неизгладимых воспоминаний.

— Если не ошибаюсь, вы сказали раньше, что госпожа Бартон была вдовой? — неуверенно спросила Клари.

— Да, вдовой индейца из племени сиу.

— И она тоже индеанка?

— Да, миледи, но она уже давно приняла христианскую веру.

— А ее первый муж?

— Бедный Ту-Сан-Ба!

— Вы сказали, что он… умер…

— Я его съел, миледи.

— Так я не ослышалась,— смущенно проговорила Клари.

— Да, миледи,— подтвердил Бартон,— мы оба, его жена и я, съели индейца, и благодаря этому прискорбному случаю Лилли стала вдовой.

Г-жа Караман от ужаса чуть не упала в обморок. Она никогда не слыхала, чтобы можно было съесть мужа и затем жениться на его жене. Нем-

ного придя в себя, она попросила у капитана объяснений.

— Позвольте, капитан,— вмешалась Клари в разговор,— до начала нашего разговора сходите и посмотрите, не потеряли ли мы из виду яхту.

— Сейчас, миледи, но вы напрасно беспокоитесь: я ручаюсь вам за «Крокодила».

Капитан ушел, и гувернантка, лицо которой вытянулось, обратилась к Клари.

— Куда это мы попали? — спросила она.

— Кажется, к людоедам!

— Поздравляю вас — отличная компания!

Клари не возражала. Делать было нечего, придется покориться этой участи.

Минут через десять, запыхавшись, вбежал капитан. Он был взбешен.

— Вообразите себе, миледи, что этот дурак, кочегар Тадди, не добавил вовремя угля, и когда я вышел на палубу, то оказалось…

— Что «Зимородок» нас обогнал,— досказала Клари.

— На сущую безделицу — на два-три кабельтовых. Но тем не менее он нас опередил, просто хоть сам стой у машины!

— А как же теперь вы сдержите свое обещание?

— Не беспокойтесь, я даже хочу предложить вам пари…

— Какое пари?

— О том, что когда мы войдем в Бонскую гавань, о «Зимородке» там еще не будет ни слуху, ни духу.

— А цена цари?

— С вашей стороны, миледи, что вам будет угодно: подарите какую-нибудь безделушку моей жене.

— А что вы ставите?

— Если я проиграю, то обязуюсь возместить вам все убытки, то есть до тех пор не успокоюсь, пока не только не догоню их, но даже и перегоню.

— Я согласна, капитан.

В эту минуту капитана позвали наверх. Он ушел, но скоро вернулся в возбуждении.

— Черт бы побрал эту яхту! — воскликнул он.— Вот наделала мне хлопот! Но, слава Богу, я знаю своего «Крокодила», теперь его топка по горло набита углем, и судно не осрамит меня!

— Не выйти ли нам на палубу? — предложила Клари.

— Как вам будет угодно, миледи. Но вы, кажется, хотели, чтобы я рассказал вам, при каких обстоятельствах я женился…

— А я очень желала бы узнать подробности о свадебном пире,— Добавила гувернантка.

— В таком случае останемся здесь,— сказала Клари.

Капитан закурил с разрешения дам и приступил к рассказу:

— Прежде всего, миледи, должен вам сказать, что я не всегда был богатым человеком. Положим, что я и теперь далеко не миллионер, но все-таки я нажил себе порядочное состояние. А лет двадцать пять тому назад у меня не было и шиллинга в кармане.

В Америке люди вообще живут без оглядки и берутся за все. Я рубил дрова, таскал уголь, продавал полотно и чинил башмаки. Сегодня я торговал слоновой костью, а завтра парным молоком — смотря по обстоятельствам. В конце 1825 года мне как-то особенно не везло, и один из моих товарищей по имени Дик Мертон, находившийся не в лучшем положении, предложил мне отправиться вместе с ним и шестью другими такими же неудачниками в Калифорнию. Страна эта в то время была не так известна, как теперь, туда тянуло немногих, нынче же всякий полагает, что золото там валяется на земле. Я не говорю, что там его нет — Боже меня сохрани! Я

держусь совершенно противоположного мнения, сам будучи акционером большой золотопромышленной компании и получая дивиденды, идут ли они из золотоносного слоя или же из кармана доверчивой публики — мне до этого нет дела. Но все-таки обогатиться в Калифорнии не особенно легко.

«Я отправлюсь с вами»,— сказал я Дику.

«А знаком ли ты с опасностями, которые нас там ожидают?»

«Мне все равно.»

«Видишь ли, Джон, там, может быть, мы столкнемся с индейцами, которые не берут белых в плен...»

«Они оставляют их на свободе?»

«Нет. Индейцы племен «пагаусы», «сиу» и «черные ноги» — все людоеды, и из своих пленников делают котлеты, бифштексы и прочее.»

Подобная перспектива показалась мне не очень приятной, но в моем положении выбирать было не из чего, и я согласился.

Мы запаслись оружием и на другой день отправились в путь. Нас было восемь белых молодцов, беззаветно отдавшихся этой «борьбе за существование». Дороги в то время были далеко не безопасны, и когда мы дошли до реки Сакрамен-

то, то из восьми человек нас осталось только пятеро: один умер от укуса змеи, а двое погибли в горных ущельях.

Когда мы вступили в обетованную страну золота, нас охватила «золотая лихорадка».

Сан-Франциско в то время был жалкой деревушкой, удобств для жизни мы никаких не нашли, о машинах для добычи золота тогда еще понятия не имели. И мы в поте лица работали просто ломом, киркой и лопатой. Ходили на охоту, стреляли дичь и питались ею в жареном или сыром виде. Вскоре мы рассорились и решили расстаться. Я, Осборн и Дик остались на прежнем месте, а двое других пошли дальше на восток. Мы снабдили их по возможности орудиями и домашней утварью и снова принялись за свою работу.

Жили мы в построенном нами пакгаузе и считали его чуть ли не дворцом. Он защищал нас от ветра и непогоды, недалеко протекал ручей, в котором иногда попадался золотой песок, за ним расстилались зеленые луга и лежало поле, где мы работали с утра и до поздней ночи. Как радовались мы, добыв к концу недели несколько унций золота; его хватало нам лишь на самое необходимое, но мы не теряли надежды и усердно трудились в ожидании лучшего.

Работали мы как-то с Диком недалеко друг от друга. Вдруг он вскрикнул. Я подбежал и увидел широкую золотую жилу, прорезавшую кварцевый слой. Там было золота, на первый взгляд, не меньше чем на миллион долларов, и мы чуть не помешались от радости. Скоро подошел и Осборн, и восторг его был не меньше нашего. Этот счастливейший из дней мы закончили великолепным ужином, за которым выпили несколько бутылок виски. Мы решили на следующий день приступить к разработке золотой жилы.

Ночью меня разбудил громкий крик, которого я не забуду до конца жизни. Лежал я, как всегда, одетый, быстро вскочил и увидел Осборна. Он стоял у стены, был бледен, как полотно, дрожал всеми членами и смотрел в угол. На его лице читался смертельный ужас.

— Что случилось? — крикнул я.

Осборн не ответил, но дрожащей рукой указал на угол, где лежали наши припасы. При тусклом свете мерцавшей лампы я увидел предмет, похожий на изогнутый ствол дерева, но вскоре понял свою ужасную ошибку. У меня в жилах застыла кровь: в углу лежала гремучая змея!

У другой стены стоял смертельно бледный Дик и как будто ожидал нападения змеи. Но вдруг он

бросился к запертой двери и сильным ударом выбил ее. В тот же момент к двери бросился и Осборн, так что они оказались у порога одновременно…

Дверь была очень узка. Дик схватил Осборна за горло и хотел оттолкнуть его. Тот сопротивлялся — и между ними завязалась отчаянная, но недолгая борьба… Вдруг Осборн страшно вскрикнул — это Дик вонзил ему нож в грудь.

В то же время растревоженная шумом змея подняла голову и бросилась на Дика.

Осборн лежал на полу… он был мертв! Змея обвилась вокруг Дика, который корчился и извивался в ее кольцах, но освободиться не мог, и змея убила его…

Бартон замолчал, на его лбу выступил холодный пот, губы дрожали. Клари закрыла лицо руками и рыдала, с гувернанткой же чуть не сделалось дурно, и она для подкрепления сил выпила большую рюмку коньяка. Бартон тоже взялся за свой стакан с ромом. Сигара капитана давно потухла, и он совершенно забыл о ней… Тяжело вздохнув, Бартон продолжал:

— Прошу прощения у миледи — я весьма взволнован, но при одном воспоминании об этой страшной ночи у меня сжимается сердце. Я оце-

пенел от ужаса, и не мог думать ни о себе, ни о том, чтобы помочь товарищам. Я не трус, но это ужасное зрелище привело меня в состояние невменяемости, и я был полумертв от страха… Змея, казалось, не обращала на меня внимания и успокоилась, положив уродливую плоскую голову на грудь убитого ею Дика. Временами же она, впрочем, косилась на меня, и я с минуты на минуту ожидал нападения гадины… Наконец, она пошевелилась — загремели находившиеся на конце ее хвоста погремушки, и змея медленно двинулась ко мне.

Вдруг она случайно задела лежащий возле меня карабин — он звякнул, и во мне сразу проснулась жажда жизни. Я осторожно поднял карабин и приставил его дуло к голове змеи. Грянул выстрел — гадина была мертва, пуля пробила ей голову.

Страх мой сменился радостью… Но тут силы окончательно покинули меня, и я упал без сознания.

Когда рассвело, я пришел в себя и увидел рядом убитую змею… тут же лежали трупы Дика и Осборна… Взглянув на их лица, искаженные предсмертными судорогами, я залился слезами. Только теперь я понял, какой ужасной смерти избежал…

— Милый капитан,— перебила рассказчика Клари,— вы рассказываете так увлекательно, что можно позабыть обо всем на свете, но все-таки я хотела бы узнать… насчет курса нашего «Крокодила»!

— Ах, да,— ответил Бартон и вскочил со стула,— чуть не забыл об этом! Но не беспокойтесь: я знаю свое дело!

— Тем лучше, а теперь пойдемте на палубу.

— А мой рассказ?

— Вы окончите его после обеда, к которому я приглашаю вас вместе с женой.

— Вы слишком любезны, миледи, я право, вам уже надоел, пожалуй…

— Без отговорок… Кроме того, вы обещали мне объяснить, каким образом вдова Ту-Сан-Ба…

— Вышла за меня замуж,— добавил со смехом капитан.— Миледи совершенно права.

— Отлично, идемте же на палубу.

Бартон шел впереди, он знал цену своему кораблю и потому был спокоен.

Был чудесный весенний день, теплый воздух был напоен запахом моря. Лазурное небо огромным шатром раскинулось над морем, солнце играло на волнах, по которым с быстротой стрелы летел «Крокодил».

Клари смотрела во все стороны — «Зимородок» исчез!

— Капитан,— обратилась она к Бартону,— где же «Зимородок»?

— Где «Зимородок»? Боже мой, он остался позади — где же ему поспеть за «Крокодилом»!

— Вы совершенно в этом уверены?

— Вполне, мадам.

— Но вы были все время внизу, в каюте... Потрудитесь для моего успокоения спросить у матросов, действительно ли мы обогнали яхту: они должны это знать.

Бартон как будто даже обиделся, сколько разговоров об этой «ореховой скорлупе»! Конечно, было странно, что «Зимородок» скрылся из виду, но все-таки...

— Петр! — крикнул капитан.

Матрос слез с марса и подошел к Бартону.

— Что прикажете, капитан?

— Исполнены ли мои распоряжения?

— Исполнены, капитан.

— Вы слышите, миледи? — торжествующим тоном сказал Бартон, обращаясь к Клари.

— Что именно вы приказывали, капитан?

— Петр, повтори, что я приказывал?

— Раскалить котлы добела и увеличить до пре-

дела давление пара.

— Это исполнено?

— Судите сами, капитан: «Крокодил» идет полным ходом и делает три лишних узла.

Бартон вздохнул свободней: теперь Клари не могла больше сомневаться в его усердии.

— Итак,— сказал он с расстановкой,— мы опять догнали эту маленькую обезьянку, которая на минуту нас обогнала?

— Какую маленькую обезьянку? — с беспокойством спросил Петр.

— Яхту «Зимородок».

— Вы шутите, капитан?

— С чего ты это взял? Разве я в таких вещах когда-нибудь шучу?

— Но, капитан, вам, как и нам всем, хорошо известно, что «Крокодил» имеет среднюю скорость в двенадцать узлов…

— Знаю, что же из этого?

— Загляните в корабельный журнал и вы увидите, что сегодня «Крокодил» делает пятнадцать и даже шестнадцать узлов.

— Будешь ли ты говорить толком? Не то я прикажу вздернуть тебя на рею, чего ты давно и без того заслужил…

— Дело в том, капитан, что яхта «Зимородок»

делает двадцать три узла…

— Двадцать… три… узла,— пробормотал Бартон.

Он был уничтожен, разбит, но при этом так комичен, что Клари, несмотря на свою досаду, расхохоталась. Гувернантка вторила ей, довольная тем, что хвастуна осадили.

Бартон ухватился за корабельный журнал. Слова Петра подтвердились, капитан бросился в машинное отделение и через пять минут вне себя снова появился на палубе.

Факт был налицо: «Зимородок» исчез и даже не простился!

Наконец, капитан пришел к заключению, что все его подчиненные (а он включил в их число даже уголь и пламя) честно исполнили свои обязанности: привлечь к ответственности и наказать было некого… Репутация «Крокодила» была навсегда погублена! А ведь Бартон еще хотел предложить мисс Клари переменить название судна на другое — «Повелитель морей».

Разбитый и уничтоженный сидел капитан на палубе, опустив голову на руки… Слово было нарушено, пари проиграно!

Гувернантке стало жаль американца, и она тихо сказала Клари:

— Вы убедились теперь, что погоня за графом Монте-Кристо была безумством? Этому человеку помогают сверхъестественные силы. Быстрота действий всегда была его страстью, и хорошо еще, что он не знал о вашем намерении. Послушайте меня, вернемся в Марсель.

— Никогда! — со вздохом ответила Клари.— Я не ребенок и не упаду духом при первой неудаче! Я доверилась господину Бартону, не зная, с кем имею дело, и наказана за это! Но от своего плана не откажусь ни за что! Лишь сегодня поняла я, что значит жить, и скорее умру, чем вернусь к прежнему моему безотрадному существованию!

— Как же нам теперь быть? — робко спросила гувернантка.

— Странный вопрос! Продолжим свой путь в Бону.

— И вы полагаете, что Монте-Кристо нас там будет ожидать? Я знаю его лучше вас: он не любит терять времени и, прибыв туда, немедленно отправится в пустыню. Неужели и вы хотите ехать в пустыню, где разгуливают львы, шакалы и гиены?

— Дорогая моя,— коротко сказала Клари,— если вы боитесь, то из Боны можете вернуться домой.

— А вы?

— Я поеду дальше.

— В таком случае я от вас не отстану, и если нас даже растерзают хищные звери...

Гувернантка зарыдала. Клари обняла ее и сказала:

— Хищные звери нас не тронут, они более любезны, чем вы думаете. Успокойтесь теперь, а я между тем переговорю с капитаном!

Клари позвала Дика и послала его за Бартоном. Матрос обошел весь корабль и не мог нигде найти капитана. Наконец он случайно глянул в пустую бочку, из которой торчал рыжий хохол. Бартон был так пристыжен, что счел за лучшее спрятаться в бочку — капитан и его «Крокодил» потеряли свое доброе имя, и несчастный американец собирался пустить себе пулю в лоб.

На предложение Дика, к которому присоединились Падди и Мок, — выйти из бочки — он отвечал решительным отказом.

Дик, не долго думая, сбегал за Клари, а затем вернулся и крикнул в.бочку:

— Сейчас сюда придет госпожа.

Рыжий хохол скрылся в бочке.

Клари, а также госпожи Караман и Бартон вышли на палубу^

— Капитан! — крикнула Клари.

Ответа не последовало.

— Мой друг! — проворчала Лилли.

Бартон хранил глубокое молчание.

Тогда в дело вмешалась гувернантка. Она подошла к бочке, нагнулась и, схватив капитана за волосы, вытащила его наружу.

Американец был совершенно уничтожен и униженно пробормотал:

— Что прикажете, миледи?

— Сейчас я все скажу. Вы сознаетесь, что провинились?

Бартон хотел снова опуститься на дно бочки, но этому маневру помешала гувернантка, крепко державшая его за хохол.

— Виноват, миледи, куда как виноват,— пробормотал капитан.

— Следовательно, вы охотно отправитесь исправлять свои ошибки? — быстро спросила Клари.

— О, без сомнения!

— Отлично. Теперь послушайте меня,— я много от вас и не потребую.

— Прикажете достать Луну с неба? Я сию минуту…

— Друг мой,— остановила его жена,— не увлекайся, быть может опять…

— Ах, да, в самом деле,— согласился Бартон.

— Вернемся к нашему пари,— с улыбкой сказала Клари.

— Вы совершенно правы,— сказал, немного подумав, капитан,— я в точности исполню наш договор и сделаю даже больше. Мы догоним яхту и затем все, то есть я, моя жена и мой экипаж, отдадим себя в полное ваше распоряжение — до тех пор, пока вы сами нас не отпустите. Вы согласны на это, миледи?

— Не слишком ли много вы опять обещаете мне?

— На этот раз я уверен в себе.

— Не сомневаюсь, но что скажут другие?

Бартон гордо— выпрямился.

— Госпожа Бартон,— сказал он торжественно,— вы слышали слова миледи? Могу ли я за вас поручиться?

— Милый Жак, к чему этот вопрос?

— И ты последуешь за мной везде и всюду?

— Везде и всюду!

— Я никогда не сомневалась в вашей жене,— с улыбкой сказала Клари,— но ваши… ваш экипаж?

— Пусть миледи обождет минутку,— ответил Бартон. Затем он громко свистнул и отошел к

средней мачте.

На свист капитана тотчас со всех сторон сбежались матросы и окружили его.

— Матросы «Крокодила»,— серьезным тоном начал Бартон,— госпожа завербовала нас для экспедиции в Алжир. Может, кто-либо из вас не согласен?

— Капитан,— ответил Петр, всегда говоривший от лица товарищей,— мы вас никогда и нигде не покинем!

— Никогда и нигде! — подтвердили все матросы.

— Как на воде, так и на суше!? — спросила Клари.

— Да, миледи,— ответил капитан..

— Отлично. Вы прежде бывали в Африке?

— Да. Мы доходили до Занзибара.

— Дело не в этом. Последуете ли вы за мной в Сахару?

— Конечно.

— Теперь я вам скажу, почему я отправилась туда. Не думайте, что дело идет о простом капризе. Цель моей поездки может быть объяснена в двух словах,— продолжала молодая девушка, возвысив голос,— я хочу помочь несчастным и страдающим людям, и меня не остановят никакие

жертвы. Что же касается условий, на которых мне окажут помощь капитан и экипаж «Крокодила», то представляю это на усмотрение капитана Бартона и заранее соглашаюсь на все требования.

Слова Клари произвели должное впечатление: матросы были в восторге.

— Но зато я требую безусловной преданности,— продолжала мисс Эллис.— Я — женщина и не одарена железной волей, но для меня не существует опасностей, не должно существовать их и для вас. Поклянитесь: что бы ни случилось, не покидать меня и смело идти за мной вперед!

— Клянемся! — восторженно вскричали матросы, махая шляпами.

— И не забудьте,— прибавил серьезным тоном Бартон,— что за «Крокодилом» еще числится недоимка. Проклятая яхта обогнала нас, и в таком положении нам оставаться нельзя! Я жду ваших дальнейших указаний, миледи.

— Скажите, капитан,— серьезно спросила Клари,— когда мы прибудем в Бону?

— Отвечай, Петр,— повелительным тоном произнес капитан.

— Часов через десять мы увидим берег,— был ответ матроса.

— Вы слышали, миледи?

— Да, я даю вам еще лишних два часа, но ни одной минуты больше.

— Если мы к известному сроку не прибудем в Бону, я сожгу «Крокодила».

— Нет, это уже лишнее. Пока до свидания. Вы, конечно, потом докончите свой рассказ о ваших приключениях?

— С удовольствием, миледи, и смею вас уверить, что вы не соскучитесь.

Клари и гувернантка вернулись в каюту.

— Меня поразило одно,— сказала госпожа Караман,— как безучастно отнеслись вы, дитя мое, к тому, что «Зимородок» обогнал нас. Это так на вас не похоже.

Клари вспыхнула, обняла гувернантку и прошептала:

— Меня это не удивило: мне было бы стыдно за Монте-Кристо, если бы его перегнали.

— Монте-Кристо…— тихо сказала госпожа Караман.— Скажу вам одно — берегитесь!

31. Свадебный пир

«Крокодил» несся на всех парах.

После беседы с гувернанткой Клари прилегла и заснула. Г-жа Караман взялась за книгу, но мысли ее были далеко. Конечно, для нее давно прошла пора «мечтаний», но все-таки она невольно вспомнила о статном зуаве. Хорошо бы было, если бы у нее был сын, похожий на сержанта Кукушку.

Книга, лежавшая на коленях гувернантки, заключала в себе описание Алжира, и г-жа Караман, перелистывая ее, удостоверилась в том, что менее чем за сутки им не добраться до Бона. Следовательно, и на этот раз Бартон прихвастнул, и она сообщила об этом Клари, которая, в наказание, не пригласила капитана к столу. Путешественницы не вышли в столовую, остались в своей каюте, куда г-жа Бартон по просьбе Клари подала обед.

Наступила ночь, а земля не показывалась на горизонте, и лишь к вечеру следующего дня Джон объявил своей госпоже:

— Что-то виднеется, миледи.

Дамы вышли на палубу.

На краю горизонта, действительно, виднелась

узкая темно-синяя полоска, но вот куда скрылся «Зимородок»?

— Скажите, капитан,— обратилась Клари к Бартону,— это — алжирский берег?

— Да, миледи.

— И скоро мы достигнем его?

— Так сказать, через…

Он хотел сказать: «через четверть часа», но Клари посмотрела на него в упор, и он не договорил.

— Не ранее, как часа через три? — спросила молодая девушка. — А может быть, не раньше чем завтра утром?

— Нет, нет. Я прикажу усилить топку, так что лопнет котел «Крокодила».

— Это лишнее, лучше пойдемте обедать, и за десертом вы закончите ваш рассказ.

— С удовольствием, миледи.

Час спустя обед был закончен, и Бартон приступил к прерванному накануне рассказу.

— Я уже сообщил вам,— начал он,— что пришел в чувство лишь на рассвете. Дверь была отворена, оставаться среди трупов не имело смысла, и я направился к выходу. Но вдруг раздался свист, и несколько стрел влетело в хижину… Их красные острия были, очевидно, отравлены. Я снова попал в беду. Меня, без сомнения, сторожили

враги. Я быстро сообразил, что если останусь в доме, меня поймают, как зайца, упавшего в яму, если же выйду, то сделают мишенью для стрел — положение незавидное. Но вдруг мне пришла в голову счастливая идея — наша хижина была построена довольно-таки крепко, и крыша ее была сплетена из веток и с четырех сторон огорожена толстыми и широкими досками. Если я залезу на крышу и там улягусь, думалось мне, то меня не заметят снизу. Я знал, что хижина была окружена индейцами, и принял все меры к тому, чтобы незаметно пробраться на крышу.

Я запер дверь, завалил ее разным домашним скарбом и в душе пожалел о смерти гремучей змеи, которая теперь была бы мне хорошей поддержкой. Я взял с собой два пистолета, два ножа и карабин и через отверстие для дыма вылез на крышу.

Кровь застыла в моих жилах, когда я понял, с какими врагами мне придется иметь дело. Наш блокгауз был окружен плотной толпой индейцев-арикарасов, всегда отличавшихся непримиримой ненавистью к белым. Своих пленников они подвергали утонченным жестоким пыткам, их легко было узнать по зеленым головным уборам из перьев и скальпам, висевшим у

них на поясах.

Арикарасы были покрыты безобразной татуировкой, вооружены луками со стрелами и даже ружьями. Поодаль стояли мужчина и женщина, принадлежавшие, очевидно, к племени сиу. Это были Ту-Сан-Ба и Краса Лугов, его супруга, ставшая затем моей женой. Они были захвачены в плен и их ожидала незавидная участь быть изжаренными на медленном огне. Ту-Сан-Ба корчил крайне печальную мину, но жена его, знавшая, что арикарасы женщин не жарят, держалась весьма храбро. Сердце мое сильно забилось, и я твердо решил спасти ее. Арикарасы подступили к хижине, и по их угрожающим жестам я понял, что они замышляют недоброе: я не шевелился и приготовился к отчаянной защите.

Индейцы вскоре выбили дверь и ворвались в хижину, но тотчас же со страшными криками выбежали оттуда. (Позднее моя жена объяснила мне причину: они увидели трупы и мертвую змею и заключили, что белые убили гадину, почитаемую индейцами, как священное животное, и за это боги поразили их смертью, по воле Великого Маниту. Место, посещаемое Богом, считалось священным.) Увидев, что индейцы чем-то страшно напуганы, я надеялся, что они покинут хижину…

Но не тут то было. Они притащили хворосту, свалили его в хижине и подожгли.

Пламя вспыхнуло и мало-помалу охватило весь блокгауз.

Положение мое было отчаянное: мне предстояло или соскочить вниз и сдаться в плен или сгореть. Вскоре я почувствовал отвратительный запах горелого мяса: горели тела моих мертвых товарищей! Я чуть не задохся. И тут пламя пробилось сквозь крышу. От жара разорвало мой карабин, и я, полуживой от страха, свалился вниз!

Индейцы с криком разбежались в разные стороны: сначала они приняли меня за злого духа и лишь потом убедились, что имеют дело с белым.

Теперь судьба моя была решена: индейцы схватили меня, связали и потащили за собой. Я покорился своей участи, желая, однако, скорее умереть, и, наконец, потерял сознание. Когда я очнулся, уже наступила ночь. Крепко связанный по рукам и ногам, я лежал на земле.

У костра, спокойно покуривая трубки, сидели арикарасы и временами с радостью поглядывали на Ту-Сан-Ба — он был привязан к столбу, около него сидела Краса Лугов.

Я ничего не ел уже около суток, меня томил

мучительный голод, и я решился заговорить с краснокожими:

— Эй, приятели,— крикнул я по-английски,— вы что, хотите меня уморить голодом?

Тотчас же мне стало ясно, что я сделал глупость: один из индейцев, казавшийся предводителем шайки, встал, скрестил руки на груди и серьезно посмотрел на меня. Он переговорил на непонятном для меня наречии с другими индейцами и затем обратился ко мне.

«Что тебе нужно, бледнолицый?» — спросил он на ломаном английском.

«Я голоден, дайте мне поесть. За что вы связали меня? Что я вам сделал худого?»

«Ты враг нашего племени!»

«Я? С чего это вы взяли?»

«Ты умертвил священную змею».

«Черт бы ее побрал! Ждать мне надо было, что ли, пока она убьет меня?»

Кажется, я рассуждал совершенно здраво, но краснокожие подняли громкий крик и с угрозами подступили ко мне.

«Ты убил,— крикнул один из них, грозя мне кулаком,— и за это мы убьем тебя!»

«Да за что? Разве я не ваш брат?»

«Никогда краснокожий и бледнолицый не бу-

дут братьями...»

Все мои слова были напрасны. Дикари бешено кричали и грозили мне томагавками.

Предводитель снова заговорил, между ним и остальными завязался спор. Позднее я узнал от Красы Лугов, что было решено меня оскальпировать и изжарить — просто так, для препровождения времени, так как краснокожие не едят мяса белых. Но последнее обстоятельство в данном случае для меня не имело большого значения.

Затем краснокожие принялись танцевать, я же снова потерял сознание и пришел в себя лишь тогда, когда чья-то рука коснулась моего лба. Кругом была тишина. Веревки, которыми индейцы связали меня, были разрезаны, и я снова мог пошевелиться.

Я протянул руку и наткнулся на стену.

«Есть тут кто-нибудь?» — крикнул я.

Ответа не было.

«Сжальтесь! — крикнул я громче.— Я умираю от голода.»

Раздался шорох, и чей-то голос произнес:

«Тише — опасность!»

«Кто ты?» — спросил я, дрожа.

«Краса Лугов. Ту-Сан-Ба убит, сжарен и съеден: дикарей потревожили... убежали!»

Затем тот же голос произнес:

«Надо вставать!»

Я повиновался. Краса Лугов подняла меня, как ребенка, и я вспомнил, как носила меня на руках мама. Индеанка донесла меня до края поляны, затем опустила на землю.

«Я голоден»,— снова прошептал я, указывая на рот. Женщина посмотрела на меня с недоумением, и я вспомнил, что здесь, в их лесах, все еще не построены рестораны.

В эту минуту г-жа Бартон, до сих пор внимательно слушавшая рассказ мужа, вышла из каюты, и г-жа Караман спросила капитана, переминилась ли с того времени его жена.

— Значительно! — ответил с сияющим от восторга лицом капитан.— Она очень похорошела.

Гувернантка не выдержала — закрыла лицо платком и, сдерживая смех, ушла в свою спальню.

— Я очень рад, миледи,— сказал после ее ухода капитан,— что мы с вами остались наедине. Не каждый способен оценить ту жертву, которую принесла для меня Краса Лугов.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказала ему Клари.

— Вдруг индеанка исчезла,— снова начал Бар-

тон,— и вскоре вернулась с чем-то, завернутым в листья. Она развернула их и со вздохом подала мне несколько кусков жареного, еще теплого мяса.

Я с жадностью принялся за еду — жаркое показалось мне превосходным. Краса Лугов печально смотрела на меня. Мне подумалось, что и она голодна, и я, сконфуженный, предложил ей кусок мяса.

«Не хочу есть»,— сказала она и покачала головой.

Я объяснил ей, что не буду есть, если она не составит мне компании. Слова мои убедили ее: она тоже принялась за еду, и когда мясо было съедено, я спросил, откуда она его взяла.

Краса Лугов печально склонила голову:

«Ту-Сан-Ба сжарен… дикари потревожены, не съели… Ту-Сан-Ба — мой муж…»

Праведный Боже! Так это было человеческое мясо! Краса Лугов пожертвовала для меня своим жареным супругом! Можете ли вы, миледи, привести из истории другой пример подобного героизма?

— Нет, не могу,— ответила Клари.

— Я был в этом уверен, я…

Дверь каюты отворилась, и вошел Петр.

— Капитан,— сказал он,— мы подходим к рейду Бона.

Клари вздохнула свободнее: с нее точно свалилось тяжелое бремя.

— Вы понимаете, миледи,— настаивал Бартон,— что после этого я обязан был жениться на индеанке.

— Само собой разумеется.

— Она приняла христианство и вместо индейского имени Краса Лугов назвалась Лилли.

— Милейший капитан,— перебила его Клари решительно,— позаботьтесь теперь о высадке и помните ваше обещание: мы немедленно отправляемся в пустыню.

— Куда и когда будет угодно, миледи.

Бартон ушел.

Мы же посмотрим теперь, что происходило на борту Зимородка».

32. Прощальный привет Мальдара

Яхта неслась, как стрела, и скоро на горизонте показался алжирский берег. Узнав об этом, Монте-Кристо и Сперо вышли на палубу.

Город Бон, расположенный на холме, был очень красив. Сперо с восторгом воскликнул:

— О, батюшка, как там, должно быть, хорошо!

Граф положил руку на плечо сына и серьезно сказал:

— Сперо, через два часа ты вступишь в новый мир. Никогда не забывай, что ты мой сын… Всегда стой за добро и действуй лишь добром! Нас ожидают большие опасности. Сумеешь ли ты им противостоять?

— Когда ты со мной, батюшка, я ничего не боюсь!

— Обстоятельства могут нас разлучить… Пустыня скрывает много тайн, и там человеку приходится бороться с природой и людьми.

— Но ты, батюшка…

— Я такой же человек, как и все! Положим, что я обладаю железной волей и умею сдерживать себя, потому-то, хотя и без основания, мне и приписывают сверхъестественную силу. Но я тоже

могу погибнуть, и тогда ты обязан будешь довести до конца начатое мною дело! Посмотри мне прямо в глаза и обещай, что не будешь отчаиваться, если я погибну. Если же я паду духом — ободри меня, если я исчезну — ищи меня, если же я умру — плачь обо мне, но не поддавайся отчаянию! Помни о своей матери, люби ее, как святую, она заслуживает этого! Не забудешь ли ты, что для нее ты должен быть всем?

— Нет, батюшка, не забуду, клянусь тебе в этом, но к чему предаешься ты подобным мрачным мыслям? Разве ты боишься за нас?

— Нет, но я счел своим долгом приготовить тебя ко всему…

Яхта приблизилась к городу.

В эту минуту на палубу вбежал, запыхавшись, Жакопо.

— Господин,— тихо сказал он,— пожалуйте сюда скорее!

— Что там случилось? — спросил граф.

— Господин, дверь вашей каюты отворена, а там находится большая шкатулка с крепкими засовами…

— Знаю, ее может отпереть лишь человек, знакомый с ее секретом.

— Шкатулка отперта, крышка откинута, и все

драгоценности рассыпаны по полу.

Монте-Кристо нахмурился: неужели на яхте появился вор?

Все трое вошли в каюту.

Жакопо сказал правду: шкатулка была открыта. Золото, бриллианты были рассыпаны по полу. Граф внимательно осмотрел шкатулку и замки, затем, обратившись к моряку, сказал:

— Человек, открывший шкатулку, не был вором — он похитил бы золото и бриллианты. Видел ли кто, кроме тебя, что произошло?

— Нет, господин, я никому не говорил об этом.

— Хорошо. Ступай, и ни слова об этом.

— Но, господин, а если у нас на яхте скрывается вор?

— Я же сказал тебе. Ступай и молчи!

— Слушаю, господин!

Когда моряк ушел, граф подозвал Сперо и приказал мальчику стать на колени и осмотреть дверной замок.

Сперо повиновался, но объявил, что ничего не заметил. Монте-Кристо улыбнулся.

— Ты молод,— сказал он,— твои глаза еще не привыкли к тому, чтобы замечать все. Посмотри сюда, на это место, к которому я прикасаюсь пальцем, неужели ты ничего не видишь?

— О, да, батюшка… чёрточку, как будто проведенную иглой, больше ничего.

— Эта черта проведена лезвием кинжала. Всегда обращай внимание на малейшую безделицу: из мелочей состоит наша жизнь.

— Но, батюшка, кто мог осмелиться открыть дверь с помощью кинжала?

— Человек, имя которого я назову тебе потом! С замечательной ловкостью он просунул лезвие кинжала в замочную скважину, превзойдя самого искусного слесаря. Вот, посмотри!

Граф вставил лезвие кинжала в замочную скважину, повернул его, и замок открылся без труда.

— В самом деле! — воскликнул удивленный Сперо.— И если бы кинжал вора был бы так же тонок, как и твой, то он не оставил бы никакого следа.

— Не называй его вором, Сперо. Осмотрим шкатулку. Вероятно, ее открыли не так, как дверь.

Сперо осмотрел замок шкатулки и сказал:

— Из чего ты это заключаешь?

— Теперь я уверен в том, что не ошибся: шкатулка открыта не кинжалом.

— Я это вижу, батюшка. Человек, открывший ее, действовал с помощью спиральной пружины, вроде тех, которые есть в карманных часах, и не

заметил, что кусок пружины остался в замке.

При этом Сперо с торжеством показал отцу микроскопический кусочек стали.

Монте-Кристо обнял мальчика. Да, Сперо был достойным учеником человека, наблюдательность которого развилась и укрепилась в результате уроков аббата Фариа.

— А теперь узнаем, кто был человек, вошедший сюда,— сказал граф и внимательно осмотрел внутренность шкатулки.— Смотри, что это такое?

— Кинжал,— испуганно сказал Сперо.

— К которому привязан кусок пергамента.

Монте-Кристо осторожно развернул пергамент. На нем кровью по-арабски было написано:

«Мальдар — графу Монте-Кристо! Бедняк, вверяющий себя Аллаху, богаче вельможи, идущего против Аллаха. Берегись куанов!»

— Кто это куаны, батюшка?

— Ты узнаешь об этом потом. Теперь же пойдем!

Они вышли на палубу. Граф окликнул Жакопо:

— Когда араб покинул корабль?

— Араб находится в трюме под караулом зуава.

— Ты в этом уверен?

— Да, господин.

— Так ступай и приведи сюда араба.

Жакопо исчез, но тотчас же вернулся и смущенно произнес:

— Зуав крепко спит… араб же исчез… но мы его найдем! Эй, люди, обыскать корабль!

Монте-Кристо знаком остановил сбежавшихся матросов.

— Напрасный труд,— сказал он, указывая на берег.— Посмотрите туда.

На мелководье стоял Мальдар. Он погрозил кулаком, поднятым над головой, людям на яхте и тотчас же скрылся в собравшейся на берегу толпе.

— Слушайте меня,— обратился к матросам Монте-Кристо,— этот араб — наш смертельный враг. В Алжире за каждым кустом нас ждет опасность, за каждым утесом скрывается тайный убийца. Исполняйте свои обязанности, но будьте осторожны!

В эту минуту под килем яхты заскрежетал песок: путники достигли Африки.

33. Священный знак

На южной границе Оранской провинции, там, где начинается Сахара, возвышается Соляная гора, арабы называют ее Кенегель-Мелх. Заходящее солнце озаряло нависшие над руслом широкой реки утесы и вход в мрачное ущелье у подножия Соляной горы.

Одинокий всадник медленно ехал по ущелью; башлык белого плаща закрывал его низко опущенную голову, за спиной висело ружье, металлические части которого поблескивали серебром.

Лошадь, с шестиугольной звездой на бедре, ступала твердо и уверенно. Вдруг всадник остановил ее, приподнялся на стременах и пристально посмотрел налево, туда, где возвышался темно-красный утес, носивший странное имя «Кровавая скала». На этом месте произошло немало убийств: путников заманивали в западню, и они погибали от рук своих проводников. Эта скала была немой свидетельницей многих ужасов. Близлежащие холмы скрывают под собой тела убитых. Араб не довольствуется тем, что убил врага — он отрезает ему голову и привязывает к луке седла, тело же

оставляет пустыне. Песок скоро скрывает тела, и в тихие безветренные ночи здесь часто можно услышать глухие стоны — то души убитых носятся над проклятым местом.

Всадник откинул башлык и, подняв вверх худые мускулистые руки, вполголоса пробормотал какие-то слова. Он пристально посмотрел по сторонам и затем соскочил с лошади. Подойдя вплотную к «Кровавой скале», он вдруг тихо вскрикнул: у основания скалы была начертана звезда, подобная той, что украшала бедро его лошади. И на руке его была такая же звезда. Путник опустился ничком на землю, пробормотал молитву, а потом вскочил на коня и поскакал дальше.

Ущелье осталось позади. Конь и всадник очутились в бесконечной и безграничной пустыне. Одинокий всадник ехал, не спуская глаз с медленно заходящего солнца. Он будто не чувствовал палящего зноя. Человек этот, по-видимому, прошел через все земные страдания — лицо его, озаренное лучами вечернего солнца, было страшно обезображенно. Оно было покрыто многочисленными рубцами, ресниц не было совсем, глаза глубоко запали, нос был искривлен, а борода скрывала перекошенный рот. Всадник откинул свой белый плащ — из обнаженной

груди араба торчал нож-ятаган.

Человек этот был так называемый «кающийся» — добровольный мученик, принадлежавший к племени аяссуа. Огнем и железом изуродовал он свое тело, не чувствуя страданий, и в своем вечно возбужденном нервном состоянии, в чаду бешеных галлюцинаций, почитал себя невыразимо счастливым.

Аскеты прежних веков взглянули бы на него с благоговением. Его называли святым: он беседовал с Аллахом, и Аллах внимал его словам. Пустыня была его царством — в ней он был, как дома, и без труда находил дорогу.

Солнце почти скрылось за горизонтом.

Всадник привстал на стременах, взялся за ружье, приложил палец к курку, и, не сводя глаз со светила, замер в ожидании. Лучи солнца потухли, сразу потемнело, и на небе медленно проступила бледная луна.

Раздался выстрел: всадник приветствовал появление луны и звучным голосом стал читать стих из Корана: «И настанет время для тех, которые предстанут перед престолом Аллаха».

— Это время настало,— ответил ему голос, казалось, звучащий из другого пространства.

Святой продолжал, не смущаясь:

— Поклянись великим аль-Кораном, что ты посол, которому поручено указать истинный путь.

— Клянусь в этом великим аль-Кораном,— ответил тот же голос.

— Открой то, что открыла тебе книга Аллаха: никто не может извращать его слова, без него у тебя, нет пристанища, нет защиты.

Второй голос продолжал:

— Неверные услышат этот голос, который скажет им: «Гнев Аллаха против вас, могущественнее, чем гнев ваш против вас самих, ибо вам было дано уверовать, а вы не уверовали».

— А какая судьба ожидает неверных? Уведомь их, что близок день, когда их сердца умрут…

Святой обратился к востоку, поклонился и издал трехкратный громкий крик.

Когда он обернулся, перед ним стоял человек высокого роста, в темном плаще.

В наступающей ночи всадник тихо спросил:

— Ты тот, кого я ожидаю?

— Я — посол Аллаха!

— Носишь ли ты на себе его священный знак?

— Смотри.

— Мрак затемняет мой взор.

— Смотри,— повторил прибывший, откинув плащ и обнажив худую грудь. На груди сияла

фосфорическим блеском шестиугольная звезда.

Тогда святой спешился, поклонился до земли и прошептал:

— Аллах велик, и Магомет — пророк его.

— Встань,— сказал другой,— правоверный преклоняется лишь перед Аллахом.

— Разве ты не посол Аллаха? Разве ты не пришел для того, чтобы мечом наказать безбожных гонителей священного ислама? Разве ты не тот, чья рука изгонит неверных собак из страны, дарованной нам Аллахом?

— Да, я тот, но тем не менее говорю тебе — встань! Братья знают, что я теперь здесь, они знают, что я живу в пустыне, там, куда еще не проникал взор человека, и что я явлюсь в четвертом месяце в час, когда возрастающий месяц освещается последними лучами солнца. И тебя прислали братья?

— Да.

— Но готовы ли они принять посла Аллаха? Готовы ли они пожертвовать своими женами, конями, стадами и жизнью? Готовы ли они на все страдания и муки, чтобы снова завоевать царство Аллаха?

— Взгляни на меня. Я истерзал свое тело огнем и железом, в моей груди зияет рана; на это же

самое готовы все братья. Они безусловно подчинятся тебе и радостно примут на себя это бремя.

— В таком случае я, Мальдар-Мохаммет-бен-Абдалла,-говорю тебе и братьям: настал час мести, борьба начинается, и смерть неверным! Кровь их потечет, как вода источников, и в ней они захлебнутся! — Он умолк и затем продолжал: — Где Куаны?

— В Уаргле. Они готовы избрать тебя главой калифата.

— Слуга Аллаха не нуждается в земных отличиях. Где христиане-пленники? Исполнен ли мой приказ? Их увели?

— Да, господин. Они, числом пятьдесят, заключены в Казбе Уарглы.

— И их не коснулись и пальцем?

— Нет. Ты запретил это, твой приказ исполнен. Правоверные роптали и требовали их смерти, в особенности смерти одного из них — капитана-француза.

— Неужели ты полагаешь, что смерть пощадит хоть одного? Но убивать человека не стоит сразу! Нет, святой Меккадем, вернись к братьям и скажи им: раньше чем луна пройдет двадцатую часть своего месячного пути, я буду среди них, и тогда кровь неверных прольется рекой. Скажи

избранникам Аллаха, что я требую от них слепого повиновения, что я был у священной Каабы в Мекке и беседовал с Аллахом… Аллах отвечал мне, и его устами повелеваю я! Ступай!

Меккадем вскочил на коня й ускакал. Мальдар же тихо произнес про себя:

— Они все должны умереть, и кровь их будет источником, из которого поборники Аллаха почерпнут мужество и силу.

34. Уаргла

Некогда оазис Уаргла, затерявшийся среди великой пустыни и окруженный покровом таинственности, был хорошо известен.

Здесь происходила отчаянная борьба последователей ислама и христиан.

Но времена эти давно прошли, и теперь Уаргла — не что иное, как укрепленный город, расположенный среди цветущего оазиса.

В тот день, когда встретились Мальдар и Меккадем, у главных ворот Уарглы собралась большая толпа, в которой раздавались громкие крики.

На груде камней стоял марабут. С обезображенным лицом, в изодранном плаще, он воздевал руки к небу и кричал:

— Аллах любит храбрых и презирает трусов! Чего медлите вы, жалкие слепцы! Вы издеваетесь над правосудием Аллаха, и вас постигнет его кара! В темницах Казбы находятся наши враги — чего вы щадите их? Восстаньте, поборники ислама, месть и смерть гяурам!

При этих словах оратор распахнул плащ и обнажил грудь — в ней зияла страшная рана! Затем он начал полосовать себя ятаганом — раздался

бешеный рев, засверкали кинжалы, и вся толпа слилась в общем крике:

— Смерть проклятым гяурам!

Уже более полугода в темницах Казбы томились захваченные пленники, по неизвестным для населения причинам они все еще были живы. А между тем давно настала лора убить неверных и выбросить их тела на съедение диким зверям.

Марабут был прав: накануне избрания нового предводителя необходимо было принести в жертву Аллаху неверных.

— Смерть гяурам! Идем в Казбу! Смерть неверным! — кричала взбешенная толпа.

Марабут достиг своей цели.

Толпа окружила его: перед ним падали на колени и целовали полы его плаща; мужчины полосовали себя кинжалами, женщины падали на землю и корчились в страшных судорогах, даже дети обнимали колени марабута и умоляли его коснуться их священным кинжалом… Фанатизм толпы достиг своего апогея.

— Аллах требует смерти неверных! Аллах велик, и Магомет — пророк его! — повторил громким голосом марабут и бросился по направлению к Казбе.

Толпа хлынула за ним. В эту минуту все сли-

лись в общей ненависти к христианам…

Горе пленным, томившимся в темнице, куда устремились разъяренные фанатики.

35. Капитан Жолиетт

Во дворце султанов — Казбе, в мрачной подземной его темнице на сыром земляном полу лежал молодой человек. Тяжелая цепь приковывала его к стене, из безводного колодца поднимался удушливый смрад.

Истощенное тело пленника было покрыто лохмотьями — остатками французского военного мундира. В темнице царила могильная тишина. Сюда никогда не проникал солнечный луч, и вода монотонно капала со стен…

Железная дверь медленно отворилась, на пороге показалась черная фигура. Поставив на пол блюдо с едой и взяв нетронутое со вчерашнего дня, тюремщик, ворча, удалился.

Когда скрипнула дверь, пленник вздрогнул, но головы не повернул: ему теперь все было безразлично, он ждал только одного — смерти.

Десять лет тому назад этот пленник носил громкое имя, он был богат, удачлив — всеобщий любимец! Происходя из хорошей семьи и будучи прекрасно воспитан, Альбер де Морсер был идолом золотой парижской молодежи и гордостью своих родителей. Жизнь улыбалась юноше — и

ничто не предвещало грозы.

Она разразилась и сразу разбила его прошлое, настоящее и будущее.

Граф де Морсер, его отец, был отдан под суд: ему были предъявлены страшные обвинения, его называли изменником и гнусным негодяем, нажившим огромное состояние грязными спекуляциями и убийством! И граф де Морсер не оправдывался — все это было истиной! Фернан Монтегю, каталонский рыбак, изменой из ничтожества достиг влиятельного положения. Назначенный офицером-инструктором ко двору Али-Телебена, паши из Янины, он выдал его султану и обагрил кровью весь Эпир. Язилику и Гайде, жену и дочь паши, негодяй продал за высокую цену торговцу невольниками — и эти деньги стали основанием нажитого им позже состояния… Изобличенный изменник ускользнул от людского правосудия — он пустил себе пулю в лоб и предоставил жене и сыну расплачиваться за позор.

В одиночестве тюремной камеры все прошлое Альбера с ужасающей ясностью воскресло в его памяти. Он вспоминал, как оскорбил и вызвал на дуэль графа Монте-Кристо, как, узнав печальную истину, потом просил у графа прощения.

Друзья Альбера, не знавшие причины его отказа от дуэли, осыпали его насмешками; он вернулся домой как раз в ту минуту, когда в комнате отца раздался роковой выстрел…

Мать и сын должны были покинуть дом и скрыться от взоров людей. Как горевала Мерседес, узнав, что Альбер намерен уехать на службу в Алжир. Но, наконец, она покорилась своей участи: если ее сыну удастся добиться почета и положения, то она перенесет разлуку, если же он умрет — умрет и она.

Графиня де Морсер скрылась в Марселе под именем госпожи Жолиетт, а ее сын поступил в один из африканских полков.

Спустя короткое время Альбер был произведен в офицеры, и уже три года находился в чине капитана. С гордостью он уведомил об этом мать, которая вскоре получила от него посылку — крест Почетного Легиона, врученный капитану за особую выказанную храбрость губернатором Алжира. Бедная мать заплакала от радости.

Да, теперь прошлое больше не существовало: крест на груди сына изгладил позорное пятно, лежавшее на памяти отца. Теперь Альбер снова мог смело глядеть всем в лицо, и с его возвращением Мерседес могла воскреснуть для новой жизни. Но

надежда эта скоро рассеялась. Альбер перестал писать, и через три месяца Мерседес послала графу Монте-Кристо записку, дышавшую глубоким отчаянием. Сердечный вопль бедной матери: «Приезжай — я умираю от горя!» — заставил графа встрепенуться. Со всей энергией и силой воли принялся он за дело. В то время как пленник томился в своей мрачной темнице, сотни рук уже работали над его освобождением…

Застигнутый врасплох в ущелье Уэд-Зая, Альбер был свидетелем гибели своих товарищей, самого же его связали и увезли в пустыню. Куда и зачем — он не знал, но ему было известно, что кабилы всегда убивают своих белых пленников.

Крепко связанный и посаженный на лошадь, стремительно несся Альбер по необъятной пустыне. Сыны пустыни, как мрачные демоны, сновали вокруг него. Бешеная скачка продолжалась безостановочно, и пленник в конце концов потерял сознание.

Оно вернулось к нему лишь тогда, когда он очутился в мрачной темнице, тяжелая цепь приковывала его к влажной стене. Проходили часы, дни, месяцы, но судьба несчастного не менялась. Он не слышал человеческого голоса. Не раз Альбер пытался заговорить с тюремщиком,

ежедневно носившим ему пишу, но ничего не добился. Тюремщик или не понимал арабского или ему было приказано молчать.

История Монте-Кристо была известна Альберу по рассказам матери: он знал, что Эдмон Дантес в течение четырнадцати лет был заключен в замке Иф, и при одном этом воспоминании капитан содрогался от ужаса… Если бы он мог убежать, но о бегстве нечего было и думать…

Альбер скоро пришел к заключению, что гранитные стены его темницы непроницаемы, разорвать железную цепь невозможно, отверстие в потолке для притока свежего воздуха недосягаемо.

Долго крепился Альбер, но, наконец, не выдержал: отчаяние сломило его, и он решился умереть. Лишенный какого бы то ни было оружия, он отказался от пищи и морил себя голодом.

Смерть тихими шагами приближалась к ему, с какой радостью он встретит желанную гостью! По уходе тюремщика у пленника потемнело в глазах и он прошептал:

— Матушка, прости меня, но я не мог поступить иначе!

С трудом приподнявшись, капитан прислонился к стене: как военный, он хотел умереть стоя.

Скрестив руки на груди, он, казалось, пронизывал взором окружающий мрак, в котором на мгновение как будто обрисовался образ его матери: она протягивала к нему руки, называла по имени, и он восторженно шептал в ответ:

— Иду, матушка, иду!

Вдруг за стеной послышался шум — без сомнения, то были убийцы: они пришли за ним… Но он встретит их как храбрый солдат и не дрогнет перед смертью. Железная дверь задрожала под ударами, одновременно сверху раздался знакомый ему голос!

— Капитан, капитан! Не отчаивайтесь — помощь близка!

В эту минуту дверь рухнула под ударами, и дикая орда с марабутом во главе хлынула в темницу…

36. Лев в борьбе со львом

На расстоянии шестидесяти миль от Уарглы, на горной равнине Хебка расположился для отдыха большой караван. С грустью смотрели путники на голую местность. Каменистая почва не имела и признака растительности, и лишь кое-где громоздились мрачные скалы. Даже солнце сияло каким-то тусклым, мертвенным блеском, ведь недаром жители пустыни называли эту равнину «Полем смерти».

На этом плоскогорье Монте-Кристо разбил свои палатки. Высадившись в Боне, он не терял ни минуты: граф помнил, что обещал двум матерям возвратить их сыновей — и горячо принялся за дело.

В своей жизни Монте-Кристо все изучил, все испытал, все взвесил, и поэтому он тотчас же сделал необходимые распоряжения. Его караван состоял из ста человек, двухсот лошадей и восьмисот верблюдов, нагруженных провиантом и бурдюками с водой и вином. Сам граф и Сперо ехали впереди; затем следовали Бертуччио, Жакопо и Кукушка, а за ними всадники и погонщики со своими лошадьми и верблюдами.

Какой-то внутренний голос шепнул графу: «Иди к югу», и он безотчетно повиновался.

Покидая корабль, он развернул перед собой карту этого района пустыни и, указав пальцем на Уарглу, сказал:

— Вот куда мы должны направиться: в Уарглу, там мы найдем того, кого разыскиваем.

Прощальный привет Мальдара раскрыл графу глаза. Отлично образованный, Монте-Кристо тотчас же сообразил, с какой стороны ему следует напасть на врага. Он знал, что пленение Абдель-Кадера было только началом кровопролитной войны, что священный оазис Уаргла был пунктом сбора людей, готовых к ожесточенной войне.

|Имя Магомета-бен-Абдалла, названное ему зуавом, было знакомо графу, он знал, что этот вероломный бунтовщик притворно подчинился французским властям, от которых даже получил титул Телемсенского калифа. Затем он скрылся и скоро вынырнул в Мекке.

Но как случилось, что Монте-Кристо не узнал Магомета-бен-Абдуллу в арабе Мальдаре, которого он приютил на своей яхте? Гнусный шпион за оказанное ему гостеприимство заплатил тем, что взломал дверь каюты и оставил в ней кинжал с привязанной к нему полоской пергамента,

на котором стояла страшная угроза: «Берегись куанов!»

Куанами назывались члены арабской секты, единственная цель которой состояла в избиении и поголовном истреблении европейцев вообще и христиан в особенности.

Это было хорошо известно графу, и для борьбы с этим лютым врагом он отправился в пустыню.

Уаргла была уже недалеко… может быть, там он найдет сына Мерседес…

Наступила ночь. Монте-Кристо и Сперо удалились в палатку, и весь караван расположился на ночлег. Граф сел к столику и начал писать письмо жене, временами оглядываясь на безмятежно спавшего на львиной шкуре сына.

При взгляде на этого мальчика граф сознавал, что слишком жестоко в свое время покарал Вильфора, но в то время Монте-Кристо еще не был отцом…

Да, необходимо было во что бы то ни стало возвратить Мерседес ее сына, чтобы кара Божья не пала на голову Сперо, вдвойне поразив Гайде.

Вдруг Сперо громко крикнул во сне:

— Нет, нет, оставьте меня… батюшка, защити меня, они хотят утащить меня с собой… защити!

— Что с тобой, Сперо? — озабоченно сказал

граф.— Ты, верно, видел тревожный сон.

Сперо в полусне боязливо всматривался в угол палатки.

— Батюшка,— прошептал он,— я видел это наяву… Там, в углу, раздвинулась стенка палатки, и в этой щели показалась темная фигура… Она скрылась… затем в палатку заглянули двое черных и худых, как скелеты. Они подошли ко мне, трогали меня руками и хотели взять с собой. Я не мог шевельнуться: их взгляды сковали меня. Наконец я крикнул — и страшное видение исчезло.

Граф побледнел, как полотно.

— Успокойся, мое дорогое дитя, это был сон — ничего более. Засни, и да хранит тебя Бог!

— Батюшка, я боюсь не смерти, но разлуки с тобой! — прошептал мальчик.

Монте-Кристо склонил голову. Что, если у него в самом деле похитят обожаемого им сына? Но это невозможно, нет, Сперо видел все это во сне!

Мальчик снова заснул, граф нежно поцеловал его и прошел в угол палатки, в котором, по словам сына, появились загадочные люди.

Монте-Кристо провел рукой по стенке и вскрикнул. Так это был не сон! Ткань была разрезана сверху донизу!

Кровь застыла в жилах графа. С какой целью

эти люди хотели проникнуть в его палатку? Убить его или же похитить Сперо?

Монте-Кристо вышел из палатки.

Орлиным взором окинул он лагерь: казалось почти немыслимым, чтобы два человека неслышно и незаметно могли прокрасться в лагерь мимо часовых; но дыра в стенке была очевидным доказательством этого.

В раздумье вернулся граф в палатку и, не откладывая, тщательно заделал разрез проволокой. Затем он придвинул столик к выходу и снова принялся за письмо. Пусть спит Сперо — за него бодрствует отец.

Вдруг в лагере раздался страшный крик и одновременно послышался рев льва. Очевидно, происходила борьба между человеком и царем зверей.

Граф моментально схватил карабин, поднял с постели Сперо, которого не хотел оставлять одного, и вместе с сыном выбежал из палатки.

Весь лагерь был в движении: верблюды жалобно кричали, арабы в отчаянии ломали руки и метались во все стороны — их охватил панический ужас.

Рев приближался. Монте-Кристо возвысил голос и крикнул:

— Ни с места! Успокойтесь и повинуйтесь мне, я ручаюсь за ваши жизни!

— Я здесь! — вскричал подбежавший Кукушка.— Командир, возьмите меня с собой: я сумею одолеть льва!

— Господин, — умоляющим тоном произнес Жакопо, — возьмите мою жизнь, но берегите свою!

— Благодарю вас, друзья мои,— ответил глубоко тронутый граф, — успокойте вы этих трусов, наведите в лагере порядок, а борьбу со львом предоставьте мне. Вам обоим доверяю я своего сына. Вы отвечаете мне за его жизнь!

— Командир,— сказал зуав,— оставьте тут Жакопо, а меня возьмите с собой, я, может быть, буду не лишним.

— Идем, и да поможет нам Бог!— согласился граф.— Но помни, что первый выстрел принадлежит мне! Если же я промахнусь,— продолжал он с тонкой улыбкой,— тогда пусть стреляют другие.

Толпа испуганных арабов окружила графа.

— Кто из вас видел льва? — спросил он.— Где он?

В эту минуту раздался страшный рев, а затем выстрел.

— Во имя Бога, вперед,— вскричал граф и бросился туда, откуда слышался рев.

Луна своим бледным светом освещала окрестности. На скале с поднятой гривой и широко раскрытой кроваво-красной пастью сидел царь пустыни. Его передние лапы прижали к земле жертву.

Это был Бертуччио, приемный отец Бенедетто, долголетний и преданный управитель графа.

Он наполовину свесился со скалы, судорожно сжимая в руке разряженное ружье. И никто не мог сказать — был ли он еще жив.

Повелительным жестом отстранив своих спутников, граф бесстрашно подошел ко льву и взглянул на него в упор.

Зверь глухо зарычал, смертельный страх обуял всех: малейшее движение могло погубить Бертуччио, если он был еще жив.

С ужасом Монте-Кристо заметил, что лев занимал более выгодное положение: он сидел на скале, и пуля графа легко могла поразить Бертуччио… Целить в глаза льва граф не мог — мешала рука корсиканца.

Бледный, но спокойный пошел граф вперед и направился к скале, на три метра удаленной от той, на которой расположился лев. Наконец он достиг ее, взошел на вершину и очутился лицом к лицу со своим страшным врагом.

Казалось, что состоится жестокий поединок. Лев поднялся и приготовился к прыжку. Именно на это и рассчитывал граф. Грянул выстрел — и лев, перекувыркнувшись в воздухе, упал на землю. Он был мертв.

Граф склонился над Бертуччио. На груди несчастного зияла рана, из которой ручьем лилась кровь. В страшном волнении Монте-Кристо поднял голову раненого и, склонившись над ним, прошептал:

— Друг, старый верный друг, откликнись, жив ли ты?

Сознание вернулось к умирающему, в глазах которого блеснула радость.

— Господин,— тихо пролепетал он,— мой добрый, дорогой господин!

Граф растирал холодеющие руки верного слуги, и его жгучие слезы падали на лицо Бертуччио.

— Ты узнаешь меня? — спросил граф, рыдая.

— Да, да, мой дорогой господин. Лев меня одолел. Подобно острым ножам его когти вонзились в мою грудь.

— О, если б я мог спасти тебя!

— Вы убили льва?

— Да, но слишком поздно!

— О, я знал, что вы придете,— со слабой улыб-

кой прошептал умирающий.

— Бертуччио, нет ли у тебя желания или просьбы, которые я мог бы исполнить? Говори — ты знаешь, что можешь вполне довериться мне!

Бертуччио с усилием приподнял голову.

— Сейчас… сейчас,— прошептал он, задыхаясь. еще один глоток… Сперо… вы сами.

— Пей,— сказал граф, — пей,— и поднес фляжку ко рту умирающего. Бертуччио выпил глоток и затем, собрав остаток сил, довольно явственно произнес:

— Господин, берегитесь… врагов! Я их видел… я их преследовал и… наткнулся на льва!

— Ты говоришь — враги? Правда ли это? Сколько их было?

— Двое.

Монте-Кристо содрогнулся: он сразу же вспомнил о рассказе Сперо.

— Да, двое. Я их застал… когда они… затаились возле вашей палатки… мне следовало позвать вас… но я… хотел доказать, что я… более… чем наемник. О, я так… люблю вас и Сперо…

— Добрый, верный друг, ты узнал этих врагов?

— Да… это были арабы… племени… аяссун, кажется… Кукушка мне их… описал… Берегите себя… и Сперо!

— Его я берегу, теперь говори о себе. Нет ли у тебя какого-нибудь заветного желания?

— О, если бы я смел!

— В течение двадцати лет ты был мне верным и преданным другом, я этого не забыл и не забуду. Говори, Бертуччио. И клянусь моей честью, что исполню любую твою просьбу.

— Дорогой господин мой… дело идет… о негодяе…

— Что ты этим хочешь сказать?

— Это безумие… я сознаю… я сам хотел его убить… и вы… меня удержали… но я, однако…

— Бертуччио, неужели ты говоришь о Бенедетто?

— Да, о нем, моем злом гении! О, господин, вы удивлены… но когда я держал… на руках… крошечное созданьице, обреченное на смерть…

Кровь хлынула из раны Бертуччио, он задыхался. Граф еще раз поднес ему флягу ко рту. Подкрепившись, умирающий продолжал:

— Дорогой господин мой, вы знаете, что я хотел убить Вильфора! Я ранил его, но не смертельно… я вырвал у него ящичек… он зарывал его в землю… я полагал, что в нем скрыт клад. Но вместо клада я нашел в ящичке заживо погребенное дитя, дитя несчастья! О, как я полюбил этого

ребенка! Сознаю, что эта любовь была безумием. Бенедетто убил мою бедную Ассунту, любившую его, как родного сына! С юных лет он уже был преступником, лжецом, обманщиком, вором и, наконец, стал убийцей!

Бертуччио замолк, зубы его стучали и дыхание прерывалось.

— И этого негодяя… этого отъявленного злодея…

— Да, он злодей, но…

— Ты любишь его до сих пор?

— Да.

Монте-Кристо с удивлением смотрел на корсиканца… Для него это была неразрешимая загадка. Бертуччио спас от смерти ребенка своего злейшего врага, он воспитал малютку, горячо любил мальчика, который отплатил ему черной неблагодарностью и опозорил его честное имя. Как корсиканец мог до сих пор любить Бенедетто?

— Не кляните меня, дорогой мой господин, — простонал Бертуччио,— вы заставили меня говорить… и я сказал.

— Бертуччио,— произнес растроганный граф,— я не понимаю тебя, но удивляюсь тебе! Будь спокоен: твое желание относительно Бенедетто будет исполнено. Скажи, чего именно ты про-

сишь?

— Немногого. Обещайте мне — при встрече с Бенедетто… не убивайте его… пусть он умрет не от вашей руки!

Со свистом вылетели последние слова из груди умирающего. Монте-Кристо обнял его и сказал громким торжественным голосом:

— Клянусь своей жизнью, жизнью моего сына — не убивать Бенедетто даже тогда, когда он сам нападет на меня!

— Благодарю… благодарю… мой дорогой господин! О… теперь… я умру спокойно! Поцелуйте меня… скоро… всему… конец…

Граф поцеловал своего верного слугу, лицо которого озарилось блаженной улыбкой.

— Еще раз,— прошептал он,— я вас благодарю… так как… любил… вас… господин! — Затем глаза Бертуччио закрылись, корсиканец откинулся назад и умолк навсегда!

Со слезами на глазах поднялся с колен Монте-Кристо, бережно опустил на землю труп и прошептал:

— Да воздаст тебе Бог за то, что сделал ты для меня и моего ребенка! За нас ты погиб, мир праху твоему!

Медленно удаляясь, граф еще раз взглянул

на убитого льва и вдруг почти что с испугом отступил. Около трупа хищного зверя стояла неизвестно откуда взявшаяся одинокая фигура в белом одеянии.

— Лев победил льва,— мелодичным голосом сказала она по-арабски,— я искала тебя и нашла, хвала Аллаху!

Граф остановился в изумлении: перед ним стояла стройная, красивая девушка, закутанная в белый плащ, на голове ее — такое же покрывало, черные глаза ярко блестели из-под прозрачной вуали.

Откуда взялась здесь, около трупа льва, эта эфирная, фантастическая фигура? Граф подошел к ней и, глядя на нее в упор, коротко спросил:

— Кто ты такая?

37. Медже

Девушка коснулась своей хрупкой рукой лба графа и тихо сказала:

— Я та, у которой больше нет семьи — ее замучили в пытках, нет более родины — родина изгнала меня, нет более друга — мой единственный друг находится в плену!

— Так ты Медже? — воскликнул Монте-Кристо.

— Да, я Медже,— гордо ответила девушка и медленно откинула покрывало.

Много красивых женщин встречал в своей жизни Монте-Кристо, но красота юной аравийки поразила его. Чудные миндалевидные глаза, правильный носик и классически очерченный рот, черные, шелковистые, от природы вьющиеся волосы и жемчужные зубы — все это вместе составляло очаровательное целое.

В эту минуту подбежал Кукушка и, увидев молодую девушку, вскричал:

— Командир, это Медже! Спросите у нее, где находится ее «миленький папочка».

При восклицании зуава личико Медже покрылось смертельной бледностью, она протянула руки к югу и печально сказала:

— Папочка там внизу, в подземелье…

— Папочкой ты называешь капитана Жолиетта? — перебил ее граф.

— Да.

— И он находится в Уаргле, священном городе пустыни?

Девушка вздрогнула и прошептала:

— Да, он в Уаргле. Там он страдает и там они убьют его!

Повелительным жестом граф приказал окружавшим его арабам удалиться: они могли подслушать разговор, а Монте-Кристо не доверял никому из них.

— Зачем ты сюда пришла? — спросил он.

— Я искала тебя.

— Меня? Разве ты знаешь меня?

— Нет.

— Кто-нибудь назвал тебе мое имя?

— Нет.

— В таком случае почему ты искала меня?

Медже поцеловала руку графа и прошептала:

— Я скажу тебе все: моя воля склоняется перед твоей, но только пусть уйдут эти люди.

Граф внимательно посмотрел на девушку: на щеках аравийки виднелись две шестиугольные звезды, и, озаренный новой надеждой, он сказал:

— Иди за мной, Медже!

В эту минуту арабы, только что заметившие убитого льва, разразились восторженными криками и склонились перед победителем.

— Кукушка,— сказал зуаву Монте-Кристо,— возьми с собой несколько человек и унесите тело Бертуччио, завтра с восходом солнца мы похороним его.

— Бедный Бертуччио,— со вздохом сказал Шакал,— славный был товарищ…

— И добрая душа,— прибавил граф.

К нему подошел Сперо. Мальчик обнял отца и спросил:

— Отец, почему ты не взял меня с собой?

— Дитя мое, я шел навстречу льву.

— Но ты не боялся, чего же было бояться мне?

Граф с гордостью посмотрел на сына, который в эту минуту заметил Медже.

— Кто это, батюшка? — тихо спросил он.

— Наш друг, Сперо, дай ей руку.

Сперо исполнил просьбу отца. Медже поцеловала его руку и прошептала:

— Сын победителя льва, да сочтет Аллах годы твоей жизни по числу поцелуев, полученных тобой от отца!

Монте-Кристо, Сперо и Медже направились к

палатке. Внезапно их остановил один из арабов, подняв руки, он воскликнул:

— О, господин, выслушай меня! Не допускай в лагерь эту женщину…

— Почему?

— Взгляни на знаки на ее щеках! На ней лежит проклятье!

Медже закрыла лицо руками, а граф воскликнул:

— Молчи! Слабый всегда имеет право на гостеприимство сильного.

— Господин, господин, послушайте меня! Эта женщина колдунья, проклятая волшебница! Горе нам всем, если она войдет в лагерь, тогда мы покинем тебя!

— Уходите,— холодно ответил граф и, обратясь к девушке, продолжал: — Не бойся, имя, произнесенное тобой, освятило тебя в моих глазах.

Затем он сказал арабу:

— Уходи… Уходите все. Я и без вас найду дорогу: и если на вас нападет лев, расправляйтесь с ним сами!

Толпа арабов окружила графа, раздался общий крик:

— Победитель льва, мы не покинем тебя!

Араб, предостерегавший графа, выступил впе-

ред:

— Я сказал и повторяю: если колдунья остается в лагере — я ухожу!

Монте-Кристо обратился к Жакопо:

— Рассчитай этого человека, и пусть он идет куда хочет…

Все трое вошли в палатку.

— Итак, начал граф,— ты, Медже, знаешь капитана Жолиетта?

— Да, он спас мне жизнь и поэтому стал моим повелителем и господином.

— Ты знаешь, кем он захвачен в плен?

— Да, знаю. Его захватили наши общие враги. Ведь вы земляк «миленького папочки», который вырвал меня из когтей пантеры?

— Да, Медже, но теперь скажи мне, могущественно ли то племя, которое захватило капитана? Ты знаешь его имя?

Медже содрогнулась.

— Да, это могущественное племя,— робко шепнула она,— этим людям помогают сверхъестественные силы, и горе тому, кого они захватят! Племя это — Аяссуи!

— В данную минуту они владеют Уарглой?

— Господин, выслушай мою историю, тогда тебе будет понятно все. Будь настолько же терпе-

лив, насколько силен.

— К чему это длинное предисловие? — нетерпеливым тоном вскричал граф.— Говори скорее, что надо предпринять для спасения капитана: нельзя терять время. Ты утверждаешь, что он еще жив?

— Да, клянусь в этом, но страдания его ужасны. Господин, он томится в мрачной и сырой подземной темнице Казбы...: О, почему я не могу за него вытерпеть эти муки? Он спас мне жизнь, и теперь его ожидает мучительная смерть!

Медже судорожно ломала руки и горько плакала. Монте-Кристо внимательно следил за ней. Он вспомнил о том, что она, по словам зуава, исчезла одновременно с капитаном Жолиеттом. Желала ли действительно девушка спасти своего покровителя или была лишь ловким орудием его врагов?

— Ты любишь капитана Жолиетта? — спросил граф после небольшой паузы.

— Да,— едва слышно ответила Медже.

— Почему арабы не хотят, чтобы ты оставалась в лагере? На твоем лице я вижу знак, отличающий членов проклятой касты...

— Как, господин, ты знаешь?

— Я знаю,— значительным тоном продолжал граф,— что здесь в пустыне существует союз

убийц, отличительный знак "которых шестиугольная звезда. Ты говоришь, что любишь капитана, моего земляка и друга, а сама между тем принадлежишь к секте куанов, наших злейших врагов!

Медже вспыхнула и, сдерживая рыдания, возразила:

— Выслушай, господин, а затем суди!

— Говори, я слушаю тебя,— сказал граф.

— Мой отец,— порывистым тоном начала Медже,— был могущественный предводитель кабилов, наше племя занимало горную равнину, и дуар моего отца стоял на неприступной скале. Отец был умным человеком и имел большое влияние среди своих земляков, которые усердно работали и жили, в общем, неплохо.

Но вот настал тот день, когда на нашу священную землю, достояние наших предков, впервые вступили твои братья-французы…

Отец мой собрал всех наших, и все они поголовно взялись за оружие для борьбы с чужеземцами.

Во время одной ожесточенной битвы между арабами и французами внезапно в наших рядах раздался крик ужаса: предатель провел врагов окольной дорогой, и они окружили нас со всех

сторон! Поднялась оглушительная пальба, арабы, составляющие отряд моего отца, валились кучами, скоро наших осталось не более сотни, и французы, безусловно, брали верх.

В эту страшную минуту некоторые из наших наткнулись на пещеру, о которой прежде не имели понятия… По предложению сражавшегося вместе с нами марабута, но против воли отца, не доверявшего ему, кучка арабов, теснимая врагом, бросилась в пещеру, спасаясь от пуль. Уступив просьбам марабута, туда же последовал и мой отец. Тогда предатель-марабут крикнул французам: «Мыши попали в мышеловку». Неприятель открыл убийственный огонь.

В глубине пещеры была пропасть, арабы сбились в кучу, и те, что спаслись от пуль французов, погибли в бездне.

Через четверть часа маленький отряд уменьшился наполовину, и французы предложили нашим сдаться. Отец мой, обливаясь кровью, крикнул своим товарищам, чтобы они доверились ему, и бесстрашно вышел из пещеры. -Он был безоружен и гордо заявил, что желает вступить в переговоры с предводителем французов. Начальник неприятельского отряда подошел к нему, подал ему руку и серьезно сказал:

— Ты храбрец, в чем заключается твое желание?

— Я хочу, чтобы моим людям была дарована свобода.

— И что за это ты предлагаешь?

— Мою жизнь и мою клятву.

— Какую клятву?

— Отпусти моих товарищей, и я останусь у вас в плену, и, клянусь Аллахом, отныне ни один человек из племени Бен-Алима не будет сражаться против французов.

— Известно ли тебе, что ты будешь расстрелян?

— Знаю, возьми мою жизнь, но пощади моих братьев.

— Я согласен на твое предложение,— ответил после небольшого раздумья француз,— но знай, что если раздастся хоть один выстрел — никто из вас не уйдет живым.

Отец молча кивнул головой, обмыл свои раны холодной водой, из сострадания принесенной ему противниками, и немного оправился. Он вернулся в пещеру, предложил товарищам сложить оружие и, когда это было сделано слабым голосом сказал:

— Братья, я поклялся французам в том, что

никто из вас никогда не будет сражаться против них, и лишь при этом условии вам даровано право уйти. Согласны ли вы сдержать мою клятву?

— Да,— был ответ горстки уцелевших от гибели удальцов.

Отец снова вышел из пещеры и сказал:

— Мои товарищи согласны. Пощади их и возьми мою жизнь.

Француз был тронут, он подошел к отцу, подал ему руку и произнес:

— Французское правительство ищет в Алжире друзей и союзников, нам не надо рабов, и мы не убиваем безоружного врага. Будь нашим союзником, ты не пожалеешь об этом.

Отец согласился, его товарищи с радостью присоединились к нему, все племя Бен-Али-Ома и до настоящего времени держит свою клятву.

При заботливом уходе раны отца скоро зажили, и жизнь наша пошла по-прежнему. Но другие племена относились к нам враждебно и называли нас изменниками. В особенности ненавидели нас куаны.

Прошло пять лет. Нас посетил один знаменитый французский военачальник, что было для нас большой честью: хижины наши украсились цветами, лошади — пестрыми лентами, нача-

лись игры и был устроен праздник. Мне было тогда двенадцать лет, закутанная в белый плащ, я вышла навстречу французу и поднесла ему пальмовую ветвь.

Наступила ночь, праздник кончился, и все наше селение погрузилось в глубокий сон. Вдруг около полуночи раздались крики и выстрелы, дверь хижины распахнулась, и на пороге показался отец. Он истекал кровью, но замирающим голосом крикнул: «Куаны… спасайтесь…» Затем упал… он был уже мертв!

В эту минуту нахлынули куаны, и я потеряла сознание…

Очнулась я лишь тогда, когда крепко связанная, лежа на крупе лошади, неслась по пустыне. За мной сидел куан. Вокруг нас мчались другие куаны, у каждого из них на седле лежала девушка-пленница. Как в полусне услыхала я голос матери, ободрявшей меня!

У одного оазиса мы остановились: куаны сошли с лошадей, и тогда разыгралась сцена, при одном воспоминании о которой у меня стынет в жилах кровь…

Всех пленников, мужчин и женщин, привязали к столбам, куаны с ятаганами в руках бросились на них и стали терзать их тела, осыпая ударами.

Среди неслыханных пыток моя мать оставалась безмолвной страдалицей — помочь я ей не могла!

Наконец она пала под ударами палачей, и до меня донеслись ее последние слова: «Медже, отомсти за нас и не забудь о клятве твоего отца!»

Крик умирающей врезался в мою душу, а затем я лишилась сознания…

Жгучая боль заставила меня очнуться — я вскрикнула и схватилась за щеку: передо мной стоял человек с черным лицом, в руках он держал раскаленное добела железо.

— Именем Аллаха,— крикнул он,— я запрещаю вам касаться этой девушки: она отмечена священным знаком.

Все куаны почтительно отступили, и сквозь слезы, вызванные невыносимой болью, я увидела, как они упали передо мной на колени, бормоча непонятные мне слова.

Человек, спасший меня, был могущественным шейхом куанов, но только впоследствии узнала я, почему он сжалился надо мной.

Меня увезли в пустыню: куаны обращались со мной почтительно, но мне все было безразлично — в горе и отчаянии я с радостью встретила бы смерть… Для ухода за мной были приставлены

старухи, без умолку твердившие о предстоящей мне высокой задаче. Сначала я не обращала на них внимания, но мало-помалу поняла, что они следовали заранее обдуманному плану: иногда я впадала полусознательное состояние — со мной делались корчи, и я лепетала бессвязные речи. И старухи выдавали их за предсказания. Впоследствие я узнала, что это возбужденное состояние вызывалось во мне искусственно: меня поили разными отварами с опиумом. Когда припадок проходил, я ослабевала, но пульс мой бился усиленно.

С каждый днем куаны относились ко мне все более почтительно, все с большим благоговением. По их понятиям, на мне почивала благодать Аллаха, и все их удачи приписывались моему влиянию. Меня считали пророчицей, и каждое мое слово имело силу закона.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я узнала, какая судьба ожидала меня. Шейх, избавивший меня от лютой смерти наложением священного знака, уже тогда прельстился мной и теперь объявил мне, что я принадлежу ему и должна быть его женой.

И вспомнить страшно! А он, убийца моих родителей, с обагренными их кровью руками,

воображал, что я забуду об этом и отдамся ему… Сначала я отнеслась к нему с презрением, но потом не выдержала — и осыпала его оскорблениями. Он же обнял меня и хотел поцеловать. Я вырвалась из объятий, выхватила из-за пояса кинжал и нанесла себе глубокую рану в грудь… Лучше смерть, чем позор!

Кровь брызнула ему в лицо, он пришел в себя, сорвал свой пояс, перевязал мою рану и, упав на колени, рыдая, умолял меня о прощении.

Страх его был мне понятен — если бы куаны узнали, что он коснулся пророчицы, они немедленно разрубили бы его на куски. Я сжалилась над презренным негодяем, объявила вбежавшим ко мне прислужницам, что случайно ранила себя, а он удалился. Его жизнь была спасена. Но тогда я решилась бежать и ждала только удобного случая. И он скоро представился.

Однажды ночью в лагере поднялась тревога: на куанов племени Аяссуа, державших меня в плену, напало другое племя, враждовавшее с ними. Завязалась отчаянная схватка: пули сыпались градом, зарево подожженных палаток осветило небо. Я воспользовалась общей суматохой и незаметно ползком выбралась из лагеря. Долго шла я и, наконец, утомленная, упала и лишилась

сознания. Когда я пришла в себя, то увидела, что нахожусь среди оазиса. Невдалеке журчал ручеек. Я напилась холодной воды, утолила голод финиками и к вечеру по звездам, как учил меня когда-то отец, стала пробираться к северу. Там жили наши друзья-французы, у них я надеялась найти приют.

Бодро шла я вперед. Вдруг у меня замерло сердце: из-за куста сверкнули глаза пантеры! Я хотела крикнуть и не могла… в ту же секунду зверь бросился и свалил меня с ног…

Очнулась я, когда какой-то человек заботливо перевязывал мою рану — он вырвал меня из когтей пантеры. Звали его капитан Жолиетт!

Для меня наконец настала счастливая пора безмятежного счастья: капитан взял меня в лагерь и ухаживал за мной, как нежный и любящий отец. Я называла его «миленьким папочкой» и привязалась к нему всей душой.

Но золотые дни миновали, и над бедной моей головой снова собралась гроза. Раз ночью меня разбудил странный шорох, и я поднялась с постели: у стены палатки стояла какая-то темная фигура, глаза во мраке сверкали, как огни. Я хотела крикнуть, но видение исчезло, и мне показалось, что все это я видела во сне. Но то

был не сон. Холст палатки оказался разрезанным острым кинжалом, и я поняла, что это был кинжал куана!

При этих словах Монте-Кристо невольно вздрогнул. Он вспомнил, что такое же видение явилось и его сыну, и что холст палатки был разрезан таким же образом… Что, если и Сперо грозит такая же опасность?

— Я не могла заснуть всю ночь,— продолжала Медже.— Когда рассвело, я побежала к капитану, который во главе небольшого отряда собирался в экспедицию. Я напрасно умоляла его, чтобы он остался в лагере — мой покровитель посмеялся над моими страхами и назвал меня дурочкой. Мои мольбы были напрасны; он простился со мной и двинулся в путь.

Наступила ночь, капитан не возвращался. Страшно встревоженная, выбежала я за черту лагеря — ему навстречу. Вдруг сзади меня схватили чьи-то руки, мне заткнули платком рот, связали по рукам и ногам, бросили на лошадь и увезли. Конь понесся, как вихрь. Сколько времени продолжалась эта бешеная скачка — не знаю. Наконец, платок был вынут из моего рта, и надо мной склонился человек. Я узнала его — это был шейх куанов племени Аяссуа!

— Теперь ты не уйдешь от меня, Медже,— шепнул он мне страстно, и мы понеслись дальше.

Наконец, мы достигли Уарглы. Меня заперли в одну из башен Уарглы — Казбу и приставили ко мне тех же страшных прислужниц.

Сначала я хотела уморить себя голодом, но какое-то предчувствие говорило мне, что, быть может, я могу еще быть полезной моему другу…

Два дня спустя после моего прибытия в Уарглу на улице раздались бешеные вопли, я бросилась к окну и… громко вскрикнула.

Несколько арабов, закутанных в темные плащи, несли окровавленное и безжизненное тело моего покровителя, капитана Жолиетта. В ту же минуту до моего плеча дотронулась тяжелая рука. Я обернулась — передо мной стоял шейх.

— Человек, похитивший тебя у нас, находится теперь в наших руках,— сказал он.

— Он жив? И вы, презренные, его убьете?

Шейх злорадно улыбнулся.

— Не сейчас,— ответил он,— это было бы слишком рано! Посмотри туда,— и он снова подвел меня к окну.

Арабы остановились перед низенькой дверью и положили капитана на землю.

— За этой дверью,— глухим голосом произнес

шейх,— исчезнет твой друг! Он будет томиться в сырой и темной подземной темнице и выйдет на свет лишь тогда, когда лишится рассудка!

В ужасе закрыла я лицо руками. Шейх же снова злобно улыбнулся.

— За какую цену ты согласился бы спасти моего друга? — шепнула я ему.

— Эта цена — ты, Медже!

— Хорошо,— сказала я,— я буду твоей рабой: мучай, пытай меня, но спаси его!

— Нет,— страстно ответил он,— не того я хочу, Медже! Мне нужен свет твоих очей, улыбка твоих уст! Мне нужно, чтобы ты отдалась мне сама!

При этих словах меня обдало холодом. Но, пересилив себя, я сказала ему:

— Я согласна, но при одном условии!

— Говори! — воскликнул он.— Я шейх, ты будешь царицей моего племени, и все мои сокровища я повергну к твоим ногам.

— Этого недостаточно,— холодно возразила я,— я требую, чтобы ты освободил пленника и проводил его до французского лагеря!

Сначала шейх не соглашался, но я заставила его, наконец, поклясться именем Аллаха и пророка его в том, что он исполнит мое требование.

— И если я сдержу свою клятву,— сказал он

пылко,— ты будешь моей?

— Да.

— Поклянись мне в этом именем Аллаха и пророка его!

— Клянусь! — твердо и громко ответила я.

О себе я не думала: лишь бы спасти того, кто заменил мне отца и мать.

Шейх упал к моим ногам и обнял мои колени, но я оттолкнула его.

— Ступай,— крикнула я,— и сдержи свою клятву. О своей я не забуду.

Он склонился передо мной и исчез. Прошло три дня. Дверь темницы, в которой томился капитан, оставалась закрытой. Не появлялся и шейх. Лишь на четвертый день узнала я о том, что же произошло.

Шейх хотел проникнуть в темницу, но был схвачен куанами. Оказалось, что калиф куанов прислал в Уарглу нарочного с приказом не освобождать пленных до возвращения его самого из Мекки. Шейх воспротивился этому и был немедленно убит.

Честь моя была спасена, но капитан оставался в темнице, и я не осушала глаз.

Попытка подействовать на куанов моим мнимым пророческим даром не удалась: я объявила,

что Аллах требует моими устами освобождения пленных, но они меня не послушались.

Скоро я узнала, что фанатик-марабут возбуждает чернь к поголовному избиению пленников. От страха и тревоги я снова впала в прежнее полусознательное состояние: фантастические образы вставали передо мной, и таинственный голос шептал мне: «Иди в пустыню, и ты найдешь того, кого ищешь. Тот, кто побеждает льва, победит и твоих врагов, и спасет твоего друга».

Голос этот пробудил меня. За мной приглядывали уже не так бдительно, как прежде: я могла свободно ходить по улицам Уарглы, население которой смотрело на меня со страхом и благоговением. Я решилась на побег.

Раз вечером я направилась к главным воротам города. Белый плащ и покрывало совершенно скрывали меня. Стража, стоявшая у ворот, при моем появлении затрепетала. Бормоча изречения из Корана и описывая рукой круги в воздухе, шла я вперед. Часовые побросали свои ятаганы и ружья и с криками разбежались, я же вышла за ворота…

Аллах привел меня к тебе, господин. И я была свидетельницей, как ты победил льва. Ты тот, кого я не раз видела во сне, тот, кого я искала и

нашла!

Медже умолкла и упала к ногам графа.

— Дитя,— серьезным тоном сказал Монте-Кристо,— не думай, что тебя привела сюда сверхъестественная сила. Голос, который слышала ты, был голосом твоего доброго и признательного сердца. Помоги мне Бог спасти нашего общего друга!

— И ты спасешь его! Я знаю и чувствую это,— торжественно сказала Медже.

Монте-Кристо позвал Жакопо и Кукушку.

— Немедленно зарядить все ружья и приготовить все к выступлению! — приказал он.

— Наконец-то! — с восторгом крикнул зуав.— Меня давно подмывает на рукопашную и добрую перестрелку!

Как бы в ответ на это раздались выстрелы и оглушительные крики. На лагерь напали арабы. Граф, Кукушка, Жакопо и другие бросились туда, откуда слышалась пальба. Пули сыпались градом. Граф приказал своим людям приготовиться к обороне, а сам впереди всех устремился к северной границе лагеря.

Но тут произошло нечто неожиданное. Откуда-то появилась группа всадников.

— Стреляйте! — крикнул граф своим людям,

но в эту же минуту всадники повернули назад и исчезли. Люди графа дали залп в воздух, и где-то наверху, на скале, раздался хриплый крик, похожий на крик хищной птицы.

Этот крик болью отозвался в груди графа. Он ударил себя по лбу и бросился к своей палатке. Страшное предчувствие не обмануло его: палатка была пуста, львиная шкура лежала на земле… Сперо исчез!

Монте-Кристо едва не лишился рассудка… Этот человек, одаренный железной волей и невозмутимым хладнокровием, ревел, как дикий зверь, и, опрокидывая по дороге все, как бешеный метался по лагерю, крича:

— Сперо! Сперо!

Но пустыня была безмолвна. Граф взбирался на высокие мрачные скалы и обозревал окрестности — нигде ничего не было видно!

Теперь он понял все: враги затеяли ложную атаку, чтобы выманить его из палатки, а между тем похитили Сперо.

Несчастный отец заплакал жгучими слезами, но скоро они иссякли, и Монте-Кристо крикнул громовым голосом:

— Туда! В Уарглу!

38. «Капитан, не надо умирать!»

Мы покинули капитана Жолиетта в тот момент, когда в темницу ворвалась разъяренная толпа с марабутом во главе. Одновременно откуда-то сверху послышался голос:

— Капитан, не надо умирать!

Фанатики уже хотели броситься на Альбера, но марабут повелительным жестом остановил толпу.

— Отведите пленника наверх! — сказал он строгим тоном.— Пусть все наши братья увидят, каким мучениям Аллах подвергает тех, кто противится ему.

Альбера схватили и повели наверх. Высоко подняв голову, шел он на верную смерть, и ему слышался все тот же голос:

— Капитан, не надо умирать!

Пленника вывели за ворота Казбы, на улицу, толпа бешено заревела:

— Смерть ему! Смерть ему!

Марабут приблизился к капитану, положил ему на плечо свою костлявую руку и произнес:

— Велик Аллах, и нет Бога кроме него!

Все замолкли, настала могильная тишина. Ма-

рабут прочитал несколько изречений из Корана и затем протянул руку в направлении востока. Толпа раздвинулась, и появились люди, вид которых вселял отвращение и ужас.

Все они были высокого роста, худощавого телосложения и плотно укутаны в белые бурнусы. У каждого на правом плече выделялась кроваво-красная шестиугольная звезда, а истощенные лица и налитые кровью глаза придавали им какой-то нечеловеческий вид. Во главе шел предводитель. Он держал в руке длинную палку, обвешанную блестящими ножами; ножи позвякивали, а фанатики шептали молитвы.

— Куаны, куаны! — тихо пронеслось в толпе, и все преклонили колена.

Капитан Жолиетт понял, что эти мрачные фигуры — предвестники смерти, и не сводил глаз с предводителя куанов.

Марабут бросился к ногам последнего и с благоговением поцеловал край его бурнуса.

В толпе пронесся одобрительный шепот. Куаны стояли неподвижно, как статуи, и не поднимали глаз.

— Чего вы медлите, подлые убийцы? — громко вскричал Альбер. — Я готов, убейте же меня скорей!

Предводитель куанов сверкнул глазами.

— Ты хочешь смерти,— сказал он,— пусть будет по-твоему! Но твоя смерть будет медленной и мучительной: ты не выдержишь и станешь молить о пощаде!

— Никогда! — гордо ответил Альбер.

— Не спеши: сейчас ты увидишь, какие пытки ожидают тебя. — Затем он вскричал: — Пусть приведут сюда остальных пленников.

По знаку, поданному предводителем, капитана привязали к столбу таким образом, что он не мог повернуть головы и невольно должен был видеть все перед ним происходящее…

Железные ворота Казбы снова отворились, и в них. показались пленники — числом около тридцати. Большинство из них были французские солдаты: исхудалые, истомленные долгим заключением, они едва держались на ногах и, ослепленные резким переходом от мрака к свету, невольно закрывали глаза. Но, увидев куанов, несчастные поняли, что их ожидает смерть, и бодро, как и положено солдатам, пошли ей навстречу.

По приказанию предводителя их провели у столба, к которому был привязан Альбер. Осужденные узнали его и выкрикнули:

— Да здравствует наш капитан!

Альбер не выдержал: на его глазах показались слезы. Но в эту минуту его внимание было привлечено странной личностью, что замыкала шествие. Крепко связанный, подобно остальным, этот человек, казалось, сохранил известный юмор и шел на казнь, как на прогулку.

Он был в клетчатых панталонах в обтяжку и на его шелковом жилете еще сохранились следы вышивки, а на синем суконном сюртуке блестела случайно уцелевшая золотая пуговица. На его лаковых штиблетах не было подошв, и из них выглядывали пальцы, а на голове красовалась огромная шляпа. Длинная борода почти закрывала исхудалое лицо этого человека, умные черные глаза внимательно глядели по сторонам.

Когда этот человек поравнялся с марабутом, то крикнул по-французски:

— Ну ты, старый плут, любоваться мне на тебя, что ли?

Марабут, не понявший этих слов, посмотрел на него с изумлением, французы же громко рассмеялись.

Альбер не сводил глаз с этого человека: где и когда он встречал его?! Незнакомец поднял голову и, пристально посмотрев на Альбера, сказал:

— Капитан, во имя всех чертей и святых, не надо умирать!

— Как? — спросил изумленный Альбер.— Так это были вы?

— Да, я, Гратилье, журналист, друг господина Бошана и ваш друг,— продолжал шепотом Гратилье. Он, очевидно, хотел показать арабам, что молится, его расчет оправдался, и на журналиста больше не обращали внимания.— Капитан, вам необходимо немедленно подумать о том, как спастись, завтра, пожалуй, уже будет поздно,— добавил репортер.

Надежда снова воскресла в груди Альбера. Но как могли они ускользнуть от своих палачей?

В эту минуту куаны, по знаку предводителя, обнажив ятаганы, бросились на пленников, стоявших впереди, и в мгновение буквально изрубили их на куски. Другие принесли раскаленное добела железо, и скоро послышалось шипение горящего мяса и хруст ломаемых костей.

При этом отвратительном зрелище Альбер невольно закрыл глаза, но предводитель подошел к нему и с насмешкой спросил:

— У тебя не хватает духу смотреть на эти муки, безропотно переносимые твоими товарищами?

Капитан, пересилив себя, снова открыл глаза.

Бойня продолжалась: куаны в каком-то бешеном религиозном экстазе топтали ногами умирающих и с жадностью пили их теплую кровь.

Предводитель куанов и марабут, скрестив руки на груди, читали изречения из Корана и взывали к Аллаху, в честь которого они приносили в жертву своих ближних.

Пленников осталось человека три, в том числе был и Гратилье. Скоро должна была наступить его очередь, и тогда…

На Альбера напал столбняк; в каком-то оцепенении смотрел капитан на подступавший к его ногам кровавый поток…

В этот момент Гратилье, как сноп, упал на землю. Его никто не трогал, но он лежал неподвижно среди трупов, плавающих в крови; без сомнения, несчастного убил ужас…

Вдруг, как по мановению волшебной палочки, сцена изменилась. Шейх, марабут и куаны, а за ними и вся разъяренная толпа, обратились в бегство… Все исчезли, позабыв о капитане.

Альбер тщетно пытался объяснить причину внезапного исчезновения своих палачей.

День клонился к вечеру, и в последних лучах заходящего солнца капитан увидел кавалькаду, движущуюся по главной улице Уарглы. Впереди

всех ехал человек высокого роста, зеленая чалма на его голове давала знать правоверным, что он возвращается из Мекки, от священной гробницы великого пророка.

Кто был этот человек, прибытие которого обратило в бегство толпу и, очевидно, спасло Альбера?

На широкой площади у главной мечети Уарглы, с искаженным от гнева лицом, стоял Мальдар. Он, и никто другой, был человек, носивший зеленую чалму.

Под ложным именем прокрался он на корабль графа и воспользовался оказанным ему гостеприимством. Его прощальный привет был угрозой, и Монте-Кристо тотчас же сообразил, что под личиной Мальдара скрывается страшный Мохамед-бен-Абдалла, непримиримый враг европейцев.

Он поклялся истребить их поголовно в своей стране и, наверное, сдержит клятву, в этом граф был твердо уверен.

Хитрый и коварный по природе, Мальдар приобрел доверие французов, овладевших Тлемсеном, которые считали его своим верным и преданным союзником. Усыпив таким образом бдительность французских властей, обманщик

приступил к организации обширного и смелого заговора. С этой целью он вошел в сношения с куанами, без труда уверив их, что он, Мальдар, ниспослан Аллахом, повелевшим ему объявить священную войну для изгнания поработителей. Его слова пали на хорошую почву, и куаны горячо принялись за дело.

Одного недоставало Мальдару: для окончательного убеждения арабов в непреложности его священной миссии ему необходимо было отправиться в Мекку для поклонения гробнице пророка.

Мальдар отправился в Мекку, поручив своим эмиссарам возбуждение умов и подготовку восстания. По его возвращении оно должно было вспыхнуть. По приказанию Мальдара куаны появлялись то здесь, то там, нападали на французские отряды и захватывали пленных. Отважный вождь запретил их умерщвлять до своего возвращения, он сам должен был определить, каким образом должны быть принесены в жертву Аллаху враги его родины. Узнав, что куаны пренебрегли его запрещением, Мальдар пришел в страшный гнев.

— О, гнусные и подлые изменники,— в бешенстве кричал он,— как смели вы поступить

вопреки повелениям вождя, ниспосланного самим Аллахом? Как смели вы до моего возвращения коснуться пленных, обреченных мною на смерть во славу Аллаху?

— Прости, прости! — бормотали куаны, потупив глаза и пряча окровавленные руки в складках своих плащей.

— Аллах требует безусловного повиновения,— продолжал разгневанный Мальдар,— и берегитесь, как бы он не отвернулся от вас. Что будет с вами, если я, принесший вам освобождение от чужеземного ига, не признаю вас достойными свободы, снова вернусь к гробнице великого пророка и оставлю вас во власти ваших врагов?

При этих грозных словах Мальдара куаны, только что с изощренной жестокостью умертвившие беззащитных пленников, содрогнулись. Упав на колени, они с мольбой простерли к Мальдару руки.

Он с презрением взглянул на них и приказал удалиться. Толпа повиновалась: при вожде остались лишь шейх и марабут. Мальдар обратился к ним и строго сказал:

— Пока вы тут поступали вопреки воле Аллаха, он даровал мне явное доказательство своего благоволения. Приведите сюда молодого пленника,

который у дверей мечети ожидает решения своей участи.

Шейх удалился и тотчас же вернулся в сопровождении связанного Сперо. Мальчик был бледен, но спокоен, без страха подошел он к Мальдару, мрачно смотревшего на ребенка.

— Подойди ближе,— строго произнес Мальдар,— и скажи мне свое имя.

Сперо скрестил руки на груди и гордо возразил:

— По какому праву ты допрашиваешь меня?

Мальдар стиснул зубы и холодно ответил:

— По праву сильного и по праву возмездия за зло, причиненное нам твоей родиной.

— В моей родине,— пылко возразил мальчик,— живет справедливость.

— Молчи,— воскликнул разгневанный Мальдар,— и отвечай на мой вопрос: как твое имя?

— Зачем мне скрывать его? Меня зовут Сперо!

— Сперо? — злобно-насмешливо повторил за ним Мальдар.— Это имя напоминает о надежде, но скоро тебе будет не на что надеяться! Назови мне также имя твоего отца.

— Имя моего отца? — с воодушевлением воскликнул Сперо. — Пусть тебе назовет его тот, кто совершил преступление и трепещет перед

неумолимым судьей! Впрочем, я скажу тебе его имя, и тогда в жилах твоих застынет кровь, в день страшного возмездия оно прозвучит над твоей головой подобно трубному гласу страшного суда! Мой отец — граф Монте-Кристо!

Мальдар невольно преклонился перед этим именем, но, подавив этот порыв, произнес со злобной улыбкой:

— Да, я знаю это имя. Твой отец принадлежит к числу безумцев, воображающих, что перед ними все должны склоняться! Но я покажу ему, с кем он имеет— дело!

Сперо презрительно молчал.

— Скажи, пожалуйста,— продолжал Мальдар допрос,— твой отец, вероятно, король или царь?

— Нет,— серьезно возразил Сперо,— мой отец не король и не царь. У него нет никаких внешних знаков отличия, а между тем все преклоняются перед его нравственным могуществом: он царит над душами людей!

Мальдар склонился к уху шейха и шепнул тому:

— Этот ребенок — драгоценный заложник, и отец не остановится ни перед чем для спасения своего сына.— Затем он снова обратился к Сперо:

— Правда ли, что твой отец очень богат?

Шейх наклонился к Мальдару и шепнул:

— Мальдар, не заходи слишком далеко!

Сперо услышал эти слова, в упор посмотрел на Мальдара и презрительно сказал:

— К чему ты спрашиваешь о богатстве моего отца? Разве ты не пробрался, как вор, на наш корабль? Разве ты не взломал шкатулку, в которой хранились наши драгоценности?

Мальдар бешено вскрикнул: он не ожидал, что ребенок узнает его, и слово «вор» как громом поразило араба.

Он выхватил ятаган и приставил острие к груди мальчика. Сперо не дрогнул: он спокойно смотрел на врага, но холодный пот, выступивший на лбу, показывал, что он вполне осознавал опасность, в которой находился. Но Мальдар опомнился, опустил ятаган и, тяжело передохнув, произнес:

— Ты храбрый юноша, и твой отец, вероятно, очень любит тебя?

Сперо молчал.

— О, гордое отродье,— пробормотал Мальдар,— я заставлю тебя преклониться предо мной! Я сумею поразить твоего гордого отца: он на коленях будет молить о пощаде!

Он остановился в раздумье и спросил:

— Все ли пленники умерщвлены?

Шейх в смущении, сознавая свою вину, склонил голову, но марабут быстро ответил на вопрос Мальдара:

— Нет, высокий господин, один из них еще жив! Он привязан к столбу и ждет решения своей участи.

— Это решение произнесу я,— сказал обрадованный Мальдар, — кто этот пленник?

— Французский офицер, его зовут капитан Жолиетт.

Сперо невольно вскрикнул: он знал, что для спасения этого человека отец направился в Африку. Неужели все было напрасно?

Дьявольская улыбка появилась на лице Мальдара, и он злобно воскликнул:

— Итак, капитан Жолиетт в наших руках! Слава и благодарение Аллаху, сохранившему презренного христианина для того, чтобы я отомстил! Приведите сюда пленника!

Шейх удалился, а Мальдар большими шагами стал ходить взад и вперед, говоря:

— Наконец-то! Все клонится к тому, чтобы начать священную войну! Горе вам, проклятые гяуры, скоро настанет ваш последний день!

Дверь быстро распахнулась и вбежал испуганный шейх.

— О, господин, господин! — крикнул он, задыхаясь.

— Что случилось?

— Капитал Жолиетт… исчез… убежал…

— Убежал? — в бешенстве вскричал Мальдар.— О, негодяи, вы дорого поплатитесь за это! Но он не мог уйти далеко… Седлай коней. Снаряди погоню! Через час беглец должен быть пойман, а не то не сносить вам голов!

Шейх исчез. Мальдар обратился к марабуту:

— Отведи мальчика в железную тюрьму и смотри за ним, чтобы и он не убежал!

39. Бегство

Каким же чудом спасся Альбер?

Читатель помнит, как Гратилье свалился в кровавую лужу, и как куаны обратились в бегство. Когда стемнело, к месту бойни слетелись хищные птицы, почуявшие обильную пищу.

В полной прострации, закрыв глаза, Альбер стоял у столба. Вдруг он вздрогнул, услышав рядом знакомый голос:

— Пошла ты к черту, проклятая гадина, мало тебе мертвечины, я еще, слава Богу, не умер!

Громадный хищник отлетел в сторону, а с земли поднялся журналист… Хлопая руками, он отогнал птиц и затем подбежал к Альберу:

— А теперь, капитан, нам надо немедленно отсюда удирать!

— Оставьте меня,— прошептал Альбер,— мне опостылела жизнь!

— Извините меня, но вы говорите вздор. Я вам сказал: «не надо умирать», а потому собирайтесь в дорогу!

— Каким чудом вы уцелели? — поинтересовался Альбер.

— Никакого чуда тут нет. Я просто притворился

мертвым, а куаны не обратили на меня внимания: до того ли было этим мерзавцам! Однако времени терять не стоит, жаль, что у меня под руками нет ножа!

Болтая без умолку, журналист ногтями и зубами старался растянуть веревки, которыми был привязан Альбер.

— Прежде всего,— произнес он совершенно серьезно.— Позвольте представиться — Эмануэль Гратилье, тридцати трех лет от роду, журналист и репортер, друг господина Бошана и корреспондент его газеты. Кроме того я очень болтлив и всегда весел. Из любознательности отправился в Африку — для изучения местных нравов и обычаев. Могу сказать, что познакомился с ними даже слишком подробно. Меня поместили в каком-то безводном колодце по соседству с вами. В моей голове очень быстро созрел план бегства, о котором я уже собрался вам сообщить, но в это время явились эти негодяи и увели вас с собой. Меня тоже вывели вместе с другими за ворота тюрьмы. Увидев вас, и заметив, что вы не забыли моих слов «не надо умирать», я весьма обрадовался.

Репортер трещал, как сорока, и неутомимо работал зубами и ногтями, распутывая узлы. Наконец он достиг цели: Альбер был свободен.

— Теперь надо удирать поскорее,— сказал журналист.

— Но, господин Гратилье, я не могу сделать и двух шагов: вот уже двое суток, как я ничего не ел.

— Это почему?

— Я хотел уморить себя голодом.

— Пардон, мой дорогой, это уж совсем глупо. Ну где же я теперь достану здесь бифштекс или котлету?

Из селения слышались крики. Гратилье прислушался и покачал головой.

— Не стоит терять времени… Однако, чем бы вас покормить?

Он быстро начал обыскивать карманы убитых и вскоре нашел небольшую фляжку с ромом и кусок баранины.

— Пожалуйста, капитан,— весело сказал репортер, подавая Альберу флягу и мясо,— перекусите, и с Богом!

Глоток рома и кусок мяса значительно подкрепили Альбера.

— Мне кажется, теперь я в состоянии идти,— сказал он.

— Очень хорошо,— воскликнул Гратилье,— итак, в дорогу! Но только, черт возьми, в какую

сторону нам двинуться?

— Вы не знакомы с местностью? — спросил изумленный Альбер.

— И не имел случая даже познакомиться. Меня держали взаперти в какой-то яме вместе с ящерицами и жабами. А вы что, тоже не имеете понятия об этой стороне?

— Ни малейшего, меня привезли сюда связанного и в бессознательном состоянии!

— Дело усложняется. Но вот что я вам предложу. Куаны пошли направо, так что нам следует податься влево.

— Вполне согласен с вами.

— Если бы только скорее рассвело!

— Сохрани Бог! Нас тогда тотчас же схватят!

— Не беспокойтесь, куанам не до того: у них, кажется… Однако, черт возьми, куда это я попал…

Журналист не договорил начатой фразы — он кубарем скатился в какую-то лощину и исчез из виду. Впрочем, скоро встал на ноги и принялся искать свою шляпу, но безуспешно. Эта потеря крайне огорчила репортера.

— Начало скверное,— сказал он,— я не привык ходить без шляпы, а то эти черномазые черти, пожалуй, подумают, что я оказываю им почтение! Но времени терять не стоит, необходимо

провести рекогносцировку местности. Подождите минутку…

Гратилье лег на землю ничком и стал ощупывать почву. Беглецы, очевидно, попали в лощину, образовавшуюся из-за дождей…

— А, вот и тропинка! — вдруг воскликнул с радостью журналист. — Теперь, капитан, следуйте моему примеру,— делать нечего, придется продолжить нашу прогулку на четвереньках.

Альбер последовал совету своего друга.

— Держитесь крепче за мои ноги, чтобы нам не растеряться в потемках,— продолжал репортер,— церемонии здесь неуместны.

— Но,— возразил Альбер,— вы постоянно приносите себя в жертву… Позвольте мне в данном случае занять ваше место…

— Ах, оставьте, пожалуйста! Мне только очень жаль мои панталоны — их шил сам знаменитый Ворт, и других таких он уже, наверное, не сошьет!

Гратилье и Альбер поползли дальше.

— Вы, вероятно, прежде были, лягушкой или ящерицей,— со смехом сказал капитан.

— Смейтесь, смейтесь, капитан. Только бы нам…

Он остановился на полуслове, и капитан, креп-

ко державший его ноги, потащил его назад.

— Премного вам благодарен,— сказал, глубоко вздохнув, Гратилье,— чуть-чуть не свалился в пропасть, и здесь нам, кажется, волей-неволей нужно остановиться.

Вытянув руки, он ощупывал почву, тщетно отыскивая точку опоры. Ложбина в этом месте кончалась, с обеих сторон были высокие скалы, и наши беглецы не видели ни зги.

— Положение вообще незавидное! — в раздумьи сказал Гратилье.— Впрочем, не совсем уж безвыходное. Вот что я вам предложу… Надо спрыгнуть туда, вниз.

— А если мы свалимся в пропасть?

— Эта беда не так велика: хуже будет, если мы попадем в лапы бедуинов. Во всяком случае, надо попытаться.

— Спрыгнуть вниз?

— Да.

— Но это безумие!

— Совершенно верно, но делать нечего, и очень жаль, что я не захватил с собой веревки. Впрочем, откуда я мог знать, что…

— Возьмите мой пояс,— вскричал Альбер,— он сшит из крепкой шерстяной материи и в длину имеет метра четыре…

— Чего же вы раньше не сказали! Давайте его сюда! Гратилье взял пояс, развернул его и сказал:

— Я обвяжусь этим поясом, вы подержите его, а я спущусь вниз для исследования.

— Этого я не допущу — теперь мой черед, позвольте,— возразил капитан.

— Ах, оставьте, пожалуйста! Как-нибудь после с вами сквитаемся! Раз, два, три! — готово… Теперь держите крепче и осторожно опускайте меня!

Гратилье подкрепил себя на дорогу глотком рома и начал спускаться.

— Да здравствует Франция! — вскричал он.

Собрав все свои силы, Альбер, прислонясь к скале, крепко держал пояс, прислушиваясь к голосу репортера.

— Дело идет как по маслу,— весело восклицал Гратилье,— то есть, летание вообще приятная вещь! Однако, что это… черт возьми…

Крик журналиста слился с криком капитана: пояс разорвался, и Гратилье свалился в пропасть, туда же полетел и Альбер, увлеченный толчком. В этот момент за скалой раздались выстрелы. Неужели беглецы попали из огня да в полымя?

40. У подножия Казбы

— Туда, в Уарглу!

Этот крик вылетел из груди графа Монте-Кристо и поверг в страх весь лагерь.

Уаргла, этот таинственный город, место пребывания страшных куанов, был предметом ужаса для всех арабов, и потому при графе осталось не более пятидесяти человек. Верблюдов и съестные припасы тоже пришлось оставить в лагере. Несчастный отец ни на что не обращал внимания. Крепко натянув поводья, устремив взор в пространство, скакал он во главе своего отряда по раскаленной пустыне. С ним рядом ехала Медже.

Страшное подозрение вдруг зародилось в душе графа.

— Назад, проклятая,— вскричал он,— кто поручится мне, что не ты выдала моего сына куанам?

Медже побледнела и, рыдая, склонила голову.

— О, господин,— воскликнула она,— в чем вы меня подозреваете?

Во взгkяде и тоне девушки выразилось такое искреннее отчаяние, что Монте-Кристо тут же раскаялся в своих словах.

— Прости меня, дитя,— сказал он кротко,—

скорбь о сыне сводит меня с ума. О, если я не найду его!

— Не падай духом, мой дорогой господин! Наши кони летят с быстротой ветра, и ты, как громом, поразишь куанов! Верь мне, ты одолеешь их, никто не в силах бороться с победителем льва!

Вот до чего дошел Монте-Кристо! Его, этого человека с железной волей, не знавшего ни страха, ни утомления, утешала слабая женщина — почти ребенок! Но нет, он не склонится под тяжестью горя, он победит куанов и во что бы то ни стало освободит своего сына!

Граф стал расспрашивать девушку об Уаргле и куанах.

Медже подробно отвечала на его вопросы, но когда он спросил, как поступают куаны со своими пленниками, она смешалась… Ей было хорошо известно, что эти фанатики не щадят ни женщин, ни стариков, ни детей…

Целые сутки продолжалась бешеная скачка и лишь к вечеру показались среди зелени пальм стройные минареты Уарглы. Всадники вздохнули свободней — цель была достигнута! Монте-Кристо немедленно разделил свой отряд на две части: во главе одной стал зуав Кукушка, а другую повел сам граф вместе с Жакопо и Медже.

В городе было замечено приближение отряда; ворота отворились и оттуда выехала группа всадников.

С заряженным пистолетом в руке поскакал Монте-Кристо навстречу арабам, которые со страшными крикам пытались окружить графа и его спутников. Когда арабы приблизились, французы дали несколько залпов и ворвались в город.

Произошло ужасное смятение: суеверные арабы со страхом взирали на Монте-Кристо. Бледный и мрачный, несся он по улицам города, поражая врагов, сам же казался неуязвимым — арабы обезумели от страха и обратились в паническое бегство.

Появление Медже, на которую они смотрели, как на волшебницу, еще более напугало их. В снежно-белом бурнусе, верхом на вороном коне, аравийка громко читала стихи Корана, и толпа с ревом и криком рассеялась во все стороны.

Между тем Кукушка со своим небольшим отрядом ворвался в город через восточные ворота. Здесь собралась толпа куанов, но смельчаки скоро одолели неприятеля и, быстро продвигаясь вперед, достигли подножия Казбы. С другой стороны одновременно с ними появился граф со

своими спутниками. Громкий крик: «Да здравствует Франция!» — огласил главную площадь Уарглы.

Религиозное возбуждение куанов прошло: они пали духом и заперлись в Казбе.

Медже подъехала к графу и коснулась его плеча.

— Здесь,— сказала она, показав на Казбу.

Монте-Кристо поднял голову. Темные гранитные твердыни стояли подобно великанам, там и здесь виднелись железные двери подземных темниц.

Наступила ночь, дул горячий самум и вдали слышались раскаты грома. Вслед за шумом ужасной свалки наступила могильная тишина. С отчаянием смотрели граф и Медже на эти стены, за которыми, быть может, томились Сперо и Альбер.

Кукушка подъехал к графу и спокойно ему сказал:

— Командир, не пора ли нам вступить в это логово?

При этом он указал на Казбу. Монте-Кристо помедлил с ответом: что, если с первым ударом в ворота крепости куаны умертвят Сперо и Альбера?

В окнах Казбы блеснули огни: арабы, очевидно, готовились к обороне.

Но сомнения графа скоро исчезли, и он решительным тоном произнес:

— Зажгите факелы!

Его приказание было немедленно выполнено, и при свете факелов крепость показалась еще более неприступной.

— Однако, черт возьми,— пробормотал Кукушка,— мы здесь стоим точно на выставке, нас всех могут перестрелять!

— Ты, кажется, струсил? — спросил граф.

— Нет, командир, я боюсь только за вас.

Монте-Кристо слегка улыбнулся.

— Не беспокойся, голубчик,— сказал он.— Со мной ничего не случится!

Неподалеку лежала груда камней. По знаку графа его спутники помогли ему на нее взобраться, и теперь он головой почти касался края стены.

Монте-Кристо выждал с минуту и затем громким голосом трижды прокричал:

— Басмилла! Рохамам! Рохахим! (Во имя Аллаха, великого и милосердного Бога).

Слова эти стоят на первой странице Корана. Лишь громкое эхо повторило этот крик. Затем скрипнула железная дверь, и на пороге, окру-

женный прислужниками, державшими в руках факелы, показался Мальдар. Он тоже громко прокричал три раза: «Басмилла! Рохахам! Рохахим!» и, когда замолкло эхо, спросил:

— Кто ты такой, дерзнувший напасть на нас? Ты вызвал Аллаха на суд, а между тем взываешь к его милосердию!

— Оставим фразы и перейдем к делу,— ответил резко Монте-Кристо.— Коран гласит: «Желающие обмануть Аллаха, обманывают лишь сами себя». На твой вопрос я отвечу: не твои ли люди первыми напали на меня?

Граф не упомянул о похищении Сперо: он боялся услышать ответ.

— Кровь пролилась,— холодно ответил Мальдар,— и да падет она на твою голову! Но ты произнес священные слова, при которых каждый правоверный обязан отвечать. Говори, чего ты желаешь?

— Твои люди захватили в плен наших, какая судьба постигла их?

— Они умерли! — громко ответил Мальдар.

— Все?

— Да, все.

— Все? — содрогаясь от ужаса, вскричал граф.— Горе тебе, если это правда!

В этот момент Медже протиснулась к графу и вскричала:

— О, лживые слуги пророка! Да будет над вами вечное проклятие Аллаха! Вы слышали? — обратилась она к спутникам Монте-Кристо, — Негодяй уверяет, что все пленники умерли! Они убили капитана Жолиетта!

— Во имя всех чертей,— крикнул Кукушка,— за это они дорого поплатятся! Командир, чего мы ждем? Взорвем это проклятое логово, клянусь вам бородой пророка, которого беспрестанно призывают эти собаки. Если этот разбойник сказал правду, то от Казбы не останется камня на камне! Вперед!

Но Монте-Кристо колебался и медлил — он еще надеялся. Быть может, Мальдар солгал, и Сперо еще жив! В эту Минуту были забыты и Мерседес, и ее сын, граф думал лишь о своем сыне…

— Ты говоришь,— дрогнувшим голосом сказал Монте-Кристо,— что все пленники убиты? Неужели ты не пощадил даже невинного ребенка?

Мальдар злорадно засмеялся и спросил:

— Ты говоришь о своем сыне?

— Да… Мой сын… он тоже умер?

Наступила томительная пауза, у Монте-Кристо потемнело в глазах, но он крепился и терпеливо

ждал ответа.

— Твой сын еще не умер! — многозначительно произнес Мальдар.

Измученный отец вскрикнул. Итак, надежда не обманула его — Сперо еще был жив.

Оправившись от волнения, он сказал:

— Я знаю тебя! Ты — Мальдар, которого я приютил на своей яхте! Что я сделал тебе худого и за какое преступление ты мстишь мне, похитив моего ребенка?

— Франция виновата перед нами… и, как француз, виновен и ты!

— Не ты ли сам прежде служил Франции?

— Я притворялся лишь для того, чтобы достичь своей цели.

— Как поступишь ты с моим сыном?

— Это будет зависеть от тебя. Войди к нам, ворота цитадели откроются, но лишь для тебя. Здесь мы и поговорим о выкупе за твоего сына.

— Не ходите, командир,— крикнул Кукушка,— вас заманивают в западню!

Монте-Кристо обратился к Медже:

— Что ты посоветуешь мне? — спросил он.

Медже вздрогнула, затем сказала:

— Иди. Лев не боится тигра.

— Я иду, Мальдар! — вскричал граф.

— Да сохранит вас Бог, командир,— сказал Кукушка,— но если через полчаса вы не вернетесь, я забью тревогу!

Монте-Кристо сошел с груды камней и твердым шагом направился к воротам.

41. Монте-Кристо превращается в Дантеса

Кукушка и Жакопо, оба с заряженными ружьями, поспешли за графом.

— Возьмите нас с собой, господин,— умоляли они.

— Назад! — строго сказал граф.— Я дал слово и сдержу его!

Затем он громким голосом вскричал:

— Мальдар, я здесь, и со мной нет никого!

Ворота со скрипом отворились, и граф вступил во двор, где его тотчас же окружили куаны с факелами в руках.

Затем ворота захлопнулись. Монте-Кристо направился к Мальдару, стоявшему со скрещенными на груди руками. Когда граф приблизился к нему, араб в знак приветствия коснулся рукой своей зеленой чалмы.

Испытующим взором всматривался Монте-Кристо в лицо араба, в мрачно сверкающие глаза, и сердце его сжалось от ужаса. Этот человек казался олицетворением ненависти, а между, тем в его руках находился Сперо…

— Я здесь,— сдавленным голосом произнес граф,— ты позвал меня для переговоров о выкупе за моего сына: каковы твои условия?

— Ты, вероятно, очень любишь сына?

— Только человек, никогда не бывший отцом, может задать подобный вопрос.

— Можешь ли ты пойти на любые жертвы для его спасения?

— Могу, на все! Вели меня пытать, пусть моя кровь по каплям выльется из тела, и, умирая, я буду благословлять тебя, если только ты освободишь моего сына. Но довольно слов, перейдем к вопросу о выкупе... Желаешь ли ты серебра, золота или драгоценностей? Я богат, при помощи моих сокровищ ты мог бы в течение многих лет содержать свои войска, я могу вымостить золотом улицы Уарглы и обогатить тебя так, что в сравнении с тобой сам падишах выглядел бы бедняком! Итак, говори!

По лицу Мальдара скользнула злобно-насмешливая улыбка.

— О, жалкие слепцы! — произнес он с расстановкой.— Вы не хотите видеть! Ты считаешь себя богатым, а между тем, ты — нищий! Один я могу называть здесь себя богатым!

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что я, Мальдар, богаче тебя, графа Монте-Кристо. Я не дрожу, подобно тебе, за то, что для меня дороже всего! У тебя лишь одно сокровище — твой сын, и он в моих руках! Понял ли ты теперь, в чем дело, ты, гордый отец, у которого отняли единственное дитя!

Монте-Кристо содрогнулся: да, этот человек говорил правду! Все сокровища мира отдал бы он за одну улыбку сына.

— Перейдем к делу,— сказал он сурово,— какую сумму ты требуешь?

— Денег мне не надо!

— Возьми мою жизнь!

— Твоя жизнь уже не принадлежит тебе — одно мое слово, и твоя голова скатится к моим ногам.

— Но этим самым ты нарушишь право гостеприимства!...

— О, легковерный безумец,— насмешливо вскричал Мальдар,— разве можно говорить о праве гостеприимства, когда дело идет об арабах и французах? Как воры, под покровом темной ночи явились вы сюда, чтобы завладеть страной ислама и поработить его последователей! Как после этого могу я следовать твоим представлениям о гостеприимстве? Пойми, что здесь больше нет места слову или клятве, здесь идет борьба не на

жизнь, а на смерть, война со всеми ее ужасами. Допускается всякая хитрость, любая уловка, если она служит для уничтожения врагов! Я слишком горд для того, чтобы обманывать тебя: ты и твои сообщники проникли в пещеру льва! Право жизни и смерти принадлежит мне, и я могу раздавить тебя, как ничтожного червяка!

Глаза Мальдара сверкали, его рука судорожно сжимала ятаган. Монте-Кристо выслушал его и, пересилив себя, спокойно сказал:

— Так вот каковы учение и заповеди твоего Бога? Не тому учит нас наш Бог: он повелевает нам уважать самих себя и слушаться голоса совести! Говори что хочешь — ты жалкий трус, заманивший в западню врага, чтобы погубить его!

— Подожди немного,— возразил, стиснув зубы, Мальдар,— ты скоро на коленях будешь молить о пощаде!

Он подозвал одного из куанов, шепнул ему на ухо несколько слов и затем предложил графу последовать за ним.

Они вошли в большую круглую комнату, в которую вела тяжелая, обитая железом, массивная дверь. Монте-Кристо осмотрелся. Вдруг ему показалось, что стена раздвинулась — и при тусклом свете он увидел Сперо. Мальчик стоял на коле-

нях, его держали два куана, а третий занес над головой ребенка топор.

— Мое дитя! Мое дитя! — вскричал граф.

Казалось, Сперо услыхал эти слова: он поднял связанные руки и зашевелил губами, но отец ничего не услышал. Он видел мальчика, но сын не видел отца.

— Когда я подниму руку,— прошипел над ухом несчастного отца Мальдар,— этот топор упадет на голову твоего сына! Понял ли ты меня? А теперь слушай внимательно: от тебя одного зависит спасение твоего сына!

— Говори,— почти беззвучно ответил ему Монте-Кристо.

— Мне не надо ни твоего золота, ни твоей жизни, я требую иного. Мне известно, кто ты такой, каким влиянием пользуешься среди французов, которые вполне доверяют тебе... И поэтому подчинись безусловно моему требованию, если не хочешь, чтобы твой сын умер на твоих глазах!

— Но чего же ты требуешь? Говори, говори!

— Не торопись. Узнай сначала, какая смерть ожидает его! Медленно, с расстановкой будут терзать палачи его тело: под их ятаганами он будет корчиться и извиваться, подобно голубке, попавшей в когти ястребу. До тебя долетят его

стоны и крики… Ты на коленях станешь умолять меня о том, чтобы я одним ударом окончил его муки, но я буду неумолим, я…

— Остановись,— перебил его граф,— скажи, наконец, чего ты требуешь?

Мальдар подошел к столу, на котором стоял письменный прибор и, подавая графу перо, сказал:

— Садись и пиши!

Граф сел и вопросительно посмотрел на Мальдара.

— Я, граф Монте-Кристо,— начал араб, отчеканивая каждое слово,— извещаю губернатора города Тлемсена, что я дошел до Уарглы и сумел заручиться доверием султана Мальдара. Более ста пленников томятся в подземельях Казбы и охраняются небольшой шайкой куанов, не ожидающих нападения. Горный проход Баб-эль-Нор охраняется малым числом арабов: отважный отряд, бывший в деле, мог бы легко овладеть городом и освободить заключенных, среди которых находятся капитан Жолиетт и другие французские солдаты и офицеры. Успех несомненен, но, конечно, надо дорожить каждой секундой.

Мальдар остановился. Монте-Кристо дописал последнее слово. Араб, зорко за ним наблюдав-

ший, многозначительно произнес:

— Теперь подпиши свое имя.

— Только одно слово,— остановил его граф.— Твое намерение мне понятно… Ущелье будет надежным образом охраняться, ты хочешь завлечь туда французский отряд и уничтожить его…

— Совершенно верно. Я возвращу тебе сына, но за него погублю по крайней мере сотню французов!

Перо выпало из рук графа, на лбу выступил холодный пот. Он взглянул на Мальдара, затем обратился в ту сторону, где, как в тумане, виднелся Сперо, и вскричал:

— Сперо, дорогое дитя мое, услышь меня! Этот человек намерен убить и тебя и меня, но не сразу. Он подвергнет нас страшным пыткам… мы можем спасти наши жизни, но лишь при одном условии. Я сообщу тебе его, слушай!

Граф громко прочел написанное им письмо.

— Этим письмом,— продолжал он,— французский отряд будет завлечен в западню и я, твой отец, стану причиной его гибели. Но оно еще не подписано мною. Скажи, должен ли я подписать эту бумагу?

Мальчик со страшными усилиями старался

вырваться из рук куанов, губы его шевелились, но слов не было слышно.

— Ты желаешь, чтобы он решил этот вопрос? — сказал Мальдар,— подожди немного.

Он подал знак: стена снова раздвинулась и в распахнувшуюся дверь вбежал Сперо. Забыты были страдания и горе, сын и отец обнялись… Мальдар солгал: бедняком был он, а граф был богат, неизмеримо богат!

Любовь его ребенка была для него лучшим сокровищем, и это сокровище не мог отнять у него Мальдар.

Оправившись немного от волнения, граф спросил сына:

— Сперо, скажи, как мне поступить?

Мальчик схватил письмо, разорвал его в клочья, бросил их на пол и вскричал:

— Батюшка, пусть они убьют нас обоих!

После этих слов произошло ужасное смятение, а почему — мы сейчас объясним.

Круглая зала, где находился Мальдар и его пленники, составляла часть башни, вершина которой была разрушена. Свод поддерживался дугообразными фермами, соединенными посередине. Возле стен стояли тяжелые железные сундуки и лежало разное старинное оружие.

Выше мы уже упоминали, что эта зала примыкала к обширной прихожей, в которой толпились вооруженные куаны, они время от времени заглядывали в полуотворенные двери. Граф и Сперо находились в глубине залы, а Мальдар стоял между своими пленниками и дверью.

При смелом ответе мальчика араб яростно вскрикнул и бросился на ребенка.

— Жалкий щенок,— прохрипел он,— разве ты не знаешь, что я могу раздавить тебя?

— Убей меня! — воскликнул Сперо, обнимая отца.— Убей нас обоих!

Взбешенный Мальдар выхватил из-за пояса пистолет и приставил его дуло ко лбу мальчика. Но в то же мгновение Монте-Кристо схватил араба за горло, вышвырнул его за дверь и, моментально затворив ее, задвинул тяжелые железные засовы.

— Стреляйте! Ломайте дверь! — в ярости кричал Мальдар.

Раздался залп, но дверь не поддалась.

В это время граф железными сундуками заслонил дверь и обнял своего сына. Пока они были спасены…

Дверь трещала под ударами, и надо было подумать о бегстве. Граф был безоружен и с отчаянием

оглядел залу, не имевшую ни окон, ни другого выхода, кроме забаррикадированной двери.

— Великий Бог! — вскричал дрогнувшим голосом граф, обняв Сперо и становясь рядом с ним на колени.— Ты, взвешивающий судьбы людей, не дашь нам погибнуть! Я знаю, что я великий грешник, но мое бедное дитя невинно, как агнец, и ради него умоляю тебя: сжалься над ним! Возьми мою жизнь, если мне суждено умереть, но пощади его и возврати матери обожаемое ею дитя!

Дверь снова затрещала под ударами, и послышался голос Мальдара.

Вдруг граф ударил себя по лбу — внезапная мысль осенила его. Он вспомнил, что четверть часа тому назад, когда, как в тумане, явился перед ним Сперо, ему показалось, что стена раздвинулась: это могло быть оптическим обманом, но может быть здесь есть и другой выход!

Долголетнее пребывание графа в замке Иф приучило его к темноте, он начал тщательно осматривать и ощупывать стены, но нигде не заметил ничего похожего на замаскированный ход.

В это время Сперо, внимательно следивший за ним сказал:

— Батюшка, посмотри наверх!

Монте-Кристо поднял голову. Сверху, оттуда, где сходились фермы, пробивался тусклый свет. Он сразу понял, в чем дело.

— Сперо,— спросил он поспешно,— когда тебя вели сюда, ты спускался по лестнице или поднимался?

— Я спускался, батюшка.

— И твоя тюрьма находилась…

— Под этой комнатой. Там есть каменная лестница, выходящая на террасу, куда меня водили на прогулку.

Монте-Кристо задумался, но голос Мальдара напомнил ему о действительности. Араб приказывал своим куанам принести тяжелое бревно, чтобы выбить дверь. Если она падет под ударами, то пленникам не миновать смерти — надо во что бы то ни стало бежать.

В голове графа мгновенно созрел план бегства. Камера, в которой раньше был заключен Сперо, очевидно, сообщалась с нижней залой, и это отверстие закрывалось зеркальной доской. Это зеркало, вероятно, играло важную роль в тех фокусах, которыми куаны морочили головы легковерной толпе. Если и была возможность спастись, то не иначе, как через этот проход.

На вопрос отца Сперо ответил, что он слышал

все, что говорил граф, что доска была поднята, но поднималась ли она снизу или сверху — этого он не знал. Если бы пленникам удалось достичь террасы, то они на время были бы в безопасности и могли бы позвать своих спутников, находившихся внизу.

Высота залы равнялась четырем метрам. Граф выдвинул на середину комнаты стол и взгромоздил на него две-три скамейки: теперь он не сомневался, что достигнет цели.

Из кучи лежавшего на полу оружия Монте-Кристо выбрал тяжелую железную секиру с довольно длинной рукоятью и туго привязал ее к левой руке носовым платком.

Затем он влез на стол, оттуда на верхнюю скамейку и достиг свода. Отверстие, действительно, закрывалось толстой четырехугольной доской, державшейся собственной тяжестью. Граф поднял ее, отодвинул в сторону, затем спустился и подал руку сыну. Оба скоро достигли свода и поднялись в верхнюю комнату.

Скамейки и стол были затем опрокинуты, а доска опущена на место: если бы теперь дверь поддалась, Мальдар не сразу бы догадался, как ускользнули его пленники.

Верхняя комната тоже была шестиугольная,

а дверь на лестницу была отворена. Сюда снизу доносились громкие крики арабов, слышались зловещие удары тарана. Лестница была так узка, что на ней двое не могли поместиться рядом. Осторожно, ощупью граф и Сперо добрались до террасы. Порыв горячего ветра сразу охватил их: поднимался самум и собиралась гроза.

Граф подошел к балюстраде террасы, и дождавшись проблеска молнии, взглянул вниз. Спуститься было невозможно: башня не имела никаких выступов, а внизу зияла глубокая пропасть.

В эту минуту раздались бешеные крики: куаны выбили дверь и увидели, что пленники бежали.

Один из часовых заметил на террасе тень человека и выстрелил, пуля пролетела мимо, но Мальдар понял, куда бежали его жертвы, и воскликнул:

— Теперь они от меня не уйдут!

Монте-Кристо услышал эти слова и должен был признаться себе, что Мальдар сказал правду. Вся его жизнь с быстротой молнии пронеслась перед ним. Он всегда боролся со злом и стремился к добру: спокойно предстанет он перед судом Всевышнего. Но при мысли о жене сердце его судорожно сжалось, он обнял сына и страстно и

горячо поцеловал его. На лестнице слышались шаги. Подобно огненному потоку вскипела кровь в жилах графа, в его темных глазах сверкнула молния.

— Исчезни, граф Монте-Кристо! — вскричал он громовым голосом.— И пусть из давно забытого прошлого, для спасения сына, обожаемого отцом, снова воскреснет Эдмон Дантес!

42. Эдмон Дантес

Крепко сжав рукоять секиры, граф стоял на одном из поворотов узкой винтовой лестницы. Здесь до него не могли долететь пули, и пока жив отец, ничья рука не коснется сына!

Вот показался один из куанов, граф взмахнул секирой, и араб с воем повалился на пол. Такая же участь постигла и второго, и третьего. Снизу взбешенный Мальдар орал:

— Убейте его во имя Аллаха!

Пули сыпались градом, но ни одна из них не попала в графа.

Монте-Кристо задыхался от порохового дыма, ощупью он пробрался по лестнице и, когда добрался до верха, увидел, что вся она была усыпана трупами. Один из куанов ранил его в плечо, другой в ногу, опасность росла. Пуля попала ему в правую руку, и он выпустил секиру. Этим мгновением воспользовался куан и бросился на графа. Но тот схватил араба за плечи и сбросил его в бездну. За ним полетели и другие, но граф слабел. Обняв Сперо, он подошел к балюстраде террасы — еще секунда, и он бросится вниз… Лучше смерть, чем плен и позор!

Вдруг снизу со двора раздался шум: кто-то кричал и бранился по-французски. Граф узнал голоса Кукушки и Жакопо. Очевидно, зуав и корсиканец проникли в башню. Завязалась отчаянная перестрелка, и куаны по приказу Мальдара отступили с лестницы. Одновременно Монте-Кристо услыхал, как Мальдар крикнул:

— Предоставьте мне обоих пленников, они от меня не уйдут!

Не уйдут? Что бы это значило?

Лестница была свободна…

Граф и Сперо начали спускаться, но тотчас же остановились: дорогу им загородил огонь. По приказанию Мальдара куаны притащили дров и хворосту и подожгли башню. Вся лестница была охвачена пламенем: граф и Сперо задыхались от дыма и снова были вынуждены вернуться на террасу.

Борьба внизу продолжалась: кажется, перевес был на стороне французов, но пока они пробьются к графу, он и Сперо задохнутся.

Несчастный отец снова подошел к балюстраде — лучше разом со всем этим покончить. Вдруг он остановился — снизу раздался голос:

— Граф Монте-Кристо! — громко прозвучало в ночной тьме.

При блеске молнии граф увидел отряд всадников, стоявший у подножия башни, и схватился за голову: он узнал говорившую — это была девушка, которую он встретил в доме Мерседес, — мисс Клари Эллис!

— Граф Монте-Кристо! — громко и отчетливо крикнула Клари. — Мужайтесь, помощь уже близка!

— Только не надо умирать! — крикнул кто-то другой.

— Граф Монте-Кристо,— раздался голос третьего.— Благодарю вас именем матери!

Графу показалось, что он сходит с ума: этот голос принадлежал капитану Жолиетту, который, по словам Мальдара, был давно убит… Затаив дыхание и обняв Сперо, он прислонился к стене… И когда, отдышавшись, он взглянул вниз, то вскрикнул от изумления.

По гладкой стене башни, подобно кошке, карабкался человек… Спасение было близко, но в эту минуту над ним склонился облитый кровью Мальдар.

Изверг потянулся к Сперо… Граф кинулся между ними, обхватил араба и сбросил его вниз. Мальдар упал среди толпы куанов и те с криком разбежались. Гибель вождя решила дело…

Из-за балюстрады между тем показалась голова смельчака. Он спрыгнул на террасу, вскричав:

— Граф, сначала нужно спасти ребенка!

Как в полубреду, смотрел граф на незнакомца, который, сняв с себя длинную и крепкую веревку, обвязал ею спину и грудь мальчика. Затем неизвестный перегнулся через ограждение и начал медленно спускать мальчика. Голос Сперо, весело закричавший снизу: «Батюшка, я спасен!» — вывел графа из оцепенения, неизвестный же, вновь вытянув наверх веревку, обратился к нему со словами:

— Теперь ваша очередь!

— Но… вы сами?

— Обо мне не беспокойтесь: я и так смогу спрыгнуть… В дорогу!

Монте-Кристо больше не противился. Своими мускулистыми руками он ухватился за веревку и благополучно спустился вниз. А его спаситель спустился с башни точно таким же способом, как и взобрался.

Граф подошел к нему, подал руку и со слезами на глазах сказал:

— Вы спасли мне жизнь, и еще более: вы спасли моего сына. Скажите мне ваше имя, кого мне благодарить?

— Граф, я — французский колонист, испытал в жизни немало, и поэтому всегда сочувствую ближнему. Зовут меня Фанфаро.

В эту минуту подбежал Кукушка, а с ним и прочие спутники графа. Зуав, обратившись к -смельчаку, произнес:

— Эти мерзавцы убрались, чему я очень рад. К слову сказать, в жизни не видел я такой шутки, как ваш фокус с башней. Может быть, сударь, вы — переодетая обезьяна?

Фанфаро засмеялся.

— Каждому свое,— ответил он, — прежде я был канатным плясуном.

К графу подошла Клари.

— Как я рада, граф,— сказала она мягко,— что мы подоспели вовремя.

— Вы, миледи? Каким чудом явились вы сюда? Мне кажется, что все это я вижу во сне!

Клари вспыхнула.

— Я решилась последовать за вами,— ответила она.— Но слишком понадеялась на свои силы и своих проводников. Они нас покинули, и мы заблудились. Положение наше казалось безвыходным, и я опасалась, что нам не удастся… спасти вашего сына, но, к счастью, мы наткнулись на колонию господина Фанфаро… Когда он

услыхал ваше имя, то вскочил как ужаленный, и поклялся спасти вас. Ему одному принадлежит вся честь и слава…

— Теперь дело не в том,— перебила ее госпожа Караман.— Слава Богу, цель достигнута, и мы можем вернуться домой.

— Матушка, и вы здесь? — восторженно воскликнул зуав, целуя руку гувернантки.

Г-жа Караман засмеялась и отдернула. руку.

— Будьте поскромнее,— сказала она,— мы здесь не одни!

— И всем этим опасностям и приключениям вы подвергались из-за меня, граф? — сказал со слезами в голосе Альбер.

Растроганный граф взглянул на молодого человека: да, это был он, сын Мерседес, той женщины, которую когда-то так страстно любил Эдмон Дантес…

— Слава Богу, я нашел вас! — сказал он, с чувством обнимая офицера.

— Боже мой, как обрадуется моя матушка,— произнес Альбер и затем прибавил: — Позвольте мне, граф, представить вам человека, которому я тоже обязан жизнью.

Гратилье вышел вперед и поклонился.

— Простите меня, граф, за некоторую небреж-

ность и неполноту моего костюма, растерянного частью по дороге. Мое имя Гратилье.

Оказалось, что журналист и Альбер свалились не в пропасть, а в глубокую рытвину, заполненную водой, из которой, промокнув до костей, благополучно выбрались и отправились дальше. Случай столкнул их с мисс Эллис и ее спутниками.

— Позвольте,— спросил удивленный граф,— вы, кажется, приятель господина Бошана?

— Да, и вместе с тем корреспондент его газеты.

— Господин Бошан просил меня при случае помочь вам... Вышло как раз наоборот.

Он побледнел и зашатался.

— Вы ранены, граф? — вскричал озабоченный Альбер.

— Не стоит обращать внимания на такие пустяки,— ответил Монте-Кристо.

Г-жа Караман заботливо перевязала ему рану на лбу и поднесла к губам фляжку с коньяком.

— Где Жакопо? — спросил граф.

Зуав грустно склонил голову.

— Жакопо убит,— прошептал он.— Мне кажется, бедняга сам искал смерти. Он умер с улыбкой на устах и со словами: «Я иду, Мануэлита!».

— Бедный Жакопо! — прошептал граф,— мне

жаль тебя… Сперо, дитя мое, что с тобой?

Мальчик, крепившийся до сих пор, наконец не выдержал — у него закружилась голова, и он без чувств упал на руки г-же Караман.

— Не беспокойтесь, граф, предоставьте мне заботу о ребенке: я умею ухаживать за больными.

— Молодому графу прежде всего надо отдохнуть,— вмешался Фанфаро.— Не пора ли нам, наконец, вернуться домой?

Граф с благодарностью согласился на это предложение и вместе с зуавом и Альбером направился к тому месту, где лежал Жакопо. Но вдруг остановился и закричал:

— Боже мой, что сталось с Медже?

— Медже? — спросил удивленный Альбер. — А разве она была здесь?

— Да, она довела нас до Уарглы,— поспешно ответил граф,— и затем… но, праведный Боже, вот она!

Возле трупа корсиканца лежала девушка… Аравийка руками обняла голову Жакопо… из груди ее торчала рукоятка кинжала.

Альбер склонился над умирающей.

— Дорогая моя Медже! — вскричал он вне себя.— Взгляни же на меня: это я, твой миленький папочка!

Монте-Кристо тоже склонился над девушкой и осмотрел ее рану.

— Она умрет,— сказал он затем глухим голосом,— кинжал пробил сердце... Спасти ее невозможно, но я могу на минуту привести ее в сознание.

Он поднес ко рту Медже флакон, заключавший в себе универсальное лекарство, переданное графу аббатом Фариа.

По телу Медже пробежала дрожь, девушка медленно открыла глаза, узнала Альбера и слабо улыбнулась.

— Миленький папочка,— восторженно прошептала она, гладя Альбера по руке.

Затем глаза ее закрылись. Медже умерла.

Рыдая, преклонил колени капитан, а Монте-Кристо прошептал сквозь зубы:

— И я — виновник ее смерти!

Кроме Жакопо и Медже погибли еще два спутника графа; тела немедленно были погребены, и затем все направились к французской колонии.

43. Сообщения

Караван двигался в следующем порядке: впереди ехали граф, Альбер и Фанфаро, за ними — Клари, г-жа Караман, Гратилье и Кукушка, а уж потом — остальные спутники графа и мисс Эллис. Гувернантка ехала на верблюде, держа на коленях заснувшего Сперо.

Зуав весело болтал, и г-жа Караман напоминала ему уже не раз, что он может разбудить ребенка.

— Да что это в самом деле, матушка,— сказал, наконец, задетый за живое, зуав,— неужели я могу потревожить сына моего командира? Пусть себе спит спокойно — я в жизни своей не встречал такого храброго и энергичного мальчика. Недаром он — сын Монте-Кристо!

— А, так и вы восторгаетесь графом? — с довольным видом спросила гувернантка.

— Я обожаю его, сударыня.

— Значит, не вы один,— сказала г-жа Караман, взглянув на свою питомицу, которая в эту минуту несколько выехала вперед.

— Понимаю,— ответил зуав,— а теперь скажите мне, какими судьбами попали в Африку вы?

— Очень просто — по желанию миледи.

— В самом деле? Ах, как жаль. А я-то уж думал…

— Что такое?

— Что это вы из-за меня поехали.

— Дурак!

— Очень может быть, но теперь убедительно прошу вас — расскажите мне подробно, как вы попали сюда, в Уарглу, да еще с двумя слугами?

— И сама до сих пор не понимаю. С нами была целая шайка американцев, один из них съел первого мужа своей жены. Нечего сказать, в хорошей мы очутились компании!

— Должно быть, человек с большим аппетитом! Так из-за этого людоеда вы попали в Африку, в Алжир!

— Какой вздор! Мы просто ехали за графом.

— Тем лучше, значит, вы в него влюблены.

— Молчите, пожалуйста! Влюбляться — мне, в мои-то годы?

— Понимаю! Тут замешана мисс Клари, которая…

— Ни слова более! — строго перебила его гувернантка.— Мы следовали за графом, желая помочь ему в поисках капитана Жолиетта. Мы знакомы с его матерью, сеньорой Мерседес, вот и все.

— В самом деле? Очень рад. Так как же насчет

американцев?

— Повесить всех их мало! Начальник этих негодяев, тот самый, что съел индейца, а потом женился на его вдове…

— Да вы не шутите? Вот так аппетит!

— Бартон, капитан «Крокодила»…

— Позвольте, да разве на крокодилах ездят?

— Не перебивайте меня, иначе я замолчу.

— Продолжайте, пожалуйста, я нем как рыба. Итак, этот Бартон был капитаном «Крокодила»?

— Да. Чего только он не наобещал нам. По его словам, «Крокодил» как стрела полетит по Средиземному морю и сразу обгонит яхту «Зимородок».

— И что же вышло?

— Вышло как раз наоборот: «Крокодил» едва двигался. Когда мы прибыли в Бон, оказалось, что «Зимородка» и след простыл, а граф уже двинулся в пустыню.

— Совершенно верно, мы собрались живо.

— Я предложила Клари вернуться домой, да разве ее уговоришь! Миледи предложила капитану, его жене и матросам отправиться вместе с нами в пустыню, и вот началась закупка и наем лошадей, верблюдов и арабов — одним словом, всяких скотов…

Зуав громко расхохотался.

— Закупив все необходимое,— продолжала гувернантка,— мы отправились в дорогу: Бартон, его жена и матросы, более походившие на каторжников, уверяли, что знают Африку как свои пять пальцев. Сначала мы ехали благополучно, но на четвертый день г-жа Бартон начала придираться к своему супругу… Эта дура его приревновала!

— К кому?

— Ко мне и Клари. Совсем глупо!

— Может быть, еще раньше капитан давал повод ревновать,— тихо заметил Кукушка.

— Совсем не то! Они были заодно. Итак, г-жа Бартон кричит, как будто ее режут, а затем хватает ружье…

— Ружье?

— И прикладом бьет мужа по голове!

— Это не женщина, а какой-то дьявол!

— Совершенно верно. Бартон хватает железную палку и обороняется…

— Это в порядке вещей,— сказал зуав.

— Так как железо тверже дерева, то г-жа Бартон сдалась. Она завыла как собака и, вскочив на лошадь, ускакала.

— Капитан остался не в убытке, не всякому

удается так быстро избавиться от жены.

— Как вы любезны!

— Позвольте, я не говорю вообще… Итак, г-жа Бартон ускакала?

— Да. Лишь только она исчезла из виду, как капитан опомнился. Он тоже вскочил на лошадь и поскакал за ней, за ним последовали все матросы, а затем уехали и арабы с верблюдами, провизией и багажом. Мы поняли тогда, что вся эта комедия была разыграна по заранее обдуманному плану.

— Гнусный народ! — пробормотал Кукушка.

— И вот,— продолжала гувернантка,— мы остались одни в пустыне, на этот раз даже Клари упала духом. Мне было ее жаль, и я молчала. К счастью, при нас остались наши слуги — англичане, и мы смело отправились в дорогу. У нас еще была провизия, но этого запаса хватило ненадолго… Нам пришлось испытать голод и жажду. На второй день мы наткнулись на оазис, где встретили, к счастью, двух охотников. Один из них был Фанфаро, которого вы уже видели. Спутником его был длинный, худощавый и странный на вид человек. Клари заговорила с ними: они оказались французскими колонистами, и их мыза находилась вблизи оазиса Метлили.

— Какое счастье!

— Большое счастье! Фанфаро привел нас на мызу, где нас встретила его жена, премилая особа. Между нами будет сказано, я не верю, что Фанфаро был прежде акробатом — по всем манерам и приемам он выглядит настоящим аристократом… Это второй граф Монте-Кристо.

— Вы заходите слишком далеко.

— Нисколько. Я физиономистка и уверена, что в прошлом этого человека скрывается целый роман. Итак, на мызе мы отдохнули, и когда Клари сообщила колонистам о цели нашего прибытия и упомянула о графе Монте-Кристо, Фанфаро очень разволновался. Он знал, что в подземельях Уарглы томятся французы, и, недолго думая, предложил мобилизовать своих людей для их освобождения. Клари последовала за ним, а я — за ней. Слава Богу, что все обошлось благополучно и без вреда для моей милой шалуньи…

Сперо открыл глаза, но сознание не возвращалось к нему, и он не узнавал отца. Тревожно глядел на него граф: неужели его сын умрет?

Фанфаро, насколько это было возможно, утешал и развлекал графа, Гувернантка была права: он действительно выглядел аристократом, несмотря на свой более чем скромный костюм, состоящий из белой блузы, панталон в обтяжку и кожаных

штиблет.

Монте-Кристо внимательно приглядывался к колонисту. Он был уверен, что Фанфаро скрывает какую-то тайну и загнан в пустыню судьбой-мачехой.

Альбер и Клари оживленно беседовали, капитан узнал, что молодая девушка дружна с его матерью и сразу почувствовал к ней симпатию.

Наконец, показались пальмы оазиса, граф вздохнул свободней: теперь Сперо отдохнет и скоро поправится. Навстречу путникам вышла молодая женщина с ребенком и какая-то странная фигура, скакавшая, прыгавшая, очень похожая ужимками на лягушку.

— Кто это такой? — спросил удивленный граф.

— Это Бобишель.

— Бобишель?

— Да, он прежде был клоуном, как и я был акробатом. У него точно совсем нет в теле костей, и роль лягушки он исполняет превосходно.

В эту минуту Бобишель заметил подходивший караван, вскрикнул от радости и колесом покатился навстречу.

— Наконец-то вы вернулись, хозяин! — весело заговорил он. — Слава Богу! Эй, Перепелочка! Медное жерло! Идите сюда! Он вернулся!

Из дома вышли женщина и великан-мужчина. Фанфаро соскочил с лошади и обнял жену и ребенка.

— Церемония взаимного представления последует потом,— сказал он,— сейчас нужно позаботиться о мальчике. Ирена, скорее уложи ребенка в постель. Это сокровище, и я вверяю его тебе.

С помощью зуава гувернантка сошла с верблюда и внесла мальчика в дом. За ней последовали все остальные. Монте-Кристо осмотрел больного и вздохнул свободнее.

— Ему нужен только отдых,— сказал он, обращаясь к Фанфаро,— и если вы позволите нам погостить у вас несколько дней…

— Мой дом и все, что я имею, к вашим услугам, граф! — перебил его Фанфаро.— А теперь позвольте представить вам наших колонистов. Ирена, подойди сюда, милая!

В комнату вошла прехорошенькая брюнетка лет тридцати, казавшаяся лет на десять моложе.

— Госпожа Фанфаро — моя жена,— сказал с улыбкой колонист. — Последовала за мной в пустыню, так как здесь живут относительно честные люди.

— Вы — мизантроп? — спросил граф.

— Нет, я только философ. Я много испытал и много пережил, и хочу теперь со своей семьей пожить в мире и покое. Однако к делу. Медное Жерло, поди сюда!

Вошел великан. Ему было лет под шестьдесят, и фигурой своей он напоминал старый дуб.

— Король силачей, прозванный Медным Жерлом,— сказал Фанфаро,— он еще и теперь на вытянутой руке поднимает триста фунтов и держит в зубах тяжелые железные брусья.

— Что это значит в сравнении с моими прежними упражнениями? — скромно возразил великан.

— Молчи, голубчик, я знаю тебя. А сейчас черед Бобишеля, счастливого мужа нашей Перепелочки.

Бобишель выпрямился во весь рост, затем колесом выкатился за дверь и втолкнул в комнату свою жену.

Перепелочка оказалась хорошенькой грациозной блондиночкой. Монте-Кристо поклонился ей и сказал:

— Мне кажется, что я все это вижу во сне. Неужели, господа, вы были акробатами?

— Да, граф,— серьезным тоном ответил Фанфаро.— Вся наша жизнь состояла из прыжков и

кувырканий. К счастью, при этом мы не сломали шею. Впрочем, из всей компании я один навсегда отказался от своего прежнего ремесла.

— Вспоминая о нем лишь тогда, когда надо помочь ближнему, — многозначительно заметил граф.

— Это вы насчет башни? Стоит ли толковать о такой безделице! Посмотрели бы вы, какие штуки до сих пор проделывают Медное Жерло и Бобишель!

Монте-Кристо не сводил глаз с Фанфаро и его жены, которая также скорее походила на потомственную аристократку, чем на жену колониста. Что все это значило?

Г-жа Караман весело болтала с Перепелочкой, между тем как Клари всецело завладела Иреной.

Вечером за ужином граф сказал:

— Любезный хозяин, я не знаю, кто вы такой, но тем не менее позвольте мне выпить за ваше здоровье и за здоровье остальных колонистов. Да сохранит вас Бог, по воле которого вы в глубине пустыни нашли свое счастье!

Растроганный Фанфаро поблагодарил графа, тост которого был единодушно принят всеми.

— Господин Фанфаро,— сказала гувернантка,— не расскажете ли вы нам теперь историю вашей

жизни? Я бы очень хотела узнать ее.

— Что ты скажешь на это, Ирена? — спросил у жены Фанфаро.

— Я не имею ничего против этого,— ответила та.

— А вы, остальные — Медное Жерло, Перепелочка и Бобишель?

— Рассказывай, голубчик!

— В таком случае, я начинаю,— произнёс Фанфаро.

Часть третья
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНФАРО

1. Нападение

В середине декабря 1813 года одинокий всадник ехал по дороге, пролегавшей в Шварцвальде между Альт-Брейзахом и Фрейнбургом. Это был человек средних лет, в длинном коричневом сюртуке, таких же рейтузах и кожаных штиблетах. Его напудренные волосы были перехвачены черной лентой, и фуражка с большим козырьком защищала его лоб от лучей заходившего солнца.

Наступала ночь. Лес и дорога погрузились во мрак.

Недалеко от Фрейнбурга поднимается высокий, одиноко стоящий холм, называемый Императорским Троном, ступени которого состоят из темных базальтовых широких глыб. Одинокий всадник был верным слугой маркиза де Фужерез, и звали его Пьер Лабарр.

Чем темней становилось, тем более беспокоился он. Пьер постоянно пришпоривал лошадь, но утомленное животное часто спотыкалось о камни и древесные корни.

— Скорей, Марготта,— понужал Пьер,— ты же знаешь, с каким нетерпением нас ждут, к тому же мы везем добрые вести.

Лошадь как будто поняла эти слова и прибавила шагу. Поднялась буря, а рев горного потока был подобен похоронному звону. Когда Пьер доехал до того места, где дорога разделялась надвое — одна вела к Брейнзаху, другая — к Нудельфигену, он остановил лошадь, привстал на стременах, осмотрелся кругом, покачал головой и пробормотал:

— Странно! Нигде никого не видно, а между тем я ясно слышал топот лошади.

Он сунул руку в боковой карман и прошептал:

— Портфель на месте. Вперед, Марготта, надо скорее добраться до дому.

В этот самый момент за его спиной ясно раздался топот лошади, что-то вспыхнуло, и мимо Пьера, как молния, промчался всадник и исчез из виду.

Лабарр не был суеверным человеком, тем не менее ему невольно пришли на ум легенды о привидениях. Но он тотчас же сообразил, что всадник был не дух, а разбойник. Пьер взялся за пистолет, взвел курок и поехал дальше, бормоча:

— Не робей, голубчик. Даст Бог, ты еще сумеешь постоять за себя.

Он уже приближался к Фрейнбургу, когда грянул выстрел. Пьер глухо вскрикнул: пуля угодила

ему в грудь.

Корчась от боли, слуга склонился на шею лошади, и в этот момент из-за кустов выскочил закутанный в длинный плащ человек.

Он бросился к раненому и схватил его лошадь под уздцы.

— Не торопись, негодяй,— простонал Пьер и выстрелил в разбойника.

Бандит вскрикнул и исчез в темноте. Лабарр выстрелил ему вдогонку, но, видимо, промахнулся.

— Не будь у меня на груди кожаного портфеля, пришлось бы отправиться к праотцам,— сказал Пьер и поехал дальше. Негодяй целился отлично, у него глаз, как у совы. А теперь вперед, к дому, не то наткнешься на другого мерзавца.

За его спиной снова раздался лошадиный топот, очевидно, разбойник не хотел быть узнанным.

— Странное дело,— пробормотал Пьер.— Я не видел его лица, но он показался мне знакомым…

2. В лучах «Золотого солнца»

Дядюшка Шванн, хозяин гостиницы «Золотое солнце», считавшейся одной из лучших в Сант-Аме, довольно значительном местечке, лежавшем среди Вогезских гор, был в больших хлопотах. Несмотря на дурную погоду, в гостинице в это утро поселилось трое путешественников, позднее должны были приехать еще шестеро.

Рано утром Шванн забрал на кухню чуть ли не всех кур и цыплят с птичьего двора. Кухарка и ее помощницы усердно за них принялись, а хозяин между тем вышел на крыльцо.

Вдруг за его спиной раздался громкий хохот, от которого задрожали стекла в окнах гостиницы, и Шванн быстро обернулся. В ту же минуту на его плечи легли мускулистые руки и кто-то звонко его поцеловал.

— Это что такое? — проворчал хозяин, тщетно стараясь освободиться из объятий.— Черт меня побери, да это же мой старый приятель — Медное Жерло — сжал меня в своих железных тисках! — выкрикнул он наконец со смехом.

Ответом ему был новый хохот гостя-великана, семи футов росту, который сказал:

— Точно так, дядюшка Шванн,— Медное Жерло собственной персоной!

Хозяин дружески приветствовал своего гостя и тотчас же послал служанку в погреб за бутылкой вина.

— Садитесь, любезный Жирдель,— предложил Шванн и наполнил стаканы.

Великан весело улыбнулся и чокнулся с хозяином. Внешность его невольно бросалась в глаза. Горбатый нос, большой рот, белые блестящие зубы, густые белокурые волосы и широкие мускулистые плечи. Все выдавало в нем громадную силу. Костюм его состоял из желтого жилета с пуговицами величиной с тарелку, темно-коричневого сюртука, богато вышитого серебром, черных бархатных панталон и башмаков с огромными пряжками.

— Позвольте мне еще раз обнять вас, дядюшка Шванн,— сказал гигант, поднимаясь с места.

— Только не задушите меня…

— Вы рады нашему свиданию?

— Конечно. Как же вы поживаете?

— Помаленьку. Грудь моя все так же еще крепка, как любая наковальня,— ответил великан и хлопнул себя по груди.

— А дела как?

— Тоже шли недурно, жаловаться не могу.

— Где же ваша труппа?

— Идет сюда. Фура тянется, как черепаха. Да моим старым клячам меня, пожалуй, и не увезти. Вот я и пришел в авангарде, пешком.

— А ваша жена? — спросил с небольшим колебанием хозяин.

Колосс прищурил глаза и промолчал. Шванн посмотрел на кончики своих башмаков и затем продолжал:

— Дело плохо, значит?

— Не будем лучше говорить об этом,— отрывисто ответил великан.

— Так я и знал. О, эти женщины — все на один покрой…

— Вы ошибаетесь, милейший — покойница моя была образцовой женой и матерью.

— А как вы ладите с вашей второй женой?

— Не слишком-то хорошо. Ролла ненавидит мою Перепелочку.

Хозяин кивнул головой.

— Когда вы мне объявили, Жирдель, что женитесь на вашей «Королеве пушки», то я, право, испугался: у этой женщины такой нехороший взгляд! Может быть, она дурно обращается с Перепелочкой?

— Избави Бог,— сказал гигант, стиснув зубы,— она не смеет тронуть ее пальцем, а не то я...

— Успокойтесь, милейший. Скажите, Бобишель все еще у вас в труппе?

— Да.

— А Робекаль?

— К несчастью, тоже. Впрочем, не сегодня-завтра я прогоню его.

— Туда ему и дорога! А мальчуган?

— Мальчуган? Хорош малютка — чуть не шести футов ростом!

— Скажите на милость, как он скоро вырос! И все такой же способный?

— Любезный друг,— серьезно ответил гигант,— мой Фанфаро не человек, а сокровище. Он сделан из другой глины, чем мы, грешные. Не возражайте, я знаю, что говорю. Я силен: у меня руки, как бревна, и пальцы, как когти. Самые опасные упражнения для меня ничего не стоят, а Фанфаро имеет нежное телосложение. Суставы и щиколотки, как у девушки, кожа подобна бархату, а силы у него больше, чем у меня. Он одолеет двух таких силачей, как я. И вместе с тем этот юноша кроток, умен и обладает золотым сердцем.

— Вы любите его по-прежнему? — с довольной улыбкой спросил хозяин.

— Гораздо больше, я…

Великан остановился на полуслове, в эту минуту во двор гостиницы въезжала фура, принадлежавшая Цезарю Жирделю.

Она помещалась на четырех высоких колесах, ее пестрые занавеси были отдернуты, и ковчег этот был битком набит разным тряпьем, железными шестами, гирями, обручами…

Лошадьми управлял человек в костюме соломенно-желтого цвета, в котором каждый легко мог узнать клоуна, на его голове красовался длинный остроконечный колпак с погремушками, в правой руке он держал бич, а в левой — трубу, из которой извлекал раздирающий душу и сердце звук.

У него было худощавое лицо, длинный тонкий нос и маленькие хитрые глаза.

За Бобишелем (так звали клоуна) на сундуке сидела прелестная Перепелочка, дочь великана. У нее было розовое личико, темно-синие задумчивые глаза, длинные черные ресницы и желто-золотистые локоны. Одним словом, она была очень хорошенькой девушкой. Въезжая во двор, Перепелочка громко смеялась и весело болтала с Бобишелем.

В глубине фуры, утопая в сваленных перинах

и подушках, лежала женщина необыкновенной толщины. Ей было лет сорок пять, лицо ее точно вышло из-под топора… Двойной подбородок был надут, как у индюка, а глаза почти совсем заплыли жиром. Широкая грудь и толстые красные руки, более похожие на медвежьи лапы, производили отталкивающее впечатление. Спутанные жесткие волосы грязно-желтого цвета висели космами, а ее шерстяное платье лоснилось от пятен.

Эта безобразная туша была Ролла, прозванная «Королевой пушки», жена Жирделя… Когда-то она являлась главной приманкой цирка, но теперь вызывала лишь отвращение — весьма понятно, что великан не мог чувствовать к ней особой симпатии.

Рядом с фурой шел Робекаль. При небольшом росте он имел отменно развитую мускулатуру. Его длинное лицо, умные, но откровенно злые глаза, тонкие длинные руки, красновато-рыжие волосы и какая-то кошачья гибкость всех его членов производили странное впечатление. Робекаль насмешливо улыбался и перешептывался с Роллой.

Фура остановилась. Бобишель спрыгнул с козел, а Жирдель двинулся навстречу.

— Здравствуйте, детки,— весело сказал он,— я

совсем заждался вас. Вы, должно быть, порядком проголодались?

— Угадали, хозяин,— смеясь, ответил Бобишель,— я голоден, как волк. А, да вот и дядюшка Шванн! Как поживаете, голубчик?

Между Шванном и клоуном завязалась оживленная беседа. Жирдель подошел к фуре и, протянув руки, весело проговорил:

— Ну, спрыгивай, дочурка!

Перепелочка тотчас грациозно спрыгнула на руки отца, который нежно поцеловал ее, а затем опустил на землю. После этого он, поискав глазами, с беспокойством спросил:

— А где же Фанфаро?

— Я здесь, Медное Жерло,— раздался голос из глубины фуры, и оттуда вынырнула сначала голова с темными локонами, а за ней и туловище, руки и ноги — все вместе взятое принадлежало красивому и стройному юноше, который кубарем скатился с фуры на землю.

— Ты ни на минуту не можешь забыть своих упражнений, Фанфаро,— ласково пожурил его Жирдель.— Ступайте все в дом — завтрак ждет.

Перепелочка, Фанфаро и Бобишель ушли в гостиницу, а Жирдель, обратись к жене, добродушно сказал:

— Теперь, Ролла, я помогу выйти тебе.

Ролла злобно взглянула на мужа и грубо ответила:

— Разве я тебя звала? Робекаль, поди сюда и помоги мне выйти.

Робекаль, не торопясь, подошел и спросил:

— В чем дело?

— Помоги мне сойти,— повторила Ролла.

Жирдель сохранил полное спокойствие, но лицо его омрачилось. Он многозначительно взглянул на Роллу и Робекаля. Ролла опустила глаза и крикнула:

— Ну что же ты стал, Робекаль?

— Что вам здесь нужно, Робекаль? — спокойно спросил Жирдель.

— Ничего особенного,— нагло ответил Робекаль.— Вот госпоже Жирдель угодно было позвать меня и...

— И ты так долго мешкаешь,— добавила на это Ролла с досадой.

— Я здесь,— проворчал акробат и положил руку на край фуры.

— Назад! — вскричал Жирдель.

— Уж не вы ли меня остановите?

— Да, я, негодяй! — вскричал силач, в глазах которого сверкнули молнии.

— Не горячитесь понапрасну,— насмешливо возразил Робекаль и вновь взялся за край фуры. Он, очевидно, хотел вывести Жирделя из себя.

— Да хвати же ты его хорошенько, Робекаль,— крикнула Ролла.

Робекаль занес было руку, но в тот же момент одним ударом кулака силач сбил его с ног. Если бы Жирдель пустил в ход всю свою силу, то акробату пришлось бы плохо. Взбешенный, он вскочил на ноги и с ножом бросился на своего хозяина, но в это время кто-то схватил его за плечи, швырнул в фуру и произнес:

— Теперь довольно, Робекаль — вы стали слишком нахальны.

Человек, вмешавшийся в ссору, был Фанфаро.

— Опять этот негодный мальчишка нам все дело испортил, — прошипела Ролла и, с трудом выбравшись из фуры, бросилась на юношу.

— Назад, Ролла,— глухо проронил Медное Жерло, положив руку на плечо жены.

В это время на крыльце показался Шванн и крикнул:

— Ну чего вы там? Завтрак готов!

— Полно, Жирдель,— сказала Ролла, обращая все в шутку,— не сердись. Пойдемте — я хочу есть!

Жирдель взглянул на жену, пожал плечами и двинулся к дому. За ним последовал Фанфаро. Робекаль и Ролла остались одни.

— Надо с этим покончить, Ролла,— сказал Робекаль.

— И чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, сегодня вечером я это устрою. Выйди потом на дорогу — там встретимся, и я сообщу тебе мой план.

— Отлично, а теперь пойдем — я в самом деле хочу есть.

Когда Ролла и Робекаль вошли в комнату, Жирдель, Перепелочка, Бобишель и Фанфаро уже сидели за столом, и дядюшка Шванн поставил перед ними миску с супом.

3. Старые и новые знакомые

Проголодавшиеся артисты принялись за еду и не заметили, как отворилась дверь. Хозяин, зорко смотревший за всем, поспешил к выходу. На пороге в нерешительности стоял путник лет сорока. Это был худощавый человек небольшого роста в коричневом сюртуке, обшитом галунами, и с меховым воротником. Желтый жилет, голубой галстук, синие суконные панталоны и ботфорты со шпорами дополняли его костюм.

Лицо этого человека было крайне неприятным: впалые раскосые глаза, большой рот, широкий нос и низкий лоб — все это придавало незнакомцу какой-то зловещий вид. В своих костлявых красных руках незнакомец мял поярковую шляпу.

Гость вежливо поклонился хозяину, который спросил:

— Что прикажете, сударь?

Гость молчал и внимательно наблюдал за компанией акробатов. Шванн повторил свой вопрос. Гость прошел дальше и сказал:

— Дайте мне глоток водки — я жду… еще одного человека. Приготовьте хороший обед, и когда придет другой… подавайте.

— Слушаю, сударь,— ответил Шванн, уверенный в том, что новый гость — управляющий знатного вельможи.

В эту минуту прибыли еще двое путешественников. Один из них походил на отставного военного, носил седую эспаньолку и был одет весьма просто. Другой был, очевидно, возницей или лошадиным барышником: его костюм состоял из холщевой блузы, кожаных штиблет, панталон до колен и большой круглой шляпы. Когда Шванн, приняв от них заказ, спросил, где им угодно будет сесть, они ответили не сразу. Наружность пришедшего ранее показалась им подозрительной. Впрочем, старик, похожий на отставного военного, приказал накрыть для себя и своего спутника тут же. Жирдель, поднявший голову, узнал, казалось, вновь прибывших. Гость в коричневом сюртуке иронически улыбнулся, выпил поднесенную ему водку и, вынув из кармана несколько газет, усердно принялся за них.

Шванн принес заказанную яичницу, и барышник спросил:

— Далеко ли отсюда до Ремирмона?

— Вы, верно, не здешний? Между Сент-Аме и Ремирмоном часа два пути.

— Тем лучше. Значит, после обеда мы будем

там.

— Дорога очень плоха,— заметил хозяин,— и все из-за наводнения…

— Что такое? — спросил старик-военный.

— В последнее время лили дожди, и горные потоки вышли из берегов — вся дорога к Ремирмону залита водой. В прошлом году в это же время здесь утонули двое…

— Мы возьмем проводника,— сказал барышник,— нет ли у вас кого под рукой?

— Как не быть? Но сегодня все мои люди заняты, вам придется подождать до завтра.

Акробаты закончили свой завтрак. Жирдель подошел к путникам и вежливо сказал:

— Если вам угодно, то вы можете завтра ехать вместе с нами.

— Отлично,— прибавил хозяин.— Соглашайтесь, господа. Жирдель будет для вас надежным проводником.

Путники обменялись взглядами, и военный ответил:

— Очень вам благодарен. Когда вы думаете выезжать?

— Завтра рано поутру. Сегодня мы даем здесь представление.

— Не выпьете ли с нами стаканчик вина?

Жирдель согласился. Шванн принес бутылку и стаканы.

Гость в коричневом сюртуке не пропустил мимо ушей ни одного слова и снова иронически улыбнулся.

Робекаль встал из-за стола и вышел во двор. Странный гость положил на стол свои газеты и последовал за ним.

— На пару слов, любезный,— обратился он к Робекалю.

— В чем дело?

— Вы получите двадцать франков, если будете откровенны со мной.

— Что же вам угодно?

— Кто это такой — Медное Жерло?

— Силач, фигляр, акробат и прочее.

— Как его зовут?

— Цезарь Жирдель.

— С кем он теперь сидит?

— Не знаю!

— Вы его ненавидите?

— Вам то что до этого?

— Я крайне в этом заинтересован, и, если вы согласны, мы можем действовать сообща. Вам будет дана возможность расквитаться с Жирделем, и, сверх того, вы получите хорошую награду.

— Да вы не шутите ли? — спросил Робекаль.

— И не думаю… Вот вам двадцать франков в задаток.

Робекаль взял деньги и ушел.

— Опоздал, голубчик,— сказал он про себя,— сегодня же вечером Жирдель получит свое.

Между тем Жирдель перешептывался с обоими путешественниками.

— Как дела? — спросил он у барышника.

— В отличном положении… Крестьяне подготовлены и только ждут сигнала.

— Мы еще поговорим об этом. Заметили ли вы человека, читавшего у стола газету?

— Он смахивает на лакея.

— Или, скорее, на шпиона. Сегодня вечером у вас в комнате мы поговорим… Оставьте дверь открытой, а главное — никому ни слова. Пока до свидания.

— Мы принимаем ваше предложение, любезный,— громко сказал барышник,— завтра с вашей помощью мы будем в Ремирмоне.

— Очень рад услужить вам, господа,— ответил Жирдель и затем, обратившись к акробатам, крикнул: — За работу, детки! Любезный Шванн, а как же насчет разрешения? Вы, кажется, помощник бургомистра?

— Да,— ответил Шванн,— вот вам гербовая бумага, пишите прошение.

— Это дело не мое. Пиши, Фанфаро, а ты, Бобишель, живей за работу!

4. Брат и сестра

Полчаса спустя на площади перед гостиницей «Золотое солнце» собралась большая толпа. Балаган Жирделя был уже готов, и местные жители с восторгом смотрели на Бобишеля, Фанфаро и Перепелочку, Роллу и Робекаля и самого Жирделя, которые, по обычаю акробатов, выйдя на эстраду, представились:

Бобишель: Сколько лет уж удивляю
Я прыжками целый мир!
Перепелочка: На канате я порхаю,
Мне не нужен балансир.
Жирдель: Я, вися вниз головою,
Разгибаю сто подков.
Ролла: Я протянутой рукою Поднимаю сто пудов!
Фанфаро: То, что здесь мы вам покажем,
Не увидите нигде…
Бобишель: На стаканах заиграю —
Настоящий я Орфей!
Перепелочка: Я, как бабочка, летаю
И пою, как соловей!

Закончив «рекомендации», акробаты скрылись

в балагане, и лишь один Бобишель остался в толпе и забавлял ее своими шутками. Фанфаро и Перепелочка были в больших хлопотах. Юноша устраивал деревянные сидения, а молодая девушка развешивала по стенам пестрые занавески и бумажные цветы. Временами она оставляла свою работу и украдкой смотрела на Фанфаро. Покончив с устройством скамеек, гимнаст стал укреплять трапеции. Они висели на высоте четырех метров от земли и на таком же расстоянии друг от друга.

Фанфаро поднялся наверх и, грациозно покачиваясь, смотрел на Перепелочку. Вдруг он, как птица, перелетел на другую трапецию, оттолкнул ее и спрыгнул вниз.

Перепелочка вскрикнула и, побледнев от испуга, подбежала к нему.

— Как ты меня опять напугал!

— В самом деле? Неужели ты до сих пор не привыкла к нашим упражнениям?

— Я боюсь за тебя, Фанфаро,— прошептала Перепелочка.— Если с тобой случится беда, я умру от горя.

— Не бойся, маленькая моя сестрица — со мной ничего не случится.

— Почему ты называешь меня «маленькой

сестрицей»? — тихо спросила девушка.

— Тебе не нравится это обращение?

— Нет, не то… Но разве я твоя сестра?

Лицо гимнаста омрачилось.

— Мы выросли вместе. Тебе было шесть лет, когда твой отец приютил меня, сироту.

— Но ты не мой брат,— настаивала она.

— Я люблю тебя как брат. Может быть, это тебе не нравится…

— Пожалуй… я бы хотела…

— Чего же именно?

— Нет, я лучше об этом промолчу,— прошептала Перепелочка, потом обняла гимнаста и нежно поцеловала его.

Фанфаро не ответил на этот поцелуй. Он отошел к трапеции и стал прилаживать веревку. Гимнаст ясно видел, что Перепелочка, сама того не сознавая, любит его… Роковой момент приближался, а между тем Фанфаро любил свою дорогую подругу только как сестру.

Почему — в этом он сам не мог дать себе отчета.

— Милая Перепелочка,— сказал он с притворно-беззаботным видом,— до начала нашего представления времени осталось мало, и нам надо спешить.

Перепелочка кивнула головой в знак согласия и снова принялась за развешивание украшений. В эту минуту дверь балагана отворилась, вошел Медное Жерло, а за ним появились две дамы. Фанфаро и Перепелочка с удивлением взглянули на неожиданных гостей.

— Что это еще за новый каприз, Ирена? — сказала одна из дам своей спутнице.— И как отнесется к этому графиня?

— Пожалуйста, без нравоучений, милая Урсула, если вам угодно, можете вернуться домой,— весело ответила молодая девушка.

— Сохрани Бог! — с испугом сказала Урсула.

Это была длинная сухощавая особа с большим носом, тонкими губами, седыми локонами и в очках — одним словом, Урсула представляла собой тип самой настоящей гувернантки.

У ее спутницы были свежие розовые губки, блестящие черные глаза, изящной формы нос и красиво очерченные щечки. Молодая девушка была одета в темно-синюю амазонку и широкополую шляпу с длинным белым пером. Было ей на вид лет девятнадцать, и взгляд ее был гордонадменный.

Фанфаро и Перепелочка прервали работу, а незнакомка, обратись к Жирделю, сказала:

— Господин ЖирДель, мне нужны места на вечернее представление, но только отдельно от прочей публики.

— Я, право, не знаю, как это устроить.

— За эти места я уплачу гораздо дороже.

— У нас цены обыкновенные: передние места стоят двадцать су, а задние — десять,— спокойно продолжал Медное Жерло.

Гувернантка вздохнула. Ирена вынула из кармана кошелек и, подавая его Жирделю, молвила нетерпеливым тоном:

— Возьмите деньги и скорей исполните мою просьбу.

Жирдель поклонился, но кошелек не взял.

— Я постараюсь, сударыня,— вежливо ответил он,— но лишнего мне не надо. Нельзя ли как-нибудь устроить ложу, Фанфаро?

Гимнаст подошел поближе. Ирена взглянула на него и невольно залюбовалась красивым юношей.

— В чем дело, Жирдель? — спокойно спросил Фанфаро.

— Я желаю быть на вашем представлении,— сказала Ирена,— но, конечно, не могу сидеть среди мужиков и грубой черни.

— В таком случае мест для вас нет и не будет,—

холодно ответил Фанфаро.

— В самом деле? — с удивлением спросила Ирена.

— Но, послушай, Фанфаро,— вмешался в разговор Жирдель,— мне кажется, что ложу устроить нетрудно: пять-шесть досок и ковер — вот и все.

— Это ваше дело, а я для этого не пошевельну и пальцем.

— Молодец, Фанфаро,— прошептала Перепелочка.

— Вы отказываетесь? А почему — смею вас спросить? Кстати, как вас зовут?

— Меня зовут Фанфаро,— с улыбкой ответил гимнаст.— Что же касается причины моего отказа, то ее я вам сейчас объясню, и вы, наверное, со мной согласитесь. Эта состоящая из «мужиков» и «грубой черни» столь противная вам публика, дает нам хлеб и восхищается нами. Руки этих мужиков, нам хлопающих, покрыты мозолями, но их рукоплескания нам так же дороги, как и аплодисменты аристократов, руки которых затянуты в перчатки. Если мы вам, сударыня, устроим отдельную ложу, то обидим этих добрых и честных людей, а мы этого вовсе не желаем. Как теперь, по-вашему, прав я или нет?

Пока Фанфаро говорил, Ирена смотрела на него

в упор, а когда он умолк, она тихо сказала:

— Благодарю вас за урок, я вообще его вполне заслужила… и сегодня вечером я буду на вашем представлении.

— Я был в этом заранее уверен,— спокойно ответил Фанфаро.

Ирена и ее гувернантка уехали.

5. Господин и слуга

— Кто эта красавица? — спросил Бобишель.

— Богатая наследница, г-жа де Сальв,— был ответ.

В эту минуту к гостинице подъехала неуклюжая почтовая карета. Шванн поспешил к пассажирам, в то же время к двери кареты подошел человек в коричневом сюртуке.

— Добро пожаловать, маркиз,— сказал он приехавшему.— Письмо мое получено вами, как видно, вовремя.

Из кареты вышел преждевременно состарившийся человек с согнутой спиной и морщинистым лицом.

Это был маркиз де Фужерез.

Человек в коричневом сюртуке, служивший у маркиза управляющим, звался Симоном.

— Прикажите подать обед в комнату,— обратился Симон к хозяину и провел своего господина наверх.

Войдя в комнату, маркиз, утомленный дорогой и равнодушный ко всему окружающему, опустился в кресло.

Когда Шванн подал обед, управляющий подо-

звал его к себе и тихо сказал:

— Уйдите и не входите сюда без зова. Вам нет никакого дела до моего господина и до того, с какой целью он сюда приехал: если вас об этом спросят — скажите, что ничего не знаете. Можете идти.

Когда Шванн ушел, Симон запер дверь на ключ и обратился к маркизу.

— Мы теперь одни, маркиз,— почтительно сказал он.

— Говори, узнал ли ты, где Пьер Лабарр?

— Да, маркиз.

— Но ты у него не был?

— Нет, я в точности держался ваших инструкций, маркиз.

— Тем лучше. Неожиданным своим появлением я поражу старого мошенника и, таким образом, заставлю его открыть тайну.

— А в каком положении вообще находятся дела, маркиз? — спросил Симон после небольшой паузы.

— В самом скверном! — с гневом вскричал маркиз.— Все против меня, и не сегодня-завтра я буду разорен…

— Но благоволение его величества…

— Не поможет мне ни в чем, потому что я не

лажу с кабинетом. Кроме того, я, к несчастью, восстановил против себя госпожу де Фушер, и с тех пор все пошло к черту!

— Но король благоволит к виконту,— возразил Симон,— и я полагаю…

— Покорно благодарю! О виконте говорит весь Париж — это верно! Виконт известен как игрок, дуэлянт и герой всевозможных скандалов! Мне каждый день с «душевным прискорбием» сообщают об этом друзья-приятели! Но я надеюсь, что женитьба положит конец всем этим толкам! Узнал ли ты что-нибудь о семействе де Сальв?

— Госпожа де Сальв — одна из самых богатых наследниц и, вместе с тем, замечательная красавица.

— Тем лучше! Теперь надо во что бы то ни стало приняться за Пьера Лабарра — он должен открыть тайну, тогда мы спасены.

— Маркиз может вполне положиться на меня,— сказал Симон,— Я знаю, что вас ожидает блестящее будущее, и надеюсь доказать вам, что достоин вашего доверия. Еще на прошлой неделе мне удалось оказать вашей семье, маркиз, небольшую услугу…

— Что такое?

— Господину Франше угодно было почтить

меня особым доверием…

Маркиз с удивлением взглянул на своего управляющего. Франше был высшим начальником полиции и достиг этого поста весьма быстро. По рекомендации герцога де Монморанси он попал под покровительство иезуитов и скоро обнаружил блестящие способности, соединенные со знанием дела. Иезуиты опутали своей паутиной всю Францию, и содействие Франше было необходимо им.

Узнав о сношениях Симона с начальником полиции, Фужерез был очень удивлен, но тем самым маркиз еще раз убедился, что его управляющий отлично исполняет роль шпиона.

— Продолжай,— сказал он тихо.

— Благодаря доверию г-на Франше,— самодовольно ответил Симон,— я могу добыть вам, маркиз, положение при дворе с большим влиянием.

— Каким образом?

— Содействие и ваше участие в моих стремлениях ко благу правительства.

— Говори яснее.

Симон подошел к маркизу и шепнул ему:

— В настоящую минуту существует обширный заговор, направленный к низвержению короля…

— Да, это не в первый раз.

— Но теперь это дело серьезное: заговор республиканцев…

— Не смей о них упоминать при мне! — с гневом крикнул Фужерез.

— Позвольте мне договорить до конца, маркиз. Собранные мною сведения вполне достоверны. Быть может, недели через две-три вспыхнет революция, и тогда мы погибли! Эта тайна в моих руках, я мог бы сейчас открыть ее королю, но что выйдет из этого? С лакеем не церемонятся. Меня выслушают неохотно, проверят мой донос и затем отпустят, уплатив мне ничтожную награду и заявив, что я был введен в заблуждение. Но если эту страшную тайну откроет маркиз де Фужерез, то камарилья преклонится перед ним, король объявит его спасителем престола, и ваша карьера упрочена навсегда!

В волнении маркиз вскочил с кресла.

— И ты дашь мне в руки все нити заговора,— спросил он,— назовешь по именам всех заговорщиков?

— Да, маркиз.

Фужерез глубоко вздохнул и прошелся по комнате.

— Ты не пожалеешь об этом,— сказал он,— и

если только дело удастся, я тебя не забуду.

— Премного вам благодарен, маркиз, я доверяю вашему слову. А теперь не пора ли нам отправиться к Лабарру, он живет в Ванье -мы можем там быть часа через три.

— И вернуться сюда к вечеру,— добавил маркиз.— Я готов.

— Я сейчас прикажу заложить лошадей.

Симон ушел.

Оставшись один, Фужерез задумался. Его размышления были не особенно веселы: прошлое, настоящее и будущее представляли одинаково безрадостную картину.

Отец маркиза скончался в 1817 году, и виконт поспешил достать документ о смерти своего брата, умершего в 1814 году в Лейгуте. Жена и дети Жюля Фужерез бесследно исчезли, и потому виконт де Тализак, ныне маркиз де Фужерез, имел полное право на наследство отца.

Но наследство это оказалось не особенно значительным. Маркизу и его жене для покрытия долгов пришлось продать часть земель. Роскошный образ жизни родителей повлиял и на сына: в пятнадцать лет виконт Фредерик де Тализак был уже отчаянным кутилой и баловнем матери, всегда его защищавшей.

— При таком порядке вещей мы скоро станем нищими,— не раз говорил маркиз жене.

— Да я-то тут при чем? — отвечала маркиза.— Положим, ты устранил своего брата, но части его наследства не получил, и если Пьер Лабарр, старый слуга твоего отца, не откроет тайны, то ты останешься с носом. Ему одному известно, где спрятаны те деньги, и после его смерти тайна уйдет вместе с ним:

Такие разговоры между супругами происходили нередко, но Лабарр после смерти своего господина исчез, и лишь в последнее время Симон напал на его след.

Между тем положение Фужерезов становилось все более критическим: отец пустился в неблаговидные спекуляции, а сын кутил и сорил деньгами по-прежнему. Женитьба виконта на Ирене де Сальв могла и не состояться, и тогда крах семьи был неизбежен…

Симон вернулся к маркизу.

— Лошади готовы? — с нетерпением спросил Фужерез.

— Нет, маркиз: из-за дождей речка Кюва вышла из берегов, и дорога в Ванье залита водой.

— А другого пути нет?

— Нет, маркиз.

— Да хлопотал ли ты о лошадях?

— Хлопотал, но, кроме как у хозяина гостиницы, здесь ни у кого нет лошадей.

— Так купи их у него.

— Он не хочет продавать. Я обратился к акробату, приехавшему сюда со своей труппой на паре лошадей, но и он отказался… говорит — самому нужны.

— Это похоже на заговор,— сказал маркиз.

— Делать нечего — пойдемте пешком!

— Ты прав,— ответил маркиз.— Идем!

Шванн, узнав о намерении своих гостей, испугался.

— Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно,— пробормотал он,— шутить с нашей речкой опасно!

6. Представление

Маркиз и Симон отправились в путь.

Между тем Робекаль и Ролла, согласно их уговору, встретились на большой дороге и долго перешептывались между собой. Они оба ненавидели Жирделя, Перепелочку, Бобишеля и Фанфаро. Сегодня же вечером они решили отделаться навсегда от Жирделя и Фанфаро. Ролла любила Робекаля, и муж стал для нее препятствием, а Робекалю очень уж хотелось приобрести в собственность балаган Жирделя со всеми костюмами и аксессуарами.

— Пожалуйста, пожалуйте, господа, сейчас начинаем! — кричал Бобишель, стоя у кассы и приветливо кланяясь публике.

— Придет ли она? — шептала про себя Перепелочка.

В своем белом платьице, усеянном незабудками, в венке из незабудок же на голове, она была очень мила.

— Все устроено,— шепнул на ухо Ролле Робекаль.

В эту минуту в балаган вошла Ирена де Сальв.

— Это она! — в смущении прошептала Перепе-

лочка, прижав руку к сердцу и озабоченно глядя на Фанфаро.

Гимнаст приводил в порядок гири и брусья, необходимые Жирделю при его упражнениях, и, занятый своим делом, не обращал внимания ни на кого. Перепелочка успокоилась.

Ирена без всякого стеснения прошла вперед и уселась рядом со старой крестьянкой. В толпе зашептались.

Графы де Сальв, связанные родственными отношениями с королевской династией, всегда занимали высокое положение при дворе и были известны своим богатством.

Дед Ирены в 1793 году сложил голову на эшафоте, его сын служил военным и в 1812 году отправился в Россию, где и был убит. Его вдова с дочкой, которой тогда пошел четвертый год, удалилась в свой замок близ Ремирмона и всецело отдалась воспитанию малютки.

Ирену баловали до крайности и, конечно, этим испортили ее характер. Слыша отовсюду, что она богатая наследница и притом замечательная красавица, молодая девушка скоро пришла к убеждению, что на свете деньги решают все.

Когда Ирене исполнилось пятнадцать лет, мать ее опасно захворала, и ее разбил паралич. При-

кованная к своему креслу, графиня воскресала лишь тогда, когда в ее комнату вбегала дочь с улыбкой на лице.

Характер у Ирены был крайне капризный и состоял из какого-то калейдоскопа противоречий. Как-то раз в замок приехал нотариус и долго беседовал наедине с графиней. На другой день Ирене объявили, что она выходит замуж.

Девушка отнеслась к этому известию вполне равнодушно: воля матери для нее была законом. Она совершенно не знала, каков ее жених, виконт де Тализак,— это ей было безразлично.

Повинуясь минутному капризу, она приехала в балаган акробатов, не сводила глаз с Фанфаро и даже, к великому ужасу своей гувернантки, заговорила с красивым гимнастом.

Перепелочка тоже была неспокойна: в ней проснулась ревность… Что могло быть общего между этой богатой наследницей и юношей, которого Перепелочка в душе считал? уже своим?

Между тем началось представление по заранее объявленной программе.

Жирдель играл пудовыми гирями, как мячиками, Ролла глотала камни и живых голубей, Робекаль — ножи и сабли, а Перепелочка грациозно танцевала на канате.

Фанфаро поспевал везде; он подавал и принимал гири, необходимые Жирделю, аккомпанировал на тамбурине Робекалю и на скрипке — Перепелочке, кроме того усиливал эффект комических выходок Бобишеля разными удачными каламбурами и шутками. А сам он должен был появиться лишь во втором отделении. В конце первого отделения стоял номер, везде и всегда с громадным успехом исполняемый Жирделем.

На арене в это время устанавливали необходимые для этого приспособления, состоящие из большого бруса, поддерживаемого двумя столбиками. На середине бруса был укреплен специальный механизм, с которого спускалась железная цепь с крюком на конце.

Фанфаро подкатил пустую бочку, которую на глазах публики стали наполнять камнями и кусками железа. Весу в ней было до тридцати центнеров. Бочку, наполнив, заколотили и обмотали цепью, пропущенной сквозь кольца в бочке. На арену вышел Жирдель в обычном своем костюме атлета, на подбородке его была повязка с железным крюком.

Жирдель поклонился публике, зацепил крюком бочку и заложил руки за спину. Фанфаро стоял рядом с ним и временами трубил в большую трубу.

При каждом звуке трубы бочка поднималась на несколько дюймов, и вся публика, затаив дыхание, внимательно следила за опасным номером Жирделя. Теперь бочка находилась над головой силача. Публика оглушительно зарукоплескала, но тут раздался какой-то зловещий грохот. Толпа вскрикнула…

Фанфаро моментально бросился к бочке и подхватил ее… Что же случилось?

Жирдель неподвижно без чувств лежал на помосте, Фанфаро, тяжело дыша, бледный как смерть, опустил бочку и подошел к силачу.

Цепь разорвалась, и если бы не присутствие духа Фанфаро, бочка раздавила бы Жирделя.

Перепелочка, рыдая, склонилась над отцом, Фанфаро и Бобишель осторожно поднимали несчастного, а Ролла ревела в притворном горе. Робекаль исчез…

— О, Фанфаро, неужели он умер? — простонала Перепелочка.

Фанфаро молча склонился над Жирделем, а Ролла злобно взглянула на юношу и прошипела:

— Не прикасайся к нему — я сумею привести его в чувство.

Фанфаро посмотрел на нее в упор, и она побледнела: юноша приложил ухо к груди Жирделя и

вздохнул свободней.

— Слава Богу, он жив! — сказал он.

Перепелочка вскрикнула и лишилась чувств, а придя в сознание, она увидела себя в объятиях Ирены.

Графиня поспешила на помощь Жирделю, но флакон с нюхательной солью оказался бесполезным — гимнаст не открывал глаз.

— Погодите, я знаю, чем ему помочь! — с уверенностью сказал Бобишель.

Лезвием ножа он разжал крепко стиснутые зубы Жирделя и влил ему в рот глоток коньяку.

Средство это подействовало: силач открыл глаза, глубоко вздохнул и приподнял голову.

— Ура! Он спасен! — крикнул клоун, прослезившись от радости, а затем, подойдя к Ролле, сказал: — Что, голубушка, сорвалось?

Ролла вздрогнула. В эту минуту появился Робекаль.

— Слава Богу,— проговорил он,— что наш добрый хозяин остался жив…

Шванн, рыдавший как ребенок, взглянул на него со злостью, но промолчал.

— Нет ли здесь поблизости врача? — спросил Фанфаро.

— У нас нет. а до Ванье не близко…

— Все равно я побегу туда!

— Помилуй, голубчик, дорога залита водой — ты утонешь! — крикнул Шванн.

— Отцу я обязан жизнью,— спокойно ответил гимнаст,— и я охотно отдам за него свою.

— Молодец! Возьми одну из моих рабочих лошадей и поезжай с Богом!

— Это все не то, сказала Ирена, подойдя ближе.— Господин Фанфаро, возмите мою лошадь, она в несколько минут доставит вас до Ванье.

— Она совсем сошла с ума, — сказала со вздохом гувернантка.

Но эти ее слова никто не обратил внимания. Фанфаро горячо поблагодарил Ирену, вскочил на лошадь и умчался за врачом.

7. Пьер Лабарр

Маркиз и Симон шли очень быстро и часов через пять добрались до Ванье. Дорога действительно в нескольких местах была залита водой, и нашим путникам не раз приходилось останавливаться, чтобы не сбиться с пути. Дойдя до ряда холмов, окаймляющих городок, Симон глубоко вздохнул и сказал:

— Слава Богу, добрались благополучно!

Четверть часа спустя они остановились у небольшого одиноко стоящего домика. Симон постучал в дверь.

Сначала в доме все оставалось безмолвным, затем отворилось окно и послышался голос:

— Кто там?

Маркиз и Симон переглянулись: очевидно, Лабарр был дома один.

— Это я, маркиз Фужерез,— ответил наконец маркиз.

Окно немедленно захлопнулось, затем щелкнула задвижка, дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился высокий худощавый старик.

Более десяти лет прошло с того дня, как в горах Шварцвальда Лабарр лишь благодаря случаю не

погиб от руки виконта де Тализак. Пьер поседел, но сохранил тот же спокойный и мужественный взгляд.

— Войдите, виконт,— серьезно сказал он.

Все вошли в дом. Пьер прибавил огня в лампе и, обратясь к маркизу, произнес с расстановкой:

— Не угодно ли вам сесть, виконт?

Маркиз вспыхнул.

— Меня крайне удивляет, Лабарр,— сказал он строго,— что за эти годы вы совершенно забыли о том, как должен себя держать каждый порядочный слуга. Уже семь лет я ношу титул моего отца — почему вы упорно называете меня виконтом?

— Я знаю только одного маркиза де Фужерез,— медленно ответил Лабарр.

— Так, по вашему мнению, этот титул может принадлежать…

— Сыну того человека, который был убит в Лейгуте, — спокойно добавил Пьер.

— Убит? Вы ошибаетесь: он был бунтовщиком и пал на поле битвы.

— Ваш брат, виконт, пал жертвой хитро задуманного плана, составленного людьми, которым была необходима его смерть.

Маркиз вышел из себя и чуть было не схватил Лабарра за горло, НО остановился.

— Дело не в том.— сказал он поспешно,— я приехал сюда с другой целью.

Лабарр молчал.

— Вполне понимаю, что это событие должно было потрясти вас — вы всегда были верным слугой покойного отца и преданы нашей семье, но в жизни и смерти человека волен только Бог. Мой брат, его жена и двое детей в один и тот же час были убиты казаками.

— Вы ошибаетесь, виконт,— резко перебил его Лабарр,— отец был убит наемными убийцами, мать сгорела при пожаре, но дети спаслись.

Маркиз побледнел.

— Вы бредите! — вскричал он.— Дети Жюля умерли.

Старик скрестил руки на груди, в упор посмотрел на маркиза и твердо произнес:

— Виконт, дети остались в живых.

Маркиз наконец не выдержал.

— Так вам известно, где они находятся? — в бешенстве вскричал он.

— Нет, виконт, но из ваших слов я заключаю, что вы и сами не убеждены в том, что они умерли.

Маркиз понял, что выдал себя, и с досадой прикусил язык. В разговор вмешался Симон.

Ух, к чему столько лишних слов, маркиз,— сказал он. — Объясните вы ему прямо, в чем дело, и если он не захочет отвечать, мы заставим его заговорить.

— Ты прав,— согласился маркиз и затем сказал Лабарру.— Выслушайте меня внимательно, Лабарр. Я объясню вам, с какой целью я приехал сюда — речь идет о чести де Фужерезов.

Старик саркастически улыбнулся:

— Честь Фужерезов? Говорите — я слушаю!

— Оставь нас, Симон,— обратился маркиз к управляющему.

Симон с недовольной миной вышел из комнаты и, по своей лакейской натуре, стал подслушивать у дверей.

По уходе управляющего маркиз встал, подошел к старику и, взяв его руку, крепко пожал ее. Пьер взглянул на него с удивлением, отдернул руку и сухо сказал:

— Будем говорить о деле, виконт.

— Пьер,— начал притворно-мягким театральным тоном маркиз, — вы всегда были доверенным лицом моего отца и знаете, что он не любил меня. Сознаюсь, что в этом была моя вина, но теперь раскаяние будет запоздалым. То, что я сообщу вам, Пьер, не слыхал еще ни один человек на све-

те… Умоляю вас, не судите меня слишком строго.

Пьер опустил глаза и молчал.

— Неужели вы не сжалитесь надо мной? — дрожащим голосом спросил маркиз.

— Говорите, виконт, я слушаю,— глухо произнес Лабарр.

— Если вы мне не поможете, Пьер,— униженно продолжал маркиз,— то имя Фужерезов будет опозорено навеки.

На лице Пьера мелькнула ироническая улыбка.

— Имя Фужерезов? — переспросил он насмешливым тоном.— Да вы-то тут при чем, виконт де Тализак?

Маркиз в гневе топнул ногой, но для получения результата было необходимо довести этот разговор до конца.

— Я буду говорить с вами откровенно,— продолжал он после небольшой паузы.— Дело в том, что я нахожусь на краю пропасти… Мое состояние прожито, положение при дворе пошатнулось, и если вы мне не поможете…

— Я вас не понимаю, виконт. Вероятно, дело идет лишь о вашем состоянии?

— Нет, Пьер, речь идет о чести Фужерезов. Вы безжалостны — заставляете открыть вам мой

позор! — Он наклонился к уху старика и сказал: — Для спасения себя от гибели я решился на подлог, и если вы не протянете руку помощи, то я, маркиз де Фужерез, попаду на скамью подсудимых!

— Что же вам от меня угодно, виконт?

На бледном лице маркиза блеснул луч надежды.

— Я знаю,— сказал он поспешно,— что мой отец отказал своему старшему сыну Жюлю большую часть своего состояния и что его завещание находится в ваших руках.

— Продолжайте,— сказал Пьер.

— В этом завещании было несколько пунктов. Часть своих сокровищ отец спрятал в надежном месте и в своем завещании обозначил место с указанием, что сокровища должны быть выданы его сыну Жюлю илл его потомкам. Пьер, Жюля нет давно на свете, дети его исчезли бесследно, и вы не имеете права не выдать мне этих сокровищ. Ценность их равняется двум миллионам франков: неужели вы для спасения меня от позора не выдадите их мне?

Маркиз замолчал.

Пьер медленно встал со стула, подошел к стене и снял висевшую на ней траурную занавеску, затем взял в руку лампу и сказал маркизу:

— Посмотрите сюда, виконт!

Маркиз приблизился к стене. При тусклом свете лампы он увидел полуобгоревшую вывеску гостиницы.

— Знакома вам эта вывеска, виконт? — угрожающим тоном спросил Пьер.

— Нет,— как-то растерянно ответил маркиз.

— Так я вам объясню: на этой вывеске некогда была надпись: «Для счастья Франции». Неужели вы и теперь настаиваете на том, чтобы я выдал вам завещание и наследство?

— Я вас не понимаю,— дрожащим голосом сказал Фужерез.

— Неужели? Какой, однако, вы стали забывчивый, виконт! В таком случае я напомню вам обстоятельства дела: эта вывеска висела над гостиницей местечка Лейгут. Ее владельцем был ваш брат, законный наследник Фужерезов и честнейший на свете человек. Но Жюль Фужерез (так называл он себя) был убит. Все говорили, что его убийцами были казаки. Это неверно — его убийцей, виконт, были вы!

— Молчи, холоп! — бешено вскричал маркиз.

— Нет! Братоубийца! Холоп молчать не будет,— спокойно возразил Пьер.— Слушайте дальше, виконт! Два года спустя скончался старый маркиз

де Фужерез. Когда он находился уже в агонии, в его комнату прокрался виконт де Тализак, упал на колени и умолял отца назначить его единственным наследником. Умирающий с угрозой взглянул на негодяя и, собрав последние силы, крикнул: «Будь проклят, братоубийца!» Виконт убежал, как будто за ним гнались фурии. Маркиз Фужерез еще раз глубоко вздохнул и скончался. Стоя за портьерой у окна, я все видел и слышал — неужели вы полагаете, что я выдам наследство покойного брата человеку, проклятому отцом? Нет, виконт, я знаю свой долг, и если завтра ваше имя будет опозорено, а сами вы попадете на скамью подсудимых, я скажу всем и каждому — этот человек, убийца своего брата, не имеет права на титул маркиза де Фужерез. И ступайте вон, виконт де Тализак, в моем доме нет места убийце!

Маркиз побледнел как полотно и едва удержался на ногах.

— Итак, вы не поможете мне? — прошептал он.

— Нет!

— Вы намерены сохранить наследство Фужерезов для сына моего брата, который давно умер?

— Быть может, он жив?

— А если нет? Если я докажу вам, что он умер,

выдадите ли вы тогда наследство?

— Сейчас я на это ответить не могу.

— В последний раз спрашиваю, будете ли вы говорить или нет?

— Нет, завещание и наследство принадлежат маркизу Жюлю Фужерезу.

— Довольно, завещание находится у вас здесь, в доме, об остальном я позабочусь!

Маркиз громко свистнул. Вошел Симон.

— Взять этого негодяя! — крикнул маркиз.

— Давно бы так! — ответил достойный управляющий и бросился на старика.

Но он ошибся в расчете. Лабарр сразу же сбил его с ног. Через секунду между ними лежал тяжелый дубовый стол. Пьер схватил висевший на стене пистолет, прицелился в маркиза и крикнул:

— У нас с вами есть еще старые счеты, виконт! Много лет тому назад, в горах, вы хотели убить меня, берегитесь!

Маркиз, не имевший при себе оружия, отступил, но Симон выхватил свой пистолет и вскричал:

— О, мы за себя постоим!

Лабарр опустил свой пистолет и презрительно произнес:

— С холопом справится и моя собака. Эй, Султан!

Он отворил боковую дверь, и в комнату вбежала громадная мохнатая овчарка. По знаку хозяина она бросилась на Симона и разом свалила его с ног.

— Помогите, маркиз! — кричал управляющий.

— Назад, Султан!— сказал Пьер.

Собака отпустила Симона.

— Ступайте вон, негодяи,— вскричал Пьер и отворил дверь,— проваливайте к черту и никогда больше не показывайтесь мне на глаза!

Маркиз и Симон выбежали вон.

Пьер приласкал собаку и произнес со злорадной улыбкой:

— Скоро спровадил я этих гостей!

8. Встреча

Маркиз и Симон бежали без оглядки с одной только мыслью: дальше, еще дальше от этого страшного старика и его собаки. Они забыли о дороге, залитой водой, о грозившей им опасности и не обращали внимания на речку, вышедшую из своих берегов.

Вдруг Симон остановился и схватил маркиза за руку.

— Слушайте,— с дрожью в голосе сказал он,— что это за шум?

До слуха беглецов донесся какой-то глухой грохот, похожий на раскаты грома. Водяной поток подмыл огромную скалу, которая с грохотом опрокинулась и исчезла в волнах.

Маркиз и Симон окончательно растерялись. Окруженные со всех сторон водой, они неминуемо должны были погибнуть.

Фужерез устремился к груде камней, еще не совсем залитых водой, но споткнулся и с глухим криком исчез под водой.

Симон даже не обратил на это внимания — думая лишь о собственном спасении, он перескакивал с камня на камень и добрался наконец

до высокой скалы, на которую и влез. Теперь он был в безопасности.

Маркиза уносило течением, наконец ему удалось ухватиться за ствол дерева. Находясь по горло в воде, он кричал:

— Симон, помоги мне! Спаси меня!

Ответа не было. Фужерез совсем ослабел, как вдруг ему послышался чей-то голос:

— Не бойтесь, сейчас я вам помогу!

Маркиз вздрогнул: где и когда он мог слышать этот голос?

— Не бойтесь, сейчас я к вам доберусь, — снова услышал маркиз.

Фужерез поднял голову и увидел фигуру, как будто висевшую в воздухе.

В эту самую минуту новая волна подхватила и увлекла маркиза вниз по течению.

Человек, голос которого услыхал Фужерез, вскрикнул и бросился вслед за утопающим.

Это был Фанфаро. Обхватив маркиза левой рукой, он доплыл до площадки, на которой стояло дерево. После страшных усилий ему удалось втащить туда Фужереза.

Гимнаст опустил на землю спасенного им старика и, зажегши небольшой фонарик, наклонился над несчастным.

Маркиз открыл глаза и, глубоко вздохнув, прошептал:

— Где я?

— Вы спасены,— кратко ответил Фанфаро.

При звуке его голоса Фужерез вздрогнул.

— Вы меня спасли?

— Да.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Фанфаро, я работаю в труппе Жирделя, дававшей сегодня представление в Сент-Аме. Но дело не в том... Можете ли вы встать?

С помощью гимнаста маркиз встал на ноги и тотчас же вскрикнул от боли.

— Вы ранены? — заботливо спросил Фанфаро.

— Нет, но меня швыряло на деревья и скалы, и я весь разбит.

— Это понемногу пройдет, а теперь обнимите меня покрепче и не бойтесь: я вынесу вас на сухое место.

Бережно поддерживая маркиза и осторожно пробираясь по узкой горной тропинке, Фанфаро благополучно вышел на дорогу, где он оставил свою лошадь.

— Теперь мы спасены,— сказал гимнаст,— я возьму вас к себе на лошадь и через четверть

часа мы будем в Сент-Аме. Я ездил в Ванье за доктором для моего приемного отца, с которым случилось несчастье, но не застал врача дома, и поэтому возвращаюсь ни с чем. Садитесь на лошадь. Дорога до деревни прямая, и всякая опасность миновала.

Фанфаро подсадил маркиза на лошадь и, подняв фонарь, стал отвязывать ее от дерева. Лицо гимнаста осветилось, и маркиз глухо вскрикнул: его спаситель был очень похож на старого маркиза де Фужереза.

Неужели это был сын Жюля?

Адская мысль блеснула в уме вельможного негодяя. Лишь только Фанфаро отвязал лошадь, как Фужерез дал ей шпоры и ускакал. Фанфаро подумал, что ослабевший старик не смог удержать коня, и, следуя за ним пешком, говорил про себя:

— Дай Бог, чтобы старик доехал благополучно: он очень ослаб, а с этой лошадью справится не всякий!

9. Признательность вельможи

После продолжительного обморока Жирдель наконец пришел в себя. Около него хлопотали Шванн, Бобишель и Перепелочка, которая плакала от радости.

Между тем в темных сенях сошлись Ролла и Робекаль.

— Ну что? — спросил акробат.

— Он жив и здоров,— прошипела Ролла.

— Значит, сорвалось.

— Сам виноват: чем цепь-то перепиливать, лучше пырнул бы его ножом, да и делу конец!

— Молчи, дура, я уже давно подумываю о другом. Скажи-ка, получает ли он когда-нибудь письма?

— Очень много.

— И ты не знаешь их содержания?

— Нет, я никогда их не читаю.

Скромность Роллы имела свои причины: Королева Пушки не умела читать, но тщательно скрывала свою неграмотность.

— Сейчас Шванн провел к Жирделю каких-то двух мужчин. Пойдем туда, послушаем у дверей и узнаем, в чем дело,— сказал Робекаль.

Достойная пара удалилась.

Часа через два Робекаль и Ролла достигли цели. Из подслушанного циркачами разговора Жирделя и двух незнакомцев они узнали, что Фанфаро должен был отправиться в Париж и доставить известному лицу весьма важные документы. За точное выполнение поручения ручался Жирдель.

Когда Робекаль снова спустился вниз, в комнату вбежал Симон. Дрожа от холода и испуга, он пробормотал:

— Господа… вода… наводнение…

Затем он упал в обморок.

Шванн захлопотал около него, в это время раздался топот лошади.

— Слава Богу, это вернулся Фанфаро,— в один голос крикнули Бобишель и Перепелочка и выбежали на крыльцо.

Но, к их удивлению, приехавший был не Фанфаро. С лошади сошел промокший до костей маркиз де Фужерез.

— Где Фанфаро? — крикнул Бобишель.

— Он идет за мной следом: меня понесла лошадь, и я не смог удержать ее.

— Так он не ранен? — поспешно спросил Шванн.

— Сохрани Бог! А теперь дайте мне глоток коньяку и отведите к господину Жирделю. Мне необходимо с ним поговорить.

Маркиз поднялся наверх и вошел в комнату, где лежал Жирдель.

— Я имею честь говорить с господином Жирделем? — начал он вежливым тоном.

— К вашим услугам.

— Я — маркиз де Фужерез и желал бы переговорить с вами кое о чем.

— Прошу садиться, маркиз. Говорите, я слушаю вас,— ответил маркизу силач.

Маркиз сел и, выразив гимнасту свое сожаление по поводу постигшего его несчастья, сообщил ему о своем приключении на дороге и о подвиге Фанфаро.

— Вам, без сомнения, известно мое положение при дворе?

— Извините меня,— ответил атлет,— но я слишком далек от придворных сфер и никогда ими не интересовался.

— В таком случае знайте, что я пользуюсь большим влиянием и могу быть полезным вам и... вашему сыну.

— Фанфаро — не мой сын!

— Может быть, его родители — бедные люди, и

тогда тем более…

— Он сирота, я нашел его на большой дороге.

— Каким образом?

— Это было очень давно. Раз зимой ехал я на своей повозке вместе с акробатами, служившими в моей труппе, через Вогезы… Вдруг послышались звуки труб. Впрочем, в то смутное время такая музыка никому не была в диковинку, и я, не обращая внимания, поехал дальше. На краю оврага я увидел мальчика лет десяти, он склонился над убитым трубачом, судорожно сжимая его трубу. Без сомнения, ребенок звуками звал на помощь, но ослабел^ и лишился чувств… Кругом валялись трупы французов. Я взял малютку на руки, положил в повозку и обогрел, накормил, а в память сыгранной им фанфары назвал его Фанфаро.

— Разве он не знал своего имени?

— Он впал в горячку и был на волосок от смерти. По выздоровлении у него пропала память, и лишь спустя несколько месяцев ребенок припомнил название деревни, где он жил…

— И эта деревня называлась?…

— Лейгут.

Маркиз вздрогнул, но скрыл свое волнение и не выдал себя.

— Мало-помалу мы узнали также, что его отца

звали Жюлем, мать — Луизой, сестру — Лизеттой, а его самого Жаком. По этим данным я начал в Лейгуте свои поиски, но ничего не добился. Деревня был сожжена казаками, жители погибли, мать Жака сгорела в доме. Мальчик остался у нас, научился нашему ремеслу, и мы горячо полюбили его. Вот и все, что я могу сообщить вам о нем, маркиз.

На лбу Фужереза выступил холодный пот: всякое сомнение исчезло — Фанфаро был сыном его покойного брата!

В эту минуту дверь быстро отворилась и в комнату вбежал Фанфаро.

— Ты жив, отец! Слава и благодарение Господу!

Акробаты крепко обнялись.

— Господин Фанфаро,— обратился к гимнасту маркиз,— позвольте мне выразить вам свою искреннюю благодарность за то, что вы, забыв о себе, спасли мне жизнь.

— Я только выполнил свой долг, маркиз.

— А я не забуду о своем, и если смогу чем-либо вам быть полезным…

С этими словами маркиз удалился. На лестнице он столкнулся с Симоном.

— Сам ад шлет нам свою помощь,— поспешно

сказал Фужерез. Знаешь ли ты, кто такой этот Фанфаро?

— Нет, маркиз.

— Этот акробат — сын моего брата Жюля де Фужереза!

— В самом деле?

— Да, и вот мой план: этот юноша должен умереть, но при таких обстоятельствах, которые дали бы возможность раскрыть его настоящее имя. Тогда Пьер Лабарр должен будет заговорить. Ты меня понял?

— Вполне, маркиз. Со своей стороны я должен вам сообщить, что этому Фанфаро предназначена большая роль в политическом заговоре, о котором я уже вам говорил.

— От кого ты это узнал?

— От одного акробата из труппы Жирделя, которого зовут Робекаль.

Маркиз вырвал листок из своей записной книжки, написал несколько строк и затем сказал Симону:

— Возьми эту записку и вместе с Робекалем беги в Ремирмон. Там ты обратишься к президенту полиции, графу де Вернак, и передашь ему мое письмо. Граф известен своей преданностью престолу, и поэтому тотчас же пришлет жандар-

мов, которые арестуют Фанфаро и Жирделя. Об остальном позабочусь я.

— Ваше приказание будет исполнено в точности, маркиз,— ответил Симон и вышел.

10. Побег

Уходя вместе с Симоном, Робекаль сообщил Ролле, что они едут в Ремирмон за жандармами, которые арестуют обоих атлетов.

Ролла и Перепелочка спали в одной комнате. Когда молодая девушка вошла туда, Королева Пушки, пьяная, сидела за столом, положив на него голову. Ролла злобно глянула на девушку и прошипела:

— Погоди, голубушка! Скоро спесь-то с тебя пособьют! Кто тебя утешит, когда они уведут твоего Фанфаро?

— Что такое? Фанфаро уведут? — с ужасом спросила Перепелочка.

— А, испугалась? Да, уведут: жандармы мигом будут здесь. За ними поехали Робекаль и… другой.

Ужас охватил Перепелочку. Неужели ее отцу и Фанфаро грозила опасность?

— Теперь я пойду и лягу спать,— пробормотала Ролла,— а когда проснусь, наши голубчики уже будут под замком.

Она закрыла глаза и вскоре захрапела.

Перепелочка без шума вышла из комнаты, хо-

рошо закрыла за собой дверь и побежала наверх будить отца.

В коридоре она столкнулась с Бобишелем, которому немедленно сообщила все то, что услышала от Роллы.

Жирдель и Фанфаро были разбужены и оповещены о случившемся.

— Как же теперь нам быть? — спросил, обратившись к Фанфаро, Жирдель.

— Нам надо бежать,— ответил юноша,— служа родине и нашему делу, нельзя губить себя… Дай Бог, чтобы еще не было поздно!

— Итак, бежим!— сказал атлет.— Повозку придется бросить здесь и взять только лошадей. Я посажу к себе Перепелочку, а вы вдвоем сядете на другую лошадь…

— Нет, хозяин,— перебил его клоун,— это вы не дело задумали. — Вас-то и одного едва свезет лошадь. Пусть Фанфаро возьмет к себе Перепелочку, а я поплетусь пешком, а позже встретимся. Куда вы направитесь?

— В Париж, а теперь поспешим. Ты, Бобишель, ступай вниз и оседлай лошадей, а мы через окно — и тягу… Но только вот что: как нам быть с Роллой?

Он прошел в комнату жены и через минуту

вернулся.

— Ролла совершенно пьяна и крепко спит; придется оставить ее здесь на попечение Шванна.

Между тем Бобишель моментально связал несколько простыней, и с их помощью акробаты спустились вниз. Через две-три минуты они уже выехали на большую дорогу.

Бобишель бежал за Жирделем. Вдруг он остановился и сказал:

— Я слышу топот лошадей, мы удрали как раз вовремя.

Когда жандармы вместе с Симоном и Робекалем доехали до гостиницы «Золотое солнце», беглецы были уже далеко. За ними тотчас же была снаряжена погоня.

Когда жандармы добрались до леса, то произошло нечто очень странное: три лошади, одна за другой, на полном скаку споткнулись и попадали. Жандармы подняли страшный крик: один сломал себе руку, другой вывихнул ногу, а лошади расшиблись настолько, что их тотчас же пришлось пристрелить.

Робекаль зажег фонарь, чтобы исследовать причину насчастья.

— Тысяча чертей,— крикнул он,— эти мерзавцы протянули здесь сеть между деревьями!

— Да, мерзавцы вообще были умнее других,— раздался чей-то голос, и с вершины дуба скатилась какая-то фигура и моментально скрылась в кустах.

— Негодяй! — бешено крикнул Робекаль и выстрелил вдогонку убегающему.

11. В Париже

Был конец февраля 1824 года.

Масленица доживала последние дни, и все парижское население слилось в общем веселье.

В одном ресторане вблизи Пале-Рояля сидели трое молодых людей, принадлежавших к так называемой «золотой молодежи» Парижа.

Один из них был Анатоль де Монферран — сын графа де Монферрана, получившего громкую известность после блестящей речи, сказанной им в палате пэров в защиту убийц маршала Брюна.

Другого звали Гастон де Ферретт, он занимал высокое положение в обществе по своим родственным связям, сопровождал в Испанию герцога Ангулемского и, несмотря на свои двадцать три года, уже имел несколько дуэлей, из которых всегда выходил победителем.

Третий был итальянец, аристократ по происхождению и принятый в лучших домах, звали его Фернандо де Веллегри.

Молодые люди, которые по случаю карнавала были в домино и масках, болтали, смеялись и весело шутили.

— Что это не видно нашего Фредерика? — спро-

сил между прочим Анатоль.

— Он окончательно позабыл о нас,— заметил Фернандо,— и я, право, не понимаю, что с ним случилось.

— Позвольте, господа,— вмешался в разговор Гастон,— мне помнится, что он сегодня поехал куда-то с мадемуазель де Сальв.

— Которая скоро будет его женой.

— И которую он теперь, в силу обстоятельств, любит до безумия. Потом эта нежная страсть уже будет ему не к лицу.

— Так он любит ее?

— Конечно, и потому-то именно…

— Как вы усердно заботитесь обо мне даже в мое отсутствие, — послышался чей-то голос.

— А, Фредерик, наконец-то вы явились! А мы и не заметили, как вы подошли…

— Вы так увлеклись своим разговором…

— Неужели вы обиделись?

Подошедший молчал и как-то иронически глядел на молодых людей.

Фредерик де Тализак, а это был он, одетый весьма изящно, вполне представлял собой тип великосветского шалопая.

— Позвольте дать вам маленький совет,— сказал он небрежно, — бросьте эти глупые маски,

нелепые плащи и оденьтесь, как одеваются все порядочные люди, а затем уж зайдите за мной в кафе Валуа.

Маски удалились, Фредерик остался один.

Виконт был весьма нехорош собой: резкие, некрасивые черты лица, косые глаза, застывшая улыбка да к тому же еще и горб, правда, ловко замаскированный искусным портным.

Виконт вошел в кафе Валуа и приблизился к группе молодых людей, одетых очень скромно в черное платье и манерами похожих на военных. Они отступили, даже не взглянув на Фредерика. Подойдя к одному из них, Тализак сказал:

— На пару слов, если позволите.

Красивый человек лет двадцати пяти обернулся и холодно ответил:

— Я к вашим услугам.

Они вышли на улицу, и виконт сказал:

— Прежде всего потрудитесь назвать мне ваше имя, я — виконт де Тализак!

— Я это знаю,— ледяным тоном ответил юноша.

— Тем лучше. Когда я узнаю, кто вы такой, решится вопрос, могу ли я говорить с вами, как с порядочным человеком, или я должен отколотить вас, как лакея.

Юноша побледнел, но совершенно спокойно произнес:

— Мне кажется, что между нами не может быть ничего общего.

Тализак вспыхнул.

— Знайте,— вскрикнул он,— что через месяц графиня Ирена де Сальв будет моею женой, и потому я нахожу ваше поведение крайне неприличным. Сегодня в полдень вы проехали мимо ее дома и бросили через ограду парка букет цветов.

— Что же из этого следует?

— Вероятно, вы не без причины скрываете свое имя. Но так как я вовсе не намерен допускать такие выходки, то заявляю, что если вы еще раз позволите что-либо подобное, я вас жестоко побью и…

Виконт вынужден был остановиться: железная рука юноши опустилась на его плечо, и он едва устоял на ногах. Незнакомец свистнул и был тотчас окружен своими товарищами.

— Подождите минутку, виконт,— сказал незнакомец,— я сначала объясню своим друзьям, в чем дело, и тогда отвечу вам. Господа, — обратился он к своим спутникам,— этот человек оскорбил меня, должен ли я с ним драться? Его зовут виконт де Тализак!

— Виконт де Тализак! — презрительным тоном ответил один из товарищей незнакомца.— О, нет! О дуэли с подобными людьми не может быть и речи.

Виконт глухо вскрикнул.

— Вы слышали, виконт? — многозначительно произнес неизвестный.— Теперь можете идти — драться с вами я не буду!

Пристыженный и униженный, де Тализак удалился.

Но кто же был тот неизвестный, который так невозмутимо перенес оскорбление и не пожелал драться с оскорбителем?

Этим человеком был Фанфаро. Об этом обстоятельстве сообщил виконту Фернандо де Веллегри, знавший в Париже всех и каждого.

Фредерик очень скоро забыл о столь унизительной для него сцене в кафе Валуа. Однажды он с Фернандо прогуливался по бульварам. На углу улицы Вивьен он остановился и дернул своего спутника за руку. У фонаря стояла молодая гитаристка и звонким мелодичным голосом пела песню. Светло-русые с золотистым отливом волосы, розовое личико, в черных и длинных ресницах миндалевидные глаза — девушку можно было назвать красавицей.

Песня была окончена, и каждый спешил внести свою лепту. Виконт бросил на гитару луидор и подошел к певице.

— Так вы здесь сегодня одна? — спросил он нахально.

Девушка вздрогнула и прошла дальше, виконт не спускал с нее глаз, а итальянец заметил:

— Наша «маркиза» сегодня очень строга.

— Вот ваш луидор! — девушка швырнула его на землю.

— Но это наглость! — вскричал Фредерик.

— Старая история! — продолжал Фернандо.— Неужели, милейший виконт, вы до сих пор не убедились, что «маркиза» на вас и смотреть не хочет?

— Вам и это известно? — спросил виконт.

— Да, и я позволю себе дать вам маленький совет — быть практичным и перейти от слов к делу.

— Вы правы, Веллегри. Я накажу Фанфаро, и добьюсь успеха у «маркизы».

— О которой я тоже позабочусь,— добавил Веллегри.

12. «Маркиза»

В маленькой мансарде дома № 48, стоящего на бульваре де Тампль, напротив турецкого кафе, «маркиза» настраивала свою гитару.

Из соседней комнаты донесся слабый стон, и девушка поспешила туда.

На убогой постели лежала женщина, почти совершенно утратившая человеческий облик: исхудалое лицо покрыто рубцами от ожогов, глаза всегда закрытые — они не выносили света.

— Что, мама? — кротко поинтересовалась девушка.

— Я хочу пить, Лизетта,— прошептала та.

— Пей, мама! — девушка взяла стакан и склонилась над больной.

Несчастная с жадностью выпила стакан молока и пробормотала:

— Мне жарко! Я горю! Вокруг меня пламя!

Этой женщиной, почти лишенной рассудка, была Луиза — жена Жюля де Фужерез, обгоревшая при пожаре в Лейгуте, где она потеряла мужа и детей.

Уличная певица Лизетта, прозванная «маркизой», была сестрой Фанфаро, но и не подозревала,

что Луиза была ее матерью.

После разгрома деревни Лизетта была найдена двумя крестьянами — мужем и женой. Они жили на опушке леса и занимались тем, что обирали раненых и убитых на поле боя. Нередко и добивали несчастных. Мародеров называли «гиенами поля битвы». Но, пожалев бедную сиротку, они обласкали и обогрели ее, воспитывали вместе со своими детьми, а по окончании войны, уезжая в Нормандию, забрали девочку с собой.

У девочки с годами развился приятный голосок. А первые уроки музыки преподал ей местный старичок-музыкант. Но тут в деревне разразилась эпидемия, унесшая с собой много жертв. В их числе были и приемные родители Лизетты.

Девочка снова осталась, как говорится, между небом и землей.

В ней приняли участие монахини и взяли ее к себе, но девочке скоро наскучило в тихой обители, и однажды ночью она убежала.

Кое-как, прося милостыню и распевая песенки, добралась она до Парижа, где и стала уличной певицей.

Лизетта поселилась в самом бедном квартале и мало-помалу стала известной и вошла в моду. Тогда она отправилась в полицейскую префектуру.

— У меня нет никого на свете,— заявила она там,— и я хотела бы поселиться с какой-нибудь бедной больной старухой, чтобы ухаживать за ней, да и мне самой будет тогда веселее.

Ее желание очень скоро было исполнено, и девушка перевезла к себе бедную полупомешанную Луизу.

Больная всегда была кротка и послушна. Казалось, несчастная сознавала, что за ней ухаживает родная дочь!

В дверях раздался стук.

— Кто там? — спросила Лизетта.

— Друг.

— Ваше имя?

— Робекаль. Отворите.

Молодая девушка заколебалась — что если виконт, столь упорно ее преследующий, разыскал ее квартиру?

— Да скоро ли вы отворите? — воскликнул Робекаль. Лизетта отодвинула засов и вздохнула свободнее: в дверях стоял не виконт.

— Что вам нужно? Говорите скорее… Я сейчас ухожу.

— Боже мой… да дайте мне хоть присесть! — ответил Робекаль, любуясь девушкой.— Дело вот в чем: хотите вы заработать деньги?

— Каким это образом?

— Видите ли, я служу наемным официантом в разных местах, а теперь временно в гостинице «Золотой Телец», которую содержит господин Обе. Он и просит вас спеть у него сегодня вечером несколько песен для увеселения гостей. За это вы получите двадцать франков.

Лизетта задумалась. Двадцать франков в ее положении были большими деньгами.

— Господин Обе не дал вам никакой записки? — спросила она.

— Скажите лучше, что вы не хотите, и я найду другую певицу. Что за недоверие! — сказал Робекаль и встал со стула.

— Хорошо, я согласна,— остановила его Лизетта.— А сколько времени мне придется там пробыть?

Робекаль как-то странно улыбнулся.

— Часов от восьми до одиннадцати, не больше,— ответил он.

— Я согласна,— повторила Лизетта.

— Итак, дело решено,— сказал Робекаль и добавил: — И вы, вероятно, дадите мне франка два за комиссию?

— С удовольствием.

— В таком случае, до вечера!

Робекаль вышел на улицу. Тут же к нему подошел закутанный в черный плащ человек и спросил:

— Ну что?

— Дело удалось уладить.

— Она придет?

— Конечно.

Незнакомец — это был Фернандо де Веллегри — подал Робекалю несколько монет.

— Когда все закончится благополучно, вы еще получите пятьсот франков,— сказал он.

Достойные сообщники разошлись.

13. В гостинице «Золотой Телец»

Господин Обе, владелец гостиницы «Золотой Телец», пребывал в больших хлопотах. Все комнаты были заняты посетителями, которые постоянно прибывали, так что уже не хватало мест.

Верхний этаж был занят циркачами, к которым хозяин не слишком благоволил… Труппа была небольшой: силач по имени Медное Жерло, его дочь Перепелочка, клоун Марио и гимнаст Фанфаро. И к ним постоянно ходили посетители, которые якобы брали у Фанфаро уроки салонной магии.

Эти посетители большей частью походили на отставных военных, которым, строго говоря, незачем было учиться фокусам…

У подъезда гостиницы остановилась изящная коляска, и хозяин крикнул:

— Жан! Господа, оставившие за собой кабинет № 11, приехали — проведите их сейчас же наверх!

Приехавших было трое: виконт де Тализак и Анатоль де Монферран с Фернандо де Веллегри; они заняли кабинет и заказали роскошный ужин. На десерт виконт велел подать шампанского.

— Надо топить свое горе в вине,— сказал он, пожимая плечами.— Сегодня утром имел я с отцом объяснение, которое вывело меня из себя.

— Вероятно, речь шла о вашей женитьбе,— заметил Веллегри.

— Вы угадали. Представьте себе, маркиз совершенно серьезно потребовал от меня, чтобы я не позже чем через две недели уже стал мужем мадемуазель де Сальв.

— И вы колеблетесь? Невеста с таким огромным приданым…

— Ах, оставьте, пожалуйста,— произнес мрачно виконт.

— И притом такая красавица,— продолжал Анатоль.

— В самом деле? — насмешливо возразил Фредерик.— Представьте себе, что я этого до сих пор не замечал. Графиня де Сальв воображает из себя воплощенную добродетель, а между тем я не думаю, чтобы она была лучше прочих…

Между молодыми людьми завязался спор, прекратившийся лишь при звуках романса, долетевших снизу. Певица обладала чистым и приятным голосом. Когда она умолкла, внизу раздались рукоплескания.

— Как жаль,— заметил Анатоль,-что мы не

можем вблизи послушать эту певичку.

— Почему вы считаете это невозможным? — спросил виконт.

Фернандо вздрогнул — вмешательство де Тализака могло испортить все дело.

— Охота вам толковать о какой-то уличной певице,— заметил он небрежно.

Но Тализак, на которого сильно подействовало выпитое вино, вскричал:

— Нет, пусть она придет сюда и споет нам песенку, а затем я устрою ей маленький сюрприз.

— Будьте осторожны,— заметил Веллегри,— здесь не Пале-Рояль, и ваша шутка может окончиться скандалом.

— Не бойтесь, мы не дадим себя в обиду.

Тализак позвонил.

— Пришлите сюда вашего хозяина,— сказал он вошедшему слуге.

Явился г-н Обе, и ему объяснили, в чем дело. Хозяин «Золотого Тельца» не сразу согласился исполнить требование виконта.

Он знал Лизетту как скромную и порядочную девушку и не решался отпустить ее к этим повесам, для которых в жизни не было ничего святого. Но при виде значительной суммы, обещанной виконтом, уступил и отправился вниз за Лизет-

той, с которой и вернулся в кабинет.

Виконта там уже не было.

Г-н Обе представил Лизетту своим гостям и удалился.

— Здравствуйте, «маркиза»,— вежливым тоном начал Анатоль, — не споете ли вы нам какую-нибудь песенку?

Красота и скромные манеры Лизетты произвели на него впечатление.

Лизетта настроила гитару и спела веселую, задорную песенку. Монферран и Веллегри внимательно слушали, и, когда девушка умолкла, попросили спеть еще. Лизетта охотно согласилась и с большим мастерством исполнила старинную балладу. Вдруг она вскрикнула и уронила гитару — перед ней стоял Тализак.

— Продолжайте, прелестное дитя,— сказал он, — чего вы так испугались?

И с этими словами он хотел обнять ее за талию. Лизетта отскочила и сказала решительным тоном:

— Больше я петь не буду, позвольте мне уйти.

— Какой вздор: ты останешься здесь,— сказал виконт, становясь в дверях,— и за каждую взятую тобой ноту я заплачу поцелуем!

Лизетта остолбенела от ужаса: с мольбой взгля-

нула она на приятелей виконта, но те оставались совершенно безучастными…

В темных глазах девушки сверкнула молния.

— О, негодяи! — вскричала она.— Неужели ни в ком из вас я не найду защиты?

Анатоль вспыхнул и, обратясь к Тализаку, сказал:

— Она права, как вам не стыдно, виконт?

— Поди ты к черту,— крикнул Тализак,— девочка будет моя, и ты у меня ее не отобьешь!

Он схватил Лизетту за руку, но, получив пощечину, отшатнулся.

Монферран вступился за уличную певицу.

Виконт взревел, как дикий зверь, и с кинжалом в руке бросился на Анатоля. Между ними завязалась борьба. Веллегри не двинулся с места, с его лица не сходила ироническая улыбка.

— Сюда! Помогите! Они убьют друг друга! — кричала Лизетта.

При первом ее крике г-н Обе кинулся по лестнице, но наткнулся на Робекаля.

Робекаль и два дюжих молодца втолкнули хозяина в каморку под лестницей. Г-н Обе поднял страшный крик: ему показалось, что в гостиницу ворвались разбойники. Сбежавшиеся гости освободили хозяина.

— Господа! — кричал хозяин.— За мной, наверх! Они заманили к себе эту бедную девушку… надо ее спасти… за мной!

В кабинет ворвалась целая толпа. Лизетта исчезла. В сенях ожесточенно боролись Монферран и виконт. Анатоль вырвал у Фредерика кинжал, но в эту минуту Тализак бросился на своего противника и укусил его.

От неожиданности Монферран упал.

Произошла суматоха, во время которой Веллегри незаметно увлек виконта за собой.

— Боже мой, где же Лизетта? — кричал растерявшийся хозяин.

— Эти негодяи ее похитили,— сказал, вставая, Анатоль.

— Похитили? Но кто они? Как их зовут?

Пока фельдшер занимался его раной, Анатоль сказал толом горькой насмешки:

— Один из них носит громкое и славное имя! Какой позор, что французская аристократия не выбросит из своей среды таких людей, как Фужерез и Тализак!

— Кто тут говорит о Фужерезе и Тализаке таким тоном? — спросил, входя в комнату, стройный и красивый юноша.

— Ах, господин Фанфаро,— вскричал хозяин,—

сам Бог посылает вас! Забудьте, ради Бога, все мои глупые придирки — я никогда больше не буду дурно отзываться об акробатах... но помогите нам, умоляю вас!

— Что тут у вас произошло? — спросил Фанфаро.— Там, внизу, страшная суматоха: весь дом вверх дном, и никто не может мне объяснить, в чем дело.

— Видите ли,— жалобно произнес хозяин,— тут была молодая девушка...

— Позвольте мне объяснить этому господину все подробности скандала,— перебил хозяина Анатоль.— К несчастью, и я тут замешан, явившись сюда с виконтом де Тализаком.

— Я так и знал! — сказал Фанфаро.

— И его приятелем, итальянцем Веллегри.

— Тем самым шпионом, который служит иезуитам и предал своих земляков? — презрительно спросил гимнаст.

— Должен сознаться, что я был в отличной компании,— продолжал Анатоль,— тем хуже для меня. Эти негодяи похитили молодую девушку, уличную певицу!

— У нее есть родители, родственники, которые станут ее искать?

— Она сирота,— ответил смущенный хозяин.—

Здесь ее прозвали «маркиза». Девушка живет на бульваре Тампль в доме № 42, на пятом этаже. Порекомендовал мне ее наемный официант по имени Робекаль.

— Да, если к делу причастен Робекаль, то можно ожидать всего,— мрачно произнес Фанфаро.

— Она живет с одной помешанной старушкой,— продолжал хозяин,— обгоревшей при пожаре на ферме и с тех пор потерявшей рассудок. За ней-то и ухаживает Лизетта…

— Лизетта? — вскричал Фанфаро.

— Да. Что с вами?

— Ничего. Сколько ей лет?

— Лет шестнадцать.

— Так оно и есть — но нет, это невозможно!

— Господин Фанфаро,— с участием произнес хозяин,— вы чем-то озабочены. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Меня томит страшное предчувствие… но я не уверен; впрочем, возраст и имя совпадают. О, этот Тализак! Всегда и везде должен я с ним сталкиваться, но теперь, если я поймаю его, то раздавлю, как червяка!

— Вы хотите преследовать похитителей? — спросил Монферран.

— Конечно, я должен спасти эту девушку.

— Господин Фанфаро, я к вашим услугам,— сказал Монферран.

14. Преследование

Фанфаро с признательностью взглянул на Анатоля и спросил:

— С кем имею честь говорить?

— Меня зовут Анатоль де Монферран,— ответил молодой человек и, вежливо поклонившись, передал гимнасту свою визитную карточку.

— Благодарю вас заранее,— сказал Фанфаро,— в таком случае поспешим…

Внизу раздался громкий стук, послышались голоса и кто-то крикнул:

— Именем закона! Отворите.

Фанфаро вздрогнул.

— Внизу полиция,— сказал г-н Обе,— слава Богу, негодяев схватили, конечно.

Фанфаро горько усмехнулся.

— Вы ошибаетесь,— сказал он,— полиция явилась сюда не за тем: она их не поймала, она ищет заговорщиков, сторонников правды и свободы.

— Что такое?

— Они ищут меня,— спокойно добавил Фанфаро.

— Вас? — вскричал Монферран.— Боже мой, но в таком случае вы погибли!

— Очень может быть, а пока, господин Обе, отоприте дверь и задержите на время полицейских, затем — До свидания!

Он убежал наверх.

Г-н Обе открыл дверь, и в помещение вошли несколько полицейских с комиссаром во главе.

— Боже мой,— бормотал смущенный хозяин,— что вам здесь нужно, комиссар?

— Я разыскиваю заговорщиков, угрожающих священной особе короля,— грубо ответил на вопрос комиссар.

— Заговорщиков?

— Да, двух акробатов — Жирделя и Фанфаро!

— Исполняйте свой долг, комиссар,— сказал г-н Обе, переглянувшись с Анатолем: он полагал, что Фанфаро успел убежать.

Полицейские направились к комнате Жирделя и постучали в Дверь.

— Именем закона, откройте! — произнес комиссар.

Ответа не последовало.

Дверь выбили — комната была пуста. В эту минуту кто-то крикнул:

— Комиссар, они бегут по крышам!

На улице стоял Симон, помогавший полиции в розысках: он и заметил две тени, скользнувшие

по крышам.

— Взять их,— крикнул комиссар,— вперед!

Симон вместе с комиссаром залез на крышу. Они увидели, как Фанфаро быстро перепрыгнул на крышу соседнего дома с веревкой в руках. Зацепленная им за крюк на крыше гостиницы, веревка стала воздушным мостом, по которому и начал продвигаться Жирдель. Комиссар выхватил нож и принялся резать веревку.

— Не делайте этого, комиссар! — крикнул Симон, который вовсе не желал, чтобы Жирдель разбился насмерть, ведь кроме него никто не мог удостоверить личность Фанфаро.

Но было уже поздно: комиссар разрезал веревку. В тот же момент Фанфаро крикнул Жирделю:

— Берегись — веревка разрезана… Ухватись зубами!

Жирдель вцепился в веревку зубами и с помощью Фанфаро взобрался на крышу. Через минуту акробаты скрылись за высокой дымовой трубой.

15. Бобишель

— Теперь, отец, нам пока бояться нечего,— весело сказал Фанфаро, но, вспомнив о Лизетте, тяжело вздохнул.

— Что с тобой, голубчик? — спросил его Жирдель.

— Об этом мы поговорим потом, а теперь — дальше в путь.

Опасное путешествие по крышам возобновилось. Вдруг Фанфаро остановился и сказал:

— Мы дошли до конца квартала.

— Дело скверное,— пробормотал Жирдель.

— Надо добраться до водосточной трубы и по ней спуститься.

— Тебе хорошо говорить, а какая же труба выдержит вес моего тела?

Фанфаро смутился: об этом он и не подумал вовсе.

— В таком случае,— продолжал он после небольшого раздумья, — доберемся до какой-нибудь мансарды и влезем в окно.

— А если в этой мансарде жильцы?

— Мы откровенно объясним им наше положение, не попадем же мы прямиком в полицейскую

префектуру.

В этот самый момент послышался звон разбитого стекла: Жирдель, наступив на вделанное в крышу окно, продавил его и провалился.

— Смею заметить — я никак не ожидал, что мои гости будут приходить ко мне этим путем,— сказал кто-то, и из оконца высунулась рука, с сальной свечой. — Позвольте посветить вам, по крайней мере.

— Бобишель, да это ты? — с восторгом заметил Фанфаро.

— Конечно... добро пожаловать, мои голубчики!

— Но мы были убеждены, что ты убит,— произнес Жирдель.

— Я жив и здоров,— ответил Бобишель,— Робекаль только ранил меня, и я целую неделю пролежал в ремирмонской больнице. Вчера я прибыл в Париж, поселился в этом доме и завтра собирался начать разыскивать вас. Но кому или чему обязан я вашим любезным посещением?

— Прежде всего — полиции,— ответил Фанфаро,— они гнались за нами по пятам, и мы бежали по крышам домов...

— Но за что же вас преследуют? — тревожно спросил Бобишель. — Не участвуете ли вы в заго-

воре, о котором теперь везде говорят?

— Может быть,— сказал Жирдель.

— Что бы заодно и меня пристроить к этому делу? Я теперь, кстати, без места и занятий.

— Будет сделано, голубчик,— серьезным тоном сказал Фанфаро.

— А как поживает Перепелочка? — спросил, немного помолчав, клоун.

— Она жива и здорова,— ответил Жирдель, добавив: — но обо всем этом мы поговорим завтра. Ложись спать, Бобишель, у тебя, небось, и так глаза слипаются, а нам с Фанфаро надо еще кое о чем потолковать.

Бобишель растянулся на своем жестком ложе и скоро крепко заснул.

— Теперь, Фанфаро,— обратился к гимнасту Жирдель,— открой мне свое горе. Я убежден, что оно велико: ты совершенно изменился, голубчик! Доверься мне: может быть, я помогу тебе!

— Скажи, отец, известно ли тебе, при каких обстоятельствах умерла моя мать?

— Она погибла при пожаре на ферме, подожженной казаками.

— А мой отец?

— Он умер как герой, защищая родину.

— Насколько я помню,— задумчиво произнес

Фанфаро,— я находился в каком-то обширном и мрачном подземелье. Родители поручили мне сестрицу. Я держал ее за руку, но вдруг она исчезла.

— Я это знаю,— с грустью ответил Медное Жерло.

— Теперь воспоминание о моей бедной Лизетте не выходит у меня из головы. Я еще не сообщил тебе, что сегодня вечером из гостиницы «Золотой Телец» похитили молодую девушку, уличную певичку.

— Не может быть, неужели г-н Обе? — воскликнул Жирдель.

— Он тут ни при чем. Похититель — тот негодяй, с которым мы уже не раз сталкивались.

— Как его имя?

— Виконт де Тализак.

— Тализак? Его отец — маркиз де Фужерез в Сент-Аме хотел выдать нас полиции и послал своего управляющего в Ремирмон за полицией.

— Сын вполне пошел по стопам отца… А молодую девушку, похищенную виконтом, зовут Лизеттой.

— И ты полагаешь…

— Я убежден, что она моя пропавшая сестра, которая теперь в руках негодяя. К этому делу

причастен Робекаль, и я боюсь…

— Теперь мне все понятно,— сказал Жирдель, вставая с места,— Робекаль похитил девочку и отвез ее к Ролле. Я знаю, что они оба в Париже, и во что бы то ни стало отыщу их!

— Благодарю тебя, отец,— ответил Фанфаро,— я же пойду пока к той больной старушке, с которой жила Лизетта, и…

— А я-то при чем останусь? — спросил их проснувшийся Бобишель.

— И ты хочешь помочь нам, Бобишель? — спросил Фанфаро.

— Конечно, пусть только хозяин возьмет меня с собой, когда отправится к Робекалю. С этим мерзавцем мне нужно свести старые счеты…

16. Помешанная

Луиза Фужер, мать Лизетты, провела весьма беспокойную ночь и утром, не найдя своей доброй сиделки, подняла жалобный крик.

С этим криком слился громкий стук в дверь, и послышался голос:

— Отоприте, ради Бога, дело касается Лизетты.

Помешанная, добравшись до стеклянной двери, кое-как отдернула занавеску. За дверью стоял Фанфаро.

Он тотчас понял, что больная не в силах отпереть дверь. Недолго думая, гимнаст выдавил стекло и вошел в комнату.

— Где Лизетта? — вскричал он умоляюще.

Помешанная молчала и тупо смотрела на него.

— Вы слышите? Лизетту похитили, вы ничего не знаете? Не говорила ли вам она, куда пойдет? Вы знаете, кто эта Лизетта? Она ухаживает за вами, бережет вас, неужели вы ничего не скажете мне?

Грудь Луизы судорожно поднималась. Вдруг несчастная вскрикнула:— Жак! Жак!-и упала к ногам гимнаста.

Фанфаро содрогнулся.

Кто была эта женщина, назвавшая его по имени?

— Лизетта! Жак! — шептала несчастная, и жгучие слезы текли по ее исхудалым щекам. Фанфаро склонился над ней и нежно сказал:

— Вы назвали меня Жаком. Действительно, так меня когда-то звали. Разве вы знаете, кто я?

Помешанная молчала.

— Я сообщу вам, что знаю о себе, — медленно и с расстановкой произнес Фанфаро.— Прежде я жил в деревне Лейгут, что среди Вогезов. Моего отца звали Жюлем, мать — Луизой, а сестру — Лизеттой. Где Лизетта?

В глазах безумной блеснула искра сознания, и она, глубоко вздохнув, прошептала:

— Жак, мой милый Жак! Я — Луиза, твоя мать и жена Жюля Фужереза!

— Матушка,— прошептал потрясенный Фанфаро, обняв несчастную и покрывая поцелуями ее обезображенное рубцами лицо.

Ты снова со мной,— шептала Луиза.— Слава и благодарение Господу!

Убежденный в том, что его мать давно узнала в Лизетте свою родную дочь, Фанфаро опять обратился к ней:

— Где же Лизетта?

— Лизетта — она очень добра, приносит мне фрукты и цветы.

— Но где же она теперь?

— Она ушла.

— Куда?

— Не знаю, постель ее пуста.

— Итак, я не ошибся, она похищена этим негодяем, виконтом де Тализаком!

— Тализак? — повторила Луиза с бессмысленной улыбкой.— О, не пускай его сюда: он приносит горе!

— Так он уже был здесь? — с ужасом воскликнул Фанфаро.

— Нет, не здесь... он был...

Помешанная не вынесла страшного потрясения и лишилась чувств.

В эту минуту в комнату вошли Жирдель, Бобишель и Перепелочка.

— Вас сам Бог принес,— воскликнул Фанфаро.— Нашел ты Робекаля и Роллу, отец?

— Нет, они вчера переменили квартиру и скрылись.

— Отец,— сказал Фанфаро,— эта несчастная — моя мать, а Лизетта — моя сестра, я не ошибся.

— Не может быть! — произнес Жирдель.

— Его мать,— тихо сказала Перепелочка, и из

глаз ее текли обильные слёзы.

— Перепелочка заменит при больной Лизетту,— предложил Бобишель,— а мы отправимся в погоню за похитителями!

— Ты прав, Бобишель,— ответил Фанфаро.

Он нежно поцеловал мать, а затем все трое вышли.

17. Сорвалось

Когда Тализак бросился на Монферрана и между ними завязалась отчаянная борьба, Робекаль подошел к двери и поманил Лизетту. Она выбежала, умоляя его, чтобы он вывел ее из гостиницы. На это и рассчитывал негодяй. Бывший гимнаст довел девушку до переулка, там стояла карета, в которую Робекаль посадил Лизетту, и они уехали.

— Но вы везете меня не домой,— с ужасом воскликнула девушка, заметив, что карета направляется не к бульвару Тампль.

— Молчи, голубушка,— ответил Робекаль,— я везу тебя в хорошее место.

Лизетта остолбенела. Затем, опомнившись, опустила стекло в карете и стала звать на помощь.

— Молчи, дрянная девчонка,— грубо крикнул Робекаль и платком заткнул ей рот.

Девушка застонала и лишилась чувств.

Карета остановилась на отдаленной улице Вельвильского квартала. Робекаль внес Лизетту, потерявшую сознание, в дом, где его встретила Ролла. Девушку положили на диван, а Ролла сказала Робекалю:

— Мне пришла в голову превосходная идея — мы можем зашибить порядочную деньгу.

— Отлично, только как бы она чего не напортила.

— Не беспокойся, я улажу это, а теперь пусть спит.

Робекаль лезвием ножа разжал стиснутые зубы Лизетты, Ролла влила ей в рот ложку какой-то бесцветной жидкости.

Затем достойная чета спустилась вниз.

Полчаса спустя приехали Веллегри и Тализак. Итальянец, одетый очень изысканно, был невозмутимо спокоен и как всегда иронически улыбался, виконт же — возбужден, на его платье виднелись следы крови.

— Дайте мне стакан воды, — сказал он довольно грубо, обращаясь к Ролле.

Королева Пушки исполнила его требование и проворчала:

— Погоди, голубчик, ужо будешь повежливее.

— Девчонка здесь?

— Да.

— Вы ее не обижали?

— И не думали,— ответила Ролла.

— Дайте мне воды умыться,— продолжал виконт и, обращаясь к итальянцу, сказал: — Однако

мне порядком досталось от Монферрана. Я теперь, кажется, похож на черта.

— Да тебя уж давно в аду с фонарями разыскивают,— пробормотала Ролла. Затем она зажгла свечу и сказала:— Угодно вам будет пройти к «маркизе», виконт?

— Пойдемте,— ответил Тализак.

Поднимаясь наверх, Ролла многозначительно взглянула на Робекаля.

У двери комнаты, где находилась Лизетта, виконт приказал Ролле:

— Отоприте!

— Подождите, виконт, полюбуйтесь сначала на девочку.

Ролла отворила в двери форточку, и Тализак заглянул в комнату. Девушка лежала на диване и спала крепким сном.

Какое-то странное и непонятное чувство шевельнулось в душе виконта…

— Отоприте,— повторил он поспешно.

Ролла захлопнула форточку и нахально взглянула на Тализака.

— Отпереть не штука,— сказала она,— но раньше потрудитесь выложить на стол двадцать тысяч франков.

— Да ты с ума сошла!

— Нисколько. Пожалуйста, денежки, и тогда я вам выдам ключ.

— Но я уже заплатил твоему сообщнику,— вскричал взбешенный виконт.

— Это дело не мое, и если вы не заплатите, то девчонки вам не видать.

— Но это обман, мошенничество!

— Не кричите, пожалуйста! Сам-то вы уж больно честный!

На шум прибежал Робекаль с длинным ножом в руке.

— Что у вас тут происходит? — крикнул он гневно.

— Ничего особенного,— прошипела Ролла,— твой виконт забыл дома свой кошелек и думает устроить дело в кредит.

Веллегри, поднимавшийся по лестнице, увидел нож и быстро спустился вниз. Виконт тоже струсил.

— Вот все, что я имею при себе,— сказал он, бросая на стол несколько луидоров.

Королева Пушки пересчитала деньги.

— Здесь сорок луидоров,— сказала она,— они пойдут в задаток, а когда принесете остальную сумму, то получите и ключ.

— А если вы потребуете от меня еще двадцать

тысяч франков? — произнес Тализак.

— Не бойтесь, этого не случится: мы тоже честные люди,— ответила Ролла.

Спускаясь по лестнице, виконт проронил, обращаясь к Веллегри:

— Сорвалось!

18. Последователи Макиавелли

Мрачный и задумчивый сидел в своем кабинете маркиз де Фужерез, перед ним стоял Симон.

— Так он опять ускользнул от нас? — произнес маркиз.

— К большому моему сожалению, да.

— Об этом особенно сожалеть нечего,— заметил маркиз,— Фанфаро не знает о своем происхождении, и чем больше он будет скомпрометирован, тем выгоднее нам. Собрал ли ты точные сведения о заговоре?

— Да, маркиз. У нас имеются надежные свидетели, которые готовы присягнуть в том, что Фанфаро намерен убить короля.

— Но, чтобы осудить его, необходимо, чтобы это покушение состоялось.

— Я и об этом позаботился. Нам помогут один из наших агентов и наемный убийца, который, между прочим, уже давно кандидат на виселицу. Они все и устроят. Преступника вовремя схватят, и на допросе он под присягой объявит, что действовал по наущению Фанфаро.

— Отлично, я вполне тобой доволен, мой Симон,— сказал Фужерез.

В это время слуга доложил о приезде маркиза де Монферран.

— Раненько пожаловал,— с удивлением поднял брови маркиз, — еще только семь часов утра.

— Маркиз приехал передать вам, что он пожаловал по весьма важному и неотложному делу,— объяснил слуга.

— Проси,— быстро сказал Фужерез и шепнул Симону.— Спрячься за портьерой: быть может, ты услышишь кое-что подходящее к нашему делу.

Симон скрылся. В ту же самую минуту появился маркиз де Монферран.

Отец Анатоля, весьма почтенный старик, глубоко честный человек, всегда относился с презрением к таким вельможам-проходимцам, каким он считал маркиза де Фужерез.

Старик был очень бледен и взволнован, он быстро подошел к маркизу и сказал:

— Вы считаете себя верным приверженцем престола, маркиз, но я не думаю, чтобы скандалы, вроде последнего, могут прославить ваше имя.

— Объясните, маркиз, я не понимаю вас.

— Тем хуже для вас, если о похождениях вашего сына вам приходится узнавать от посторонних людей,— строго произнес де Монферран.

— Что же такое опять наделал мой сын?

— Сегодня ночью виконт затеял ссору с моим Анатолем, который хотел помешать, чтобы свершилась подлость. Анатоль дал виконту две пощечины, а тот бросился на него с кинжалом.

— Не может быть! — вскричал Фужерез.— Но из-за чего, собственно возникла ссора?

— Виконт был пьян и с помощью подкупленных негодяев намеревался похитить молодую девушку — уличную певицу. Дело происходило в какой-то довольно подозрительной гостинице. Когда Анатоль узнал обо всем, он всеми силами старался удержать виконта и его приятеля, Веллегри, убеждая, что подобные вещи недостойны порядочных людей. Произошла ссора: виконт получил две пощечины, а мой сын — удар кинжалом. Одним словом, каждому досталось по заслугам. Но довольно. Я приехал к вам не за тем, чтобы толковать о подобных мерзостях. Цель моего к вам визита иная. Вам известно, что я содействовал сближению вашего сына с дочерью моей кузины, графини де Сальв. Но после подобного скандала я не могу допустить, чтобы Ирена стала женой виконта, об их помолвке не может быть и речи, о чем я и имею честь вам сообщить.

Фужерез побледнел и схватился за спинку кресла, чтобы не упасть. В этот момент вошла

маркиза Фужерез, муж бросился к ней.

— Ваш сын — негодяй! — вскричал маркиз.— И он опозорил наше честное имя, и причиной всему — вы! Вот к чему привело ваше всепрощение!

В голубых глазах маркизы сверкнула молния; игнорируя мужа, Мадлена де Фужерез обратилась к маркизу де Монферрану.

— Маркиз,— сказала она утонченно вежливым тоном,— мой сын поручил мне извиниться за него перед вами.

— В чем же,— с иронией произнес Монферран.— Может быть, за полученные им пощечины?

— Нет, маркиз, но в том, что он под влиянием выпитого вина позволил себе оскорбить вашего сына. При других обстоятельствах это было бы немыслимо. Что же касается истории с этой девушкой, то о ней, право, не стоит и говорить. Виконт очень сожалеет об этой ссоре, он уже принял меры к тому, чтобы вознаградить потерпевшую, я же со своей стороны похлопочу, чтобы по возможности замять это дело. Мне кажется, что вы можете взять свои слова назад.

— Что я и делаю,— ответил Монферран, любезно целуя руку маркизы.

— И вы пожалуете к нам сегодня вечером. Я приготовила для гостей особенный сюрприз.

Фужерез боязливо взглянул на жену.

— Не сообщите ли вы мне по секрету, в чем он состоит?

— С удовольствием: его величеству было угодно назначить виконта капитаном королевской гвардии и пожаловать ему крест Святого Людовика,— с гордостью ответила маркиза.

— Да, это действительно приятный сюрприз,— обрадовался Фужерез.

— От души поздравляю вас, маркиза,— произнес Монферран.

— Графиня де Сальв и ее дочь тоже будут у нас сегодня вечером, — продолжала Мадлена,— и по получении, королевского патента будет объявлена помолвка виконта с графиней Иреной де Сальв.

— В таком случае, до свидания,— любезно произнес Монферран и удалился.

По его уходе Фужерез спросил жену:

— Неужели это правда, Мадлена?

Маркиза пожала плечами и ушла в комнату сына.

— Дело улажено,— сказала она ему,— вот тебе двадцать тысяч франков, необходимые, по твоим словам, для того, чтобы зажать девчонке рот. Отдай их ей и образумься: пора оставить все эти

глупости.

Маркиза положила на стол небольшой портфель и ушла.

Тализак весело потирал руки: ему без труда достались эти деньги!

19. Лизетта

Обморочный сон Лизетты, вызванный искусственно каплями, влитыми ей в рот, продолжался до полудня. Проснувшись, девушка увидела полупьяную Роллу, сидевшую у стола.

— Ну что, как ты себя чувствуешь, голубушка,— с усмешкой спросила акробатка.

— У меня болит голова,— прошептала Лизетта и, боязливо оглядывая незнакомую комнату, спросила:— Где я?

— У добрых людей, которые относятся к тебе с участием и не обидят тебя.

Девушка старалась припомнить, каким образом попала она в этот дом, но мысли ее путались, и она закрыла глаза.

— Ну вот и умница,— продолжала Ролла.— Робекаль полагал, что ты будешь кричать и плакать, а я сказала ему, что ты не дура и не выпустишь из рук счастливого случая. Много ли толку в этой добродетели, с ней, чего доброго, с голоду помрешь, да и что за честь, когда нечего есть! А тут тебе повезло: девчонка ты смазливая и, пожалуй, скоро будешь кататься в колясках. Положим, что горбатый виконт де Тализак не из красавцев, ну

да не в красоте счастье…

С ужасом внимала Лизетта словам опьяневшей женщины — имя виконта объяснило ей все. Она вскрикнула, вскочила и бросилась к Ролле.

— Отпустите меня, или вам обоим не сдобровать!

— Ты останешься здесь,— резко ответила Ролла.

— Нет, я не останусь здесь, я хочу уйти,— решительным тоном повторила Лизетта.— Отпустите меня, или я закричу! Стыдно вам так обижать честную девушку!

Ролла захохотала.

— Вот что еще выдумала! Да с чего ты взяла, что ты честная девушка? Вчера, может быть, ты еще могла считать себя честной, но сегодня… шалишь! Поди-ка скажи людям, что ты пробыла несколько часов в Вельвиле в квартире Роллы и осталась честной девушкой, так они и поверили тебе! Вот что, милочка, поздно ты спохватилась!

— Лжете вы! — с отчаянием вскричала Лизетта.

— Нет, видно снова придется заткнуть тебе рот,— проворчала Ролла и затем крикнула.— Робекаль, принеси-ка мне склянку.

Послышались торопливые шаги, и в комнату

вбежал Робекаль со склянкой в руке. Лизетта вскрикнула, бросилась к окну, выбила стекло и стала звать на помощь.

— Ах ты, чертова перечница! — крикнул Робекаль и, схватив девушку за плечи, повалил ее на пол. Ролла держала ее руки, а Робекаль снова влил ей в рот несколько капель жидкости из склянки и сказал:

— Ну, вот и готово, теперь она кричать не будет. Лизетта застонала и лишилась чувств.

— Ты, кажется, переборщил,— заметила Ролла.

— Не бойся, милая,— ответил акробат,— с какой стати мне убивать девчонку, когда нам за нее заплатят хорошие денежки. Положим ее на диван, она выспится и затем будет смирнехонька.

Робекаль и Ролла уложили Лизетту, сошли вниз и, налив себе по стакану водки, принялись за карты — любимое занятие этой достойной парочки.

В шесть часов вечера приехал виконт, он кинул на стол туго набитый портфель и крикнул повелительно:

— Дайте мне ключ.

— Позвольте, сначала надо пересчитать деньги,— сказала Ролла и открыла портфель. Сосчитав, она встала и произнесла:

— Все в порядке, вот вам ключ.

Виконт схватил ключ и выбежал из комнаты. Ролла спрятала портфель за пазуху и сказала:

— Пойдем, Робекаль: теперь дело не наше. Лучше подальше от греха!

Негодяи ушли. В этот момент наверху послышался крик, и на лестнице появился виконт.

— Вы надули меня! — кричал он в бешенстве.— Окно открыто, и девчонка убежала!

20. На спуске канала

Как же спаслась Лизетта?

Вливая девушке в рот сонные капли, Робекаль, по выражению Роллы, действительно «переборщил». Доза была слишком велика и произвела обратное действие.

Через час Лизетта снова открыла глаза. Голова ее горела, в висках стучало, мысли путались, но она ясно сознавала одно: необходимо во что бы то ни стало бежать из этого страшного дома.

Девушка встала и подошла к двери — заперто. Тогда Лизетта приблизилась к окну. Улица была пустынна и скрывалась в густом тумане.

Воздух освежил девушку, она стала лучше соображать. Старуха упомянула о Вельвиле. Выбравшись из дома, Лизетта могла дойти до бульвара Тампль, а затем…

В ушах девушки звучали слова старухи: «поздненько спохватилась!»

Неужели это правда?!

Лизетта осторожно открыла окно, по покрытой диким виноградом стене спустилась на улицу и побежала без оглядки. Свет фонарей исчезал в густом тумане, и девушка не раз натыкалась

на стены или на прохожих. Так она добежала до канала Сен-Мартен.

Теперь Лизетта была в городе — стоило только пересечь мост. Но она не пошла туда.

Что ожидало ее там? Поругание и позор: виконт, взбешенный неудачей, наверное, будет искать ее и достигнет своей цели. Кто заступится за бедную, всеми покинутую уличную певицу? Никто!

Лизетта несколько минут простояла в нерешительности, затем боязливо оглянулась и пошла к лестнице, которая вела к воде. Дойдя до последней ступеньки, она остановилась и скрестила на груди руки.

Несчастная не сводила глаз с этой мутной воды, омывавшей ее ноги, и в таком положении замерла…

Робекаль и Ролла бежали как угорелые: им необходимо было покинуть Париж.

На углу улицы Сен-Дени чья-то железная рука легла на плечо Робекаля, и он в испуге обернулся.

Перед ним стояли Фанфаро и Бобишель.

Клоун схватил акробатку, встряхнул ее и крикнул:

— Куда ты девала Лизетту?

— Знать не знаю никакой Лизетты,— нагло

ответила Ролла,— пусти меня, или я закричу.

— Кричи, голубушка, зови полицию, она уже давно до тебя добирается,— сказал Бобишель.

Ролла вспомнила о туго набитом портфеле и прикусила язычок. Между тем Фанфаро схватил Робекаля за горло и спросил:

— Где Лизетта?

— В Вельвиле, в доме № 16.

— Она там одна?

— Не знаю.

— Боже сохрани, если с ней случилось несчастье,— сказал гимнаст,— а теперь ведите нас туда.

Под конвоем Фанфаро и Бобишеля негодяи вернулись в Вельвиль.

У дома № 16 все остановились и, войдя, поднялись на второй этаж. Дверь оказалась отворенной, комната была пуста.

— Да он увез ее с собой! — крикнула Ролла.

— Кто? — задрожав, спросил Фанфаро.

— Виконт де Тализак!

— Я так и знал,— мрачно произнес гимнаст.

В эту минуту Бобишель подал Фанфаро найденную им на столе записку. Фанфаро прочел ее: «Вы меня надули, и с вашей помощью девчонке удалось бежать. Черт бы вас всех взял!»

— Слава Богу, еще не все потеряно,— про себя произнес гимнаст.

— А мне пришла в голову блестящая мысль,— прибавил клоун.

Он повалил Робекаля на пол, связал его по рукам и ногам и втолкнул акробата в шкаф. Заперев его,, он положил ключ в карман и сказал Ролле:

— Теперь убирайся, а он пока пусть посидит.

Ролла поспешно ретировалась: теперь двадцать тысяч франков, полученных от виконта, переходили в ее полную собственность. Бобишель и Фанфаро также ушли, и в доме остался один Робекаль, тщетно пытавшийся выбраться из своей тюрьмы.

21. Арест

Многочисленные приглашения, разосланные маркизом и маркизой де Фужерез, собрали в их доме все высшее общество Парижа. Роскошно убранные комнаты утопали в море огней. К девяти часам вечера гости начали съезжаться.

Маркиз и его жена встречали гостей с обворожительной любезностью, с гордостью поглядывая на виконта, будущего кавалера Ордена Святого Людовика.

Но Тализак был мрачен — он горевал об исчезновении Лизетты и сожалел о потерянных деньгах.

— Милый Фредерик,— шепнула сыну маркиза,— развеселись и будь любезным хозяином: приехала графиня де Сальв.

Виконт закусил губу и пошел навстречу Ирене, входившей в залу вместе с матерью и маркизом де Монферраном. На лице мадемуазель де Сальв лежало облачко печали, глаза ее горели лихорадочным блеском. Но голос, как всегда, был невозмутимо спокойным.

Воспитанная в аристократических традициях, Ирена беспрекословно подчинялась воле сво-

ей матери, объявившей ей о том, что сегодня назначена ее помолвка с виконтом де Тализак. Эксцентричная девушка всеми силами души привязалась к Фанфаро, но никогда и ни за что не решилась бы сознаться матери в своей любви к «фигляру».

Бал открылся полонезом, во время которого прибыл офицер королевской гвардии, чтобы вручить виконту пожалованные ему королем знаки Ордена Святого Людовика. Оркестр заиграл туш, гости стали поздравлять Фредерика и его родителей. Многие юные аристократки в душе завидовали Ирене: ее предстоящая помолвка с виконтом не была тайной.

Анатоль де Монферран остался на месте и не подошел с поздравлениями к Тализаку… На этот бал он приехал лишь по просьбе отца. Образ Лизетты не выходил у него из головы.

К нему подошел виконт.

— Когда же ты поздравишь меня, Анатоль?

— Когда на вашей щеке изгладятся следы пощечин,— вполголоса ответил Монферран.

Тализак изменился в лице. В эту минуту в смежной с залой гостиной послышался какой-то смутный говор, а затем громкий спор.

Дверь распахнулась, и в залу ворвался человек,

несший на руках девушку.

— Фанфаро, это вы? — вскричал Монферран.

Фанфаро — это был он — осторожно опустил на пол свою ношу и потрясенным голосом вскричал:

— Господа, вот труп девушки, убитой виконтом де Тализаком!

В толпе гостей раздались крики ужаса, и взоры мужчин с угрозой остановились на виконте.

Тализак зашатался, тщетно стараясь овладеть собой. Маркиз де Фужерез, бледный как полотно, вскричал:

— Вытолкайте вон этого наглеца!

— Погодите, маркиз,— прервал его Фанфаро,— речь идет об уголовном преступлении, виновник которого — ваш родной сын! О, стыд и позор! Неужели только потому, что он аристократ, ему все позволено? Эта молодая девушка жила честно и скромно своим трудом… В отчаянии, покинутая всеми, она, бедная, бежала и бросилась в воду! Как назовете вы поступок вашего сына, маркиз?

С высоко поднятой головой, с сознанием своей правоты гордо стоял Фанфаро, с презрением глядя на окружавших его гостей.

К нему подошел Монферран и взял его за руку.

— Неужели она умерла? — спросил он.

— Кажется, да,— тихо ответил гимнаст,— но, может быть, я и ошибаюсь.— Сударыни,— обратился он к дамам,— неужели между вами не найдется ни одной, которая попыталась бы привести несчастную в чувство, если это еще возможно? И неужели под этими дивными кружевами ни у кого не бьется сердце, нет ни капли сочувствия к ближнему?

Ирена приблизилась к Лизетте и наклонилась над ней.

— Я помогу,— прошептала она.

— Комедия становится забавной,— с судорожном смехом сказал маркиз де Фужерез.

— Вы ошибаетесь, маркиз,— возразил Фанфаро,— это не комедия, а страшная и потрясающая драма! Спросите вашего сына, на котором лица нет, правду я сказал или ложь?

— Да, это ложь! — крикнул Тализак.

— Нет, это правда,— сказал Анатоль де Монферран,— вы стали очень забывчивы, виконт! Но на вашем лице еще не исчезли следы данных вам вчера пощечин, и ваше запирательство не приведет ни к чему! Господа, я был свидетелем происшедшего скандала, хотел остановить виконта — дал ему пощечину, тогда он бросился на меня с кинжалом!

— Он лжет! Он сошел с ума! — вскричал де Тализак.

Все с презрением отвернулись от него, и он в изнеможении опустился в кресло.

Между тем Ирена хлопотала над Лизеттой.

— Мама,— вскричала она,— она жива, она дышит, ее можно спасти! Отвезем ее к нам домой, скорее!

Графиня с гордостью обняла свою дочь.

— Эта бедняжка — моя сестра,— шепнул Ирене Фанфаро.

В ответ на это Ирена склонилась над Лизеттой и поцеловала ее бледный лоб.

Тализак, наконец, очнулся, бросился к двери и крикнул:

— Самому мне что ли вытолкать этого наглеца? Эй вы, лентяи, возьмите его!

— Не советую никому прикасаться ко мне! — холодно произнес Фанфаро.

В этот момент чья-то рука легла на его плечо и послышался голос:

— Именем короля, вы арестованы!

Фанфаро обернулся — перед ним стоял полицейский комиссар. Все входы в залу были заняты солдатами, и Фанфаро понял, что он погиб.

— Извините меня, маркиз,— обратился к Фуже-

резу комиссар,— за то, что я, повинуясь своему долгу, нарушил ваше веселье... Час тому назад человек, вооруженный кинжалом, пробрался в собственные покои короля и при задержании сознался в намерении убить его.

В толпе гостей раздался крик ужаса.

— На допросе преступник объявил, что он был орудием тайного общества, во главе которого стоит акробат Фанфаро.

— Это гнусная ложь! — вне себя крикнул Фанфаро.

В глазах Ирены де Сальв блеснула молния.

— Он не может быть убийцей,— проговорила она.

— Не бойтесь,— шепнул ей Анатоль,— я не покину его.

— Спасите мою сестру, Ирена,— тихо и печально сказал Фанфаро и, обращаясь к комиссару, продолжал твердым голосом:

— Господин комиссар, я самым решительным образом протестую против моего обвинения в покушении на убийство: открыто и честно я вел борьбу с правительством, но никогда не был убийцей! Исполняйте свой долг — я покорно последую за вами и спокойно предстану перед судом.

Высоко подняв голову, Фанфаро направился к выходу, солдаты окружили его и увели.

Монферран подошел к Тализаку и шепнул ему на ухо:

— Хотя с подлецами не дерутся, но для того чтобы избавить общество от негодяя, я вызываю вас на дуэль!

— И я убью вас,— прошипел виконт.

Полчаса спустя дом маркиза де Фужерез опустел, и мертвая тишина сменила веселье.

22. В Лейгуте

Деревня Лейгут, сожженная неприятелем, мало-помалу возрождалась из пепла.

Однажды в деревню приехал никому неизвестный старик и объявил, что намерен построить на прежнем месте гостиницу и школу взамен сгоревших. Не торгуясь, приобрел он участок земли, и на другой же день рабочие приступили к строительству. Когда дом был готов, то над крыльцом прибили полуобгоревшую вывеску «Для счастья Франции», и старожили уверяли, что эта вывеска некогда украшала гостиницу Жюля Фужера.

Новый владелец дома не поселился в нем, он уступил его беднейшему в деревне семейству, выговорив себе лишь право жить в нем несколько месяцев в году. На место учителя старик за свой Счет пригласил одного отставного сержанта. Жители Лейгута относились с большой признательностью к Пьеру Лабарру — так звали доброго старика — и сердечно радовались его ежегодному появлению в деревне.

И в эту весну Лабарр приехал в Лейгут. Задумчивый и сосредоточенный, по обыкновению сидел он у окна гостиницы. Вдруг на дороге появились

две особы, обратившие на себя его внимание.

Одна из них была молодая девушка, а вот другая — сгорбленная старушка, опиравшаяся на руку своей спутницы…

Следуя непонятному влечению, Пьер вышел из дома и присел на крылечке. Женщины подошли к гостинице, и старуха подняла голову.

Лабарр увидел страшно обезображенное и покрытое рубцами лицо…

Старуха с трудом поднялась по ступенькам крыльца и вошла в дом. Пьер последовал за ней. Дверь стояла отворенной, несчастная сидела на подоконнике, боязливо оглядываясь кругом, и бормотала:

— И что это Жюль не идет домой? Обед давно готов, дети ждут, а его все нет! Поди сюда, Жак. Отец скоро вернется. Лизетта, не плачь, не то я рассержусь… Нет, я пошутила, дурочка, успокойся: он сейчас придет…

По телу Пьера Лабарра пробежала дрожь. Эта несчастная старуха была Луиза — жена Жюля Фужера! Но кем была ее спутница?

В эту минуту молодая девушка подошла к нему и сказала:

— Не сердитесь, сударь, мы пробудем у вас недолго.

— Будьте здесь, как дома,— ласково ответил Пьер,— скажите мне, кто эта старушка?

Перепелочка — это была она — приложила палец к губам и ответила:

— Она помешана.

— Как ее зовут?

— Не знаю. Несчастная много выстрадала в жизни: лишилась мужа и детей и обгорела при пожаре. Месяц тому назад она не сходила с постели, но теперь немного поправилась, соседи обыкновенно зовут ее «обгоревшей», а Лизетта зовет ее матушкой.

— Лизетта? Кто это?

— Молодая девушка, принявшая в ней теплое участие. Она распевает песни на улице, тем и живет, брата ее зовут Фанфаро… Это такая запутанная и грустная история…

— Кто этот Фанфаро? — спросил, немного помолчав, Пьер.

— Сирота, найденный на дороге моим отцом,— ответила Перепелочка,— он славный и хороший юноша.

«Где же я слыхал это имя?» — про себя сказал Пьер.

В это время помешанная подняла голову и вежливо произнесла:

— Извините, сударь, угощать мне вас больше нечем — чем богата, тем и рада!

Лабарр вскрикнул:

— Луиза… Луиза Фужерез?

Больная выпрямилась во весь рост и бросила взгляд на Пьера.

— Кто звал меня? Кто произнес мое имя?

— Я. Луиза,— мягко ответил Лабарр.— Неужели вы забыли вашего мужа Жюля и ваших детей Жака и Лизетту?

— Я помню их, и мне очень хотелось бы с ними увидеться. Где Жюль? И Жак, и, да… помню, Лизетта спит в своей кроватке, но она ушла и…

Мысли больной, очевидно, путались.

— А вот и Жак! Как ты похорошел, голубчик, как я рада, что ты снова со мной!

— Нашелся ли Жак? — спросил Лабарр у Перепелочки с дрожью в голосе.— Жив ли он?

— Да, Фанфаро и Жак — одно и то же лицо!

— Слава Богу! А Лизетта?

— Лизетта похищена виконтом де Тализаком!

— Виконтом де Тализаком! — повторил Лабарр в ужасе.

Помешанная приподнялась и прошептала:

— Тализак! Он должен знать! Жак… Шкатулка. Боже мой, где шкатулка?

* * *

Как же Луиза и Перепелочка очутились в Лейгуте?

Фанфаро, уходя на поиски Лизетты, оставил мать на попечение Перепелочки… Наступила ночь, акробаты не возвращались. Помешанная жалобно кричала и звала Жака. Перепелочка ухаживала за ней всю ночь и с наступлением рассвета от сильного утомления задремала…

Проснувшись, она поспешила к Луизе… но кровать была пуста, больная исчезла! В страшном испуге девушка бросилась к соседям и, расспросив их, узнала, что помешанная рано утром вышла из дома и направилась к Итальянской заставе.

Перепелочка бросилась на поиски и на второй день догнала ее. Луиза, скорчившись, сидела на крылечке небольшой гостиницы и, как всегда, бессмысленно улыбалась.

— Слава Богу, что я вас нашла! — со слезами сказала Перепелочка, обнимая Луизу.

К ним подошла хозяйка гостиницы.

— Эта старушка, верно, убежала от вас? — спросила она.— Я тотчас об этом догадалась и не пустила ее дальше. Она говорит так странно и

непонятно…

— Что же именно?

— Просила хлеба и спрашивала, как пройти к Вогезам.

— Да, да, к Вогезам,— повторила помешанная.

— Но, для чего вам надо идти куда-то к Вогезам? — в изумлении спросила Перепелочка.

— В Лейгут… в Лейгут! — настойчиво сказала Луиза.

— Лейгут — это название деревни, в которой родился Фанфаро, — сказала девушка.

— Не Фанфаро, а Жак,— поправила Луиза.

— Но для чего мы пойдем в Лейгут?

Шкатулка… Жак… Тализак… документы,— ответила старуха.

И женщины направились в Лейгут.

Перепелочка продала свой золотой крестик для покрытия дорожных расходов, и с помощью добрых людей обе женщины наконец-то добрались до Лейгута.

Перепелочка пришла к убеждению, что это их путешествие имеет связь с судьбой Фанфаро: Неожиданная встреча с сыном, очевидно, подействовала на потрясенный мозг Луизы Фужер.

* * *

— Мне надо поговорить со стариком Лэзоном,— сказала помешанная и встала.— Он должен помочь.

Она спустилась с крыльца и пошла по полям. Лабарр и Перепелочка последовали за ней.

Дойдя до того места, где прежде стояла мыза старика Лэзона, старуха оглянулась и пошла направо… Вдруг она страшно вскрикнула, Лабарр и Перепелочка поспешили к ней.

Помешанная, бледная как смерть, лежала на траве и судорожно сжимала вырытую из земли шкатулку.

— Вот она! — крикнула Пьеру Луиза, в ее глазах блеснула искра разума.— Жак — не мой сын, он — виконт де Тализак, а Лизетта — маркиза де Фужерез. Вот доказательство!

Она вытащила из шкатулки несколько бумаг и затем от страшного волнения упала без чувств на руки Перепелочки.

23. На краю пропасти

В роскошном будуаре графини де Сальв лежала Лизетта. Она уже пришла в себя и при заботливом уходе Ирены немного оправилась.

Ирена рассказала певице, что ее спас гимнаст Фанфаро — ее родной брат.

Лизетта, пораженная этим сообщением, хотела все знать о брате — что он, где он, куда исчез — и с жадностью ловила каждое слово графини.

Беседу девушек прервала Урсула.

— Милая Ирена,— сказала гувернантка.— Вас желает видеть какой-то человек.

— Как его имя?

— Бобишель.

— Бобишель?— Просите его в гостиную… и скорей!

Ирена прошла в гостиную: там ее ожидал Бобишель, в смущении вертевший в руках фуражку.

— Простите меня, графиня, за беспокойство, но…

— Вы от… Фанфаро? — спросила Ирена, вспыхнув.

— О нет… я не мог встретиться с ним,— печально ответил Бобишель.

— Кто же вас прислал?

— Его приемный отец — Жирдель.

— Почему он сам не пришел?

— Не знаю, вот вам от него посылка,— ответил Бобишель, передавая графине небольшую пачку.

Ирена быстро развернула ее и вынула два письма, оба адресованные ей. На одном конверте стояло: «М-ль Ирене», а на другом: «Графине де Сальв».

Графиня распечатала второе письмо и прочла:

«Простите меня, графиня, за то, что я, уповая на ваше доброе сердце, обращаюсь с просьбой принять участие в судьбе моей сестры, спасенной мною от смерти.

Близок час, когда будет произнесен мой приговор. Вы никогда не сомневались во мне, и за это я благодарю вас от всей души. Я боролся за права человечества и надеюсь, что меня не забудут потомки.

Уже давно меня преследует неумолимый враг, который не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели.

И потому прощайте, быть может, навсегда. Я умру спокойно, зная, что мать и сестра всегда найдут в вас себе защиту».

Письмо не было подписано. Ирена перечитала

его несколько раз, и жгучие слезы капали на строки, написанные обожаемым ею человеком…

Бобишель был тронут и тихо сказал:

— Быть может, его не осудят…

— Осудят? Кого? — вскричала Лизетта, появляясь в дверях.

— Лизетта, ты так неосторожна! — воскликнула Ирена.— Зачем ты встала?

— К чему скрывать от меня то, что я знаю? Фанфаро нам одинаково дорог. Скажи мне, что ему предстоит? Будем делить пополам все: и радость и горе.

— Да, ты права,— ответила Ирена и коротко сообщила ей б заговоре и об аресте Фанфаро. Затем распечатала другой конверт и, с трудом разбирая безграмотные каракули, прочла:

«Мы должны спасти Фанфаро, и для этого у нас есть лишь один способ. У вас большие связи и знакомства: постарайтесь доставить ему предмет, который вам передаст Бобишель, но только по окончании процесса, который начнется через два дня.

Полагаюсь на вас, Жирдель».

— Какой ответ передать хозяину? — робко спросил клоун.

— Его просьба будет непременно исполнена,— поспешно ответила Ирена.— Но где же этот предмет?

— Вот он,— сказал Бобишель и передал ей булавку с большой головкой, которую он быстро отвинтил: внутри лежала свернутая записка.— Как видите, графиня, и наши фокусы кое на что годятся, — произнес с улыбкой клоун и откланялся.

С того дня, как графиня де Сальв уведомила маркиза де Фужерез, что ее дочь Ирена после недавнего скандала не может быть женой его сына, в доме Фужерезов не прекращались бурные сцены. Разорение семьи было неминуемо, и маркиза, обожавшая виконта, обвиняла во всем мужа. При дворе говорили, что Фредерику не долго придется носить крест Святого Людовика и служить в рядах королевской гвардии, чему молодежь даже радовалась. Правда, товарищи виконта были нисколько не лучше его самого, только более тщательно умели скрывать свои грешки.

После одной весьма тяжелой сцены маркиз в изнеможении опустился в кресло. В эту минуту слуга доложил о приезде графа Фернандо де Веллегри.

Маркиз смочил холодной водой лоб и виски и сказал:

— Просите!

Этот визит подал ему некоторую надежду — через Симона ему было известно о влиянии графа среди иезуитов.

Веллегри вошел. Взглянув на него, маркиз удивился: не таким встречал он его прежде.

Длинный и узкий, сидевший в обтяжку, черный сюртук, черный высокий галстук, такого же цвета круглая шляпа, коротко остриженные, прилегающие к вискам волосы и скромно опущенные глаза — все указывало на то, что граф принадлежит к духовному ордену. Итальянец теперь выглядел иезуитом с головы до ног, и под его пристальным взором маркиз вздрогнул: он знал, каковы последователи Игнатия Лойолы.

Веллегри слегка поклонился маркизу и холодно сказал:

— Мне необходимо для вашего же блага лично поговорить с вами, маркиз. Здесь нам никто не помешает?

— Нисколько,— ответил смущенный маркиз, предлагая гостю кресло.

Итальянец сел и начал деловым тоном:

— Вам, маркиз, конечно, не безызвестно, что

поведение вашего сына, виконта де Тализака, сильно повредило его служебной карьере и вместе с тем скомпрометировало вас. Я…

— Позвольте, граф,— перебил его Фужерез нетерпеливо,— не вы ли сами были другом и приятелем моего сына, участвуя во всех его скандальных похождениях?

Веллегри улыбнулся.

— Виконт де Тализак не ребенок,— продолжал он с расстановкой,— и на него не должны иметь никакого влияния случайные приятели. Я же участвовал в его похождениях лишь для того, чтобы уберечь его от худшего и спасти честь семейства де Фужерез.

— Я вас не понимаю, граф.

— Мне кажется,— резко продолжал итальянец,— что мы уклонились от сути дела… Выслушайте меня до конца, маркиз. Могущественный орден, к которому я принадлежу, уже давно следит за вами. При вашем влиятельном положении при дворе, образе мыслей и родственных связях вы можете быть для нас полезным орудием. И поэтому мне поручено вступить с вами в переговоры. Орден…

— Вы, без сомнения, говорите об ордене иезуитов? — перебил итальянца маркиз.

Веллегри молча склонил голову и продолжал:

— Благодаря стараниям святых отцов Его Величество оставил виконту де Тализаку дарованные ему почести. Помимо этого орден готов дать вам средства, чтобы вы могли с честью выйти из затруднительного положения.

— На каких условиях? — прошептал Фужерез.

— Сейчас я вам все объясню… они вполне выполнимы…

— А если я все-таки откажусь?

— Вы серьезно думаете отказаться? — коротко спросил иезуит.

Фужерез понял, что сболтнул Лишнее, и закусил губу.

— Чего же требует от меня орден? — спросил он немного погодя.

— Важной услуги и верной гарантии.

— И предлагает мне взамен этого…

— Пост первого министра Его Величества.

Маркиз вскочил с кресла.

— Что такое? Как вы сказали? — робко спросил он.— Может быть, я не расслышал…

— Орден предлагает вам пост первого министра при короле,— отчеканил Веллегри.

На лбу маркиза выступил холодный пот, он знал, что при могуществе ордена это обещание

будет выполнено непременно. Маркиз де Фужерез — первый министр! С этим постом были связаны влияние, сила, богатство…

— Вы упомянули о важной услуге и верной гарантии,— сказал он, тяжело вздохнув.— Я прошу вас — объясните подробнее…

— С вашего позволения, я сначала буду говорить об услуге,— спокойно ответил Веллегри.— Она даст вам возможность принести громадную пользу святому престолу и католицизму.

Как бы ослепленный блеском открывавшейся перед ним перспективы, Фужерез закрыл глаза.

— Вам, конечно, известно, маркиз,— продолжал итальянец,— что по закону, изданному в 1764 году, иезуиты были изгнаны из Франции. Два года тому назад Его Величество дозволил изгнанникам назваться «отцами веры» и на время снова поселиться в королевстве. Монарх-благодетель не осмелился сделать для нас большего. Теперь же наступил момент, чтобы вознаградить иезуитов за долгие годы страданий и гонений, которым необходимо сразу положить конец. Мы стремимся к тому, чтобы нам торжественно были возвращены наши права, чтобы орден снова мог носить прежнее название, свободно поднять голову и пользоваться, как и прежде, всеми при-

вилегиями. С этой целью мы требуем издания не королевского эдикта, но непреложного, прямого закона, исходящего из палаты пэров. Дело это нелегкое, и тот, кто возьмется за его осуществление, возложит на себя большое бремя: он должен обладать красноречием, убедительностью, энергией и опытностью. Работа трудная, но велика и награда! Человек, которому мы предоставим министерский пост, может достигнуть всего… Можете ли вы быть им, маркиз?

Фужерез встал.

— Да,— сказал он решительным тоном.— Я шутя преодолею все препятствия, достигну цели…

— При нашем содействии,— перебил его иезуит.— Мы уже имеем на своей стороне значительную партию, и вам будет нетрудно с помощью обещаний и ловких инсинуаций завоевать умы.

— Я ваш телом и душой! — вскричал маркиз.— И сегодня же…

— Погодите немного,— перебил его иезуит быстро,— я упомянул еще о гарантии…

— Неужели вам недостаточно честного слова дворянина? — гордо спросил Фужерез.

Веллегри не обратил никакого внимания на эту фразу и продолжал:

— Человек, облеченный безграничным дове-

рием ордена, которому последний даст в руки оружие для несомненной победы, должен быть скован с нами неразрывными узами.

Маркиз в изумлении взглянул на иезуита, который спокойно продолжал:

— Давно известно, что золотые узы — самые крепкие, и на этом мы и основываем свои гарантии. Как секретарь ордена я уполномочен спросить вас, маркиз, угодно ли вам оказать нам поддержку, основав в Тоскане и Парме общежитие, вроде тех, которые основаны в Монруже и Сент-Ашеле?

— Конечно,— пробормотал испуганный столь грандиозным требованием Фужерез,— я вполне готов оказать эту поддержку, но я желал бы заранее знать, какая приблизительно нужна для этого сумма. Мое состояние в данную минуту немного расстроено и…

— Успокойтесь! — сухо перебил его Веллегри.— Эта сумма сравнительно невелика.

Фужерез вздохнул свободней.

— Для основания упомянутых общежитий — а это дело, которое прославит ваше имя навеки — необходимо иметь немного: всего миллион франков.

— Миллион франков? — повторил пораженный

Фужерез.

— Внося эту сравнительно ничтожную сумму, вы можете достичь многого. Людей, желающих оказать поддержку ордену, немало… но мы обратились к вам.

— Миллион франков! — простонал Фужерез.— Где я его достану? Заложив и продав все мои имения, я не выручу и четверти этой суммы.

— Итак, вы отказываетесь? — спросил Веллегри.

— Сохрани меня Бог! Но я, право, не знаю…

— Нам известно, что вы очень богаты, маркиз, и потому…

— Вы ошибаетесь: я разорен, окончательно разорен!

— Не верю этому. Ваш отец оставил вам громадное состояние, и вы не могли прожить его в столь короткое время,— возразил Веллегри.

— Меня обманули, граф, и мошенническим образом лишили наследства,— жалобным тоном произнес Фужерез.

Итальянец встал.

— Маркиз,— сказал он ледяным тоном,— я не привык выпрашивать и торговаться… Вы не желаете мира, и поэтому я объявляю вам войну!

— Войну? — повторил смущенный Фужерез.—

Что вы этим хотите сказать?

— Сейчас я вам все объясню. Когда орден удостаивает своим доверием такого человека, как вы, посвящая его в свои тайны, то он в запасе всегда имеет оружие… на всякий случаи. Вы хотите идти против нас…

— Мне идти против вас? Никогда!

— Мы приняли все меры к тому, чтобы этого не случилось,— с иронией в голосе возразил Веллегри.— Вот наш ультиматум: вы принимаете наше предложение и в пятидневный срок вносите упомянутую сумму, иначе известные документы попадут к государственному прокурору!

Фужерез вздрогнул, зубы его застучали, и он почти беззвучно произнес:

— Я… вас… не понимаю…

— Так знайте же, что подложные векселя, подписанные виконтом де Тализаком, находятся в наших руках.

— Подложные векселя? Не может быть! — с отчаянием вскричал маркиз.— Мой сын не преступник.

— Спросите его самого,— холодно возразил Веллегри и взялся за шляпу.— Даю вам срок для размышления, маркиз. Я буду ожидать вашего ответа.

— Это ваше последнее слово, граф?

— Да, в пятидневный срок наше дело должно быть возбуждено в палате пэров…

— Я завтра же начну хлопотать,— поспешно сказал маркиз.

— Начинайте, но не забудьте о необходимости гарантии… До свидания!

Итальянец удалился.

Маркиз в изнеможении упал в кресло.

Из-за портьеры неслышно вышел Симон и сказал:

— Не предавайтесь отчаянию, маркиз: это дело поправимо. Напишите святым отцам, что деньги будут внесены к сроку.

— Я не понимаю тебя.

— Фанфаро в тюрьме…

— Но его не приговорят к смертной казни.

— И не нужно: мы его сами устраним.

— Устраним?

— Да, маркиз. Вы вступите в права наследства Фужерезов и займете министерский пост.

— Симон, ты бредишь наяву?

— Нет, маркиз. Я знаю лишь одно — я убью Фанфаро!

24. Процесс

Как во всех политических процессах, приговор был предрешен заранее. Введенный в зал суда Фанфаро в первый раз увидел человека, согласившегося принять на себя роль мнимого цареубийцы, и по лицу гимнаста скользнула презрительная улыбка, когда он узнал в нем Робекаля. Негодяй едва держался на ногах. Зубы его стучали, и капли холодного пота выступили на лбу.

Будучи полупьяным, Робекаль за деньги согласился на предложение Симона. Теперь же он понял, что рискует головой, и из наглеца превратился в жалкого труса.

По прочтении обвинительного акта начался допрос подсудимых.

Фанфаро в немногих словах дал свои показания. Он обрисовал личность Робекаля за время его службы в труппе Жирделя, рассказал, как акробат, перепилив цепь, покушался в Сент-Аме на жизнь своего хозяина, спокойно и просто изложил все обстоятельства дела, поселив в судьях убеждение в своей полной искренности.

Робекаль с горькими слезами показал, что он,

находясь под влиянием Фанфаро, решился на покушение, в чем вполне раскаивается.

— Слава и благодарение Всевышнему, сохранившему жизнь нашего обожаемого монарха, за которого я охотно пожертвовал бы своей жизнью! — так закончил свой рассказ подсудимый и залился слезами.

Это очевидно притворное раскаяние произвело все же на публику благоприятное впечатление. Председатель обратился к Фанфаро:

— Подсудимый, вы обвиняетесь в том, что состоите членом тайного общества, известного под названием «Союз поборников права». Признаете ли вы себя виновным?

— Я — француз,— ответил Фанфаро,— и стою на стороне людей, стремящихся к спасению родины.

— И для этого «спасения» вы прибегли к вероломному убийству? — строго спросил его председатель.

— Я никогда не был убийцей,— холодно возразил молодой человек,— называйте так тех, которые с помощью чужеземцев терзали Францию только для того, чтобы укрепить свой расшатавшийся престол.

В глубине зала раздалось громкое «браво!», а

затем поднялась страшная суматоха. С помощью жандармов человек тридцать вывели из зала, и никто не обратил внимания на Жирделя, переодетого лакеем. Он-то именно и крикнул «браво!». Среди публики находилась и Ирена де Сальв, не спускавшая глаз с Фанфаро. При его смелом ответе по ее губам скользнула гордая улыбка.

Мало-помалу спокойствие было восстановлено, и допрос возобновился. Председатель предложил гимнасту чистосердечно сказать всю правду о его участии в покушении, и с недовольным видом покачал головой, когда Фанфаро ответил:

— В данном случае я — жертва адского заговора. Мой отец пал на поле битвы, защищая свою родину, и я никогда не решился бы таким страшным преступлением опозорить его честное имя.

Защитник Фанфаро, отличный адвокат, не смог закончить своей блестящей речи. Председатель лишил его слова, а затем и удалил из зала суда. После короткого совещания судей был зачитан приговор.

Робекаль был присужден к смертной казни через повешение, а Фанфаро, то есть Жак Фужерез — к пожизненной каторге.

Фанфаро поднялся с места, открыл рот, вытянул руки, а затем повалился, как сноп. В зале произо-

шло смятение.

— Он умертвил себя! Его отравили!

Вся публика хлынула к тому месту, где лежал осужденный.

Ирена бросилась к Жирделю, но силач уже исчез. Попытки привести гимнаста в чувство были безуспешны, и его унесли. Одновременно унесли и Робекаля: негодяй не выдержал — услыхав приговор, он упал замертво.

25. Загробное проклятие

Когда маркиз де Фужерез узнал о скоропостижной смерти Фанфаро, он немедленно поспешил к жене и сказал:

— Милая Мадлена, всем нашим тревогам и заботам пришел конец. Человек, стоявший между нами и счастьем, умер!

— О ком ты говоришь?

— О гнусном цареубийце, гимнасте Фанфаро.

— О наглеце, который произвел скандал на нашем приеме?

— Да, он умер.

— Слава Богу! Теперь мы, наконец, получим наследство!

— Конечно. Необходимо лишь, чтобы Жирдель в присутствии Лабарра повторил то, что сообщил мне.

— О, наконец-то моя мечта осуществилась,— в упоении сказала Мадлена.— Теперь ты будешь первым министром, и для нашего сына откроется блестящая карьера. Только где же это он пропадает? Его с утра нет дома.

Маркиз не слушал: он думал о Симоне и об оказанной им неоценимой услуге.

— Где Симон?— спросил он с беспокойством.— Я не вижу его уже два дня.

— Оставь в покое своего Симона и поговорим лучше о Фредерике. Я…

Раздался стук в дверь.

— Войдите,— крикнул маркиз.

Вошел слуга.

— Маркиз…— сказал он, запинаясь.— виконт…

— Он приехал? — вскричала маркиза.— Тем лучше!

Она бросилась к двери.

Слуга заступил ей дорогу.

— Маркиза, я хотел…

— Что это значит? — с гневом произнесла маркиза.— Вы докладываете о приезде виконта и не пускаете его в комнату!

— Выслушайте меня, маркиз,— умоляющим тоном обратился к Фужерезу слуга.

Маркиз вздрогнул и неслышно сказал:

— Пусть объяснит в чем дело, Мадлена.

— Виконт скончался…— прошептал слуга.

Маркиза страшно вскрикнула, а несчастный отец в каком-то отупении смотрел на слугу.

В коридоре раздались тяжелые шаги, отворилась дверь, и четыре человека внесли лежавший на носилках накрытый труп.

Маркиз и маркиза не решались приподнять покрывало, они не сводили глаз с носилок и носильщиков и очнулись лишь тогда, когда в комнату вошел Гастон де Феррет.

— Гастон, что случилось? — в отчаянии вскричал маркиз.

— Он умер,— глухим голосом ответил Гастон.

— Умер! Кто умер? Ради Бога, объясните,— простонала Мадлена де Фужерез.

— Ваш сын, виконт де Тализак, убит на дуэли,— серьезно произнес Гастон.

Со страшным криком маркиза упала на пол и лишилась чувств. Прислуга поспешила ей на помощь. Фужерез не тронулся с места, тупо глядел он в одну точку и наконец гневно сказал:

— Вы лжете — мой сын никогда не дрался на дуэли!

— К сожалению, маркиз, в моих словах ни капли лжи,— печально ответил Гастон,— Виконт был вызван на дуэль Анатолем де Монферраном, и она, к сожалению, имела для него печальный исход.

Маркиз простоял на месте еще несколько секунд, затем приблизился к носилкам и дрожащей рукой приподнял покрывало.

Да, Гастон сказал правду: на носилках лежал

труп виконта, на груди которого зияла кровавая рана.

Маркиз глухо вскрикнул и ухватился за покрывало, глаза несчастного отца загорелись лихорадочным блеском, и он стал бормотать какие-то бессвязные слова.

Гастон де Феррет обратился к нему со словами утешения, старик его не слушал, и так как тем временем маркизу привели в чувство, то он счел за лучшее удалиться.

Гастон направился к двери, но был остановлен маркизом.

— Не уходите,— крикнул старик,— я хочу знать, как умер мой сын.

Гастон выслал из комнаты прислугу и затем начал свой рассказ.

— Виконт послал господину де Монферрану своих секундантов,— сказал он, запинаясь.— Причина дуэли, по желанию противников, держалась в тайне. Дуэль состоялась сегодня утром в Булонском лесу. Виконт приехал в сильно возбужденном состоянии, и секунданты заявили о том, что дуэль должна быть отложена. Монферран не имел ничего против этой отсрочки, но виконт не согласился и настоял на том, чтобы дуэль началась немедленно.

Расстояние было отмерено, и противники встали в позицию. С самого начала было ясно, что виконт погиб: он, как бешеный, ринулся на шпагу Монферрана, которая пронзила его сердце… Смерть была мгновенной.

Гастон умолк.

Бледные, с широко раскрытыми глазами, слушали родители его рассказ. Вдруг Мадлена в ярости крикнула:

— Моего сына убили — я отомщу за него!

Маркиз не проронил ни слова.

— Мой сын не оставил никакого письма? — быстро спросила затем маркиза.

Гастон молча вынул из кармана запечатанный конверт и подал его маркизе. На конверте была надпись: «Моим родителям — маркизу и маркизе де Фужерез».

Дрожащей рукой сорвала маркиза печать, в конверте была записка следующего содержания:

«Вы не сумели воспитать меня, и потому являетесь виновниками моей смерти… Я проклинаю вас!

Виконт Фредерик де Тализак».

В глазах маркизы сверкнула молния, и со страшным безумным хохотом она бросилась к

мужу.

— Читай! — крикнула она вне себя.— Читай эти слова, написанные нашим сыном, полюбуйся его загробным проклятием! Он нас проклял!

Мадлена под тяжестью страшного горя потеряла снова сознание. Гастон позвал прислугу, и несчастную женщину унесли. Маркиз стоял на коленях у носилок. Гастон же направился к выходу. Фужерез остался один.

В эту минуту отворилась дверь и на пороге появился старик. При виде убитого горем отца, склонившегося над трупом сына, на его окаменелом лице появилось глубокое сожаление. Неслышными шагами подошел он к Фужерезу и положил руку на его плечо.

Фужерез вздрогнул, обернулся и с ужасом произнес:

— Пьер Лабарр!

Да, это был Пьер Лабарр, приехавший в Париж с Луизой и Перепелочкой. Здесь он узнал о процессе над Фанфаро.

Старик поспешил в здание суда и узнал там о происшедшей катастрофе. Врачи констатировали факт скоропостижной смерти осужденного, скончавшегося, по их мнению, от разрыва сердца.

В отчаянии Пьер Лабарр поспешил в дом Фу-

жереза.

Маркиз содрогнулся, как будто увидел привидение.

— Пьер Лабарр,— крикнул он глухим голосом,— ты пришел для того, чтобы насладиться моим горем? Теперь ты торжествуешь! Ступай вон, между нами нет ничего общего!

— Вы ошибаетесь, маркиз,— спокойно ответил Пьер,— мне необходимо сообщить вам весьма важную весть, и вы обязаны выслушать меня.

— Ты, кажется, образумился, старик,— с иронией произнес маркиз,— и называешь меня теперь, как следует, а именно маркизом!

— Да,— с грустью ответил Пьер,— настоящий виконт де Тализак скончался, и теперь вы имеете право на титул маркиза де Фужерез!

— Что ты этим хочешь сказать? — в недоумении спросил маркие.— При чем тут смерть моего сына?

— Я не об этом, я говорю о другом и...

— О ком же?

— О гимнасте Фанфаро!

— А! Теперь я понимаю: его смерти я обязан тем, что Пьер Лабарр согласился называть меня "маркизом де Фужерезом, и теперь, конечно, он выдаст по праву принадлежащие мне милли-

оны!

Этот человек и у трупа сына не мог забыть о деньгах!

— Что же ты молчишь? — с иронией продолжал маркиз.— Горюешь о кончине законного наследника Фужерезов? Так знай же, что этого Фанфаро убил я!

Кровь застыла в жилах Лабарра.

— Вы убили его? — вскричал он.

— Да,— продолжал в каком-то бешеном экстазе маркиз,— он был для меня помехой, и я отравил его… Ступайте, донесите на меня: теперь мне все равно!

— Замолчите, маркиз,— потрясенно сказал Лабарр.— К длинному ряду ваших преступлений вы присоединили еще одно, но, к несчастью для вас, вы в данном случае напрасно обагрили свои руки кровью!

— Что такое? Что вы сказали?

— Фанфаро не был сыном Жюля Фужереза,— тихо сказал Пьер.

— Я не понимаю вас. объяснитесь!

Лабарр посмотрел на маркиза в упор.

— Вспомните, маркиз,— сказал он, отчеканивая каждое слово,— о том, что случилось двадцать лет назад в деревушке, лежащей на склоне Воге-

зов, название которой вы не могли забыть.

— Да, я помню,— прошептал маркиз.

— В 1804 году, в ночь с 15-го на 16-е мая, пришли туда два путника, постучались у дверей одного из домов и попросили позволения переночевать. Старик-хозяин принял их радушно, угостил чем мог и указал место для ночлега. Одному из путников приглянулась дочь старика, и он воспользовался ее невинностью: этот человек ныне — маркиз де Фужерез, в то время носивший титул виконта де Тализак… Это были вы!

Фужерез поминутно менялся в лице, не сводя глаз с Пьера, который продолжал:

— Достигнув цели, вы, маркиз, как жалкий трус, убежали, покинув опозоренную вами девушку… она родила сына, и этого ребенка усыновил Жюль Фужерез, женившийся на сестре его бедной матери…

— К чему вы мне все это рассказываете? — притворно равнодушным тоном спросил маркиз.

— Этот ребенок, усыновленный вашим братом, оставшись сиротой, был найден на большой дороге проезжавшими акробатами. И они приняли его в свою труппу, но юноша скоро увлекся идеями свободы, и за участие в заговоре против правительства был приговорен к пожизненной

каторге. Хотите ли вы знать его имя, маркиз? Его звали Фанфаро, или, вернее, Жак Фужерез, которого вы приказали отравить.

Холодный пот выступил на лбу маркиза.

— Не может быть,— вскричал он.— Фанфаро — сын Жюля Фужерез!

— Прочтите этот документ, составленный вашим покойным братом и снабженный его подписью,— ответил Лабарр, подавая маркизу сложенный вчетверо, пожелтевший от времени листок бумаги.

Фужерез развернул его и прочел:

«Я, маркиз Жюль де Фужерез, старший сын маркиза де Фужереза, сим свидетельствую, что ребенок Жак, усыновленный мною, родился от Жанны Леклер и моего брата, виконта де Тализака.

Жюль де Фужерез, прозванный также Жюлем Фужером».

Бумага выпала из рук маркиза, и он, как пораженный громом, опустился на ковер.

— И я… убил его,— прошептал Фужерез.

Лабарр вскрикнул и бросился на детоубийцу, но остановился и сказал:

— Так вы действительно виновник его смерти?

— Да,— хриплым голосом сказал маркиз,— чтобы получить наследство, я приказал Симону, моему управляющему, отравить его… О, проклятье!

С презрением взглянул Лабарр на вельможного негодяя и, не сказав больше ни слова, направился к выходу.

— Погодите,— в отчаянии вскричал Фужерез,— возьмите меня с собой: я хочу видеть его… и попросить у него прощения.

— Идемте! — сказал Пьер.

В дверях маркиз остановился.

— Ввиду того, что вы теперь не можете более оспаривать моих прав на наследство покойного отца,— обратился он к Лабарру,— то, конечно, выдадите мне в счет будущего миллион франков? В этой сумме я крайне нуждаюсь…

Лабарр содрогнулся.

— На что вам теперь деньги? — спросил он.

— Это вас не касается. Отвечайте на мой вопрос.

— Хорошо, завтра вы получите их.

Фужерез взял листок бумаги, написал коротенькую записку и позвонил. Вошел слуга.

— Отнесите это письмо г-ну де Веллегри, графу,— сказал он,— ответ доставьте мне в здание

суда.

Затем он обратился к Лабарру и решительно произнес:

— Идемте!

26. На волосок от смерти

Тело осужденного для определения причины его скоропостижной смерти было перенесено в городскую больницу, где подлежало вскрытию.

Но Фанфаро не был мертв…

Вечером того дня, когда состоялся приговор, в одном из домиков, стоявших недалеко от здания суда, о чем-то уговаривались двое мужчин. Один из них был Жирдель.

— Не ошибаетесь ли вы, доктор? — спросил силач.

— Нисколько,— ответил врач,— я вполне уверен в успехе…

— В таком случае, да поможет нам Бог!

Врач простился с Жирделем и ушел.

Акробат опустился на стул и, склонив голову на руки, заплакал как ребенок.

В комнату вошел Бобишель.

— Где же она? — воскликнул Жирдель.

— Она пришла и ждет внизу.

Акробаты спустились в нижний этаж дома. Там, в одной из комнат, стояла Ирена де Сальв в глубоком трауре, бледная как смерть.

— Милый Жирдель,— прошептала она,— ска-

жите, правда ли это? Фанфаро умер…

— Он жив, графиня,— спокойно ответил силач.

Ирена зашаталась и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

— Где же он? — еле слышно спросила девушка.

— Все убеждены в том, что Фанфаро умер. Его унесли в мертвецкую, но он жив и завтра будет свободен.

— Как же все это объяснить?

— А вот мы сейчас с вами спустимся в подвальный этаж… там у меня гостит один негодяй, который расскажет вам все. А ты, Бобишель, ступай туда, и если что-нибудь там неладно, немедленно уведоми меня…

— Слушаю, хозяин,— скороговоркой произнес клоун и вышел.

Жирдель взял фонарь и обратился к Ирене:

— Пойдемте, графиня.

Сойдя в подвальный этаж, силач открыл тяжелую дверь. При слабом свете фонаря графиня увидела какого-то человека, прикованного к стене железной цепью.

— Позвольте вам представить сего господина,— с иронией в голосе произнес Жирдель,— это Симон, поверенный в делах маркиза де Фужереза и, вместе с тем, наемный убийца. Говори, мерза-

вец, зачем ты хотел отравить Фанфаро?

— Я ничего не знаю,— мрачно произнес Симон.

— Этот негодяй,— продолжал Жирдель, обращаясь к Ирене,— напоив тюремщика, передал ему пилюлю и попросил доставить ее обвиняемому: она заключала в себе сильный яд и вызвала бы мгновенную смерть. Но я был настороже: захватил мерзавца и отвел ему это вполне ему подходящее помещение, затем, будто бы посланный им, отнес тюремщику пилюлю, но только не ту, а другую… Мне непонятно одно: за что маркиз Фужерез преследует Фанфаро, от этого же негодяя не добьешься ничего.

— Почему бы вам не сказать правды? — добрым голосом обратилась к Симону Ирена.

— Я ничего не знаю,— ответил узник.

— Пойдемте, графиня,— сказал Жирдель.

Они вышли из подвала, и силач закрыл за собой дверь.

— Итак, Фанфаро… жив? — с дрожью в голосе спросила Ирена.

— Да, вместо яда я дал ему средство для глубокого сна — он спит, его похоронят как мертвого, а мы его откопаем…

Ирена не выдержала и зарыдала.

В эту минуту вбежал Бобишель.

— Хозяин,— вскричал он,— наше дело не выгорело, и Фанфаро нам не спасти!

— Что случилось? — в один голос вскрикнули Ирена и Жирдель.

— Фанфаро погиб!

— Да говори же!

— Ну вот! Погодите, дайте передохнуть! Стою я там настороже… вдруг слышу — послали за доктором.

— За доктором?

— Да. Я думаю, на что им еще доктор понадобился? Мало что ли их в больнице? Уж не проснулся ли наш голубчик? Тогда, говорю я себе, дело скверное!

— Будешь ли ты говорить толком?

— Сейчас, хозяин… Слышу я — послали за каким-то главным доктором… захотелось им узнать, отчего умер Фанфаро, и вот они будут его резать и потрошить…

Со страшным криком Жирделя слились глухие рыдания Ирены.

— Бегите туда! — простонала она.— Надо объяснить все и спасти его!

Жирдель в отчаянии схватился за голову.

— За кем же они послали, Бобишель? — поинтересовался он.

— За господином Альбарэ.

— За лейб-медиком короля?

Жирдель на минуту задумался.

— Графиня,— сказал он затем, обращаясь к Ирене,— я вам обещал спасти Фанфаро и я сдержу свое слово, клянусь вам!

Положение действительно было критическим. Около стола, на котором лежало, по-видимому, бездыханное тело осужденного, столпились врачи и их ассистенты, ожидавшие прибытия для вскрытия г-на Альбарэ.

Причина смерти гимнаста оставалась для них загадкой. Наконец дверь отворилась и вошел доктор.

Раскланявшись со своими коллегами, он снял сюртук, подвязался передником, засучил рукава и, взявши скальпель, спокойно сказал:

— Приступим к делу, господа.

И с этими словами он приложил.скальпель к нижней губе гимнаста. Но в этот самый момент за его спиной раздался громкий голос:

— Господин Альбарэ!

Лейб-медик короля обернулся.

В дверях стоял придворный камер-лакей.

— Его королевское величество требует вас немедленно к себе, — сказал он.

Альбарэ растерялся.

— К себе? Ах, Боже мой, я сейчас… извините, господа, король требует меня к себе…

Говоря это, лейб-медик сброеил передник и, снова надев сюртук, направился к выходу.

— А как же вскрытие? — почтительно спросил старший врач больницы.

— Можно обойтись и без этого… Дело… ясное — осужденный умер от гиперемии мозга… Похороните его. Прощайте, господа!

С этими словами Альбарэ поспешно удалился. Фанфаро был спасен!

27. Отец и сын

Придворным лейб-медиком был не кто иной, как сам Жирдель.

После несостоявшегося вскрытия старший врач больницы распорядился, чтобы тело было похоронено.

Погребение осужденных было обязанностью лица, с которым Жирдель вошел в соглашение. Явились носильщики, чтобы унести тело гимнаста.

В эту самую минуту вошел слуга и доложил старшему врачу о приезде маркиза де Фужереза. Врач поспешил ему навстречу.

Маркиз вошел, опираясь на руку Пьера Лабарра. Старый вельможа был неузнаваем: за эти часы он постарел на много лет.

Молча дрожащей— рукой передал он старшему врачу запечатанный конверт. В нем заключалось предписание министра юстиции о передаче маркизу де Фужерезу тела скоропостижно скончавшегося в зале суда гимнаста Фанфаро.

Миллион франков, обещанных маркизом де Веллегри, возымели свое действие, и первая же просьба старика была немедленно уважена.

Вместо министерского поста де Фужерез покупал труп своего сына.

— Когда вам угодно получить тело? — спросил старший врач, прочитав предписание министра.

— Я хотел бы вначале взглянуть на него,— с трудом произнес маркиз.

Старший врач пригласил его и Лабарра в зал, где лежал гимнаст. Фужерез приблизился к трупу и преклонил перед ним колени.

Лабарр закрыл лицо руками и зарыдал.

— Прикажете унести тело, маркиз? — спросил после небольшой паузы старший врач.

Фужерез молча склонил голову.

Четверть часа спустя слуги маркиза унесли тело гимнаста. За ними с непокрытыми головами следовали Фужерез и Лабарр.

Тело Фанфаро было внесено в дом маркиза и положено рядом с трупом его брата, виконта де Тализака.

Несчастный отец был в каком-то отупении.

— Позовите маркизу! — сказал он вдруг.

Слуги доложили ему, что маркиза ушла из дому и не сказала, когда вернется.

Фужерез и Лабарр переглянулись. И маркиз обратился к Лабарру:

— Теперь выслушайте мою последнюю волю,

господин Лабарр,— произнес он,— и затем, как честный человек, скажите мне, считаете ли вы себя вправе исполнить ее...

— Вашу последнюю волю, маркиз? — в недоумении спросил Лабарр,

— Да,— продолжал Фужерез,— как и она, я обрек себя на смерть!

С этими словами он указал на портрет маркизы. Лабарр склонил голову, как бы утверждая произнесенный маркизом приговор.

— Я слушаю вас,— сказал он.

— Миллион франков, ценой которого я купил труп убитого мною собственного сына, вы выдадите графу де Веллегри, остальные же богатства, принадлежавшие моему отцу, переходят в собственность дочери Жюля Фужереза. Расскажите ей все — пусть она узнает эту страшную тайну, пусть люди и свет проклинают меня! Берегите эту девушку и похлопочите, если она того пожелает, чтобы ей был возвращен титул Фужерезов... Скажите всем, что Фанфаро был невиновен, я дам вам в этом письменное удостоверение... Когда я умру, не хороните меня в нашем родовом склепе — я недостоин быть погребенным во Франции... Увезите мой труп за границу и заройте где попало останки человека, которого не покарало людское

правосудие!

— Я свято исполню вашу волю, маркиз! — торжественно и громко сказал Лабарр.

— Благодарю вас. Сегодня же ночью мы с вами уедем в наш родовой замок, и там я похороню тела убитых мною сыновей…

Жирдель и Бобишель в костюмах носильщиков явились в больницу за телом гимнаста.

— Опоздали, братцы!— крикнул им привратник.— Труп уже увезли.

— Куда? — спросили пораженные акробаты.

— А я почем знаю?

Не помня себя от горя, вышли на улицу силач и клоун и горько заплакали.

28. «Мира и покоя!»

Золотые лучи заходящего солнца озаряли морское побережье вблизи Гавра и скромную рыбачью хижину, прилепившуюся к скале.

В этой хижине взад и вперед расхаживал человек. Прислушиваясь к шуму волн, он, казалось, кого-то ждал. Наконец за дверью послышались шаги, и к хижине подошли две женщины.

Незнакомец спросил их:

— К кому вы?

— К Фанфаро,— ответила одна из них.

В комнату вошли Луиза и Перепелочка. Увидев

при свете лампы лицо человека, Перепелочка вскрикнула.

— Войдите и не бойтесь! — сказал юноша.— Вас пригласил сюда я.

— Но где же Фанфаро? — тревожно спросила Перепелочка.

— Уповайте на Бога и ждите!

За окном снова послышались шаги, и в дверях показались еще две женщины.

— К кому вы? — спросил юноша.

— К Фанфаро,— был ответ, и в хижину вошли Ирена де Сальв и Лизетта.

— Господин де Монферран! — вскричала Ирена.

— Да,— ответил Анатоль,— это я!

Ирена, Лизетта и Перепелочка спросили в один голос:

— Где же Фанфаро?

* * *

Каким же образом они все сошлись в этой хижине?

В ту ночь, когда тело гимнаста было увезено из городской больницы, Лизетта с Перепелочкой и Ирена получили каждая по записке следующего содержания: «Всем тем, кому дорог Фанфаро…

Приезжайте немедленно в Гавр и придите к хижине рыбака Пьера. Ждите и надейтесь. Друг.»

Монферран тоже получил письмо, в котором на него возлагалось известное поручение…

Все подступили к нему с расспросами.

— Я ничего не знаю,— ответил Анатоль.— Но я надеюсь и жду.

— Где же Жирдель? — спросила Перепелочка.

— Не знаю,— сказал Анатоль,— но полагаю, что полученные нами записки — от него.

Перепелочка подошла к Ирене де Сальв… Она давно уже убедилась в том, что Фанфаро не будет принадлежать ей, и теперь шепнула Ирене:

— Как хорошо, что вы приехали! Я вижу, что вы любите его!

Ирена молча пожала ей руку.

Графиня де Сальв когда-то по капризу влюбилась в гимнаста и смотрела на свою привязанность к нему, как на мимолетное увлечение. Но теперь в ней произошел переворот. Гордая аристократка забыла все, бежала из дому и поспешила к тому, кому она отдалась всецело…

Взглянув на Перепелочку, Ирена поняла все.

— Вы любите его? — тихо спросила она.

— Да,— ответила Перепелочка,— но он любит вас, и потому я уступаю его вам.

Девушки обнялись.

Между тем помешанная присела в уголок и не отвечала ни на слова, ни на ласки Лизетты. Она думала о своем Жаке.

Анатоль, стоя у окна, не сводил глаз с моря. Он искренне привязался к Лизетте и говорил самому себе: «Если я возвращу ей брата, то, может быть, она полюбит меня».

И теперь с тревогой в сердце он ждал условного сигнала. Вдруг раздался выстрел, и над морем взвилась ракета.

— Идите все сюда! — вскричал Монферран.— Идите и смотрите!

Все бросились к окну.

На море показалась довольно большая лодка, она пристала к берегу, из нее вышли трое. Один из них, обгоняя остальных, поспешил к хижине.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Фанфаро.

— Фанфаро! — вырвалось у всех.

Ирена и Перепелочка плакали от радости.

— Брат мой! — вскричала Лизетта.

Следом вошел Жирдель.

— Слава Богу! — крикнул он.— Наконец-то удалось.

Фанфаро бросился к Луизе и со слезами на гла-

зах произнес:

— Матушка, бедная моя матушка!

Помешанная обняла юношу и зарыдала.

— А теперь в дорогу! — весело крикнул кто-то, вбегая в комнату. Это был Бобишель. Перепелочка бросилась ему на шею, а Ирена подошла к Фанфаро.

— Я здесь,— спокойно сказала она.

Фанфаро с чувством пожал ей руку.

— Да, нелегко было выручить нашего голубчика! — сказал Жирдель.— С помощью Симона, которому мы немного намяли бока, мы напали на след Фанфаро и догнали карету маркиза в двух милях от Парижа. Рассказали Лабарру суть дела, доктор привел Фанфаро в сознание, и нам отдали его, а Фужерез поехал дальше, увозя с собой тело виконта де Тализака.

— А где же Лабарр? — спросил Анатоль.

— Господин Лабарр ждет нас в лодке. Этот негодяй Симон, наверное, донесет на нас, и поэтому нам надо немедленно бежать. Здесь совсем недалеко от берега стоит готовое к отплытию судно, которое увезет всех нас в Африку...

Наступил момент разлуки. Вошел Лабарр.

— Маркиз де Фужерез,— сказал он почтительно,— все готово к отъезду.

Все посмотрели на него с удивлением.

Кого он назвал маркизом? Фанфаро встал.

— Не называйте меня маркизом,— сказал он,— мое имя — Жак, и я приемный сын Жюля Фужереза.

К нему подошла Ирена.

— Жак,— сказала она,— когда-то вы сказали мне: «Заставьте полюбить себя!» Исполнила ли я ваш совет?

— Я люблю вас,— ответил Фанфаро.

— И вы назовете меня своей женой?

Перепелочка вздрогнула.

— О, если бы вы знали, Фанфаро, как она любит вас! — сказала она.

Бывший гимнаст смахнул невольную слезу.

— Благодарю вас, мои дорогие и преданные друзья! О, зачем должны мы покинуть Францию и вдали от родины искать мира и покоя!

— Даст Бог — вернемся,— добавил Жирдель громко.— А теперь — в дорогу!

— Итак, вы уезжаете? — спросил у Лизетты Анатоль.

— Могу ли я покинуть брата? — ответила девушка.

— В таком случае,— энергично сказал де Монферран,— и я поеду с вами, чтобы бросить

праздную жизнь и зажить честным трудом. И вы мне в этом поможете!

* * *

Маркиз де Фужерез похоронил тело своего сына, виконта де Тализака, а затем бесследно исчез.

Мадлена сошла с ума и отравилась.

Бобишель женился на Перепелочке, которая вышла за него из-за его любви к Фанфаро. Луиза и Лабарр умерли… Симон поступил в сыскную полицию.

Робекаль, которому смертную казнь заменили пожизненной каторгой, пытался бежать и при этом был убит часовым.

Ролла открыла игорный дом и во время происшедшей между ее гостями ссоры была зарезана.

Таков приблизительно был рассказ Фанфаро. Мы дополнили его многими подробностями, которые он, по своей скромности, опустил.

Прошло много лет. Маленькая колония мирно и счастливо проживала в Алжире. Эти люди забыли свои страдания и простили своих врагов.

Сперо вскоре поправился. Наступил день возвращения во Францию.

— Мой милый Фанфаро,— сказал граф,— неужели мы никогда не увидимся с вами?

— Может быть и увидимся,— с улыбкой ответил бывший гимнаст.— Меня иногда берет тоска по родине…

— В таком случае,— продолжал Монте-Кристо,— если судьба разлучит меня с сыном, могу ли я рассчитывать на вас?

— Клянусь вам в этом! — был ответ.

— И мы тоже, — сказал Жирдель.— Мы все пожертвуем жизнями за сына графа Монте-Кристо, и горе тому, кто обидит его.

Мы скоро увидим, сдержали ли Фанфаро и его друзья свою клятву!

Часть четвертая
МЕСТЬ БЕНЕДЕТТО

1. Письмо графа Монте-Кристо

«Г-ну виконту де Монте-Кристо, Елисейские Поля, Париж, апрель 186… года.

Дорогое мое дитя! Двенадцать лет тому назад я с помощью наших алжирских друзей спас тебя от лютой смерти. С того дня утекло много воды…

Мне уже шестьдесят лет, и поэтому я должен спешить…

Много преодолел я опасностей, дорогой мой сын, боролся с людьми сильными и могущественными и выходил победителем из этой борьбы. Не устоял лишь я перед последней улыбкой твоей умирающей матери.

Вот уже пять лет как скончалась на моих руках графиня Гайде — наш с тобой лучший друг.

Тогда-то я и изменил самому себе и в первый раз в жизни заплакал как ребенок. И подумал при этом, что я не более чем человек, бессильный в борьбе со смертью.

Я одолел Вильфора, Морсера, Данглара и Бенедетто с Мальдаром, но не смог победить смерть…

С этой минуты во мне поселилось сомнение. Смогу ли я признаться тебе во всем? Признание же необходимо. Сильный, когда дело касалось

кары или мщения, я оказался бессильным, желая исправить сделанное мною зло.

Где Максимилиан Моррель? Где Валентина де Вильфор, счастье которой я хотел устроить? Оба погибли в Индии в 1857 году, во время восстания сипаев.

Где Альбер де Морсер, которого я вырвал в Уаргле из когтей фанатиков-убийц? Он пал в Париже в 1851 году, в день рокового переворота, и его несчастная мать, Мерседес, умерла с горя.

И теперь я страшусь своей гордыни, за многое чувствую себя виноватым. Перед тобой, дорогой мой сын, как перед духовником своим, исповедываюсь я.

От своей матери унаследовал ты доброе сердце и кроткий характер. Я же научил тебя любить науку, вселил бодрость духа и энергию. Но, быть может, вместе с этим я одарил тебя и гордыней? Когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко. Да, я уезжаю. Куда и зачем — еще не знаю сам.

Я решился поступить таким образом на следующем основании: до сих пор ты жил лишь мною, смотрел на свет и людей моими глазами, был тверд и неустрашим, потому что возле тебя был я!

Но я человек, которого не сегодня-завтра может

похитить смерть. Поэтому необходимо, чтобы ты начал самостоятельную жизнь. Я вооружил тебя для нее: ты свободен, богат и достиг зрелого возраста. Начни же жить и надейся главным образом на самого себя.

В случае грозящей тебе опасности обратись к Фанфаро, который некогда спас тебя от смерти. Он любит тебя, как сына.

Кроме того, при тебе остается преданный нам сержант Кукушка.

До свидания, обожаемое дитя мое!

Благославляю тебя!

Твой отец и друг, граф де Монте-Кристо.»

2. Виконт де Монте-Кристо

Виконту Сперо де Монте-Кристо минул уже двадцать второй год. Он был высок ростом, строен и отлично сложен. С длинными курчавыми волосами, свежим и здоровым цветом лица и кроткими задумчивыми глазами — он был очень хорош собой.

Бледный и встревоженный, стоял Сперо у письменного стола, перечитывая письмо графа. Наконец он закрыл лицо руками и зарыдал как ребенок.

Потом он отдернул тяжелую штору, закрывавшую часть стены. Глазам его предстал поражающий своим сходством с оригиналом портрет графа Монте-Кристо.

Сперо отдернул такую же штору на противоположной, стене. Озаренная лучами полуденного солнца, на него с портрета смотрела Гайде, дочь Али-Тебелина, графиня Монте-Кристо.

Виконт не сводил глаз с портретов.

— О, дорогой мой отец! — прошептал он.— Только теперь я понимаю, насколько я бессилен и слаб… Я страшусь жизни, боюсь недостойным поступком унизить свое имя!…

Да, Монте-Кристо был прав: он сделал своего сына ученым, но не смог сделать из него философа. Сперо, дожив до двадцати двух лет, привык смотреть на все глазами отца, во всем полагаться на него, ждать от него решений.

И теперь, одинокий и лишенный опоры, он был похож на ребенка, покинутого матерью. Но вдруг, будто собрав всю свою энергию, Сперо решительно вскричал:

— Да, я буду жить! Я хочу этого! Меня не устрашит неизвестность!

Раздался звонок, возвещающий о прибытии гостя. Сперо вновь обратился к портретам своих родителей.

— О, милая матушка!— произнес он громко.— Дай мне твое нежное сердце, пыл твоих желаний и твою чистую, беззаветную любовь! А ты, отец, дай мне свою энергию и силу! Да буду я достоин вас обоих! — И опять скрыл портреты от посторонних глаз.

Вошел Кукушка, державший серебряный поднос, на котором лежала визитная карточка. Сперо взглянул на нее, и радостная улыбка озарила его лицо.

— Просите в столовую,— сказал он,— и подавайте завтрак!

3. Вперед

Сперо сошел в столовую, где его ждал гость. Это был молодой, высокий и хорошо сложенный человек лет двадцати пяти с открытым и веселым лицом.

Виконт протянул ему руку:

— Очень рад, что вы пришли, милый Гонтран. Не знаю, как мне благодарить вас...

— Вы слишком добры, виконт,— ответил гость, которого звали Гонтран де Собранн.

Гонтран был довольно известным живописцем.

Сперо, до сих пор не имевший друзей, горячо привязался к молодому художнику, и между ними установилась тесная дружба.

Вот как это случилось.

Гонтран написал картину, имевшую большой успех на выставке. Виконту она очень понравилась, и он послал к Собранну своего управляющего, поручив ему купить картину. Но художник наотрез отказался продавать ее.

Сперо, удивленный отказом, поехал к живописцу сам в надежде уговорить его.

— Виконт,— сказал ему де Собранн,— вы пред-

лагаете мне двадцать тысяч франков за картину, которую я с трудом продал бы за пятьдесят луидоров, а между тем я ни вам и никому другому ее не отдам. Ваше внимание очень лестно мне, и потому я должен объясниться. С этой картиной связано у меня одно воспоминание, и потому я с ней никогда не расстанусь.

Сперо вопросительно взглянул на него.

— Не думайте, впрочем,— продолжал Гонтран,— что тут кроется какая-то драма. Ничуть не бывало. У меня была любовница, которую я горячо любил. Она страдала чахоткой. Мы часто гуляли с ней в Медонском лесу. Как-то раз до нашего слуха долетели странные, необычные звуки. Мы тихонько подошли… На лесной прогалине стояла молодая цыганка и играла на скрипке…

Никогда я не слыхал раньше подобной игры. Это были какие-то дикие, нестройные звуки, в которых слышался гнев и отзвук пережитого горя.

Долго стоял я в каком-то оцепенении… Как вдруг моя подруга склонилась ко мне на плечо, лишившись чувств. Я отнес ее домой.

Спустя неделю она окончательно ослабела и сказала мне: «Я бы хотела еще раз услышать игру той цыганки!»

Покинуть больную я не мог и поручил отыскать

цыганку своим друзьям. Больная спрашивала каждое утро: «Нашли цыганку?» «Нет»,— отвечал я. Она слабо улыбалась: «Я хочу еще раз услышать ее, и до тех пор не умру!»

На четвертый день она внезапно приподнялась на постели и сказала: «Вот она! Я могу теперь спокойно умирать!»

За стеной нашего садика раздались тихие звуки — играла цыганка. Каким образом узнала больная— о том, что это пришла она?

«Позовите ее в комнату»,— сказала моя бедная подруга.

Я исполнил просьбу умирающей. Цыганка вошла и, не говоря ни слова, заиграла… тихо, чуть слышно…

Бедная моя Эме не сводила с нее глаз и ловила каждый звук. Вруг она привлекла меня к себе, обняла, крепко поцеловала и закрыла глаза. Она умерла.

В этот момент смолкла и музыка.

На этой картине, виконт, я изобразил образ цыганки, и поймите меня, что я не отдам ее ни за какие деньги.

Рассказ Гонтрана, переданный им просто, без всяких прикрас, произвел сильное впечатление на Сперо, но виконт в то время до мелочей подра-

жал отцу и отчасти рисовался своей холодностью и невозмутимостью. Поэтому он сказал самым флегматичным тоном:

— Премиленькая история, сударь, и теперь я охотно дам вам пятьдесят тысяч.

Гонтран был поражен подобным бессердечием и повторил еще раз:

— Эту картину я вам ни за что не продам.

Сперо был тогда недоволен собой, сердился на других, на весь мир.

В какой-то момент, не поверив рассказу художника, он увидел в нем лишь уловку для того, чтобы подороже сбыть картину. Но вскоре понял свою ошибку и на третий день поехал к живописцу.

— Два дня назад я поступил крайне бестактно,— сказал он.— Прошу вас, простите меня.

Гонтран, обладавший добрым сердцем, охотно простил виконта: он ясно видел, что этот гордый юноша не более, чем взрослый ребенок, нуждающийся в опоре, в сочувствии, и полюбил его.

Молодые люди подружились. Гонтран не вызывал виконта на откровенность, зная, что со временем она явится сама собой…

— Мой отец уехал,— сказал Сперо, придвинув Гонт-рану стул и садясь сам.

Зуав подал завтрак.

— Что такое? Когда? — спросил де Собранн.

— Сегодня в ночь.

— Куда же он поехал?

— Не знаю. Он оставил мне коротенькое письмо. Вот и все.

Гонтран не выразил никакого удивления. В этой семье существовали свои порядки… Отец уехал, не простясь с сыном, а сын отнесся к этому вполне равнодушно.

— Итак,— сказал он,— теперь вы свободны и предоставлены самому себе!

— Разве прежде я был в чем-либо стеснен или ограничен? — с грустной улыбкой спросил Сперо.

— Конечно нет! Впрочем, не будем говорить об этом. Я приехал к вам с просьбой.

— Очень рад. Вы знаете, что я весь к вашим услугам.

— Еще одно слово, и вы предложите получить мне из вашей кассы миллиона два-три. Но дело не в том. Я знаю, что вы богаты, и очень богаты, но моя просьба совсем другого рода. Будьте любезны, окажите мне большую услугу.

— Говорите, я вас слушаю.

— Прокатитесь вместе со мной на омнибусе.

— Что такое?

— Не думайте, что я шучу, милый Сперо. Несмотря на ваши миллионы, на всю окружающую вас роскошь, вы несчастливы и вы… страдаете!

— Позвольте…

— Да, вы страдаете, потому что никогда не выходили за известные условные границы. Появление на империале омнибуса вы считаете чем-то неслыханным. Скажите откровенно, влезали вы туда когда-нибудь?

— Нет.

— Когда вы хотите отправиться из дому, что вы делаете? Звоните, и через минуту вам подают экипаж. В театре вас ждут в вашей ложе. В обществе все жмут вам руки: вы видите везде улыбки, точно отлитые на заказ, слышите везде одни и те же заученные фразы… И это вы называете жизнью?

— Почему? — перебил его Сперо,— почему вы раньше никогда не говорили со мной об этом?

— Потому, что я выжидал случая. Вы, миллионеры, совсем не знаете жизни, проходите мимо нее и… скучаете.

Сперо молчал. Ему было неприятно, что художник угадал истину.

— Вы говорили о какой-то услуге? — спросил

он.

— Прежде всего, позвольте мне чокнуться с вами,— ответил Гонтран, налив два стакана хереса.

Виконт, во всем подражавший отцу, с детства не пил ничего, кроме воды.

В первый раз в жизни он отступил от своих правил и, чокнувшись с художником, выпил стакан вина.

— А теперь,— продолжал де Собранн,— я объясню вам, в чем дело. Во-первых, я должен сообщить одну новость, а во-вторых, я желаю кое-что у вас занять…

— Говорите, милый друг.

— Завтра я даю вечер и бал.

— Вы?

— Да, я.

— В вашей мастерской?

— Да.

— Но по какому случаю?

— Это целая история, но я изложу ее вам в двух словах. Когда я еще учился живописи в Риме, то находился под покровительством одного мецената, графа де Веллини. Теперь он приехал в Париж, и я хочу ввести его в наш кружок. В своей мастерской я устраиваю картинную галерею из

произведений моих товарищей… И вот я хотел бы попросить вас, чтобы вы одолжили мне на этот вечер японскую материю и несколько турецких ковров, которых у вас так много.

— Только-то? — с улыбкой спросил Сперо.— Завтра утром я пришлю вам обойщиков, и они в один час все устроят.

— Этого-то именно я и не хочу,— с досадой ответил Гонтран, — обойщики все испортят: разве у них есть вкус? Пойдемте к вам в кладовую и выберем все необходимое. Я свяжу все в узел, взвалю на плечи и унесу домой, там я засучу рукава, возьму молоток и гвозди и все устрою сам.

Виконт в недоумении посмотрел на художника.

— Приходите и вы, голубчик,— добавил Гонтран.— Я буду очень рад.

— Но по вечерам я занят.

— Как вам угодно. Мой адрес вам известен. В числе гостей будут и женщины.

Художник ушел.

Сперо долго смотрел ему вслед — что-то дрогнуло в его душе… Перед молодым человеком открывался новый, до сих пор еще неведомый ему мир!

4. Дженни Зильд

Гонтран де Собранн вернулся домой и немедленно приступил к делу. Спустя несколько часов квартира художника стала неузнаваемой. Стены комнат покрылись тяжелыми турецкими коврами, китайскими и японскими материями, пестрые цвета которых вполне гармонировали с изящной меблировкой и роскошными коврами, покрывавшими пол.

На другой день к девяти часам вечера стали съезжаться гости: одним из первых приехал граф де Веллини, известный меценат и знаток искусств, о котором Гонтран упомянул в своем разговоре с виконтом де Монте-Кристо.

Граф-миллионер оказался милым и любезным стариком, приятным в обращении и весьма скромным человеком. Общее впечатление, им произведенное, было в его пользу.

Вместе с ним приехал его управляющий или секретарь — синьор Фаджиано, человек весьма неприятный. Его беспокойно бегающие глаза, безобразный шрам и вкрадчивые манеры невольно отталкивали. Впрочем, он почти стушевался и лишь по знаку, поданному графом, приближался

к нему.

Вслед за графом приехали г-н и г-жа де Ларсанжи. Г-н де Ларсанжи был видным финансистом и возглавлял банк, основной капитал которого равнялся шестидесяти миллионам франков.

Де Собранн поспешил к вновь прибывшим, но эта поспешность относилась вовсе не к банкиру, а к его дочери, Кармен де Ларсанжи.

Кармен была красивой блондинкой с изящными и грациозными манерами и роскошным бюстом. Воспитанная отчасти на американский манер, она иногда высказывала известную эксцентричность, на которую, благодаря ее громадному состоянию, все охотно смотрели сквозь пальцы.

Тот, кого называли ее отцом, был высокий худощавый старик, державшийся очень прямо. Он страдал тиком, от которого болезненно кривилось его морщинистое лицо.

— Как мне благодарить вас, мадемуазель? — сказал Гонтран.— Я никак не рассчитывал, что на приглашение, посланное вашему батюшке, отзоветесь и вы.

— А почему бы мне и не посетить вас? — с тонкой улыбкой ответила Кармен.— Вы писали с меня портрет, состоите при моей особе живопис-

цем — поэтому, подобно влиятельной принцессе, я и приехала к вам.

Она грациозно оперлась о руку Гонтрана, увлекая его в картинную галерею.

— Мне говорили,— сказала Кармен,— что вы приготовили для ваших гостей два сюрприза. В чем они будут состоять?

— Слыхали ли вы о Дженни Зильд, мадемуазель? -спросил де Собранн.

— Об этой певице, приехавшей из Лапландии или Финляндии?

— Вы ошибаетесь — она приехала из Швеции.

— Эта певица до сих пор нигде не пела, хотя я знаю, что она получила приглашение из Компьена от самого императора…

— И она отказалась,— произнес Гонтран. — Но того, в чем отказано монарху, я добился для вас…

Он слегка пожал ей руку. Кармен повернула к нему лицо, и в ее холодных голубых глазах сверкнула молния.

— Быть может, я оскорбил вас? — тревожно спросил художник.

— Нет,— ответила Кармен.— Но, кажется, меня ищет отец.

Слово «отец» она произнесла с каким-то особым ударением. В этот момент произошло нечто

очень странное и необъяснимое.

Синьор Фаджиано, почти ни с кем не говоривший, расхаживал по комнатам и пристально всматривался во всех и каждого. Случайно он столкнулся лицом к лицу с г-ном Ларсанжи.

Фаджиано быстро отступил, закрыл лицо руками и при этом споткнулся и чуть не упал. Банкир невольно поднял руку, чтобы его поддержать. Фаджиано оправился, поклонился банкиру и удалился.

Быть может, все это было делом обыкновенным, но между тем Гонтран почувствовал, как дрогнула в тот момент рука Кармен, девушка быстро подошла к г-ну Ларсанжи, на лице которого не было и тени заботы.

Это обстоятельство как будто успокоило Кармен, и она сказала Гонтрану:

— А в чем ваш второй сюрприз?

В эту самую минуту слуга доложил:

— Госпожа Зильд! Виконт де Монте-Кристо!

— Вот мой второй сюрприз,— ответил художник и, обратившись к банкиру, спросил:

— Что с вами? На вас лица нет! Вам дурно?

— Нет, нет,— произнес банкир. Но… так жарко здесь… и я бы хотел… пройти на балкон… вы позволите?

И, не дожидаясь ответа, он поспешно скрылся за драпировкой.

Кармен, по-видимому, равнодушно отнеслась к случайному нездоровью своего отца, так как присоединилась к кружку дам.

Гонтран поспешил навстречу своим гостям. При появлении Дженни Зильд в зале послышался одобрительный шепот.

Высокая и стройная, с тонкой талией, в черном тюлевом платье, отделанном китайскими розами, она сразу произвела на всех впечатление.

Ее черные волосы, заплетенные в косы, уложенные в виде диадемы, оттеняли матовую белизну лица, а темно-карие глаза как-то странно мерцали.

Кто была эта женщина?

На этот вопрос никто, даже сам король репортеров, не мог ответить.

На одном из благотворительных спектаклей, в котором знаменитый баритон должен был исполнить дуэт из «Северной Звезды» вместе с певицей, произошел довольно значительный скандал.

Перед началом спектакля секретарь этой дивы объявил, что она из-за «внезапной болезни» в спектакле участвовать не может.

Распорядители спектакля обратились к бари-

тону с просьбой исполнить вместо дуэта арию Ренато из «Маскарада», но артист наотрез отказался и удалился в фойе.

Спектакль начался, но публика, собравшаяся в театре исключительно ради своих любимцев — красавца-баритона и молодой дивы, отнеслась к нему равнодушно, ожидая дивертисмента, в котором должны были появиться ее кумиры.

В фойе на кушетке полулежал баловень публики, покуривая сигару, и на все просьбы распорядителей отвечал:

— И не просите: петь один не буду!

В эту самую минуту из прилегавшей к фойе комнаты раздались звуки пианино и кто-то запел арию Маргариты из «Фауста».

Все встрепенулись.

Голос певицы был чудный, чистый и хорошо поставленный. Все умолкли, мало того — сам знаменитый баритон поднялся со своей кушетки.

Певица закончила арию такой блестящей трелью, что все пришли в восторг, а баритон вскричал:

— Превосходно! Нашей диве так не спеть!

— Кто вы такая? — спросили женщину.

— Какой талант! — восхищались все.

Молодая женщина встала и спокойно посмот-

рела на вошедших.

Баритон поклонился и сказал:

— Может быть, вы споете партию сопрано в дуэте из «Северной Звезды»?

У пианино уже сидел помощник капельмейстера. Он заиграл ритурнель. Певица взяла несколько тактов дуэта, и баритон сказал ей:

— Довольно, сударыня, я вижу, что вы обладаете таким талантом, который и не снился нашей звезде.

Все согласились с мнением артиста.

— Угодно ли вам будет исполнить вместе со мной дуэт? — продолжал баритон.

— Я никогда не отказываюсь от участия в добром деле,— тихо ответила молодая женщина,— не откажусь и сейчас.

— В таком случае,— сказал обрадованный режиссер,— необходимо сделать анонс... С кем имею честь?

Баритон остановил его.

— Можно обойтись без анонса,— сказал он горячо.— Вашу руку, сударыня!

Баритон и певица вышли на сцену.

Увидев вместо своей любимицы незнакомую артистку, зрители изумились, но из уважения к знаменитому певцу не выразили никакого

протеста.

Начался дуэт. Баритон, бывший особенно в ударе, превзошел самого себя, но незнакомка оставила его далеко позади.

Она показала себя более чем первоклассной певицей, а зал театра едва не обрушился от рукоплесканий восторженных зрителей. О колоссальном успехе певицы заговорил весь Париж. Да к тому же здесь подозревали какую-то тайну: после спектакля незнакомка исчезла, как метеор.

Репортеры забегали как угорелые, и лишь через сутки одному из них удалось напасть на ее след.

Певица жила на одной из улиц вблизи Елисейских Полей. В домовой книге она значилась под именем Дженни Зильд, приехавшей из Америки со своим управляющим или камердинером, которого звали Масленом. На основании этих сведений репортер сочинил целую историю с романтической подкладкой, и эта легенда, украшенная различными вариантами, в течение двух недель не сходила со страниц бульварных газет.

Самоубийство одного из выдающихся общественных деятелей отвлекло наконец внимание публики, которая забыла о певице. Но не забыл о ней репортер, доставивший первые сведения о незнакомке.

За два дня до бала у Гонтрана художник получил от Дженни Зильд записку, в которой она просила у него позволения приехать к нему на вечер и, по желанию гостей, исполнить несколько песен.

Де Собранн с радостью согласился и любезным письмом поблагодарил артистку.

Итак, в зал вошла Дженни Зильд, а за ней следовал виконт де Монте-Кристо. Случайно Сперо приехал одновременно с певицей, помог ей выйти из кареты и, входя в зал, был уже наполовину ее кавалером… При появлении Дженни Зильд взоры всех обратились к ней.

Красота певицы, окруженной такой таинственностью и наделавшей столько шума, не имела в себе ничего обыденного. Нежно сложенная, Дженни казалась нервной натурой: ее бледное лицо, черные мрачно сверкавшие глаза дышали какой-то холодной энергией.

Все поспешили ей навстречу.

Дженни коротко отвечала на расточаемые ей любезности и сразу же села за рояль.

Против нее встал виконт Монте-Кристо, не спускавший с певицы глаз.

Он, повинуясь своему отцу, который сказал ему: «Живи!», отрешился от своей замкнутости и

поехал на этот бал.

Наступила глубокая тишина, и Дженни взяла несколько аккордов и запела:

«Когда бы мог, души моей властитель,
Меня ты снова к жизни воскресить,
То для тебя, мой дивный повелитель,
Лишь одного я снова буду жить.

Скажу тебе и повторю я смело,
Святой огонь в душе моей храня:
Люблю тебя… невольно, неумело…
О, полюби!… Не любишь ты меня!

Когда б ты мог меня своей любовью
Хотя на миг случайно одарить,
То я клянусь тебе моею кровью,
Что лишь тебя я стала бы любить.

В тебе одном одна моя отрада,
Тобой одним хочу гордиться я,
Ты божество, ты жизни всей награда…
О полюби!… Не любишь ты меня!

Дженни умолкла. Было тихо. Никто не решился сразу грубыми аплодисментами нарушить

чудное впечатление, произведенное артисткой, и лишь только когда она встала и с легким поклоном отошла от рояля, зал взорвался бурными рукоплесканиями.

Впрочем, один из гостей не двинулся с места, но на его глазах блестели слезы. Этим человеком был… виконт де Монте-Кристо.

Между тем, в одной из гостиных оживленно беседовали Гонтран и Кармен. К ним подошел Сперо.

— Вы видите,— сказал он с тихой грустью,— что я не забыл вашего приглашения, милый Гонтран.

— И хорошо сделали,— ответил де Собранн и затем продолжал: — Позвольте мне, мадемуазель, представить вам виконта де Монте-Кристо.

Сперо поклонился.

— Я в первый раз имею удовольствие встретиться с виконтом в обществе, — сказала Кармен.

— Виконт — человек кабинетный и пренебрегает нашими светскими развлечениями,— заметил Гонтран.

Сперо запротестовал, сказав несколько общих фраз.

— И на вас, мадемуазель,— продолжал художник,— и на ваших очаровательных подруг я

также рассчитываю… обратите на путь истинный этого отшельника.

Кармен, недовольная тем, что виконт не оказал ей должного внимания, кивнула ему головой и отошла в сторону. Гонтран последовал за ней.

— Как он вам понравился?

— Так себе. Я хотела спросить вас об одном: этот виконт — сын графа Монте-Кристо, который имел самые невероятные приключения, всюду являлся романтическим героем и когда-то назывался Эдмоном Дантесом?

— Да.

— Скажите, мой отец был прежде с ним в каких-либо сношениях?

— Право, не знаю, но если вам угодно, то я наведу справки.

— Нет, не надо,— быстро, перебила его Кармен,— пойдемте на террасу — там не так жарко.

Была чудная лунная ночь. Издалека доносился гул никогда не умолкающего города.

— Ах, как здесь хорошо! — невольно вырвалось у Кармен.

Гонтран наклонился к ней, и среди безмолвной ночи раздался звук первого поцелуя.

Вдруг внизу в саду раздался голос:

— Берегитесь, господин де Ларсанжи, вы скоро

узнаете, кто я такой.

Молодые люди вздрогнули.

Кармен наклонилась над балюстрадой террасы, но в саду было уже все тихо… Она быстро отворила дверь и сказала Гонтрану:

— Вернемся в зал!

Они вошли в бальный зал. К Гонтрану подошел Сперо и произнес поспешно:

— Мне необходимо немедленно с вами переговорить с глазу на глаз!

5. Предостережение

Тревожный тон виконта поразил художника. Гонтран, взволнованный сценой, происшедшей на балконе и чувствуя в себе какое-то необъяснимое беспокойство, проводил Кармен в концертный зал и вернулся к Сперо.

— Простите меня за то, что я покинул вас,— сказал он,— но теперь я весь к вашим услугам. Говорите — в чем дело?

Виконт был бледен и молчал.

— Что с вами? — переспросил художник.

— Мой милый Гонтран,— серьезно произнес Сперо,— я никогда в жизни не лгал, и поэтому прошу вас и теперь не сомневаться в истинности моих слов.

— Говорите — я слушаю вас.

— Четверть часа тому назад я стоял здесь, на этом самом месте, слушал дивный голос девушки и замечтался. Вы прошли мимо меня, заговорили со мной… Я ничего не слышал… Вдруг за этой вот драпировкой кто-то явственно произнес: «Виконт де Монте-Кристо… Берегитесь! Вы добровольно идете в приготовленную для вас ловушку, и потому еще раз — берегитесь!»

— Что это значит? Кто говорил с вами?

— Не знаю. Я тотчас поднял драпировку… за ней никого не было.

— В таком случае, это было не что иное, как слуховая галлюцинация.

— Вы ошибаетесь,— нетерпеливым тоном сказал Сперо.

— Может быть, кто-нибудь, видя вас таким задумчивым, захотел пошутить над вами? Положим, шутка глупая, но ничего особенного в этом я не вижу.

— Но тон этой фразы поразил меня своей искренностью,— возразил виконт.

— Полноте, пожалуйста, да во всей этой истории нет ни малейшего смысла! Какая там ловушка? Кто приготовил ее вам? Я? Уж не тем ли, что вырвал вас из вашего одиночества? В ваши лета, виконт, нельзя день и ночь сидеть не отрываясь над книгами. Я даже не рассчитывал на то, что вы приедете, но теперь я очень рад… Забудьте обо всех глупостях и верьте, что я душой и телом предан вам. Дайте вашу руку, и вперед, без страха бросайтесь в пучину жизни!

И с этими словами Гонтран увлек виконта в концертный зал, где в это время по просьбе гостей Дженни Зильд исполняла старинный норвеж-

ский романс.

— Да и в чем могла скрываться ловушка? — продолжал художник.— Уж не в чарующих ли звуках этого дивного проникающего в душу голоса? Или, может быть, в отблеске молнии, которая сверкает в этих чудных глазах?

В этот момент Сперо стоял как раз у рояля, за которым пела Дженни Зильд.

Глаза их встретились. Певица встала и грациозным поклоном ответила на рукоплескания своих восторженных слушателей.

— Дозвольте мне, мадемуазель,— сказал де Собранн,— представить вам одного из ваших поклонников, который желал бы иметь честь…

Виконт не сводил с Дженни глаз, которая тоже смотрела на него, ожидая, быть может, комплиментов или похвалы.

Но тут произошло нечто странное. Толпа гостей немного раздвинулась — Дженни и Сперо остались как бы одни… и вот… с одной из люстр упала свеча… Она коснулась платья певицы, и легкая материя мгновенно вспыхнула…

Крик ужаса огласил зал.

В этот момент Сперо с быстротой молнии бросился вперед, сорвал с окна тяжелую драпировку и, набросив ее на певицу, сжал ее в своих объяти-

ях. Пламя тотчас же погасло, и певица осталась невредимой.

Дженни стояла посреди зала, на ее бледном лице еще блуждала улыбка, и она как будто не сознавала только что миновавшей ее опасности. Закутанная в малиновую драпировку, она выглядела как королева.

Сперо отошел в сторону — как отступает верующий, нечаянно коснувшийся божества.

Дженни протянула ему руку и сказала:

— Благодарю вас!

В это время из толпы, пробивая себе дорогу, вышел человек в ливрее темного цвета, по-видимому, старый слуга, хотя фигурой и выражением лица он напоминал изнеженного и самодовольного служителя алтаря.

— Вы ранены?

— Нет, друг мой,— ответила она.— Это была простая случайность, и я спасена благодаря присутствию духа виконта Монте-Кристо.

При этом она указала на Сперо.

Виконт вздрогнул: голос певицы напоминал голос того человека, от которого он получил таинственное предостережение.

Между тем, в толпе гостей заговорили:

— Кто этот лакей, принимающий столь живое

участие в своей госпоже?

— Это господин Жак,— ответил репортер,— он всегда сопровождает госпожу Зильд, он состоит при ней в качестве управляющего, и его фамилия, кажется, Маслэн…

— Виконт,— сказала Дженни, обратившись к Сперо,— закончите ваше доброе дело и проводите меня до кареты…

И, грациозно подобрав складки драпировки, она оперлась о руку виконта и направилась к выходу.

Управляющий шел впереди, он был очень бледен и едва держался на ногах.

— Еще раз благодарю вас, виконт,— сказала певица, садясь в карету.— Мы еще с вами увидимся, не так ли?

Как под влиянием таинственных чар, Сперо взял протянутую руку и поцеловал ее.

С лестницы спускались гости. Гонтран с Кармен под руку шел за господином де Ларсанжи, а за ними следовали граф Веллини и его секретарь, синьор Фаджиано.

— Виконт,— сказала Кармен,— от имени всех бывших на бале дам благодарю вас… Вы показали себя героем.

Г-н де Ларсанжи закашлялся и сказал:

— Вы поступили прекрасно, виконт!

— Виконт — достойный сын своего отца,— прибавил синьор Фаджиано.

Эти слова, сказанные итальянцем, неприятным образом подействовали на Сперо… У юноши слишком были напряжены нервы и его слегка лихорадило.

Проводив своих гостей, Гонтран подошел к нему.

— Милый Сперо,— сказал он,— хотите, я провожу вас домой?

— Пойдемте,— ответил виконт,— мне душно, и небольшая прогулка освежит меня.

Он отослал карету и вместе с Гонтраном вышел на улицу.

Никто не заметил человека, притаившегося за воротами, который сжал кулаки и, следя за удаляющимся виконтом, прошептал:

— О да, ты достойный сын своего отца! Но, клянусь, недалек тот день, когда я отплачу тебе за все!

Этим человеком был секретарь графа де Веллини, синьор Фаджиано.

6. Старые знакомые

Маслэн и Дженни вернулись домой.

Войдя в комнату, певица в изнеможении опустилась на диван и склонила голову.

Управляющий запер дверь и, подойдя к камину, машинально стал мешать угли. Это был старый человек. Довольно толстый и приземистый, с круглым бледно-матовым лицом, он производил какое-то неопределенное впечатление.

Ему могло быть лет восемьдесят, а между тем его лоб и лицо не были покрыты морщинами. Седые волосы, коротко остриженные, припухшие глаза и какая-то нервная подвижность — такая внешность привела бы в тупик любого физиономиста. Что-то демоническое было в этом человеке.

Скрестив на груди руки, управляющий с состраданием и болью глядел на свою госпожу.

— Вы страдаете? — тихо проговорил он.

Дженни вздрогнула.

— Нет,— ответила она и затем, как бы пробудившись от тяжелого сна, продолжала:

— Вы еще раз повезли меня туда… в это общество, которое никогда не будет моим, и я никогда

больше не поеду к этим людям…

— Они преклонялись перед вами, как перед королевой! — возразил управляющий и, стиснув зубы, опустил голову.

— Зачем вы мне это говорите? К чему напоминаете о том, чему никогда не бывать?

— Но все пришли в восторг от вашего голоса и таланта.

— Какое мне до этого дело! Уйдите, оставьте меня!

Тон ее был резок, почти груб. И в самом деле, по какому праву этот лакей взял такой тон? Маслэн понял это и сказал с грустью:

— Не раздражайте себя, Дженни! Вы знаете, что я всегда буду повиноваться вам во всем…

— Да, я это знаю. Простите меня — я говорила с вами резко и грубо, но вам известно, как я глубоко страдаю!

Он встал, она же простонала:

— О, почему меня не сожгло это пламя? Тогда настал бы конец всем моим мучениям!

Дженни прислонилась к стене, закрыла лицо руками и зарыдала.

У Маслэна тоже на глазах появились слезы.

Засунув руку за сорочку, он, заглушая жгучую боль, ногтями раздирал себе грудь. Маслэн любил

эту чудную красавицу, которая изнемогала под бременем тайного горя. И вместе с тем он не мог утешить ее.

— Дженни… мадемуазель Дженни! Что с вами? Что случилось? Может быть, кто-нибудь вас обидел или оскорбил?

Последние слова он произнес, возвысив голос, и в его глазах сверкнула молния.

— Нет, — прошептала Дженни.

— В таком случае вы просто испугались падения свечи… ради Бога, успокойтесь, я знаю, что вас томят тяжелые и мрачные мысли… Но вы молоды, рождены для счастья! Забудьте прошлое, это необходимо, я прошу вас!

Дженни немного оправилась и смахнула с глаз слезы.

— Да, да… вы правы… я забуду, я должна забыть! Буду благоразумной, простите меня!

Она протянула ему руку. Маслэн отступил.

— Отдохните,— сказал он,— мы завтра поговорим обо всем. Вы знаете, насколько я предан вам…

— О да, знаю! До завтра. Я очень устала.

Управляющий вышел из комнаты и поднялся на верхний этаж. Он жил в мансарде, под самой крышей. Обстановка мансарды была самая

скудная: железная кровать, стол, стул и чемодан, запертый надежным замком.

Войдя, Маслэн запер за собой дверь. Затем он опустился на стул и задумался. Но вдруг, вскочив, ударил кулаком о стол:

— Как же быть? Что предпринять?

Постояв с минуту в тяжелом раздумье, он вынул из кармана связку ключей и открыл чемодан. Там лежало платье и белье, а под ними — мешок и портфель.

Управляющий встряхнул мешок в руке, пожал плечами, развязал его и достал оттуда десяток луидоров, из портфеля — три стофранковых билета.

— И это все,— сказал он с горькой улыбкой.— А завтра нам надо уплатить пятьсот франков! Что с нами будет?... Что ожидает ее? Я бессилен... Бедная Дженни! С какой радостью отдал бы я жизнь за одну только ее улыбку! Впрочем, с ее талантом и красотой, если бы она только захотела... Но ей во всем мешает ее прошлое, созданное мною, и которое она не может забыть! Но я не хочу, чтобы она была несчастлива, не хочу, чтобы она умерла!

Он машинально пересчитывал луидоры и вдруг вздрогнул. Где-то раздался стук.

Управляющий поспешно бросил мешок и портфель в чемодан, запер его, подошел к двери и отворил ее настежь. На темной лестнице было пусто.

— Кто там? — вполголоса спросил Маслэн. Ответа не было.— Мне, вероятно, послышалось,— решил управляющий.

Стук возобновился: послышались частые удары в окно. Он подошел и увидел за стеклом какую-то фигуру. Неужели это вор?

Это было немыслимо — воры никогда не извещают о своих посещениях. Впрочем, из предосторожности Маслэн снял висевший на стене револьвер и отворил окно.

— Кто там?

— Человек, пришедший к вам по делу.

— Ко мне? Но я вас не знаю.

— Неужели? Да отворите же, черт побери!

Незнакомец толчком распахнул окно и забрался в комнату. Маслэн поднял револьвер. В этот момент свет упал на лицо незнакомца, и управляющий страшно вскрикнул.

— Вы? Вы… здесь? — произнес он тоном, в котором сквозило глубокое отвращение.— Уходите отсюда немедленно или, клянусь Богом, я убью вас!

— Оставьте эти громкие, не имеющие отношения к делу фразы, милейший. Убив меня, вы сотворите великую глупость: сюда явится полицейский комиссар, который вас попросит объяснить причину вашего поступка, спросит ваше имя и фамилию. При этом на свет Божий всплывет многое… А поэтому успокойтесь, сердиться вовсе не к чему… Мне кажется, что мы сразу узнали друг друга… Старые знакомые! Вот опять нежданно-негаданно встретились! Да, не везло нам с вами, очень не везло! Ну, да что об этом толковать! Не надо только падать духом, и тогда все пойдет как по маслу!

Незнакомец сел, вынул сигару и спокойно закурил ее.

— Выслушайте меня,— сказал Маслэн.— Зачем вы явились сюда? Между нами все кончено, и мы идем разными дорогами… Вы всегда были олицетворением порока, а я стараюсь как могу исправить содеянное когда-то мною зло. Я не буду вам мешать, не мешайте и вы мне… я забыл о вашем прошлом, забудьте и вы о моем… Ваше имя Фаджиано, мое имя Маслэн… вот и все, а теперь уходите, я не задерживаю вас.

Гость расхохотался.

— Мой милый Ансельмо,— сказал он,— вам,

как бывшему каторжнику, такая гордость совсем не к лицу.

Ансельмо, это был он, бешено вскрикнул и произнес:

— Вы, Бенедетто, остались таким же негодяем!

— Очень может быть,— спокойно возразил Бенедетто,— но теперь дело не в том. Садитесь и потолкуем.

— К чему? Я уже сказал вам, что забыл о вас, и…

— А если я хочу, чтобы вы, наоборот, припомнили все? — медленно и с расстановкой сказал Бенедетто.

Он встал и в упор взглянул на Ансельмо.

— Я хочу,— продолжал бывший каторжник,— чтобы ты припомнил то, что произошло в Бос-сюэ… И с этой целью, рискуя тем, что сверну себе шею, пришел к тебе. Мне нужен свидетель, и этот свидетель — ты!

— Но если я заговорю,— вскричал Ансельмо,— то мне угрожает эшафот…

— Не беспокойся, тебя никто не тронет… Ты, кажется, стал вполне честным человеком, и поэтому отвечай на мои вопросы: да или нет. Помнишь ли ты, что произошло в ночь на 24-е февраля 1839 года?

— И он об этом спрашивает! — прошептал Ансельмо, опустив голову на руки.

— Там, в Боссюэ,— сказал Бенедетто,— за церковью стоял домик…

— Знаю… что же дальше?

— В этом домике временно проживал человек, имевший при себе до миллиона франков. Эти деньги я прикарманил и спокойно уже уходил, но мне попался кто-то навстречу…

— О, замолчите! Если в вас осталась хотя бы искра человеческого чувства, замолчите!

Бенедетто пожал плечами и продолжал тем же тоном:

— По лестнице поднимались двое… Я притаился за дверью, держа наготове нож… И дверь отворилась… Появилась какая-то фигура, и я нанес удар! Мой нож по рукоять вонзился в чью-то грудь…

— Негодяй, ты вонзил его в грудь родной матери!

— Наконец-то припомнил,— циничным тоном сказал Бенедетто. — Да, это была моя мать, но каким образом узнал ты…

— Я встретил эту женщину на дороге… в Оллиольском ущелье.

— И она рассказала тебе свою историю… Она

назвала тебе свое имя?

— Да, и взяла с меня клятву никогда и никому не называть его.

— За исключением меня.

— Ни за что! — энергично произнес Ансельмо.

— И не нужно, мой милый,— со смехом сказал Бенедетто,— я только хотел проверить твою память… Эта женщина была госпожа Данглар.

Ансельмо с грустью опустил голову: он был побежден.

— Что же тебе еще от меня нужно? — спросил он. — На все твои вопросы я, кажется, ответил… Теперь ты уйдешь?

— Погоди, голубчик, дай мне побыть с тобой, когда-то нас связывала тесная дружба — в виде железной цепи!

Ансельмо задумался.

— Я вижу,— сказал он,— что ты пришел ко мне не без цели… Может быть, я могу тебе оказать какую-нибудь услугу?

— Ты, кажется, образумился, голубчик, и это меня радует. Но с чего это ты стал честным человеком? А, погоди! Ты всегда был не прочь приволокнуться за красотками, и, верно, втюрился в какую-нибудь красотку… так, что ли? Надо будет раскрыть ей глаза.

Ансельмо вскочил и схватил своего бывшего товарища за плечо.

— Послушай,— произнес он глухим голосом,— много лет тому назад я был мерзавцем и негодяем, не скрываю этого! Но теперь я отрекся от своего позорного прошлого и действительно стал честным человеком, потому что всей душой и сердцем привязался к бедному, всеми покинутому созданию. Если ты выдашь меня ей, она не переживет этого — а я тебя убью!

Бенедетто слушал все это с той же иронической улыбкой на лице.

— Все это прекрасно,— сказал он затем, меняя тон,— а теперь возьми перо и бумагу и пиши под мою диктовку.

Ансельмо машинально повиновался.

— Пиши: «24-го февраля 1839 года каторжник Бенедетто, бежавший из Тулона, убил с заранее обдуманными намерениями свою мать — госпожу Данглар».

— Это ужасно! — вскричал Ансельмо.— Я не буду этого писать.

— Я заплачу тебе, голубчик, и деньги тебя теперь выручат, так как ты сидишь без гроша.

И с этими словами Бенедетто бросил на стол десять банковских билетов по десять тысяч фран-

ков каждый.

— Я не буду писать,— повторил Ансельмо.

— В таком случае я сообщу в газеты всю правду о той, которая зовется Дженни Зильд.

Как пораженный громом, Ансельмо упал на свою убогую кровать. Затем он схватил перо и быстро написал то, что ему продиктовал Бенедетто.

— Возьми,— сказал Ансельмо, подавая ему бумагу,— возьми и молчи!

— Будь спокоен, голубчик, я человек не болтливый.

Бенедетто просмотрел написанное и прошептал:

— Даже расписался настоящим именем! Тем лучше!

И с этими словами он выскочил в окно и исчез.

— Надо бежать,— вскричал Ансельмо,— ему верить нельзя. Там, в Америке, она начнет новую жизнь, там никто не станет справляться о ее прошлом!

Он схватил банковские билеты, оставленные бывшим каторжником, и спустился в комнату Дженни: она была пуста.

Ансельмо остолбенел… а затем, как безумный, бросился на улицу.

7. Роковой выстрел

Гонтран и Сперо вышли из дома: была чудная лунная ночь. Парк опустел, и город мало-помалу погружался в сон.

Друзья медленно прогуливались, беседуя между собой. Вдруг до их слуха долетел звук выстрела.

— Вы слышали? — вскричал Гонтран.

— Это выстрел!

— Быть может, здесь совершено преступление.

Они бросились в чащу деревьев.

Сперо опередил товарища, и на полянке, озаренной бледным светом луны, увидел лежащую на земле женщину. Он наклонился над ней и вскрикнул: это была Дженни Зильд.

У ее ног на траве лежал револьвер. Сперо, вне себя от отчаяния, взял ее на руки и выбежал на дорогу.

— Виконт! — крикнул ему подоспевший Гонтран.— Куда вы несете труп?

— Она не умерла,-.вскричал Сперо,— нет, нет! Она дышит, она жива, и я не хочу, чтобы... она умерла!

— Но разве вы знаете эту женщину? — воскликнул Гонтран, стараясь рассмотреть лицо

несчастной.

Вдруг он вздрогнул. Лежавшая на руках виконта женщина была окутана тяжелой драпировкой.

— Дженни! — крикнул художник.— Это она?

Несчастная, как будто услыхав свое имя, застонала. Друзья быстро дошли до дома виконта.

Войдя в комнату, в которой прежде жила графиня Гайде, виконт бережно опустил девушку на постель. Увидев ее мертвенно-бледное лицо, Сперо не выдержал: он упал на колени и зарыдал как ребенок.

Гонтран между тем осветил комнату и подошел к виконту.

— Милый Сперо,— сказал он,— что с вами? К чему падать духом? Разве вы не хотите спасти ее?

Сперо встал.

— Да, вы правы… мною овладело отчаяние. Но знайте, что если Дженни умрет… умру и я… потому что… я люблю ее!

Эти слова были сказаны столь искренним тоном, что Гонтран поверил.

Для этого юноши с чистой неиспорченной душой достаточно было одного взгляда и слова, и он поставил на карту всю жизнь.

— Надо срочно осмотреть рану,— сказал художник, и со всей осторожностью расстегнул корсаж

платья Дженни.

На левой стороне груди виднелось небольшое пятнышко. Сперо приложил ухо к груди Дженни и долго прислушивался. Наступила томительная тишина. Наконец виконт поднял голову.

— Она жива,— тихо сказал он, добавив: — Гонтран, принесите мне из моей комнаты шкатулку — она на камине.

К виконту вернулось присущее ему самообладание. После ухода художника, в глазах которого блеснул луч надежды, он приподнял голову девушки.

— Зачем,— тихо сказал он,— зачем искала ты смерти? Неужели не думала о том, что вместе с тобой умру и я? Дженни, Дженни, ты будешь жить, и отныне никто и ничто не разлучит нас!

И, склонившись над несчастной, он поцеловал ее. Этот поцелуй был его немой клятвой.

Сдержит ли ее Сперо?

Гонтран вернулся со шкатулкой в руке:

Виконт открыл ее и достал хирургический зонд.

— У меня не дрожит рука? — спросил он у художника, протягивая ему руку.

— Нет,— ответил Гонтран.

Виконт прозондировал рану.

Эта группа была достойна кисти художника. Дженни казалась спящей, и после поцелуя виконта ее бледное лицо как бы озарилось улыбкой.

— Гонтран,— сказал Сперо,— пуля, к счастью, проникла неглубоко, я нашел ее.

Затем он достал из шкатулки пинцет. Через минуту виконт подал Гонтрану пулю, сказав:

— Спасена!

8. Тайна Дженни

Ансельмо, как безумный, выбежал из дома. Слезы градом текли по лицу старика. После бесплодных поисков, дойдя до набережной Сены, он сел на камень и судорожно зарыдал.

Какая страшная тайна связывала бывшего каторжника и эту обворожительную девушку?

Пятнадцать лет тому назад каторжник Ансельмо в одном из домов местечка Боссюэ, между Тулоном и Марселем, присутствовал при ужасной сцене. Сын вонзил кинжал в грудь родной матери и завладел драгоценностями в шкатулке.

Ансельмо был негодяй, но и он содрогнулся при виде этого неслыханного злодеяния и отказался от своей доли добычи…

— Уходи или я убью тебя,— крикнул он своему бывшему товарищу по каторге.

Убийца бежал, захватив похищенные деньги. Читатель помнит, как он достиг берега и как его выбросило бурей на остров Монте-Кристо.

Ансельмо же, оставшись один, склонился над трупом госпожи Данглар. Вдруг он вздрогнул.

«А если она не умерла? — мелькнуло у него в голове.— Как быть? Позвать на помощь? Но тогда

его сочтут убийцей, не поверят оправданиям и пошлют на эшафот!»

Раздались чьи-то шаги. Ансельмо вскочил на подоконник открытого окна, уцепился за ветви дерева и по ним спустился на землю. Он был спасен.

После долгого утомительного перехода и больших лишений Ансельмо удалось достигнуть границы, и спустя месяц он пробрался в Германию.

В течение десяти лет, честно трудясь, он тихо и скромно жил в Мюнхене. Но потом затосковал по родине, вернулся во Францию и поселился в Лионе.

Раз Ансельмо поздно вечером гулял по набережной Сены. Весь день шел густой снег, было довольно холодно, и он уже хотел вернуться домой, как вдруг на другой стороне улицы раздались крики. Слышались пьяные голоса, брань — очевидно, происходила ссора. Ансельмо, понятно, всегда старался избегать скандалов. Так же он хотел поступить и на этот раз. Ссора перешла в драку, били какую-то женщину.

— Негодяи! — кричала она.— Пустите меня! Мое дитя, дочь моя… Я не хочу… Помогите!

Бывший каторжник остановился, сердце его

как-то болезненно сжалось, и он бросился на ту сторону улицы. Там какая-то женщина отбивалась от трех пьяниц, защищая скромно одетую девочку лет двенадцати.

— Да полно тебе ломаться, Зильда,— кричал осипшим голосом один из пьянчуг.— Гуляла ты с нами частенько, дай же и дочке с нами покутить…

— Поди-ка сюда, милочка, мы тебя научим уму-разуму.

Девочка отбивалась молча, не произнося ни слова. Один из негодяев поднял ее -на руки. Бывшая у нее в руках картонка упала на землю, раскрылась, и тюль и кружева рассыпались по снегу. Девочка глухо стонала и изо всех сил боролась со схватившим ее пьяницей. В этот момент она увидела Ансельмо и крикнула:

— Помогите!

Ансельмо одним ударом кулака сшиб с ног мерзавца, а затем расправился и с его товарищами.

— Будет с вас,— сказал он.— Другой раз поостережетесь.

— О, благодарю вас, сударь,— прошептала девочка, целуя руку своего избавителя.

Что-то дрогнуло в душе бывшего каторжника.

— Но моя мама… смотрите… Боже мой, она

умирает!

Мать девочки без чувств лежала на снегу.

— Я помогу вам донести ее до дома. Где вы живете? — спокойно спросил Ансельмо.

При этом столь обыкновенном вопросе девочка вздрогнула.

— Там… на улице Траншефуан… я вас доведу…

— Так идем.

Ансельмо взял женщину на руки и понес ее. Они дошли до квартала, который пользовался весьма сомнительной репутацией, и углубились в узкий и мрачный переулок.

В подвальных этажах всех домов слышались пьяные голоса, шум, крики и песни, а за красными занавесками освещенных окон мелькали какие-то фигуры.

Отворилась дверь, и хриплый женский голос произнес:

— Вот погода-то! Добрый хозяин собаку на улицу не выгонит!

Девочка ускорила шаг и, наконец, остановилась у тяжелой двери.

В коридоре, подбоченясь, стояла какая-то женщина.

— Куда это вы провалились? — выкрикнула она.— Битых два часа шлялись и…

— Мама умирает,— ответила девочка, придерживая дверь.

На пороге со своей ношей показался Ансельмо.

— Ну вот, опять напилась! — крикнула женщина,— Видно, придется ее завтра вытурить…

— Эта женщина больна,— резко перебил ее Ансельмо, понявший, куда он попал.— Где ее комната?

— Больна? Полно вам врать!

— Сударыня, умоляю вас! — прошептала девочка.

— Ну хорошо… пойдемте, я вас провожу… Но завтра же с ней рассчитаюсь.

Она взяла фонарь и поднялась по лестнице, ступени которой шатались и скрипели… Из нижнего этажа доносились крики:

— А, Зильда явилась! Пусть придет сюда и споет нам песенку!

Больную внесли наверх, старуха отворила низенькую дверь. Все трое вошли в убогую комнату. Здесь на всем лежал отпечаток порока. Ансельмо положил больную на кровать и повелительным тоном сказал хозяйке:

— Пошлите немедленно за доктором.

— Полноте, господин, у нас этого и в помине нет… какого черта она больна… я ее каждый

день на полчаса отпускаю, чтобы она сходила за дочуркой, которая живет в учении… загуляла, знать, и напилась.

Девочка застонала и, опустившись на стул, закрыла лицо руками. Чувство жалости, смешанное с отвращением, пробудилось в душе Ансельмо.

Он жалел эту девочку, перед которой, не стесняясь, говорили о позорной жизни ее матери, и с отвращением глядел на гнусную старуху, которая не щадила в ребенке детской любви и привязанности.

Ансельмо вынул из кармана двадцатифранковую монету и сказал:

— Пошлите сейчас же за доктором, я требую этого.

— Как вам угодно,— ответила старуха.

— И поторопитесь,— прибавил бывший каторжник.

— Сейчас, сейчас!

Старуха тяжело спустилась с лестницы. Ансельмо с женщиной и девочкой остались одни. Женщина лежала без движения, а ее дочь тихо плакала.

Ансельмо был смущен. Он, такой тихий и скромный теперь человек, попал сюда, в этот притон мошенников и негодяев всякого рода. Свой

долг он исполнил: заступился за двух оскорбленных женщин, дал денег на доктора. Теперь надо поскорее уходить, чтобы не попасть в неприятную историю.

Ансельмо вообще избегал всякого столкновения с полицией, которая бывала часто некстати любопытна. Впрочем, после некоторого колебания, бывший каторжник кинул на стол шляпу и сказал:

— Трусость здесь неуместна, и доброе дело надо довести до конца.

До прихода доктора могло пройти с полчаса, а больная нуждалась в неотложной помощи.

Сам Ансельмо в своей долгой скитальческой жизни совсем отвык от людей и не знал, как подступить к несчастной, внушавшей жалость и отвращение.

Он обратился к девочке:

— Милое дитя мое, мне кажется, что…

Девочка обернулась к нему, тусклый свет фонаря осветил ее лицо, и Ансельмо только теперь разглядел ту, за честь которой он вступился.

Это было очаровательное создание. Ей было лет шестнадцать, хотя казалась она почти ребенком.

— Милое дитя мое,— повторил Ансельмо,— надо бы расстегнуть лиф вашей матушке… она

задыхается…

Девочка смотрела на него, как бы не понимая его слов, и на лице ее отражалось полное, глубокое отчаяние.

О чем думал этот ребенок?

— Разве эта женщина не ваша мать? — несколько резко спросил он.

Она, не отвечая, встала и, полузакрыв глаза, подошла к кровати. Больная лежала в полузабытьи… Девушка наклонилась и поцеловала ее в лоб.

Ансельмо отвернулся, и на его глазах блеснули слезы. Девочка быстро расстегнула лиф больной, которая при этом встрепенулась и закричала:

— Нет, нет! Оставьте меня! Я страдаю… Мне больно!

Несчастная впала в бред и хотела соскочить с постели. Дочь бросилась к ней и сказала:

— Помогите, сударь… Одной мне ее не удержать!

Ансельмо поспешил на помощь. Больная уже стояла на полу. Ей было лет тридцать пять, но на вид она казалась гораздо старше.

Ее черные глаза блуждали, руки вцепились в волосы, из груди вырывались глухие стоны. Временами несчастная вскрикивала:

— О, злодей! Негодяй!

Под страшным взглядом больной бывший каторжник содрогнулся и отступил. На лестнице раздались шаги. Вошла хозяйка, за нею доктор.

После беглого осмотра пациентки врач объявил, что его напрасно потревожили — больная находится в безнадежном состоянии. Наскоро прописав какое-то успокоительное питье, он ушел, недовольный, видимо, что попал в такие трущобы.

Ансельмо сам сходил в аптеку за лекарством, и когда вернулся, хозяйка спросила его:

— Позвольте, сударь, спросить вас… Зачем вы принимаете такое участие в нашей Зильде?

— Мне жаль ее… она такая несчастная… Впрочем, к чему этот вопрос? — сказал он.

— А вот к чему: мне тут с ней некогда возиться, только от дел своих отрываюсь. Да, сказать по правде, я не люблю покойников.

— Так что же?

— А вот что: сплавлю ее в больницу, пусть там околевает, когда ей будет угодно…

Каторжник вздрогнул, а затем спросил:

— Скажите, пожалуйста, как зовут эту женщину?

— А кто ее знает… впрочем, паспорт ее у меня

там, в числе прочих… кажется, ее фамилия Зильд или вроде этого, а у нас ее прозвали Зильдой.

— Вы знаете, кто она такая?

— А сами будто не видите? Болталась всю жизнь и попала в конце концов к нам.

— Но у нее есть дочь.

— А черт бы ее побрал с матерью вместе! Только хлопоты и неприятности, а туда же — будто и в самом деле…

Ансельмо задумался.

— Покажите мне ее паспорт и прочие бумаги,— сказал он затем,— и я избавлю вас от всяких хлопот.

— И прекрасно… Сейчас я вам их принесу.

Спустя минуту документы были в руках Ансельмо. Ее звали Дженни Зильд, и родилась она в Швейцарии близ Цюриха. К метрическому свидетельству был приложен вид на свободное проживание, выданный ее отцу от Сицгеймской общины в Эльзасе.

Бывший каторжник изменился в лице и едва удержался на ногах.

— Что с вами? — спросила хозяйка,— Можно подумать, что вы там вычитали Бог знает какие страсти?

— Да,— ответил Ансельмо, заикаясь,— я…

действительно... кое-что вспомнил... Послушайте,— продолжал он затем, немного оправившись,— оставьте эту женщину до утра у себя, а завтра я ее увезу.

— А если она помрет за ночь? Впрочем, и то сказать, в такую погоду и собаку не выгонишь... только кто же при ней останется?

— Я,— твердым голосом сказал Ансельмо,— но об одном прошу вас — удалите дочь...

— Я ей постелю в смежной комнате, и пусть себе спит с Богом. Как бы только не нажить неприятностей.

— Не тревожьтесь, я все беру на себя, и вот вам за ваши хлопоты и беспокойство,— сказал бывший каторжник, подав хозяйке несколько банковских билетов.

Старуха, обрадованнная неожиданной наживой, уступила просьбе Ансельмо. Весь этот разговор происходил в одной из комнат нижнего этажа.

Ансельмо и хозяйка вернулись в конуру где лежала Зильда. Она снова впала в забытье. Ее дочь присела на коврик, лежавший возле убогой постели.

— Милое дитя мое,— кротким тоном сказал Ансельмо,— матушке вашей стало легче. Я оста-

нусь при ней, а вы ступайте и ложитесь — эта старушка проводит вас в комнату…

Девочка тихо и твердо ответила:

— Я не покину маму и никуда не пойду.

Ансельмо удалось все-таки уговорить ее, и она подошла к кровати.

— Мама,— прошептала она,— ты меня слышишь?

— Не будите ее,— сказал Ансельмо,— она спит.

Девочка удивленно взглянула на него.

— А вы? — робко спросила она.— Вы в самом деле останетесь при ней?

— Да.

— Вы знаете маму?

— О нет… впрочем, я… да ложитесь вы скорей: сами на ногах не стоите. Не бойтесь — я отсюда никуда не уйду.

— И позовете меня, если она проснется? Она такая добрая, моя мама!

— Непременно… Даю вам слово.

Девочка поцеловала больную и ушла в каморку, смежную с той, в которой лежала Зильда.

Через четверть часа все затихло — ребенок заснул. Ансельмо снова подошел к больной.

Снизу доносились песни, крики и голоса опьяневших посетителей жалкой таверны. Они

по-своему веселились, и какое им было дело до того, что у них над головой умирал человек!

Да, Зильда умирала… Лицо ее постепенно бледнело и уже исказилось предсмертными судорогами.

Бывший каторжник ходил взад и вперед по комнате, иногда останавливался перед кроватью и, вглядываясь в лицо умирающей, старался воскресить в своей памяти давно забытые, дорогие черты…

Мало-помалу в доме все стихло.

Ансельмо почувствовал какое-то облегчение и, усевшись в ветхое кресло, задумался. Вдруг он вздрогнул.

Из груди умирающей вырвался глубокий и тяжелый стон. Зильда беспорядочно двигала руками, будто искала что-то. Каторжник подошел к ней и взял ее руки в свои.

— Чего вы хотите? — спросил он.— Вам больно? Вы страдаете?

Нет.

— Так успокойтесь… и спите.

На лице женщины появилось нечто вроде улыбки.

— Уснуть… да… сейчас…— прошептала она, а потом произнесла: — Проклятая! Проклятая!

Голос Зильды был какой-то тусклый, и он никоим образом не разбудил бы ее мирно спящую дочь. Лицо несчастной приняло довольно странный вид, а волосы ее как будто моментально поседели.

Ансельмо наклонился к ней.

— О, злодей! — продолжала умирающая.— Я была честной девушкой! А он… мне еще не минуло четырнадцати лет… за что погубил меня? За что опозорил?

Бывший каторжник, затаив дыхание, прислушивался к этому бессвязному лепету, и на его лбу выступил холодный пот.

— Продолжайте,— тихо произнес он и затем прибавил: — Вы жили тогда в Сицгейме…

— Да, в Сицгейме… Там было так хорошо… Я приехала туда ребенком. Там еще была гора… и сосны… и поток. На берегу я часто играла… Все помню. Шалуньей была… смеялись мы… водой брызгались… Веселое было время.

Она захохотала, и смех этот жгучей болью отозвался в душе Ансельмо.

— Вот он приходит… добрый такой, ласковый… подошел и…

Бывший каторжник упал на колени и зарыдал.

— Говори! — прохрипел он.— Ради Бога, го-

вори!

Умирающая соскользнула с кровати и встала перед Ансельмо.

— И… погубил, опозорил навеки,— глухо и злобно прошептала она.

Теперь Ансельмо понял все: эта женщина была Дженни Зильд, которую много лет тому назад он принес в жертву…

— А где дитя? — спросил каторжник, взяв умирающую за руку.

— Это он! — сказала Зильда, отшатнувшись от него.

— Да, это я… я — негодяй, злодей, убийца! Прокляни меня, но ради твоего последнего часа, скажи мне, что сталось с моим ребенком?

Зильда умолкла: последнее усилие ее надломило. Ослабевшей рукой она указала на дверь смежной комнаты.

— Она! Это она? — вскричал Ансельмо.— Это моя дочь!

— Да,— прохрипела умирающая.

И с этими словами, последними словами разбитой, загубленной жизни, Зильда рухнула на пол.

Все было кончено. Она умерла.

Каторжник бережно положил ее на постель и преклонил перед ней колени…

Убийца молился над трупом своей невинной жертвы!

На рассвете Ансельмо постучал в— дверь соседней комнаты. Девочка проснулась и минуты через три вышла к нему.

— Ваша мать умерла,— произнес он.

На другой день после похорон он сказал маленькой Дженни:

— Я был знаком с вашей матушкой, которая, умирая, взяла с меня обещание, что я не оставлю вас. Согласны ли вы жить у меня?

Осиротевшая Дженни, не имевшая ни родных, ни друзей, беспрекословно последовала за бывшим каторжником.

Этот ребенок — «дитя несчастья», выросший в грязной таверне, служившей притоном для воров, мошенников и всякого рода темных личностей, бывший невольным свидетелем самых возмутительных сцен, знал все…

Дженни знала, что ее мать была падшей женщиной. И это сознание — тяжкое бремя позора — подавляло ее.

Ансельмо решил по возможности искупить свое преступление. Он уехал из Лиона и увез с собой Дженни. У него были небольшие сбережения, и на эти скудные средства он принялся за

воспитание девочки.

Дженни была очень умным и способным ребенком, учение шло отлично, она развивалась, но на ее красивом личике постоянно лежало облачко печали.

Случайным образом Ансельмо узнал, что его «питомица» обладает прекрасным голосом. Он очень обрадовался этому открытию, рассчитывая на то, что из девочки выйдет со временем первоклассная артистка.

Его рассчет оправдался, и каторжник полагал, что в знаменитой певице никто не узнает дочь Зильды, скатившейся до трущоб улицы Траншефуан.

Отношение его к Дженни не изменилось. Он был с ней очень почтителен и постоянно держался на известном расстоянии. Сознаться ей в том, что она — его дочь, а он бывший каторжник, у него не хватило сил.

С каким восторгом он был свидетелем ее успеха на благотворительном спектакле и на вечере у господина де Собранна.

В этот роковой для него день он столкнулся там с Бенедетто, который узнал его. Ансельмо вспомнил о страшной ненависти Бенедетто к графу Монте-Кристо, и поэтому решился предупредить

виконта.

Таинственные слова, столь смутившие молодого виконта, были сказаны им. Он так поступил потому, что сознавал и чувствовал, что Дженни и Сперо рождены друг для друга.

Ансельмо полагал, что Дженни лишила себя жизни, чтобы раз и навсегда сбросить с себя лежавший на ней позор.

Сидя на камне на берегу Сены каторжник судорожно рыдал… Вдруг он вздрогнул, услышав какой-то шум.

Кто-то бежал к берегу, это была женщина — она мгновенно вскочила на парапет набережной и, вытянув руки, бросилась в воду.

Быстрее молнии Ансельмо последовал за ней, схватил за платье, но, увлекаемый быстрым течением, скоро ослабел и крикнул:

— Помогите!

Этот крик был услышан двумя проходившими по набережной мужчинами. Они поспешили на помощь, и спасли их.

Ансельмо и незнакомка, оба в бесчувственном состоянии, были перенесены спасшими их лицами в ближайший к реке дом.

Внесеннных в теплую комнату несчастных утопленников положили на мягкий ковер. Спа-

сенная женщина была не Дженни Зильд.

На ковре лежала старуха с побелевшими волосами и смертельно бледным лицом…

Но кто же были неожиданные спасители? Наши старые знакомые — Фанфаро и Бобишель.

9. Красавица с золотыми волосами

Был одиннадцатый час утра.

В своем изящно-роскошном будуаре полулежала на кушетке Кармен де Ларсанжи. На ней был роскошный пеньюар из индийской кисеи, отделанный дорогим гипюром, золотистые волосы, перехваченные широкой лентой голубого бархата, рассыпались по плечам.

Красавица приподнялась и дернула сонетку. В будуар вошла камеристка.

— Где господин де Ларсанжи? — спросила Кармен.

— Барин в конторе, они сошли туда, по обыкновению, в шесть часов утра.

— А теперь который час?

— Половина одиннадцатого.

— Пошлите камердинера к господину де Ларсанжи и скажите ему, что я жду его к завтраку.

Камеристка вышла.

Четверть часа спустя де Ларсанжи вошел в будуар своей дочери и нежно поцеловал ее в лоб. Когда прислуга, накрыв на стол, удалилась, Кармен пожала плечами и сказала старику:

— Ну ладно, старый шут, оставьте эти глупо-

сти.

Банкир вздрогнул и приложил палец к губам. Отец и дочь уселись к столу и приступили к завтраку. Девушка едва прикасалась к еде, зато банкир ел за четверых.

— Кончайте свой завтрак,— сказала Кармен,— мне необходимо с вами кое о чем потолковать.

— Помилуй, милая Кармен…

— Молчите! Без возражений: я к ним не привыкла!

Ларсанжи покорно склонил голову.

Почему дочь позволяла себе таким тоном говорить с отцом?

За кофе Ларсанжи обратился к Кармен:

— Я к вашим услугам,— сказал он,— в чем дело?

— Прежде всего,— резко сказала Кармен,— скажите мне толком, кто вы такой?

— Я не понимаю вас.

— Много лет,— продолжала Кармен,— я нахожусь под тяжким бременем неизвестности. Она меня давит, гнетет, я хочу сбросить ее.

Банкир изменился в лице.

— Но разве тебе чего-нибудь недостает, моя дорогая? — спросил он.

— Я хочу знать,— неумолимо произнесла Кар-

мен.— До сих пор вас окружала какая-то тайна, и вы всегда были олицетворением лжи. Семь лет тому назад сделалась я вашей жертвой — оставшись сиротой, попала к вам в любовницы… это случилось во Флоренции, а во Франции вы выдали меня за свою дочь! Но почему, господин де Ларсанжи, вы не женились на мне?

— Боже мой, потому что…

— Почему? Вы этого не можете открыть, и вся разыгрываемая вами комедия не более чем ширма для ваших гнусных преступлений.

— Кармен, я клянусь тебе…

— Молчите! Так я и поверила вашим клятвам.

— Но что с тобой? Еще два дня назад ты была такая кроткая…

— А теперь во мне произошла перемена. Я согласилась быть вашей любовницей, но никогда не решусь быть вашей сообщницей, и если узнаю тайну, вами скрываемую, то говорю вам: я на вас донесу!

— Ты бредишь, моя милая, я богат, и меня все уважают. Я никого не боюсь!

Кармен встала и посмотрела на него в упор.

— Так почему же вчера на балу у господина де Собранна вы испугались, когда лакей произнес одно имя?

— Ты ошибаешься! Тебе показалось!

— Нисколько! Вы изменились в лице, да и теперь…

На лбу банкира выступил холодный пот.

— Это имя,— продолжала Кармен,— виконт де Монте-Кристо…

— О, замолчи,-крикнул вне себя Ларсанжи и бросился к ней.

Кармен скрестила руки на груди и смерила его таким взглядом, что он отшатнулся.

— А затем, мой милый, с кем это вы говорили в саду и кто осмелился сказать вам: «Берегитесь, де Ларсанжи, вы скоро узнаете, кто я такой?»

— Ты шпионишь за мной? — вскричал банкир.

— Я вас не боюсь… но, не желая быть замешанной в ваших позорных деяниях, я постараюсь раскрыть истину, и тогда покину вас. Но если для самозащиты вы коснетесь тех, кто дорог мне, то я на вас донесу!

— Да замолчишь ли ты?

С этими словами Ларсанжи, как безумный, с ножом в руке бросился на девушку. Но в этот момент появилась камеристка.

— Ваше сиятельство, вас желает видеть какой-то господин… вот его карточка.

Кармен взяла с подноса карточку и прочла

вслух:

— Синьор Фаджиано!

Затем она передала ее банкиру и сказала:

— Ну что же, отец! Уж не этот ли человек должен вам открыть, кто он такой?

Ларсанжи скомкал карточку в руке и почти выбежал из комнаты. Красавица с золотыми волосами посмотрела ему вслед и прошептала:

— Гонтран дружен с виконтом де Монте-Кристо! Я буду настороже!

10. Господин де Ларсанжи

В кабинете банкира, небрежно прислонившись к камину и ни мало не смущаясь окружавшей его роскоши, стоял синьор Фаджиано.

В этом безукоризненно изящном джентльмене вряд ли кто узнал бы бывшего каторжника Бенедетто.

В кабинет вошел Ларсанжи. Он держался прямо и гордо, и на его губах блуждала презрительная улыбка.

— Послушайте, любезнейший,— резко начал банкир,— мы с вами со вчерашнего дня второй раз сталкиваемся. Что это значит? Вчера вы обратились ко мне с каким-то довольно странным требованием, похожим на шантаж. Я не знаю вас. Что вам нужно? Вы не знаете меня. Чего вы требуете? Теперь вы проникли в мою квартиру. Объясните, что все это за комедия? Я терпелив, но всему есть границы. И я в конце концов велю вас вытолкать вон!

Он протянул руку к сонетке.

— Вы, кажется, хотите позвонить? — спросил синьор Фаджиано. — Сделайте одолжение: по крайней мере, при нашей беседе будут свиде-

тели.

Банкир опустил руку.

— Или, может быть, вы этого не желаете? — спросил снова синьор Фаджиано.

— Чего вы хотите? — прошипел де Ларсанжи.— Снимите маску: кто вы такой?

Синьор. Фаджиано подошел ближе и произнес:

— Нет… а между тем…— он злобно расхохотался.— Без лишних слов, господин де Ларсанжи. Вы даете необходимые мне двести тысяч франков, и я исчезаю, как дым.

Ларсанжи вздрогнул, но оправился и сказал ледяным тоном:

— Я не подаю милостыню тем, кого не знаю.

— Вы снова принялись за фразы, но надо им положить конец. Вы не знаете, кто я, зато мне хорошо известно, кто вы!

— Неужели?

— Вам не угодно выплатить мне двести тысяч франков? Скажите, пожалуйста! Прежде вы крали и большие суммы, господин Данглар.

При этом имени Ларсанжи-Данглар содрогнулся.

— Вы лжете! — прохрипел он.

— В самом деле? Вы, кажется, уличаете меня во лжи? За такие вещи вызывают на дуэль. Впрочем,

с мошенниками не дерутся!

— О, негодяй!

Данглар выхватил карманный револьвер и направил его на синьора Фаджиано, но тот быстро ударил банкира по руке, и револьвер выпал.

— Такие игрушки иногда могут оказать не слишком хорошую услугу,— произнес мнимый итальянец, разряжая револьвер,— к тому же и без них обойдемся. Но раз уж вы ударились в мелодраму, я требую не двести, а пятьсот тысяч франков! И если вы мне их не выплатите — я донесу на вас!

— Но что же вы скажете?

— Все то, что знаю,— глухим голосом ответил синьор Фаджиано.— Я расскажу всем и каждому о том, как вы, будучи банкиром, мошенничеством и спекуляциями нажили себе состояние и как встретились с человеком, который раздавил и уничтожил вас. Но вы, по своей живучей натуре, оправились и пошли дальше. Теперь вы переменили имя, и злостный банкрот Данглар превратился в банкира де Ларсанжи! Вас далеко не уважают, но боятся! Так знайте же, что я могу опрокинуть вас в ту же лужу, из которой вы выбрались с таким трудом! Я жду. Выбирайте сами: быть ли мне вашим сообщником, или вашим

обличителем!

Данглар схватился за голову.

— Теперь я узнаю вас,— вскричал он.— Вы — Андреа Кавальканти!

— Вы угадали: я убийца и бывший каторжник Бенедетто… сын господина де Вильфора и вашей жены, госпожи Данглар! Я ее убил, и вот доказательство этого!

С этими словами Бенедетто вынул из кармана бумагу, подписанную Ансельмо.

— Прочтите,— сказал он резко, подавая ее банкиру,— и будьте уверены в том, что я не солгал!

Данглар опустил голову.

— А теперь,— продолжал бывший каторжник настойчиво,— вы уплатите мне деньги и затем будете моим сообщником в мщении тому, кто погубил нас обоих… — графу Монте-Кристо!

— Он непобедим,— прошептал банкир.

— Но у него есть сын! Убив его, мы убьем отца!

— О, при этом условии я ваш телом и душой! Как я ненавижу его! Но действительно ли смерть виконта убьет графа Монте-Кристо?

— Да, клянусь вам в этом!

— В таком случае,— зловещим тоном произнес Данглар,— я ваш сообщник!

Бывший каторжник и бывший злостный банк-

рот пожали друг другу руки, как бы скрепляя клятвой преступный план.

11. Бенедетто начал мстить

В течение трех дней Дженни находилась между жизнью и смертью. Сперо не отходил от ее постели.

На четвертый день в положении больной произошел как бы перелом. Было ли это изменение к лучшему или признак приближения смерти?

Виконт сидел на низенькой табуретке у постели Дженни и сжимал ее руку.

Он долго молчал, не сводя глаз с обожаемой им девушки, прислушиваясь к ее прерывистому дыханию. Наконец Сперо наклонился над Дженни и нежно поцеловал ее. И тут больная открыла глаза.

Лихорадка миновала, и глаза Дженни были ясны как день. На бледном лице появился легкий румянец, и дыхание стало ровнее.

— Дженни! Дженни! — прошептал виконт.— Ты слышишь? Могу ли я остаться здесь, при тебе? О, если б ты знала, как я страдаю за тебя и как охотно пожертвовал бы жизнью за одну твою улыбку! Когда мы встретились на балу, то мне показалось, что мы давно знакомы и встречаемся не в первый раз… Ты являлась мне в моих меч-

тах… зачем, почему же ты искала смерти?

Этот голос пробудил к жизни ту, которая уже была на краю могилы.

— До встречи с тобой,— продолжал Сперо вдохновенно,— я не жил, я прозябал… среди науки и роскоши. Но теперь Я переродился. О, Дженни, могу ли я сказать тебе, как я люблю тебя!

По лицу Дженни как бы скользнула улыбка, которую виконт принял за утвердительный ответ.

— Ты много страдала,— снова заговорил он,— но теперь твоим страданиям пришел конец, я здесь для того, чтобы охранять и защищать тебя. Ты откровенно расскажешь мне все, и мы рука об руку пойдем по тому тернистому пути, который зовется жизнью. Мы убежим из этого шумного Парижа и вдали от света и людей найдем желанный покой… С этой минуты я твой — навсегда и навеки!

Знакомые, много раз повторяемые слова… Старая песня любви!

Дженни не отвечала, но по щеке ее скатилась слеза. Виконт осушил ее поцелуем, и она неслышно прошептала:

— Сперо, я люблю тебя!

По телу виконта пробежала дрожь, и он в немом упоении склонился над своей возлюблен-

ной, нежно поцеловал ее, а затем удалился из комнаты.

Все было тихо. Больная спокойно спала. Вдруг из угла, закрытого драпировкой, вышел человек. Лицо его было закутано черным платком. В руке он держал носовой платок, на который вылил из склянки какую-то жидкость.

Затем незнакомец неслышными шагами приблизился к больной и приложил к ее лицу смоченный жидкостью платок, из него поднялся беловатый туман.

Дженни вздрогнула всем телом, с ее лица исчезла краска — она как будто окаменела. Таинственный гость поднял девушку на руки и исчез, унося ее с собой.

Этот ночной похититель был Бенедетто. Он приступил к своей мести.

12. Надо спасти их

Между тем в доме Фанфаро бывший гимнаст Бобишель и Ирена пытались привести в чувство обоих утопленников.

Их старания наконец увенчались успехом, но оказалось, что Ансельмо был в бреду, а старуха лишена рассудка. На ее груди виднелся рубец от давно зажившей раны.

Ансельмо временами вскрикивал:

— Дочь моя! Она умерла!

— Какая дочь? — спросил Фанфаро.

— Моя дочь, моя Дженни!

Фанфаро ничего не понимал, и все происходящее оставалось для него загадкой. В эту минуту весь красный, в поту в комнату вбежал Бобишель.

— Хозяин,— крикнул он,— с виконтом Монте-Кристо случилось большое несчастье!

— О, проклятье! — вскричал Фанфаро.— Не нам ли обоим поручил его граф?

— Виконт Сперо скрылся из дома — он исчез! Мне сообщил об этом Кукушка.

Фанфаро схватился за голову.

— Каким образом это произошло? — спросил

он после небольшой паузы.

— Виконт вместе с господином де Собранном принес в свой дом раненую женщину…

— Что такое?

— Слушайте, хозяин, не перебивайте. Да, впрочем, вот сам Кукушка, он вам все расскажет подробно.

Подоспевший зуав на вопрос Фанфаро передал все обстоятельства того рокового вечера, когда из дома виконта исчезла раненая девушка, а за нею, неизвестно куда, скрылся и сам виконт.

Фанфаро внимательно выслушал и спросил:

— Ты не знаешь, как звали эту девушку?

— Нет, господин, но вот что я нашел на ковре около ее постели.

И с этими словами зуав подал бывшему гимнасту небольшой конверт с той запиской, в которой Гонтран де Собранн благодарил артистку за ее любезное предложение. На конверте значилось: «Госпоже Дженни Зильд».

— Дженни! — воскликнул Фанфаро.

За его спиной раздался крик. Дверь была отворена, и на пороге с помертвевшим и бледным лицом стоял Ансельмо:

— Дженни! Дженни! Так ли вы сказали?

Он зашатался, и Фанфаро поддержал его.

— Не беспокойтесь обо мне! — крикнул Ансельмо.— Отвечайте мне… не ослышался ли я? Вы сказали… Дженни?

— Да, это имя написано вот на этом конверте,— ответил Фанфаро. Бывший каторжник выхватил у него из рук конверт и прохрипел:

— О дя, я не ошибся! Дженни! Это она… Моя Дженни, моя…

Слово «дочь» замерло на его губах.

— Итак,— произнес Фанфаро,— вы знаете эту молодую девушку?

— Знаю ли я ее? Но она, значит, не утопилась, значит, не ее я спас!

— Нет, но ради Бога, успокойтесь. Надо, чтобы вы припомнили все, так как над той, что вам так дорога, собралась гроза.

— Дженни в опасности? — вскричал Ансельмо.— О, пустите меня! Я хочу уйти отсюда, я хочу…

Он задыхался, шатался как пьяный, и лишь с помощью Фанфаро устоял на ногах… Закрыв лицо руками, он громко зарыдал.

— О, почему я не предвидел этого раньше, Боже? — кричал он. — Злой рок снова преследует меня с тех пор, как я снова столкнулся с этим злодеем Бенедетто!

— Кто тут говорит о Бенедетто?

Эти слова были сказаны глухим голосом.

Все обернулись.

Это была помешанная старуха. Ее лохмотья, седые всклокоченные волосы, исхудалое, искаженное безумием лицо — все наводило ужас.

Ансельмо страшно вскрикнул и отшатнулся, как будто увидел привидение.

— Она! Она! — шептал он.— Неужели мертвые выходят из могил?

Помешанная, не сводя глаз с Ансельмо, приближалась к нему. Она своей костлявой рукой коснулась его груди, злобно расхохоталась и выкрикнула:

— Каторжник! Это он!

И затем, задрожав всем телом, повторила:

— Бенедетто! Кто тут говорил о нем?

— Что все это значит? — спросил Фанфаро.

— Я сознаюсь во всем,— прошептал, склонив голову, Ансельмо. — Да, я был каторжником, и эта женщина сказала правду… но она знает, что я лично никогда не причинял ей зла… Слушай, смотри на меня! Разве я покушался на твою жизнь?

Помешанная, распахнув рубище, обнажила свою грудь, со страшным широким шрамом.

— Да, меня пытались убить! Я много выстрадала… и моя голова… в огне!

— Но кто нанес тебе удар? Скажи, назови его!

Помешанная почти неслышно прошептала:

— И назову! Его звали Бенедетто! И он был… моим сыном!

Все вскрикнули от ужаса.

— Да,— твердым голосом произнес Ансельмо,— есть на свете негодяй, жизнь которого была бесконечной цепью преступлений… Этот человек убил свою мать… Как восстала она из могилы — надо спросить у нее самой… И он, этот проклятый Бенедетто, теперь здесь, в Париже, прибыл сюда для того, чтобы отомстить графу де Монте-Кристо!

Помешанная содрогнулась.

— Монте-Кристо! — сказала она.— Этот человек простил меня.

Больше от нее ничего добиться не могли. На расспросы Фанфаро Ансельмо честно рассказал все, умолчав лишь о том, что Дженни была его дочерью.

— Нельзя сомневаться,— сказал Фанфаро, выслушав со вниманием его рассказ,— что все это — дело рук Бенедетто… Необходимо его найти и изобличить в этом новом преступлении… Ан-

сельмо, хотите ли вы искупить вашу вину?

— Я ваш телом и душой. Спасите Дженни, затем возьмите мою жизнь.

— В таком случае,— с непоколебимой энергией произнес Фанфаро,— приготовимся к ожесточенной борьбе. Сегодня же я уведомлю обо всем графа, который будет здесь через три дня, и к этому времени мы должны встретить его словами: «Граф, ваш сын нами спасен!».

— Тысяча чертей! — вскричал зуав.— Мы это выполним, или я прострелю себе голову!

— Итак, за дело,— сказал Фанфаро и поднялся.— Вы, Ансельмо, пройдете в мой кабинет, мне необходимо еще кое о чем вас расспросить…

Он обратился к помешанной-и положил ей на голову руку.

— Кто вы такая и как вас зовут? — спросил он.

Старуха покачала гололвой и с идиотским смехом ответила:

— У меня нет имени, я умерла!

13. Гонтран и Кармен

Поцеловав впервые Кармен, Гонтран де Собранн стал другим человеком. Он осознал, что с этой минуты всецело принадлежит обожаемой им девушке и решил объясниться с ней окончательно.

«Медлить нельзя! — сказал он сам себе.— Я отправлюсь к ней и открою ей свое сердце»...

В это время в дверях показался слуга.

— Что тебе надо? — спросил художник.

— Час тому назад к вам приезжала дама,— ответил слуга.— Вас не было дома, и она оставила письмо.

Подав письмо, лакей удалился.

Де Собранн вскрыл розовый надушенный конвертик и прочел следующее:

«Мой добрый друг! Простите мне это фамильярное обращение, но дело приняло серьезный оборот, и в письме я вам объяснить ничего не могу. Мне необходимо немедленно повидаться с вами. Жду вас сегодня вечером к одиннадцати часам.

Позвоните с бокового подъезда. Вас встретит моя камеристка. Приходите обязательно. От этого

свидания зависит наша судьба и участь тех, кто дорог вам. Кармен де Л…»

Гонтран был поражен содержанием письма. В назначенный час он был на месте.

Камеристка с лукавой улыбкой ввела его в будуар и удалилась. Минуту спустя в комнату вошла Кармен. В скромном черном платье, с бледным лицом, она была обворожительна.

Гонтран с почтительным поклоном подошел к ней. Кармен протянула ему руку.

— Благодарю, что вы пришли,— сказала она.— Я не смела надеяться…

— Нет, и вам не грешно сомневаться во мне? В том, что я послушаюсь вас?

— Нет, я не сомневаюсь в вас,— с грустной улыбкой ответила Кармен,— и сейчас же докажу, насколько я доверяю вам.

Она придвинула Гонтрану стул, а сама опустилась на кушетку. Наступило томительное молчание… Вдруг Кармен подняла голову и в упор взглянула на художника.

— Любите ли вы меня, Гонтран? — спросила она.

— Люблю ли я вас? — прошептал де Собранн.— Но разве с того вечера…

— Когда я поддалась влечению сердца, да? Но

знайте, вашей женой я никогда не буду.

Гонтран встал.

— Вы звали меня только за этим? — горько спросил он.

— Женой вашей я никогда не буду,— повторила Кармен,— потому что вы честный человек, а я… недостойна вас.

— Что вы говорите, Кармен?

— Я люблю вас,— продолжала молодая женщина,— горячо и беззаветно люблю, но я не имею права. Мне нельзя вас любить.

Она склонила голову, и крупные слезы покатились по ее лицу.

— Вы плачете?

— Да, я плачу, оплакивая мою загубленную молодость и опозоренную жизнь… Да, Гонтран, не быть мне вашей женой, забудьте об этом…

— Почему же?

— Потому что я не дочь, а любовница господина де Ларсанжи.

Болезненный крик вырвался из груди Гонтрана, и он закрыл лицо руками. В таком положении он выслушал грустную историю той, которую полюбил.

Окончив свой рассказ, Кармен сообщила Гонтрану о заговоре, направленном против виконта,

в котором участвовали Ларсанжи и синьор Фаджиано.

— Вы видите теперь,— заключила она,— что я позвала вас недаром.

— О нет,— вскричал молодой человек.— Не знаю, как и благодарить вас! Конечно, в вашем рассказе я не все уяснил себе, но со временем... Виконта Сперо я люблю как брата... для его спасения охотно пожертвую жизнью. И горе тем, кто вызвал нас на эту борьбу!

Затем Гонтран привлек к себе девушку и прошептал:

— Дорогая моя, ваше признание горечью отозвалось в моей душе, но теперь я еще больше уважаю вас... Кармен, любите ли вы меня?

— Разве я имею право любить? — ответила она, склонив голову.

— А я,— спокойно и твёрдо произнес Гонтран,— я люблю вас!

— О, благодарю за эти слова! — вскричала Кармен.— Теперь я, ваша раба, буду здесь настороже, наблюдая за врагом, и когда вы призовете меня, я скажу вам: возьмите мою жизнь!

14. Потайная дверь

Расставаясь с Кармен, Гонтран был глубоко тронут: откровенность и благородство молодой женщины восхитили его, и он еще больше привязался к ней.

С другой стороны, его мучило ее сообщение, что его друзьям угрожает опасность. Де Собранн взял карету и немедленно поехал к виконту.

Подъезжая к дому Монте-Кристо, он был поражен. В окнах не было сбета, и царила глубокая тишина. Художник позвонил.

— Виконт дома? — спросил он у открывшего ему дверь швейцара.

— Нет… барин ушел,— ответил, видимо, смущенный швейцар.

— Когда он вернется?

— Не знаю…

— А сержант Кукушка?

— Тоже ушел часа четыре тому назад, а куда — никто не знает!

В эту минуту у подъезда остановилась карета, из которой вышли Фанфаро, Ансельмо, Бобишель и Кукушка.

— Я был сейчас у вас, господин де Собранн,—

сказал Фанфаро,— и очень рад, что встретился с вами здесь. Нам надо переговорить о весьма важном деле.

— Разве вам уже известно то, что случилось? — спросил Гонтран.

— Почти все. Но войдемте в дом и произведем в нем тщательный осмотр.

Бывший гимнаст и остальные лица вошли в подъезд.

— Позвольте, сударь,— остановил Фанфаро швейцар. Фанфаро молча показал ему перстень, полученный им от графа в день его отъезда. Швейцар склонился перед этим знаком, условная сила которого хорошо была известна всей прислуге графа, отступил назад и сказал:

— Прошу прощения, сударь… Прикажете позвать камердинера?

— Это лишнее,— произнес Фанфаро,— но кроме нас ни под каким предлогом не впускайте никого.

— Слушаю, сударь.

Все пятеро вошли в кабинет виконта. В комнате царил полнейший беспорядок, еще раз доказывавший, что Сперо из дома уехал внезапно.

Кукушка открыл ящик, в котором хранились пистолеты. Он был пуст.

— Виконт захватил пистолеты,— сказал зуав.

— А теперь обсудим, как нам действовать в данной ситуации, — произнес Фанфаро.— Вы говорите, сержант, что виконт ушел вчера вечером?

— Да.

— В котором часу?.

— Не знаю.

— В таком случае необходимо допросить швейцара.

Был вызван швейцар, который показал, что из кабинета выход был только один — через парадную дверь — и что виконт через эту дверь не проходил…

Фанфаро задумался.

— Кукушка,— обратился он к зуаву,— пока ты свободен, ступай в свою комнату, а я останусь здесь с господином де Собранном и Бобишелем.

По его уходе Фанфаро сказал:

— Из показаний швейцара, которому я доверяю вполне, выяснилось одно обстоятельство: виконт покинул дом, скрывшись за потайной дверью. Предполагаете ли вы существование таковой, господин де Собранн?

— Никоим образом,— ответил художник.

— Припомните, что и молодая девушка исчезла

столь же таинственным образом — ее ухода никто не заметил.

— Быть может, вы правы, но этот ход, вероятно, известен одному лишь виконту…

— И врагам графа Монте-Кристо,— добавил Фанфаро.— Дженни, очевидно, похищена, и потому…

— Надо осмотреть ее комнату.

— Без сомнения. Идемте, господа.

Гонтран взял канделябр и пошел вперед. Войдя в комнату, Фанфаро стал посредине и внимательно оглядел пол, стены и потолок. Бобишель отбросил ковер и тщательнейшим образом осмотрел самый паркет. Всю мебель сдвинули с места и ничего не нашли. Затем Бобишель, вскарабкавшись на плечи Фанфаро, исследовал потолок. Исследование потолка тоже не привело ни к какому результату.

— Странное дело,— сказал про себя Фанфаро,— а между тем я чувствую, что мы напали на настоящий след.

Стены комнаты были обиты голубой шелковой материей. Друзья принялись за ощупывание стен. Они нигде не нашли ни малейшей щели или отверстия.

Вдруг Бобишель вскрикнул:

— Хозяин… идите сюда, скорее!

Фанфаро и Гонтран подошли. Из-за складок шелковых обоев торчал обрывок кружева.

— Это кружево от пеньюара Дженни,— воскликнул Гонтран,— я узнаю его.

— А вот и выход,— крикнул Бобишель, втыкая нож в скрытую под складками материи щель.

Фанфаро поспешно приблизился.

— Здесь железная дверь,— сказал он,— которая открывается с помощью пружины.

— Но как ее найти?

— По-моему,— сказал Фанфаро,— тут где-то должна быть кнопка, и ее надо во что бы то ни стало отыскать.

Все трое принялись за поиски, и, наконец, Бобишель, нашедший щель, нашел и кнопку. Ее нажали, и дверь отворилась.

Перед ними открылся длинный, выложенный мрамором и украшенный лепниной коридор. От двери лестница уходила вниз.

Гонтран и Бобишель устремились в коридор, но их. удержал Фанфаро.

— Этим путем,— сказал он,— похищена наша Дженни и скрылся Сперо…

— Сомневаться больше нельзя.

— Итак,— произнес Фанфаро,— вперед, и да

поможет нам Бог!

Они стали спускаться по лестнице.

Но едва друзья ступили на первую ступеньку, как дверь за ними захлопнулась. Почему это случилось? Была ли это случайность или их сторожил невидимый враг?

Фанфаро и его товарищи поспешили вернуться к двери. Но она закрылась и не поддавалась никаким усилиям.

Фанфаро призадумался и затем сказал:

— Отступление нам отрезано, а потому пойдем вперед: где-нибудь тут должен быть выход.

— И мы его найдем,— вскричал Бобишель,— и не в таких передрягах бывали!

Друзья, готовые ко всему, углубились в коридор. Впереди с канделябром в руке шел Бобишель, освещая дорогу.

15. Письмо

Фанфаро угадал…

Сперо, действительно, скрылся этим потайным ходом. Но почему он бежал, не простившись и не предупредив своих друзей?

Потому что исчезновение Дженни свело его с ума. Обезумев от горя, виконт выбежал из дома и в течение нескольких часов бесцельно блуждал по улицам.

Затем он вернулся домой, вошел в будуар Дженни и, упав на колени перед ее постелью, судорожно зарыдал.

Мало-помалу слезы его иссякли, и виконт впал в какое-то оцепенение. Он тупо смотрел в стену. Вдруг ему показалось, что обои зашевелились. Он кинулся туда: перед ним открылась дверь.

Сперо тотчас же сообразил, что Дженни похищена этим путем. Он вошел в коридор, и за ним захлопнулась дверь. Виконт очутился во мраке, но бесстрашно пошел вперед.

Дженни, без сомнения, погибла, и Сперо в безысходном отчаянии искал смерти. Этот коридор был подземным и, проходя под Елисейскими Полями, примыкал к загородному дому графа

Монте-Кристо, в котором он укрывался во время тяжкой борьбы.

Сперо вошел в первую комнату. Там на столе лежало письмо. Вот что он прочел:

«Если сын графа Монте-Кристо не трус и хочет найти похищенную у него особу, то пусть он отправится, не говоря никому ни слова, к некоему Мальверне, живущему в Курбевуа, в Терновом переулке. Там он все и узнает…»

Сперо вскрикнул от радости.

Какое ему было дело, откуда явилась эта таинственная записка и кто прислал ее?

Он напал на след Дженни, и она была жива! Его спрашивали, не трус ли он?

— Нет, я не трус! — вскричал Сперо.— И я покажу моим врагам, что недаром ношу имя де Монте-Кристо! Вперед, и да сохранит меня мой отец!

16. В Терновом переулке

В деревне Кубервуа, в самом конце Тернового переулка, стоял ветхий домишко, покрытый весь зеленоватой плесенью.

В одном из его окон светился огонь. В комнатке с низким потолком у простого деревянного стола, на котором горела лампа, сидел человек. Длинная рыжая борода скрывала нижнюю часть его лица, волосы в беспорядке спускались на лоб. Незнакомец был в черном длинном плаще, на столе лежала его шляпа.

Освещенное тусклым светом лампы лицо хозяина дома было бледно, и судорожно сжатые губы указывали на сдерживаемую злобу. Временами незнакомец шептал:

— Придет ли он? О, проклятье! Когда же придет долгожданный час?

На улице послышались шаги.

Человек вздрогнул, нахлобучил шляпу на голову и схватился за рукоять висевшего у него на поясе кинжала, но тотчас же оттолкнул его рукой.

— Нет,— прошептал незнакомец,— такая скорая смерть будет для него благодеянием.

В дверях раздался стук.

— Кто там? — спросил ожидавший.

— Здесь ли живет господин Мальверне?

— Здесь, входите скорей!

Он отворил дверь, и Сперо вошел в комнату.

— Что вам угодно? — спросил Мальверне.

Виконт быстро огляделся кругом. В комнате, кроме них двоих, не было никого, и если он попал в ловушку, то ему не трудно будет постоять за себя.

— Послушайте,— с твердостью сказал Сперо,— знаете ли вы, кто я такой?

— Нет. Некто приказал мне ожидать здесь прихода человека и исполнить все то, что он прикажет мне. Я пришел сюда и ждал вас. А теперь приказывайте,— я слушаю.

— В таком случае узнайте, я — сын графа Монте-Кристо и обладаю несметными богатствами. Если вы, подчиняясь моей воле, добросовестно исполните возлагаемую на вас задачу, я вас озолочу.

Мальверне злорадно улыбнулся.

— Вы предлагаете мне деньги! За что же, смею вас спросить? Я у вас ничего не спрашиваю, или, быть может, желаю иной награды.

— Говорите, я ничего не пожалею для вас.

— Вполне уверен в этом, а теперь: что же имен-

но вам угодно от меня?

— Какие-то негодяи проникли ночью ко мне в дом тайным ходом…

— И ограбили вас? — с иронией перебил Мальверне.

— Да, ограбили… похитили у меня мое лучшее сокровище… увезли молодую девушку, которую я люблю…

— Ее зовут?

— Дженни! Я требую от вас, чтобы вы отвели меня к ней!

— А если я откажусь?

— То я убью вас! — холодно ответил виконт.

Мальверне расхохотался.

— Нет,— сказал он,— вы не убьете меня. С моей смертью для вас исчезнет возможность найти любимую вами девушку, а потому, виконт де Монте-Кристо, оставьте ваши угрозы — я их не боюсь!

— Итак, вы отказываетесь?

— Нимало! Я только хотел немного сбить вашу спесь. Я нужен вам, а не вы мне, и шансы наши неравны!

— Вы правы,— произнес Сперо,— сознаюсь в своей ошибке… Простите меня!

В глазах Мальверне сверкнула молния. Он

торжествовал! Ведь это был Бенедетто. Сын графа Монте-Кристо, его злейшего врага, был в его руках.

— Благодарю вас,— притворно спокойным тоном сказал бандит,— я не сержусь и готов служить вам.

— В таком случае,— вскричал виконт,— идем, поспешим! Верните мне Дженни и возьмите мое состояние и жизнь!

Бенедетто отворил дверь.

— Проходите, виконт,— сказал он и прибавил шепотом: — О да, я возьму твою жизнь, она в моих руках!

Они вышли из дому.

На улице ревела буря, и Сперо едва мог среди глубокого мрака продвигаться вперед.

Наконец виконт и Бенедетто дошли до берега Сены и остановились у одиноко стоящего домика. В его окнах не было света, но виконту показалось, что в доме поют. Бенедетто обратился к Сперо и сказал:

— Вот тот дом, к которому я должен был привести вас.

— Как? Здесь, в этой трущобе я найду свою Дженни?

— Да, здесь.

— Не может быть! Вы заманиваете меня в ловушку!

— В этой местности,— произнес Бенедетто,— кроме вас и меня в данную минуту нет никого. Неужели же я не мог, если бы хотел того, убить вас?

— Вы правы… но, ради Бога, скажите мне, что вы ошиблись — Дженни не здесь!

В эту минуту до его слуха донесся громкий хохот.

— Пойдемте туда! — вскричал Сперо.— Клянусь Богом, я спасу ее!

Бенедетто взял его за руку — она не дрожала.

— Идемте, виконт,— сказал он.— Вы хотели узнать и узнаете…

Они отворили дверь. Виконт и его спутник вошли в темную комнату, и дверь за ними затворилась.

— Где вы? — спросил Сперо.

Но Бенедетто исчез.

Сперо, продвигаясь вперед, наткнулся на стену. Он очутился в комнате, запертой со всех сторон.

— Негодяй обманул меня! — воскликнул он.

И Сперо, как безумный, стиснув кулаки, ринулся вперед. В это самое мгновение как бы раздвинулась стена, и виконт увидел Дженни…

17. Ловушка

Подобно волшебной панораме открылась перед ним потрясающая картина… В роскошно обставленной и залитой огнями зале собралось веселое общество.

За столом, уставленным серебром и дорогим хрусталем, сидели красивые женщины, которые с бокалами в руках пели застольную песню. Вот ее слова:

Пусть льется кровь и пусть среди мучений,
Среди тревог погибнет род людской:
Нам все равно — для страстных наслаждений
Готовы мы пожертвовать собой…
Пусть нас бранят, а нам какое дело?
Смеемся мы, и в смехе жгучем том
Одной любви мы отдаемся смело,
Не думая, что ждет нас всех потом!

И среди этих жриц порока сидела одна, похожая на привидение, с безумной улыбкой на лице.

Это была Дженни.

Именно ее избрал Бенедетто орудием своей мести.

Похитив девушку у виконта, бандит отнес ее в этот дом и здесь с помощью сильного наркотика привел Дженни в состояние прострации. Дженни видит, слышит и страдает, но воля ее скована и всякое сопротивление невозможно.

Какие ужасные страдания выносила она!

Ее разлучили с любимым человеком и отдали во власть врагу! И перед ней, как живой, возник страшный призрак прошлого. Сперо, не помня себя, ринулся вперед, но между ним и Дженни была преграда — толстое зеркальное стекло… Дьявольская махинация бандита вполне удалась.

Виконт кричал, звал Дженни, но его голос не достигал ее.

Вдруг за стеклом наступила темнота, затем зала снова осветилась. Женщины исчезли — Дженни осталась одна… Отворилась дверь, и в залу вошел старик. Он склонился над девушкой… Это был Ларсанжи-Данглар!

— О, проклятье! — вскричал Сперо.— Я не позволю! Я спасу ее!

И сильным ударом он выбил стекло, бросился на Ларсанжи-Данглара, схватил его за горло и,

как гнусную гадину, отшвырнул на другой конец комнаты. Затем, обхватив руками Дженни, вскричал:

— Дженни, милая Дженни! Это я — Монте-Кристо!

— Монте-Кристо? — раздалось за его спиной.

Сперо обернулся. Данглар стоял на ногах. Лицо его помертвело, и глаза наполовину вышли из орбит.

С лицом, бледным как смерть и залитым кровью от разбитого стекла, Сперо был живым портретом своего отца…

Таким был Дантес в тот день, когда, выданный гнусными своими спутниками, был арестован в Марселе. Обезумев от ужаса, смотрел на виконта Данглар.

— Эдмон Дантес! — вскричал он, и в его глазах засветилось безысходное отчаяние…

Затем он взмахнул руками и как сноп повалился на пол. Внезапный разрыв сердца положил конец его жизни.

Сперо застыл на месте: ему казалось, что он находится под влиянием страшного кошмара. Он склонился над Дженни, которая как будто очнулась. Действие наркотика подходило к концу. Она медленно поднесла руку ко лбу и глубоко

вздохнула.

Забыв о трупе, лежавшем тут же, Сперо упал перед ней на колени и повторил:

— Это я! Я люблю тебя и спасу! Неужели же ты не слышишь? Это я — Сперо!

Дженни открыла глаза, и на ее лице появилось выражение ужаса.

— Сперо! — вскричала она.— Здесь… Нет, нет! Я не хочу! Я проклята!

— О, не говори этого! — сказал виконт.— Я все знаю, дорогая моя! Знаю, что тебя вероломным образом заманили в эту ловушку негодяи! Почему же ты отталкиваешь меня?

Дженни содрогнулась.

— Слышал ли ты песню этих женщин и их зловещий хохот… — сказала она.— Они отпевают меня… Пусти, я хочу умереть!

И в эту минуту за стеной подобно адской симфонии снова раздались песни и смех.

Дженни зашаталась и вскрикнула:

— Я проклята! Прощай…

При этих словах дверь залы отворилась и вошел… Бенедетто!

18. В погоне за врагом

Верная своему обещанию, Кармен стала следить за банкиром, и ее старания наконец увенчались успехом. Ей удалось перехватить записку, в которой было написано следующее: «Все готово, и он не уйдет от нашей мести. Фанфаро, Бобишель и Гонтран заперты в подземелье дома М.-К… Девочка же находится в известном вам доме в Курб… куда красавец С. прибудет лишь тогда, когда все будет кончено. Ф.»

С этой запиской в руках Кармен поспешила в дом графа. Случилось это часа два спустя после того, как Фанфаро и его спутники спустились в подземелье.

Кукушка, удивленный тем, что в будуаре Дженни все затихло, вошел в комнату. Там никого не было. Зуав не верил своим глазам.

— Тысяча чертей! — вскричал он.— Где же они?

В эту же самую минуту в дверях показалась Кармен. Кукушка объяснил ей все, что произошло незадолго перед этим.

— Я знаю, где они,— задыхаясь, сказала Кармен.— Они здесь, в подземелье.

— О, в таком случае,— вскричал зуав, дело это поправимое. Мы освободим их, хотя бы для этого мне пришлось разрушить весь дом и не оставить в нем камня на камне!

Под полом послышался стук, на который Кукушка ответил тем же.

— Это стучат они,— сказал он,-сомнения быть не может… Слушайте: раз, два, три…

Он сосчитал до двадцати пяти, затем стук снизу прекратился.

— Молодцы! За азбуку принялись!

Через несколько минут с помощью стуков, число которых соответствовало определенной букве алфавита, Кармен и Кукушка наконец разобрали фразу: «Под обоями скрыта железная дверь».

Не долго думая, Кукушка содрал со стен шелковую материю и сразу нашел дверь.

Он нажал кнопку, дверь отворилась, и при этом из рук зуава выпал железный лом и остался на пороге.

— Вперед! — крикнул зуав.

Они со свечами в руках бросились вниз по лестнице. Навстречу поднимались Фанфаро, Бобишель и Гонтран.

— Дорогая моя Кармен! — вскричал художник.— Вы явились к нам спасительницей.

Все бросились к двери. Лом зуава задержал ее, и она не захлопнулась. Они были спасены.

Кармен незамедлительно передала записку Фанфаро, который вскричал:

— Что означает это недописанное слово? Где находится этот дом?

— Дорогу к нему покажу вам я,— спокойно сказала Кармен.

Кукушка между тем уже распорядился каретой, и она подкатила к подъезду. Минуту спустя они уже мчались по дороге в Кубервуа.

19. Бенедетто отомстил

Бенедетто вошел в зал.

Это был уже не Мальверне, не Фаджиано и не Кавальканти — нет, перед виконтом стоял бывший каторжник.

Зловещая улыбка скользнула по его изуродованному лицу. Наконец-то настал давно желанный час расплаты. Сын его врага находился в его руках, а Монте-Кристо был далеко.

Поддерживая Дженни, Сперо обернулся к бандиту и вскричал:

— Кто вы такой? Я не знаю этого, но последним мгновением вашей жизни заклинаю: выведите меня из этой ловушки, в которую заманили, и помогите мне увести эту несчастную…

— Виконт,— ледяным тоном ответил Бенедетто,— для помощи вам я не шевельну и пальцем, а эту женщину вы не спасете!

— А, я понимаю… Вы заодно с моими врагами… Но в таком случае я пробью себе дорогу силой! Прочь, негодяй, или я тебя убью, как собаку!

С этими словами Сперо наставил на бандита револьвер.

— Вы, кажется, покушаетесь на убийство, ви-

конт?

— Нет! Я лишь прибегаю к самообороне, а к этой женщине вы обязаны отнестись с уважением…

— Скажите, пожалуйста! — насмешливо перебил его бандит, скрестив руки на груди,— а может быть, она явилась сюда по собственному желанию?

— Вы лжете! Дженни, Дженни! Скажи ему, что он солгал!

Бенедетто отступил.

— Дженни Зильд, по совести и чести скажи виконту, достойна ли ты его?

Дженни молчала и не сводила с него блуждающего взора, ее лицо помертвело, и зубы стучали, как в лихорадке.

— Скажи ему,— продолжал Бенедетто,— может ли дочь падшей женщины, выросшая в трущобах улицы Траншефуан в Лионе, появиться где-нибудь в обществе под руку с виконтом де Монте-Кристо? Итак, Дженни Зильд, припомни свое прошлое и скажи виконту, как звали твою мать и где она умерла?

— Нет, нет! — вскричала Дженни.— Довольно, довольно… Сжальтесь!

— Я не сжалюсь над тобой. А! Виконт полюбил нашу Дженни Зильд! Сведи же его на могилу

своей матери и там помолитесь оба, чтобы Бог благословил ваш союз!

— Замолчите вы, наконец! — вскричал обезумевший виконт.

— Но это еще не все, Дженни Зильд,— медленно и отчеканивая каждое слово, снова заговорил Бенедетто.— Желаешь ли ты, чтобы я сказал виконту де Монте-Кристо, кто был твоим отцом?

— Мой отец? — прошептала Дженни.

— Разве ты забыла того человека, который, случайно зайдя в грязную трущобу, где умерла твоя распутная мать, пригрел тебя? Этот человек — я напомню тебе, может быть, забытое имя — был Ансельмо, бежавший из Тулона каторжник. А теперь, виконт де Монте-Кристо, если ты хочешь вступиться за эту девушку, дочь столь почтенных родителей, то убей меня… Только поднимется ли твоя рука?

Дженни помертвела и упала навзничь.

— Умерла! — вскричал Сперо.— О, негодяй, гнусный лжец! Я убью тебя, но в честном бою… Защищайся!

— Наконец-то! — произнес Бенедетто.

И, распахнув свой плащ, он достал из-под него две шпаги, одну их которых бросил к ногам виконта.

На Сперо бандит смотрел, как на ребенка, и поэтому дуэль была ему на руку. Он был заранее уверен в победе и умышленно томил своего врага.

Виконт взял шпагу и подошел к Бенедетто.

— Кто бы ты ни был,— глухим голосом сказал он,— но ты оскорбил ту, которую я люблю больше жизни, и поэтому я убью тебя.

И бой начался.

Бенедетто дрался, как опытный дуэлянт, и временами скрежетал зубами. Вскоре бандит убедился в том, что его противник далеко не ребенок. Шпага виконта задела его грудь.

— Мужайся, Сперо! — прошептала очнувшаяся между тем Дженни.

Десять раз подряд жизнь бандита висела на волоске…

Сперо понемногу оттеснил его в угол, и Бенедетто испугался. Он зарычал, как хищный зверь. Как? Неужели этот проклятый виконт ускользнет, убьет его и перешагнет через его труп?

Бой становился ожесточенным. В лязге шпаг слышалось что-то зловещее… Бенедетто отступал, и пространство между ним и стеной все более и более уменьшалось.

— Негодяй! — вскричал Сперо.— Твоя жизнь в

моих руках! Раскайся в том зле, которое ты причинил мне, и я пощажу тебя!

— Ты пощадишь меня? — задыхаясь от злобы, сказал Бенедетто.— И ты смеешь говорить мне об этом! Берегись! Я ненавижу тебя… Ненавижу твоего отца!… Убей меня или же я, клянусь Богом, убью тебя!

— Умри же! — вскричал Сперо и быстрым ударом обезоружив врага, направил шпагу прямо ему в грудь. Но в эту минуту раздался выстрел…

Шпага выскользнула из рук виконта, и он, пораженный в самое сердце, упал навзничь к ногам Дженни.

С адской улыбкой на искаженном лице стоял Бенедетто, держа в руке пистолет.

Как же это произошло?

В самом начале Сперо в порыве гнева пригрозил бандиту пистолетом. Гнушаясь убийством, он затем бросил его на стул и вызвал на дуэль своего оскорбителя.

Теряя под собой почву, Бенедетто случайно заметил брошенный виконтом пистолет… Ловко маневрируя, он приблизился к стулу, и скоро пистолет был в его руках…

Вероломный негодяй застрелил своего противника! Сперо в агонии лежал на полу, и Дженни

припала к его груди.

Скрестив на груди руки, смотрел на них Бенедетто… Наконец-то он отомстил! Сын его злейшего врага был им убит. Злодей не мог погубить отца и поэтому нанес ему смертельный удар, погубив его сына.

— Сперо! — рыдая, повторяла Дженни.— Ну, разве ты не слышишь? Это я, твоя Дженни!

Сперо со страшным усилием приподнялся и привлек к себе девушку.

— Прощай… моя Дженни! — прошептал он.— Я люблю тебя… и умираю!

— Я умру с тобой! — сказала Дженни.

Они слились в последнем предсмертном поцелуе и… замолкли навсегда.

Бенедетто стоял неподвижно.

Вдруг он вздрогнул. В дверь громко постучали.

— Виконт! Мы здесь, мы выручим вас! — раздалось за дверью.

Бенедетто бросился к выходу. Дверь трещала под мощными ударами пришельцев: отступление было отрезано.

Бенедетто знал, что его не пощадят и убьют, как собаку, и он не воспользуется плодами своей страшной мести. Он вскочил на подоконник и распахнул окно. Внизу протекала Сена.

Бандит, стоя на подоконнике, ждал. Вот дверь рухнула, Фанфаро и его спутники ворвались в комнату. В этот самый момент Бенедетто вскричал:

— Опоздали! Я убил сына Монте-Кристо!

И с этими словами бросился в реку.

Гонтран наклонился над виконтом.

— О боже! Он мертв! — воскликнул художник.— Он убит!

20. Призрак

В тот самый момент, когда Бенедетто кинулся в Сену, в комнату, где лежали жертвы, ворвался человек.

Это был Ансельмо.

Оставшись один после ухода Фанфаро и его друзей, он в изнеможении опустился на стул… Его била лихорадка.

Помешанная, скорчившись на полу, повторяла одно и то же:

— Сын мой! Бенедетто… мой сын! И он убил меня!

Ансельмо же между тем шептал:

— Дженни, моя Дженни!

И вдруг, как бы под влиянием новой мысли, он выбежал на улицу и направился к дому Монте-Кристо.

В ту самую минуту, когда он приблизился к подъезду, от дома отъехала карета. Бывший каторжник устремился за нею вслед.

Им овладело безумие: он бежал, не чувствуя под собой ног, и, наконец, достиг цели. Когда дверь была выбита и в дом ворвались Фанфаро и его друзья, Ансельмо бросился за ними следом.

В комнате, где разыгралась эта страшная драма, он увидел труп Дженни. Жуткий крик вырвался из груди несчастного:

— Дженни! Моя дочь, моя бедная дочь!

В первый раз в жизни изменил он себе и обнаружил свою грустную тайну. Фанфаро все понял.

— Мужайтесь! — коротко сказал он ему.

Но Ансельмо отпрянул от него и крикнул:

— Убита! Убита им, этим проклятым Бенедетто!

Подбежав к окну, он вскочил на подоконник и со словами: «А теперь, Бенедетто, берегись!» бросился в реку. Никто не успел его удержать.

Бенедетто, прыгнувший ранее, усиленно работая ногами и руками, плыл к противоположному берегу.

Он дрожал за свою жизнь. До сих пор злодей жил для своей мести, а теперь хотел насладиться ею. Издали он станет упиваться страданиями графа, прислушиваться к его рыданиям…

И потому — вперед!

Но вдруг бандит услыхал, что за ним тоже кто-то бросился в воду. Было ясно, что за ним началась погоня.

Собрав все свои силы, Бенедетто устремился к берегу, который был уже совсем недалеко. Нако-

нец, он достиг цели.

Ансельмо вскрикнул: добыча ускользала от него. Бандит вышел на берег и скрылся в темноте. Между тем Ансельмо, совершенно ослабевший, был отнесен течением к затонувшей барке и вскарабкался на нее.

Разбитый душой и телом, он опустил голову на руки и в этом положении оцепенел.

Бенедетто пробирался между деревьями. Вдруг перед ним мелькнула какая-то тень… Она загородила дорогу бандиту.

Бенедетто содрогнулся — перед ним встал живой призрак его матери.

Госпожа Данглар, а это была она, убежавшая вслед за Ансельмо, приблизилась к остолбеневшему бандиту и сказала:

— Сын мой, дорогой Бенедетто! Пойдем! Пойдем же со мной!

И с этими словами она схватила его за руку. Бенедетто не сопротивлялся: его охватил смертельный ужас.

— Пойдем, дорогое мое дитя,— повторила помешанная.— Теперь ты больше не покинешь меня!

Она увлекла его к берегу и взошла на затонувшую барку, где приютился Ансельмо. Неподвижный, широко раскрытыми глазами смотрел он

на них.

Призрак приблизился к краю барки, охватил рукою Бенедетто и вместе с ним погрузился в воду.

Волны Сены сомкнулись над г-жой Данглар и ее сыном-убийцей. Утром на другой день рыбаки, придя на барку, нашли окоченевший труп Ансельмо.

— Должно быть, пьянчуга какой-нибудь,— сказал один из них,— туда ему и дорога!

Вот и все, чем помянули бывшего каторжника. Бенедетто и его мать — вернее, их тела — так и не были найдены.

21. Поздно!

В доме Монте-Кристо царили молчание и печаль. В комнате, обшитой черным сукном, лежали трупы виконта и Дженни. Около них сидели в глубоком горе Фанфаро и Гонтран.

Их измучили угрызения совести.

Уезжая, Монте-Кристо сказал им:

— Вверяю вам моего сына. Берегите его.

Они поклялись ему в этом. А теперь — Сперо убит!

Прошло уже три дня с тех пор, как Фанфаро уведомил графа об исчезновении из дома сына. За три дня Монте-Кристо уже должен был бы достичь Парижа.

На каминных часах пробило половину одиннадцатого. Срок истекал, а граф все не появлялся.

«Неужели,— думали Фанфаро и Гонтран,— придется хоронить виконта, и отец с ним не простится?!»

Пробило полночь. Они вздрогнули.

Дверь без шума отворилась, и вошел человек высокого роста. Это был граф Монте-Кристо.

Бледный, весь в черном, он приблизился к печальному ложу. Фанфаро и Гонтран не сказали

ни слова и не двинулись с места. Это страшное молчание не нарушалось ничем.

Монте-Кристо склонился над трупом Сперо и молча поцеловал его в бледный лоб. Затем, вглядываясь в дорогие черты обожаемого сына, граф пробыл в таком положении несколько минут. Когда же Монте-Кристо поднял голову, волосы его были белы, как свежевыпавший снег.

Граф поднял на руки тело виконта и вышел. Фанфаро и Гонтран тут же бросились за ним вслед. Но Монте-Кристо исчез бесследно, унеся с собой труп своего сына.

Эпилог

АББАТ ДАНТЕС

Это было лет пятьдесят тому назад.

Темной ночью на безлюдном скалистом острове высадился человек. И там, вдали от света и людей, он железным ломом стал долбить каменистую почву… Вдруг он вскрикнул от радости.

Громадные, неисчислимые богатства предстали его глазам… И этот человек гордо выпрямился.

— О, вы,— вскричал он затем,— бросившие меня в мрачную темницу, в которой я томился в течение четырнадцати лет! Вы полагали, что там заглохнет во мне мысль и онемеет тело… Вы, которых я еще не знаю, берегитесь! Дантес восстал из могилы, а выходцы с того света жестоко мстят своим врагам!

О ком он говорил? Этого он и сам еще не знал…

Молодой, доверчивый, смотревший с надеждой в будущее, Эдмон Дантес, счастливый жених прекрасной испанки Мерседес, веселый и довольный, на корабле «Фараон», принадлежавшем арматору Мореллю, возвращался в Марсель.

Дантес должен был получить командование этим кораблем. Его свадьба с красавицей Мерседес была уже назначена. Вдруг посреди празднества обручения явились солдаты и арестовали его.

За что? Какое преступление он совершил?

Кто-то обвинил его в том, что он был в сговоре с Наполеоном, сосланным в то время на остров Эльбу…

Напрасно оправдывался он… Тщетно доказывал свою невиновность государственному прокурору господину де Вильфору.

Ему не поверили, оторвали от обожаемой им невесты и заключили в тюрьму — замок Иф.

В течение четырнадцати лет, показавшихся ему вечностью, томился там несчастный. У него оказался товарищ, другой заключенный, аббат Фариа. Его считали помешанным, так как за свое освобождение он предлагал миллионы…

Лишь Эдмон Дантес смотрел на него как на нормального человека. И проницательный старик открыл ему тайну сокровищ, скрытых некогда кардиналом Спада в пещере уединенного острова, лежащего в Средиземном море.

Кроме того, аббат Фариа дал ему еще и другое сокровище: он наделил его силой воли, энергией

и посвятил его в тайны науки.

И теперь, обладая несметными богатствами кардинала Спада, сильный духом и телом, Дантес стремился лишь к одному: узнать, что сталось с его стариком-отцом и невестой. Он сделает это, а затем отомстит людям, которые опутали его сетью гнусной интриги.

Дантес, который после долгого заключения был неузнаваем, горячо принялся за дело. Он пошел в дом отца.

Отец его умер от нищеты й голода! Его невеста Мерседес была женой другого! И кем же был этот, другой?

Три человека были участниками гнусного заговора, за который Дантес поплатился четырнадцатилетним заключением в лучшие годы своей жизни.

Первый из них назывался Дангларом, желавшим получить командование судном, которое было обещано Мореллем Дантесу.

Второй был жалкий пьяница, слабый и бесхарактерный трактирщик Кадрусс. Третий же — каталонский рыбак, Фернан Монтегю, влюбленный в Мерседес и донесший на Дантеса. Этот Фернан и стал мужем Мерседес.

Жалкий Кадрусс все еще держал трактир на

Гарском мосту. Бывший писец при торговой конторе Данглар стал одним из богатейших банкиров Парижа.

Оставался еще враг, быть может, самый презренный и гнусный. Это был де Вильфор, государственный прокурор, знавший о невиновности Дантеса и подписавший его приговор.

Почему он так поступил?

Потому что на предварительном следствии Дантес, объясняя, что на острове Эльба он получил письмо, содержание которого ему было неизвестно, упомянул в качестве адресата имя г-на де Нуартье — отца прокурора де Вильфора.

И чтобы имя это не было произнесено на суде, де Вильфор сознательно осудил невиновного.

Он отправил его в замок Иф и приказал, чтобы там забыли о заключенном. О нем, действительно, никто и не вспомнил в течение четырнадцати лет.

Таковы были злодеяния, которые требовали кары.

Но существует ли на свете кара, достойная столь неслыханных преступлений? Разве эта гнусная измена не заслуживает мести?

Совесть Дантеса подсказала: иди вперед!

И он, посягнув на права Бога, стал судьей и

карателем. Поочередно он настигал этих людей, хватал их за горло и поражал…

Дантес начал с Данглара. Он разорил и уничтожил его — миллионер познакомился с муками голода, но Дантес пощадил его.

Фернан-рыбак! Как ненавидел он именно его! Дантес увидел Мерседес, ныне графиню де Морсер, и хотел убить ее сына, но слезы матери смягчили Дантеса, ныне графа де Монте-Кристо, и он пощадил ребенка, но не сжалился над отцом…

Фернан Монтегю назывался теперь графом де Морсер. Каким образом приобрел он этот титул и кресло в палате пэров?

Дантес выяснил, что он, овладев доверием Али Тебелина, паши из Янины, затем выдал его врагам. Паша был убит, а Фернан похитил его дочь Гайде и продал ее турецкому купцу. Этого человека Монте-Кристо не мог и не хотел щадить.

И вот в палате пэров гордому графу де Морсер было предъявлено страшное обвинение. Он отрекся от него, заявив, что оно ложно. Тогда выступила Гайде, дочь паши, и представила все доказательства.

Фернан Монтегю, граф де Морсер, был навсегда опозорен. Зная, что виновник его позора — граф

Монте-Кристо, он вызвал его на дуэль.

Тогда Монте-Кристо сказал ему:

— Фернан, взгляни на меня, и тогда ты поймешь, почему ты опозорен и почему сейчас умрешь. Я — Эдмон Дантес!

Пораженный, негодяй бежал и через час пустил себе пулю в лоб.

Очередь была за Вильфором. Ему не за что было ненавидеть Дантеса, он и не вспоминал его никогда. Монте-Кристо явился подобно ангелу мщения.

Г-жа де Вильфор, безнравственная по натуре женщина, из-за наследства для своего сына совершила несколько убийств.

А де Вильфор, судья непогрешимей и неподкупный, узнал о них в тот день, когда над ним разразилась катастрофа.

Этот закоренелый злодей, жертвуя всем ради своего честолюбия, когда-то похоронил живого ребенка, что он прижил с г-жой Данглар.

Этот ребенок был спасен корсиканцем Бертуччио. Мальчик этот, дитя несчастья и преступления, имел самые порочные наклонности. Монте-Кристо нашел его на каторге в Тулоне. Его звали Бенедетто.

Монте-Кристо способствовал его побегу, и

Бенедетто убил трактирщика Кадрусса. А привлеченный к суду Бенедетто столкнулся лицом к лицу со своим отцом — это был государственный прокурор де Вильфор.

Сын обвинил отца в покушении на убийство, и Вильфор, склоняясь под тяжестью этого обвинения, бежал из зала суда.

Вернувшись домой, он нашел жену и сына, умершими от яда. И в эту страшную минуту к нему явился граф Монте-Кристо.

— Господин де Вильфор,— сказал он,— я — Эдмон Дантес!

Вильфор захохотал… Он сошел с ума.

Граф отомстил.

Один, на развалинах прошлого остался Монте-Кристо. Он был богат и всемогущ… А между тем его томила печаль. Он был одинок.

Тогда-то кроткая Гайде отдала ему руку и сердце. И спустя несколько месяцев шепнула ему:

— Надейся, возродишься для новой жизни — скоро я буду матерью!

Все будущее для графа сосредоточилось в этом ребенке. Но Гайде умерла… Сперо погиб…

Страшная игра судьбы!

* * *

Прошло десять лет с той роковой ночи, когда мгновенно поседевший граф Монте-Кристо унес труп своего сына.

Была темная осенняя ночь. Ревела буря, и ветер свободно гонял облака. На высокой скале острова Монте-Кристо стоял человек. Снова, спустя полвека, вернулся он сюда. Этим человеком был Эдмон Дантес.

Уже десять лет жил он в этом уединенном месте. Дни и ночи сменялись обычной чередой, а Монте-Кристо оставался один, прислушиваясь к однообразному шуму волн.

Изредка какая-нибудь гонимая ветром лодка приставала на несколько часов к острову. Монте-Кристо, спрятавшись за скалой, наблюдал за людьми.

Это были контрабандисты — смелые, беззаботные молодцы, по большей части порвавшие всякие связи с обществом. Издали он видел их веселые лица, слышал их смех.

А он, для которого навеки исчезли радость и веселье, прижимал руку к сердцу, которое рвалось на части.

Как-то раз, года два назад, вблизи острова по-

казался катер, державший курс прямо к берегу. На этот раз его гнал не ветер. На палубе стоял человек и, глядя в подзорную трубу, не сводил взгляда с острова. Катер пристал к берегу.

С него сошли незнакомые Дантесу люди. Они тщательно обшарили весь остров. Читатели, может быть, не забыли о том, что довольно много лет тому назад Али и Бертуччио, по приказанию графа, взорвали пещеры, в которых хранились сокровища Спада.

Дантес видел, как эти люди ворочали камни, как они ломом и киркой долбили почву. Он понял все и пожал плечами. Эти авантюристы хотели напасть на след скрытых сокровищ.

В течение нескольких дней работали они без устали. Монте-Кристо знал, что они не найдут ничего. Незаметно для кладоискателей граф приблизился и подслушал их разговор.

— Говорят, что этот остров обитаем,— сказал один из авантюристов.

— В самом деле, матросы уверяли, что иногда на закате солнца на вершине острова появляется человек высокого роста, закутанный в темный плащ…

— Быть может, это не более чем оптический обман.

— О нет! Они стоят на своем и называют этого пустынника аббатом де Монте-Кристо.

— Но мы обшарили весь остров и не встретили его.

— Пожалуй, он давно умер.

— Вероятно, впрочем, для нас он был бы бесполезен, так как не может быть, чтобы при наличии сокровищ отшельник добровольно томил бы себя голодом на этом острове.

— В таком случае,— вскричал один из искателей сокровищ,— принесем, подобно древним, жертву неведомому Богу. Пусть аббат де Монте-Кристо, если он когда-либо вернется сюда, будет к нам благосклонен.

Собрав всю оставшуюся у них провизию и вино, они положили все это на скалистую ровную площадку, затем острием кинжала написали на камне следующие слова:

«Аббату де Монте-Кристо».

Искатели сокровищ уехали. Когда катер исчез из виду, Монте-Кристо подошел к скале, прочел надпись и покачал головой.

— Жалкие безумцы,— прошептал он.— Нет, аббат не исполнит вашего желания. Для Монте-Кристо более не существует земных сокровищ. На этих голых камнях он имеет одно лишь сокро-

вище и сбережет его.

Затем он выбросил в море оставленные ему припасы. Сраженный отчаянием, этот человек принес страшную клятву.

Бывший богач-миллионер, владевший несметными богатствами, убедился в том, что за деньги можно купить все. И Монте-Кристо поклялся, что до конца жизни не прикоснется ни к чему, что приобретено за деньги. Эти люди искали сокровища и ничего не нашли.

Здесь Монте-Кристо был беднее самого жалкого нищего. В течение десяти лет он не прикасался к деньгам.

Чем он питался? Кореньями, жалкими ягодами, росшими на острове, и утолял жажду дождевой водой. Но у него, как он и заявлял, было сокровище…

Монте-Кристо медленно спустился с вершины скалы. По узкой тропинке добрался он до скалистой площадки. Здесь он наклонился и сдвинул с места тяжелый камень. Показалось отверстие, и он спустился в него.

Это отверстие укрылось от глаз искателей сокровищ. По такой узкой тропинке могла бы пробраться лишь газель. И двадцать человек не сдвинули бы вместе этого камня. И если бы в

дело были пущены кирки, то земля обвалилась бы, навеки сохранив под собой тайну сокровищ. Монте-Кристо снова поставил камень на место. Затем, опустившись по лестнице вниз, он очутился в большой пещере.

Как и прежде, в темноте он видел так же хорошо, как и на солнце. Он удалился в глубину пещеры. Там стоял мраморный саркофаг. Это ложе было приготовлено для двоих, и в нем уже покоился человек. Это был Сперо. Он казался спящим.

Монте-Кристо прикоснулся к руке сына.

— Сперо,— серьезным тоном сказал он,— а не настал ли тот день, когда…

Наступило томительное молчание, затем губы мертвеца зашевелились, и в пещере раздалось:

— Приди!

— Я был уверен в этом,— с многозначительной улыбкой произнес Монте-Кристо.

Лицо его преобразилось, вокруг головы засветилось сияние.

— Иду, сын мой,— сказал он.— Подожди, я должен сначала выполнить свою задачу.

Он вынул из кармана пергамент и, облокотившись на саркофаг, тихим голосом прочел:

«Мое завещание:

Пусть те, которые найдут эту рукопись, прочтут ее хладнокровно. Пусть они не поддаются игре воображения.

Человек, который скоро отойдет в вечность и подпишет свое имя на этом пергаменте, был некогда более могущественен, чем властелины земли.

Он страдал, любил и ненавидел, как никто. Страдания, любовь и ненависть — все прошло, все забыто, все умерло в нем. Он убил в себе даже воспоминания.

Он не забыл лишь обожаемого им сына, с которым рядом и умрет. Умрет одиноким, вдали от света и людей. Этот человек все знал, кроме тайны смерти. Он был богат, а теперь умирает от голода, как нищий.

Так он хотел… Почему?

Чтобы покарать себя. Прежде он сомневался, а теперь убедился в том, что шел по ложной дороге. Он хотел подчинить себе все. Он явился судьей-карателем и, карая виновных, поразил самого себя.

Назначение человека на земле неразрывно связано с выполнением им человеческого долга. Тот, кто готовится к смерти, служил лишь своему эгоизму.

Он клонит выю и раскаивается. Раскаивается в том, что, обладая миллионами, не употребил их на пользу ближнему. Теперь он умирает.

Наследников у него нет и быть не может. У этого нищего есть, однако, где-то скрытые баснословные богатства: на шестьсот миллионов франков золота и драгоценностей. Кому он их откажет? Слепому случаю…

И пусть тот, в чьи руки попадут эти сокровища, употребит их с большей пользой, чем это сделал завещатель. Во имя человечества привет тому, кто прочтет эти строки.

Мое настоящее завещание составлено и подписано мною в здравом уме и твердой памяти.

25 февраля 1865 года.

Аббат Дантес».

Заключив пергамент, на котором были начертаны таинственные знаки, в хрустальный сосуд, Монте-Кристо поднялся наверх и бросил сосуд в море, которое поглотило его тайну.

Затем он вернулся в пещеру, лег рядом с мертвым сыном, скрестил руки на груди и заснул навеки.

* * *

Часто те, кому он был дорог, со слезами на глазах вспоминали о нем.

Но никогда не узнали они о том, где же скончался тот, кого называли Эдмоном Дантесом, графом де Монте-Кристо.

Конец